

к.26.89(253.3)

3-30

Западная Сибирь:
история и современность

Выпуск VIII

ИСТОРИОГРАФИЯ

А.М. Яковлева

А.А. Дмитриев и С.А. Адррианов: полемика о «сибирском вопросе»

Со времен Г.Ф. Миллера вопрос о покорении Сибири представлял немалый интерес для исследователей, оставаясь одним из самых дискуссионных в отечественной историографии. Спорность его во многом определялась противоречивостью основных источников, ранних сибирских летописей — Строгановской и Есиповской (*далее* — СЛ и ЕЛ). К 1890-м годам полемика была сведена к двум положениям: о достоверности известий СЛ о походе Ермака, о роли семейства Строгановых в деле присоединения Сибири. Дискуссия развернулась на страницах Журнала Министерства народного просвещения, где позиции сторонников строгановской версии отстаивал А.А. Дмитриев, его оппонентом выступал С.А. Адррианов, отдававший предпочтение истории сибирского «взятия», изложенной С. Есиповым.

А.А. Дмитриев в 1894 г. на страницах альманаха «Пермская старина» представил обзор сложившихся к тому времени в отечественной науке мнений по сибирскому вопросу и объединил исследователей в три группы, взяв за основу их трактовку событий относительно известий СЛ.

В первую группу вошли «отец сибирской истории» Г.Ф. Миллер, автор «Сибирской истории» 1774 г. Фингер, князь М.М. Щербатов и создатель «Истории России» Д.И. Иловайский. Первые три исследователя СЛ не знали и строили свои выводы, полагаясь на Ремезовскую летопись (*далее* — РЛ), по которой участие Строгановых в завоевании Сибири было вынужденным. Д.И. Иловайский считал, что сибирский поход был предпринят с обоюдного согласия Строгановых и Ермака, по инициативе исходила от атамана.

Вторая группа исследователей — П.И. Небольсин и М.П. Погодин — отстаивала мнение о том, что ЕЛ является самым ранним и беспристрастным источником по изучению истории Сибири, тогда как сочинение С.У. Ремезова, как более позднее и малодостоверное, не может служить

основанием для научных выводов. А.А. Дмитриев видел ошибку этих исследователей, в частности М.П. Погодина, в том, что они слишком доверяли известиям ЕЛ, не подвергая их критике.

Третья группа объединила С.М. Соловьева, Н.Г. Устрялова, Л.Н. Майкова — исследователей, разделявших мнение Н.М. Карамзина о достоверности известий СЛ, решающей роли Строгановых в организации сибирского похода Ермака и выступавших с критикой положений П.И. Небольсина и М.П. Погодина¹.

Сам А.А. Дмитриев не подвергал сомнению достоверность СЛ как исторического источника, считая, что она нуждалась только в дополнительном обосновании, более того, исследователь выступил с критикой некоторых известий строгановского летописца, основываясь на сравнительном анализе всех доступных для него на тот момент источников. Исследователь утверждал, что в его распоряжении находилось самое полное собрание рукописных текстов, имеющих отношение к семейству именитых солепромышленников, которое могло бы соперничать только с архивом самих Строгановых².

А.А. Дмитриев определил, что разночтения ЕЛ, РЛ и СЛ в трактовке начального этапа экспедиции Ермака и предшествовавших ему событий определяются временем и местом создания источников. СЛ исследователь называет «местной Великопермской летописью»³, автор которой не покидал пределов Перми Великой, что подтверждается ее сведениями о географии сибирского похода. А.А. Дмитриев отмечал, что составитель СЛ лучше знал топономику Приуралья и смог подробнее, чем С. Есипов или С.У. Ремезов, описать путь ермаковцев в Сибирь, но при этом имел туманное представление о землях за Уралом. Последнее, считал исследователь, позволяет усомниться в известиях СЛ о деятельности казаков в Сибири⁴. Исследователь считал, что РЛ, несмотря на ошибочное изложение хронологии событий, в некоторых случаях вызывает больше доверия, чем СЛ, как сочинение «наиболее богатое фактическими подробностями»⁵.

---

¹ См.: Дмитриев, А.А. Строгановы и Ермак // Пермская старина. Вып. IV. Пермь, 1892. С. 33, 42–45, 49, 58, 60.

² Дмитриев, А.А. Покорение Угорских земель и Сибири // Пермская старина. Пермь, 1894. Вып. V. С. 187.

³ См.: Там же. С.143.

⁴ См.: Там же. С.167.

⁵ См.: Там же. С.182.

А.А. Дмитриев привлек наряду с СЛ, ЕЛ и РЛ обнаруженное им в 1890 г. «Сказание Сибирской земли» (далее — «Сказание») и царские грамоты. Особое значение исследователь придавал грамотам от 6 ноября 1581 г. и 16 ноября 1582 г.: первая — реакция царской администрации на жалобу Семсена и Максима Строгановых на Никиту Строганова за неоказание им помощи в обороне чусовских городков от татар; вторая — ответ на донесение пермского восводи Пелепелицина на Никиту и Максима Строгановых относительно отсылки ими Ермаковой дружины в Сибирь в условиях военной угрозы для столицы Перми Великой. Исследователь считал, что именно царские грамоты, а не известия СЛ позволяют с уверенностью говорить не только об участии Строгановых в организации похода Ермака, но и указывают на их ведущую роль в этом.

Обратившись к сохранившимся архивам царских грамот, А.А. Дмитриев нашел обоснования заинтересованности именитых солепромышленников в освоении Сибири. Исследователь приводит данные царской грамоты от 30 мая 1574 г., по которым Строгановым отходили земли за Уралом по рекам Тобольского бассейна — Лозьва, Ю. Сосьва, Тура и др. Освоение обширных территорий, заселенных пусть и малочисленными, но недружественными народами, не могло проходить без вооруженного вмешательства. А.А. Дмитриев, по данным официальных документов, установил, что Строгановы не раз прибегали к помощи казаков⁶, однако в 1574 г. им запрещено было нанимать беглых и оказавшихся вне закона. Тем не менее промышленники рискнули и призвали с Волги Ермака, о чем и говорится в СЛ.

Строгановский летописец и автор «Сказания» упоминают о «ласковом» обращении Строгановых с Ермаком, что, по мнению исследователя, подтверждает, что Ермак с казаками были призваны на службу, а не явились в Пермь по своей воле. Доказательства существования связей между Ермаком и Строгановыми до сибирского похода А.А. Дмитриев находит в «Сказании», где приводятся пояснения якобы самого Ермака о своем происхождении. Отец атамана от бедности бежал в строгановские вотчины на Каме, сам он ходил у Строгановых на судах по Каме и Волге, откуда и сбежал, набрав ватагу. Исследователь не сомневается в достоверности данного известия и приписывает его Ермаку вслед за автором «Сказания»⁷.

⁶ См.: Дмитриев, А.А. Роль Строгановых в покорении Сибири // Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМП). 1894. № 1. С. 18, 23, 24.

⁷ См.: Там же. С. 26, 27, 31.

Для обоснования своей гипотезы о призвании Ермака Строгановыми А.А. Дмитриев обратился и к вещественным памятникам. Так, он ссылается на дарственную надпись на ружейном стволе, пожалованном Ермаку Максимом Строгановым «в лето 7090», подлинность которой подтверждается хронологическими данными СЛ. Исследователь отмечает, что и имя дарителя более чем уместно, т.к. РЛ и «Сказание» указывают на Максима Яковлевича как на активного участника в подготовке сибирской экспедиции, который мог вручить атаману подарок, приехав на Каму к брату⁸.

А.А. Дмитриев отмечал при этом, что достоверность некоторых известий СЛ нельзя принимать на веру. Более того, нельзя полагаться только на летописные известия вообще — следует обращаться к царским грамотам. Исследователь пришел к выводу, что сообщение СЛ о том, что Строгановы лично доложили царю о взятии Сибири в 1581 г., так же как и данные о некоем послании Ермака, доставленного в Москву после, являются ложными. Они не подтверждаются другими летописями и противоречат официальным документам, в частности опальной грамоте от 16 ноября 1582 г. По мнению А.А. Дмитриева, данный документ свидетельствует о том, что опальные солепромышленники не могли приехать в Москву по собственной воле в 1581 г., тем более получить земельные пожалования в том же году⁹.

Опираясь на полученные в результате изучения источников данные, А.А. Дмитриев предложил сторонникам есиповской версии «взятия» Сибири ответить на вопрос, почему именитые солепромышленники, деятельные люди, умевшие постоять за свои интересы, отказались от привилегий и прямой выгоды в Сибири, хотя имели широкие полномочия, заверенные царской грамотой.

Ответ не заставил долго ждать. С критикой построений А.А. Дмитриева выступил С.А. Адрианов, исследователь, первый предпринявший попытку выявить протограф ЕЛ и СЛ. В его построениях ЕЛ восходит к Синодику Ермаковым казакам 1621 г., является древнейшим памятником по истории Сибири. СЛ, по мнению исследователя, более поздний памятник и является редакцией ЕЛ, РЛ также восходит к сочинению С. Есипова.

⁸ См.: Дмитриев, А.А. Роль Строгановых в покорении Сибири... С. 33.

⁹ См.: Дмитриев, А.А. Покорение Угорских земель... С. 187, 188.

С.А. Адрианов обвинил А.А. Дмитриева в «излишней догматичности и поверхностном отношении к источникам» и обратился к критике источниковой базы последнего. Так, С.А. Адрианов указал на необходимость установить более точно дату создания «Сказания» с тем, чтобы в полной мере отнести этот памятник к весомым источникам по сибирскому вопросу. Исследователь отметил, что пространная датировка, приведенная А.А. Дмитриевым (около 1633 г. — не позднее второй половины XVII в.) не позволяет этого сделать, т.к. неясно, следует ли считать это сочинение самой ранней сибирской летописью или позднейшей компиляцией, источником сомнительной ценности¹⁰.

С.А. Адрианов полагал, что первое вряд ли возможно, поскольку указанные его оппонентом фрагменты текста об Абатском острове, устроенном в 1633 г., и о происхождении вагайских старожилов того времени от золотоордынских татар не могут служить весомым доказательством в пользу древности памятника. Более того, исследователь указал, что язык и стиль «Сказания» неумело имитирует язык XVII столетия, что не может не вызывать сомнений относительно древности сочинения. При этом С.А. Адрианов не делал попытки представить детальный анализ, ограничился лишь несколькими фразами, приведенными в качестве примеров¹¹.

Наличие ружейного ствола с отлитой дарственной надписью Ермаку от М. Строганова с датой начала похода для С.А. Адрианова не оказалось весомым аргументом в пользу участия солепромышленников в организации сибирской экспедиции казаков. Исследователь отметил, что, при отсутствии в Прикамье оружейных заводов и скорости передвижения в то время, трудно предположить, чтобы подобный заказ был оформлен и отлит заблаговременно, тем более с указанием в надписи точной даты отправки отряда в Сибирь. С.А. Адрианов прямо не называл ружейный ствол позднейшей подделкой, однако его скептицизм предполагал подобное заключение¹².

С.А. Адрианов указал А.А. Дмитриеву на противоречивость его суждений о достоверности известий СЛ: одни из них он склонен принимать на веру, а другие трактует как ложные. По мнению С.А. Адрианова, исторический источник не может пользоваться доверием у исследователя, если его автор был уличен в преднамеренном искажении фактов. Сам исследователь указал по меньшей мере на два фрагмента СЛ, в которых прослеживается претенциозное изложение событий (об отсылке Ермаком сообщения о поко-

¹⁰ Адрианов, С.А. К вопросу о покорении Сибири // ЖМНП. 1893. № 4. С. 13.

¹¹ Адрианов, С.А. Пермская старина // ЖМНП. 1894. № 7. С. 194, 195.

¹² Там же. С. 196.

рении Сибири в Москву и о количестве ополченцев, набранных атаманом в строгановских вотчинах), которые разрушают тезис А.А. Дмитриева о достоверности известий СЛ о событиях похода на территории Перми¹³.

При этом С.А. Адрианов не допускал мысли, что и С. Есипов мог умышленно исключить сведения об участии Строгановых в присоединении Сибири из рассказов очевидцев и участников событий в угоду концепции своего сочинения. По его мнению, не нашлось оснований заподозрить тобольского дьяка в пристрастном изложении событий сибирского похода. Известия РЛ о пребывании ермаковцев в строгановских вотчинах, по мнению С.А. Адрианова, могли бы иметь вес в пользу положений А.А. Дмитриева при указании их источника и обосновании достоверности такового¹⁴. Опальную грамоту от 16 ноября 1582 г. С.А. Адрианов не рассматривал в ряду весомых доказательств в пользу гипотезы А.А. Дмитриева, т.к. считал ее основанной на ложном допоре пермского воеводы Василия Пелепелицина. Последний, по мнению С.А. Адрианова, имел корыстный интерес в том, чтобы представить Строгановых «ворами и изменниками» и свалить на них вину за разорение в 1581 г. Чердыни пельмцами¹⁵. При этом исследователь не заметил явного противоречия в своих построениях. Если Строгановы не призывали Ермака на службу и не отправляли его людей «братъ» Сибирь, как мог воевода узнать о предприятии казаков, тем более сообщить царю о разбойном войске из нескольких сотен человек, гулявшем по его воеводству, не опасаясь при этом навлечь опалу на себя самого? Призывая своего оппонента к беспристрастному анализу, С.А. Адрианов сам не избегал вольной трактовки источников. Вопрос А.А. Дмитриева о том, насколько разумно предполагать, что Строгановы добровольно отказались от своих интересов в Сибири в пользу казаков, С.А. Адрианов посчитал контрдоводом своего оппонента самому себе. Исследователь полагал, что Строгановы потеряли свои права на сибирские вотчины, когда не смогли завосвать ее своими силами, и Сибирь отошла к землям государя Московского¹⁶.

Исследования А.А. Дмитриева и С.А. Адрианова и их научная полемика во многом определили ход дальнейших изысканий в области сибирского летописания и истории Сибири, определили вектор последующих

¹³ Адрианов, С.А. К вопросу о покорении Сибири... С. 198, 199.

¹⁴ Адрианов, С.А. Пермская старина... С. 200; См. также: Адрианов, С.А. К вопросу о покорении Сибири. С. 543, 545, 546.

¹⁵ См.: Адрианов, С.А. Пермская старина. С. 199; См. также: Адрианов, С.А. К вопросу о покорении Сибири. С. 526.

¹⁶ Адрианов, С.А. Пермская старина. С. 202.

исследований. Прежде всего была обозначена проблема критики существующих источников по «сибирскому вопросу» и поставлена задача расширить и описать его источниковую базу.

С.А. Адрианов одним из первых представил схему раннего сибирского летописания и заявил о значимости комплексного изучения источников для достижения единственно верной трактовки исторического события. Исследователь призывал отказаться от поверхностного рассмотрения источникового материала и тщательно подходить к отбору источников.

В дальнейшем критика работ С.А. Адрианова в свете достижений А.А. Шахматова и С.В. Бахрушина подтвердила верность обозначенного им курса в изучении летописных источников по истории Сибири и решении «сибирского вопроса».

В.В. Митрофанов

О связях С.В. Бахрушина с исследователями истории Сибири

Одним из самых выдающихся историков-сибиреведов по праву считается С.В. Бахрушин, ученик В.О. Ключевского.

Проблемы сибирской истории выходят на первый план в изысканиях ученого с середины 1910-х годов¹, а уже вскоре за С.В. Бахрушиным стал признаваться авторитет серьезного исследователя прошлого Сибири. 3/16 мая 1918 г. Общество истории и древностей российских, принимая во внимание его «деятельность в области изучения русской истории»², избрало ученого своим членом-соревнователем. Через 5 лет признанием заслуг в научной деятельности стало приглашение С.В. Бахрушина в состав государственного колонизационного научно-исследовательского института (в звании действительного члена). Это предложение выразилось в виде «настойчивой» просьбы директора института³.

В отзыве 20 августа 1924 г. М.М. Богословский писал о С.В. Бахрушине, что он «пользуется широкою печатною известностью», представил «несколько ценнейших» работ по «русской торговле на Севере и в Сибири». Рецензенту было известно, что в последние годы С.В. Бахрушин сосредоточил свое внимание на истории Зауралья и «занят приготовлением обширного труда по истории этого края». Исследование, над которым работал С.В. Бахрушин, признается «ценным», так как, по мнению М.М. Богословского, «до сей поры Сибирь, край, который имеет столь важное значение в настоящей жизни России и которому предстоит еще более важное значение в будущем, совершенно не имеет научно написанной истории». С.В. Бахрушину отдается первенство в разработке сибирской проблематики, он же был назван «пионером, прокладывающим первые, в высшей степени трудные пути» в этом начинании. Основная

¹ Бахрушин, С. Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова // Исторические известия. 1916. № 3-4.

² Архив Российской Академии Наук (далее — АРАН). Ф. 624. Оп 3. Д. 321.

³ Там же. Д. 35.

трудность в работе над исследованием, с которой столкнулся С.В. Бахрушин, состояла прежде всего в «громадном, петрунутом архивном материале, хранящемся во многих архивах».

О своих изысканиях С.В. Бахрушин регулярно представлял отчеты в виде докладов, с которыми выступал на собраниях научно-исследовательского института и в секции русской истории. Эти доклады всегда «вызывали большой интерес и единогласное одобрение». М.М. Богословский высказывал пожелание, «чтобы С.В. Бахрушину создана была обстановка, которая не отрывала бы его от ученой работы, не рассеивала бы его внимание и позволила бы ему в скором времени довести свой научный труд до конца»⁴.

А С.Ф. Платонов (кстати, бывший в большой дружбе с видным представителем московской исторической школы; отношения с ним могут рассматриваться как признак сближения двух крупнейших научных направлений в исторической науке) в своем известном докладе на исторической неделе в Берлине (1928 г.) дважды упомянул С.В. Бахрушина, характеризуя его как «историка Сибири» и как руководителя семинара, участники которого «разрабатывали данные так называемых «таможенных книг» по северным таможенным»⁵. Близкие отношения между ними поддерживались многие годы, вплоть до ареста главы русских историков. Во время пребывания С.Ф. Платонова в Москве они часто встречались. О таких встречах свидетельствует А.Е. Пресняков в своих письмах. Например, о встрече на квартире у М.М. Богословского говорится в письме от 4 июня 1918 г., а в другом письме — от 9 февраля 1927 г. — о встрече у А.И. Яковлева, представленной как «вечер с московскими историками»⁶. Свидетельством близких отношений между С.Ф. Платоновым и С.В. Бахрушиным является и тот факт, что во время отсутствия в Москве М.М. Богословского (это близкий друг С.Ф. Платонова и коллега по академии) именно к последнему обращается с просьбой ленинградский ученый 4 октября 1926 г. о содействии по делу А.В. Селиванова. А 15 мая 1927 г. в ответ на другую просьбу С.Ф. Платонова московский исследователь пишет большое письмо об имеющихся у него сведениях об А. Шестакове. С.В. Бахрушин называет его «известной» личностью, «любопытным исследователем Сибири», «ини-

⁴ АРАН. Ф. 624. Оп. 4. Д. 25.

⁵ Платонов, С.Ф. Проблемы Русского Севера в новейшей историографии // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 гг. Л., 1929. Вып. 35. С. 113–114.

⁶ Александр Евгеньевич Пресняков: Письма и дневники: 1889–1927. СПб., 2005. С. 795, 814.

циатором завоевания чукотской земли и открытия «большой земли» (т.е. Северной Америки)», «составителем карты Чукотского полуострова». По сведениям С.В. Бахрушина, А. Шестаков происходил из казаков, исполнял обязанности десятника, потом сделал быструю карьеру и «фигурирует» со званием «дворянина», ставшего затем «казачьей головой». Стараниями А. Шестакова в Петербурге «ему была поручена большая экспедиция на Чукотский полуостров», где он и погиб в стычке с «большой партией чукчей» 14 марта 1730 г. По предположению С.В. Бахрушина, сведения об упомянутой экспедиции могут находиться в «портфелях Миллера», а сведения об А. Шестакове до 1706 г. — в «делах Сибирского приказа». Меньше сведений о П.А. Шестакове — сыне А. Шестакова. С.В. Бахрушин писал, что он «в 1761 г. служил в Якутске в звании сына боярского 2-й статьи и был «комиссаром» на «железном заводе», построенном для обеспечения экспедиции Беринга, хотя эти сведения, по мнению С.В. Бахрушина, могут быть и неточны, так как этот завод мог «прекратить свое существование»⁷ задолго до этого. Известный сибиревед отсылает С.Ф. Платонова к ряду источников, где можно почерпнуть некоторые сведения об А. Шестакове, о котором писали Г.Ф. Миллер, А. Сгибнев и другие. «Если первоначально взгляды С.В. Бахрушина на колонизационные процессы сформировались под воздействием авторитета В.О. Ключевского⁸, то в дальнейшем, в 1920-е гг., они испытали серьезное влияние С.Ф. Платонова, которое проявилось в формулировке взглядов на освоение Сибири»⁹. И после того как С.В. Бахрушиным уже были выдвинуты основные положения его концепции истории Сибири и сибирского летописания,¹⁰ он продолжал заниматься их конкретизацией.

⁷ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 585. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 2211. Л. 28–29.

⁸ А.А. Преображенский с некоторой долей сомнения писал: «Вероятно, влияние Ключевского сказалось на пристальном внимании Бахрушина к проблемам колонизации в истории России, прежде всего на сибирских просторах» (Преображенский, А.А. Бахрушин Сергей Владимирович (1882–1950) // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 588).

⁹ Митрофанов, В.В. С.Ф. Платонов и формирование взглядов С.Ф. Бахрушина на проблемы колонизации Сибири // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. 2004. Тюмень, Вып. 6. С. 80–81.

¹⁰ Современный исследователь Я.Г. Солодкин недавно заметил, что «в историографии раннего сибирского летописания труды С.В. Бахрушина, преимущественно 1920-х гг., занимают одно из центральных мест» (См.: Солодкин, Я.Г. О некоторых трактовках взглядов С.В. Бахрушина на зарождение сибирского летописания //

В этом контексте надо рассматривать программу курса С.В. Бахрушина по истории Сибири, хранящуюся в архиве РАН¹¹. Она представляет собой машинописный текст на одном листе, к сожалению, без даты, но, надо полагать, появилась не ранее второй половины 1930-х гг.¹² и предназначалась, вероятно, студентам или аспирантам. Программа состоит из VII разделов, которые, в свою очередь, разделены на подразделы (А, Б, В), а последние на пункты (1, 2, 3...); иногда образец нумерации подразделов и пунктов меняется. Первый раздел — введение — посвящен обзору литературы по истории Сибири. Примечательно, что автор выделяет четыре отдельных пункта: «источники китайские, монгольские и тюркские», касается западно-европейских источников и, в последнюю очередь, вероятно, из обширности и важности материалов, останавливается на русских источниках, обращая внимание на «сведения об архивах»¹³ по истории Сибири. С.В. Бахрушин предстает перед нами как внимательный историограф, систематизировавший источники и литературу по истории Сибири.

Второй раздел посвящен полностью истории Сибири с древнейших времен до XVI в. Здесь выделяются пункты, раскрывающие историю державы Чингиз-хана, покорение Сибири татарами и судьбу Сибирского ханства в XV—XVI вв.

В следующем разделе (III), состоящем из 3 подразделов и 15 пунктов, дается характеристика народов, населяющих просторы Сибири. Здесь выдающийся ученый выступает в роли историка-этнографа. С.В. Бахрушин выделяет три района — Западную Сибирь, Восточную Сибирь и Южную Сибирь. Среди народов, населяющих Западную Сибирь, исследователь называет вогулов-остяков, самоедов, остяков-самоедов, сибирских бухарцев, сибирских татар (здесь же он касается судьбы царства Кучума) и черневых татар¹⁴. К наиболее крупным этническим группам

Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: материалы XVIII науч. конф. Москва, 26–28 янв. 2006 г. М., 2006. С. 379).

¹¹ АРАН. Ф. 624. Оп. 3. Д. 12. Л. 1.

¹² Именно в середине 1930-х гг. из-под пера С.В. Бахрушина выходит несколько работ по истории ряда народов Западной и Восточной Сибири.

¹³ АРАН. Ф. 624. Оп. 3. Д. 12. Л. 1.

¹⁴ В этой связи надо отметить, что история этих народов была предметом отдельной работы С.В. Бахрушина (См.: Бахрушин, С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л., 1935). Это «специальное исследование» А.А. Преображенский оценивает как «замечное явление в финно-угроведении» (Преображенский, А.А. Бахрушин... С. 590).

народов Восточной Сибири С.В. Бахрушин относит тунгусов, кетов, бурятов и кыргызов. Там, где перечислить небольшие этнические группы и народности не представлялось возможным, а тем более дать хотя бы краткую характеристику каждой из них, ученый группирует их по местам расселения и проживания, например, пишет о «других народах Восточного Енисея», народах Приамурья и народах крайнего Северо-Востока¹⁵. Изучая историографию Сибири, С.В. Бахрушин выделял труды Г.Ф. Миллера, в частности его этнографические исследования.

Попутно заметим, что проблемы истории отдельных народов этого региона будут разрабатываться С.В. Бахрушиным отдельно, например, историей Якутии он будет активно и целенаправленно заниматься с 1925 года¹⁶, когда он был приглашен в комиссию по изучению истории Якутии. Из-под пера исследователя выходят специальные исследования («Исторические судьбы Якутии»), высоко оцененные критикой, он рецензирует сборники документов («Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.»), редактирует серьезные труды (История Якутии. Т. 1). В архиве РАН (личном фонде историка) хранятся неопубликованные отзывы на исследования, в частности С.А. Токарева. Признанием заслуг С.В. Бахрушина в исследовании истории Якутии является приглашение ученого на 25-летний юбилей республики в 1947 г.¹⁷ В этом же году ученый выступил с программным докладом «Очередные задачи исторического изучения Якутии».

Народы Южной Сибири С.В. Бахрушин относит к кочевым и называет ойратов и казахов, здесь же он вновь возвращается к истории держав Алтын-хана и Джунгарской.

Остановившись на характеристике истории народов и этническом составе, развитии существовавших здесь государств, С.В. Бахрушин переходит к одному из важнейших вопросов сибиреведения — «путям в Сибирь и их истории». Это один из ключевых вопросов русской колонизации Зауралья. Его, в частности, касался и С.Ф. Платонов, активно разрабатывавший проблемы истории Зауралья в 1920-е гг.¹⁸ И все эти годы исследователи активно взаимодействовали в исследованиях по истории Сибири. Отметим, что С.В. Бахрушин поддержал своего старшего коллегу из Петербурга в вопросе о походе Ермака, о решающей роли правительства в

¹⁵ АРАН. Ф. 624. Оп. 3. Д. 12. Л. 1.

¹⁶ Бахрушин, С.В. Исторические судьбы Якутии. Л., 1927, и др.

¹⁷ АРАН. Ф. 624. Оп. 3. Д. 40. Л. 5.

¹⁸ С.Ф. Платонов описал пути, ведущие в Мангазею.

процессе распространения влияния Москвы на земли Западной и Восточной Сибири. Можно говорить, что в 1920-е годы С.В. Бахрушин в вопросах истории Сибири часто следовал за С.Ф. Платоновым, который в ряде случаев не только делился своими материалами, но и руководил работой С.В. Бахрушина над отдельными исследованиями¹⁹.

Большое внимание уделяется в программе курса экономическому освоению Сибири. Главным товаром, привлекавшим взоры не только русских, но и иноземцев, была пушнина. В этом сходятся все исследователи. Раздел, посвященный этому вопросу, С.В. Бахрушин назвал «Сибирь — рынок пушнины (до конца XVIII в.)». Здесь дается характеристика колонизации как «военно-феодалного захвата». Завершение этого процесса С.В. Бахрушин относит к концу XVII в. Среди методов эксплуатации С.В. Бахрушин называет «феодалный» и «грабеж», территории же, присоединенные к Русскому государству, он называет колониями. Касаясь русской колонизации, С.В. Бахрушин называет способы присоединения и освоения новых земель (в оценке С.В. Бахрушина — захват и колонизация). Он отдает предпочтение торговому капиталу, военной оккупации (заметим, что об этом С.В. Бахрушин писал и С.Ф. Платонову еще 17(30) июня 1920 г.) и земледельческой колонизации (развитие паппы — так он говорил в упомянутом письме С.Ф. Платонову). Отметим, что в программе мы не находим упоминания о походе Ермака. Современный биограф С.В. Бахрушина А.М. Дубровский заметит: «Бахрушин отказался от понимания присоединения Сибири как военного захвата»²⁰.

Затрагиваются в программе вопросы торговли и промыслов (в середине 1920-х гг. ученый опубликовал ряд работ по этим проблемам: «Покрута на собольих промыслах (в Сибири) в XVII веке», «Торги гостя Никитина в Сибири и Китае», «Ясак в Сибири в XVII в.»), проблема коммуникаций (ямской гоньбы). Возникновению и развитию городов С.В. Бахрушин отводит 3 подпункта, рассматривая проблемы в хронологическом порядке: 1. «Сибирский город в XVI–XVII вв.»; 2. «Сибирский город в XVIII — первой половине XIX в.»; 3. «Рост сибирских городов в связи с прокладкой великого железнодорожного пути». Таким образом, история сибирских городов проследживается систематично и подробно.

К приемам колонизации замечательный сибиревед относит прежде всего «вольную колонизацию, прибор и ссылку» («люди, прибор, ссылка»

¹⁹ Митрофанов, В.В. С.Ф. Платонов о роли Строгановых в присоединении Сибири к России // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2004. Вып. 7. С. 44.

²⁰ Дубровский, А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992. С. 67.

— так сказано в программе работы, направленной С.Ф. Платонову на просмотр еще в 1920 г.). Обращает внимание составитель программы на этнографический состав и «культурное состояние колонистов».

Серьезное внимание в программе уделено «организации аппарата колониальной эксплуатации». Система управления, по С.В. Бахрушину, состоит из центрального, местного и таможенного. Как видим, система местного управления еще не устоялась и в отдельную структуру относится таможня. В этом же разделе выделен вопрос о «роли сибирской мягкой рухляди в русском бюджете XVII в.». Это продолжение разговора о главном товаре Сибири.

Новым моментом в программе является раздел о начале промышленного производства, которое С.В. Бахрушин относит к XVIII — первой половине XIX в. (он называет Сибирь «горнопромышленным районом»).

Развитие горной промышленности, по мнению исследователя, повлияло на дальнейший ход колонизации. Происходят изменения в «системе и целях эксплуатации в XVIII в.». Действительно, если в начальный период главным богатством являлась пушнина, то через два-три века ставка делается на промышленное освоение Зауралья. Для закрепления присоединенных земель государство возводит «сибирскую военную линию». Развитие торговли С.В. Бахрушин справедливо связывает с ростом старых (первых) и основанием новых городов, что влияло на изменение приемов колонизации. При этом вновь выдающийся сибиревед обращает внимание как на этнографический состав колонистов, так и на их культурное состояние.

Становление новой системы управления Сибирью²¹ С.В. Бахрушин относит к XVIII — первой половине XIX в.; проследивает «изменения в организации управления», упоминает о великом реформаторе России М.М. Сперанском. Именно в этот период происходят крупные изменения в присоединенных землях. С.В. Бахрушин объединяет самые важные изменения, называя их «реформой» ясачного сбора, принудительной христианизацией, «регламентом» инородческого права.

Седьмой раздел раскрывает процесс «капитализации», где сельскохозяйственному производству отводится первенство среди других сфер деятельности. Этот процесс, по мнению С.В. Бахрушина, занимает время с

²¹ Более ранний период рассмотрен одной из учениц известного учебного профессора Я.Г. Солоджина Н.Н. Симачковой (С.и.: Симачкова, Н.Н. Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI — начале XVII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2002).

середины XIX в. до 1917 г. Исследователь пишет о «русском империализме в Средней Азии и на Дальнем Востоке», а «начатки капитализации в Сибири» связывает с «развитием морских сношений», строительством «великого железнодорожного пути», переселенческой политикой правительства после отмены крепостного права. Примечательно, что этот процесс не замыкается в рамки периода реформы Столыпина. В данной связи ученого интересует вопрос о «положении крестьянских масс».

Как и положено советскому ученому, он выделяет пункт о буржуазной культуре в Сибири, хотя отрадно, что С.В. Бахрушина пишет об ее «успехах».

Совершенно справедливо в программе выделен пункт о трагической и мрачной странице в истории Сибири — ссылке и каторге. Конец программы посвящен «революционным моментам в жизни Сибири конца XIX — начала XX в.».

Данная программа помогает проследить процесс оформления взглядов С.В. Бахрушина по проблемам истории Сибири на заключительном его этапе. Отметим главное — в принципиальных вопросах колонизации они оставались в целом неизменными.

Материалы программы, раскрывающие проблемы колонизации Сибири, позволяют увидеть в замечательном ученом не только историка, но и историкогеографа, этногеографа, что подтверждает мысль о широком кругозоре и блестящей эрудиции С.В. Бахрушина.

С.В. Бахрушин установил плодотворные связи с сибирскими красведами, которые поддерживались на протяжении многих десятилетий. Ученый знал Сибирь не только по книгам и переписке, он бывал там, например, в 1926 г. принимал активное участие в работе I Красного научно-исследовательского съезда в Новосибирске. В подготовке этого съезда сыграл заметную роль Н.К. Ауэрбах — известный сибирский археолог и красвед.

Знакомство С.В. Бахрушина с Н.К. Ауэрбахом состоялось, вероятно, задолго до начала их переписки. Ряд писем Н.К. Ауэрбаха, адресованных С.В. Бахрушину, уточняет отдельные моменты подготовки съезда (А.М. Дубровский писал, что Н.К. Ауэрбах сообщал С.В. Бахрушину подробности о подготовке к съезду «чуть ли не в каждом письме»²². В АРАН, однако, находится всего 4 письма, и только в первом — от 1 октября 1926 г. — говорится о подготовке к съезду, остальные письма написаны после него. Содержание

²² Дубровский, А.М. С.В. Бахрушин и его время. С. 72.

письме затрагивает вопросы местной научно-краеведческой жизни, в частности, о работе Общества изучения Сибири, об археологических экспедициях, подготовке отчетов, работе над статьями по истории Сибири. 1 октября 1926 г. Н.К. Ауэрбах сообщает о своем недавно состоявшемся (1,5 месяца назад) переезде в Новосибирск, который называет «Сибчикаго». По первым впечатлениям от города автор рисует интересную картину: Новосибирск, на его взгляд, «представляет собой деревню, в центре которой выросли громадные дома — учреждения». (Примечательно, что С.В. Бахрушин также дает интересную характеристику Новосибирска в письме С.Ф. Платонову: «То, что я видел, это «новая Сибирь» ...где над рядами маленьких деревянных хибарок господствуют величественные каменные здания казенных учреждений»²³.) Автору письма бросилась в глаза «своеобразная жизнь» города, которая «не похожа на жизнь» других городов Сибири. Город поразили «первознатство», «гулом автомобилей», «торопливостью и несерьезностью мыслей»²⁴, там царивших. Основным местом работы известного краеведа являлось научно-исследовательское бюро Сибкрайплана. Н.К. Ауэрбах пишет о своем участии в подготовке упомянутого съезда — заметного явления в научной жизни края, сообщает о своей большой мечте — «объединить деятельность научных учреждений Сибири» — и с некоторой надеждой задает вопрос: «Может быть, и Вы сможете присхать?».

Действительно, С.В. Бахрушин принял активное участие в работе съезда, выступал там с докладом «Задачи исторического изучения Сибири», вызвавшим большой интерес. Московский ученый и сибирский краевед встречались на съезде. 2 февраля 1927 г. Н.К. Ауэрбах писал в Москву: «Сразу же после съезда у меня началась такая гонка по всем линиям моей работы, что я «закрутился» и, как видно, задержался со своим первым письмом после встречи с Вами». Вопросы, поставленные перед съездом, привлекли внимание историков, этнографов, демографов, «техников и естествоиспытателей» (так писал С.В. Бахрушин в своем письме после съезда²⁵), широкой общественности и государственных органов. Самым ценным для себя С.В. Бахрушин считал установление личных связей «как с сибирскими научными работниками, так и с издательствами». «Съезд привлек до 300 человек и носил хороший, деловой тон»²⁶, — писал С.В. Бахрушин после возвращения из Сибири в Ленинград С.Ф. Платонову.

²³ Дубровский, А.М. С.В. Бахрушин и его время.

²⁴ АРАН. Ф. 624. Оп. 4. Д. 9. Л. 1.

²⁵ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 24–25 об.

²⁶ Там же. Л. 25; Дубровский, А.М. С.В. Бахрушин и его время. С. 72.

В одном из писем Н.К. Ауэрбах дает ответ на интересовавший московского ученого вопрос — о сибирском краеведе Б. Смирнове, который «разбирается в архиве Русско-Амурской компании». Н.К. Ауэрбах пишет о своих работах и планах издательской деятельности: о «маленькой заметке» по истории первой школы в При-Енисейском крае, об отчете по итогам раскопок «Енисейского зимовья», посланном в журнал «Северная Азия». Заинтересованный и влюбленный в свой край, увлеченный археолог мечтает подготовить и сдать в печать отчет о результатах «раскопок Афонтовой горы», обращается с просьбой от имени редакции «Сибирских огней» к С.В. Бахрушину написать «критический разбор» работ по «сибирской истории», появившихся в 1917–1926 гг., «желательно с библиографией»²⁷; в заключение спрашивает о получении посылки с книгами, которая могла не дойти, так как был указан неверный адрес.

«Много воды утекло в Оби», — пишет Н.К. Ауэрбах 2 февраля 1927 г. и делится приятными новостями. В частности, было выделено 6,5 тыс. руб. на печатание трудов, «удалось взять в свои руки отдел писем Сибиреведения» в «Жизни Сибири». Этот результат рассматривается как «крупный шаг» к конечной цели — «собственному журналу»²⁸. Сибпланом были отпущены «небольшие деньги» для пополнения библиотеки, а сам краевед надеялся «к лету закончить библиографию» работ, опубликованных в сибирских изданиях по тематике «производительных сил» за время с 1920 по 1926 гг. Сообщается и о негативных сторонах работы: к редактированию трудов съезда «не приступили», с организацией библиотеки в обществе «топчемея на месте», так как правление не поддержало предложений Н.К. Ауэрбаха, а в принятой к печати статье Б. Смирнова о Спасском «зачеркнули все, что касается Спасского», и не хотели даже помещать списка его трудов, — с горечью пишет Н.К. Ауэрбах. Здесь же сообщается о смерти известного сибирского исследователя Н.Н. Бакая, одно время бывшего директором мужской гимназии в Томске, затем профессора Томского университета, читавшего там курс по истории Сибири²⁹. Касаясь важного вопроса об издании энциклопедии, автор информирует московского ученого, что пока «без перемен», во главе издания будет Басов (вероятно, С.В. Бахрушин его знал), и идет

²⁷ АРАН. Ф. 624. Оп. 4. Д. 9. Лл. 1–2.

²⁸ Там же. Л. 3.

²⁹ Зайченко, П.А. Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева: очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск, 1960. С. 200.

«формирование статей на издание». Доклад, с которым выступал С.В. Бахрушин на съезде, устроителями был потерян, и Н.К. Ауэрбах советует при высылке в редакцию «Сибирских огней» текста доклада оговорить получение отдельных его оттисков.

О близких отношениях, сложившихся между С.В. Бахрушиным и сибирским краеведом, свидетельствуют строки из письма последнего: «В каком положении вопрос с Вашим протеже? Если капитально не вышло — сообщите, кое-кто из хороших людей скоро поедут в Москву и с ними Вы сможете переслать мне восточку. Если это потребуется, я смогу одного моего доброго знакомого наказать к Вам через 1,5 месяца»³⁰.

Автора письма интересуют вопросы: «Какое впечатление о съезде в столице? Как дело в «Северной Азии»? Как обстоят дела с его статьей, посланной в журнал?

А в 1928 г. С.В. Бахрушин информировался о «некотором замедлении темпов роста» научных исследований. Главной помехой, по мнению автора письма, была Главнаука, которая медлила с «разрешением вопроса об организации ВУЗа в Новосибирске». Среди приятных новостей отмечаются расширение общества, выделение средств на издательскую деятельность, хотя в «издательские порывы Новосибирска» Н.К. Ауэрбах верит «мало»³¹.

По ходу письма он сообщает о своей научной работе. Известному краеведу предложили написать о «Промыслах в Енисейском заливе в XVIII в.», но другие «обязательства и археологическая работа» не располагали к этому. Рассказывается в письме о попытке уехать из Новосибирска. И только «теплое отношение моих товарищей по Обществу остановило меня от этого решения», — так мотивирует несостоявшийся переезд Н.К. Ауэрбах.

Н.К. Ауэрбах обращается и с просьбой к московскому ученому. Он ходатайствует за «одну сибирскую археологичку — Варвару Павловну Левашову, которую интересуют «некоторые вопросы истории Сибири», и она отправится скоро в Москву. Ей нужна помощь в виде «совета и указания на литературу»³².

В последнем письме от 20 марта 1929 г. говорится о предложении Н.К. Ауэрбаху написать работу о «заселении русскими низовьев Енисея». Работа появится при условии, если С.В. Бахрушин возьмет «на себя труд по

³⁰ АРАН. Ф. 624. Оп. 4. Д. 9. Л. 4.

³¹ Там же. Л. 5.

³² Там же. Л. 6.

рецензирования», — утверждает новосибирский историк. Действительно, С.В. Бахрушин такую рецензию написал³³.

Столичных ученых должны были заинтересовать факты о том, что Общество изучения Сибири продолжало расти, «крепла библиотека», она пополнилась вывезенной из Барнаула «древнейшей светской библиотекой Сибири», начало которой было положено в 40-е гг. XVIII в. при Алтайском горном управлении. Сообщалось, что в этой библиотеке «много редких и ценных книг по истории Сибири». Общество планировало выпуск целого ряда работ «по истории сибирской промышленности и партии земского движения». Об активном участии Н.К. Ауэрбаха в обществе свидетельствует факт его подготовки к докладу на тему «О древнейших поселениях Сибири».

Переписка Н.К. Ауэрбаха с С.В. Бахрушиным помогает восстановить интересные страницы биографии обоих исследователей, уточняет отдельные страницы научно-краеведческой работы в Новосибирске.

Письма из сибирских городов С.В. Бахрушин получал довольно часто. В 1928 г. ему пришло письмо из Тобольска (первое, скорее всего, не дошло, об этом можно судить из упоминания о нем в письме³⁴), вероятно, от своего ученика — воспитанника³⁵ по колонии В.Б. Симонова. Одна из первых работ по истории Сибири С.В. Бахрушина была посвящена анализу сочинения С. Ремезова — служилого человека г. Тобольска. Поэтому письма из этого города явно представляли интерес для историка Сибири, да и новости действительно заслуживали внимания.

В письме автор шлет привет «с далекой стороны», куда его «закинула судьба» — на 3 месяца техником-землеустроителем в окружное земельное управление. Письмо написано уже после двух месяцев, проведенных в Западной Сибири; время, по мнению автора, «небольшое», но его «страшно тянет обратно» в столицу, которая «кажется чем-то далеким и прекрасным». После возвращения В.Б. Симонов мечтает поговорить с С.В. Бахрушиным «насчет виденного и пережитого» им, так как его, молодого человека, «многие жизненные вопросы ставят в тупик».

Важной представляется информация об отдельных чертах жизни татар, у которых и проживал автор письма. Краткие строки корреспон-

³³ Бахрушин, С.В. Рец.: Ауэрбах, Н.К. Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисей // Сибирские огни. 1930. № 6. С. 127.

³⁴ «Я вам уже писал, но адрес писал наугад, и оно, по-видимому, не дошло», — сообщается в письме.

³⁵ Скорее всего, все лица, упомянутые в письме, являлись воспитанниками С.В. Бахрушина по колонии.

денции позволяют разглядеть в В.Б. Симонове определенные навыки к исследовательской работе. В частности, находясь среди татар, он занялся изучением их обычаев и языка, и за столь короткий период это привело даже к его пониманию. Было подмечено, что татары «очень гостеприимны», поэтому «жить у них хорошо». Однако это обстоятельство не сглаживало отсутствия общения с русскими людьми, а отсутствие книг и газет приводило просто к «изныванию».

Значительное место занимает в письме описание производственной деятельности землемерной партии, куда В.Б. Симонов был определен. Сама партия характеризуется как «скверная», а начальник — просто «пьяница». Один из важных выводов, к которым приходит сам автор письма, — «быть землемером» не в его «характере».

Письмо написано в конце октября 1928 г., и описание погодных условий интересно и современному читателю. «Сейчас у нас становится холодно, утром морозит и выпадает снег». А «сегодня (28 октября. — В.М.) хватил мороз и выпал снег, так что я ездил на санях, холод такой, что озера замерзают, работать стало весьма тяжело, так как приходится лезть в воду, которая весьма сейчас холодная».

Поразила В.Б. Симонова красота Иртыша, который он называет «бурной и красивой» рекой, где «изредка проходят пароходы». Особенно красив сибирский исполли ночью, «при полной луне».

Далее в письме напоминает о поручении, которое С.В. Бахрушин хотел дать своему воспитаннику перед отъездом. Если интересующий его вопрос будет написан в ответном письме, то после переезда В.Б. Симонова в город, куда он должен «скоро» попасть, он «уделит» больше времени выполнению просьбы. Вероятно, привитые С.В. Бахрушиным качества культурного человека, интересующегося местной историей, проявились в желании посетить местный городской музей, которое должно было «обязательно» состояться.

Сообщаются сведения об общих знакомых по Москве. Например, о Вадиме Мейне («он, наверное, бывает у Вас»), который не выдержал экзамена, о Славе, Володе, последний также находится в Сибири, «в верстах 200 от меня», просит передать привет всем «из наших»³⁶. Письмо помогает понять взаимоотношения местного населения с приезжими, ту дружбу и взаимопонимание, которые складывались между ними. Зная об отъезде в далекие края своих учеников или воспитанников, С.В. Бахру-

³⁶ АРАН. Ф. 624. Оп. 4. Ед. хр. 205. Л. 1—2 об.

шин пытался поручить им сбор определенных сведений, а те с чувством долга пытались собирать сведения, которые, по их мнению, должны были заинтересовать одного из авторитетных исследователей Сибири.

Исследования С.В. Бахрушина получили признание на государственном уровне — он стал лауреатом Сталинской премии. Из Омска — крупного научного центра Южной Сибири — его поздравлял с заслуженной наградой 31 мая 1942 г. Зоводов. Эта награда в письме, начало которого носит официальный характер, характеризуется как «новый источник плодотворных работ и творческих исканий». В то время ученых и другие его коллеги были эвакуированы в Ташкент. Автору письма был известен не только факт нахождения С.В. Бахрушина в Узбекистане, но и адрес, вероятно, откуда приходили письменные известия. По мнению автора письма, премия «вдохнула бодрость и силу, и несколько ослабло то депрессивное сумеречное состояние», о котором писал, вероятно, сам Сергей Владимирович (такой вывод исходит из содержания письма). Его тяготил отъезд из Москвы, где оставалась мать. Далее в письме подробно описывается болезнь сына Зоводова. Небольшая часть письма — о погоде. Несмотря на то, что было 24 мая и весна должна уже во всю проявить свои права, «выпал снег, и на землю вернулась мороз: одним словом — Сибирь-матушка», — так ласково называет автор свое местожительство. Окончание письма («с теплым приветом жму Ваню лапку») позволяет с уверенностью говорить о близких отношениях С.В. Бахрушина с Зоводовым, который обещает в будущем «длинную и поздравительную эпистолу по всем правилам эпистолярного искусства»³⁷.

Связи с сибирскими учеными и краеведами не только продолжались, но и становились еще плодотворнее и в последующие годы. Несколько писем из Омска свидетельствуют о руководстве выдающимся отечественным сибиреведом работой З.Я. Бояришиновой над диссертацией (ставшей известной исследовательницей Сибири).

После окончания Томского государственного педагогического института З.Я. Бояришинова была приглашена в Томский университет старшим преподавателем и сразу же стала исполнять обязанности зав. кафедрой (1940—1941). А в 1944 г. она начинает работу над исследованием, избрав его темой историю Томского уезда³⁸. К концу 1948 г. работа была закончена, но защиты все не было. 18 декабря 1948 г. с некоторой долей отчая-

³⁷ АРАН. Ф. 624. Оп. 4. Д. 266. Л. 1—1 об.

³⁸ С.В. Бахрушин для характеристики преимуществ, которые открывались перед Россией в освоении Зауралья, ссылается на данные о природных богатствах, в том числе Томского края, приводимые еще Г.Ф. Миллером

ния она пишет С.В. Бахрушину: «Я потеряла уж всякую надежду, что успею к настоящему выступлению на заседании ученого совета с защитой моей кандидатской диссертации, кончается 48 год». Часто со стороны коллег она слышала вопрос «Когда же состоится защита?». Трудности с кадрами в университете привели к большой нагрузке у З.Я. Бояришиновой, поэтому, чтобы не срывать занятый, ей предлагалось выехать в Москву в период экзаменационной сессии и зимних каникул. Для согласования процедуры защиты необходимо было решить многие организационные вопросы: организовать чтение рукописи диссертации, написать отзывы, оформить допуск к защите в секторе истории³⁹, а в самом Институте истории АН СССР решить вопрос о назначении официальных оппонентов, наконец, выслать вызов. Поэтому З.Я. Бояришинова обращалась к С.В. Бахрушину за помощью в разрешении указанных проблем как к своему научному руководителю. Еще до официальной защиты исследование «Население Томского уезда в первой половине XVII в.» воспитанницы крупнейшего научного центра Сибири было высоко оценено, и историко-филологический факультет Томского университета, признавая его значимость, выдвинул его на премию. Требовался отзыв научного руководителя, поэтому З.Я. Бояришинова просила С.В. Бахрушина в отзыве «сказать свое веское слово» о «значимости» работы и, «если это, конечно, возможно и не особенно затруднит», выслать его в Томск. Среди аргументов, способствовавших выдвижению ее работы на премию, З.Я. Бояришинова называет следующие: «1. Томский университет проводит итоговые научные конференции и отмечает премией лучшие научные работы, выполненные в текущем году. 2. Моя работа привлекла внимание членов ученого совета тем, что она охватывает историю *Томского уезда*⁴⁰ первой половины XVII века. Из всех работ, законченных историками Томского университета в 1948 году, это *единственная работа*⁴⁰, связанная с историей Томска и Томской области. 3. По истории Томска вообще материала крайне мало, как и исторических работ. 4. Исследование по истории Томского уезда I половины XVII века мною начато было в 1944 г. и окончено в виде рукописи в 1948 г. Ученому совету Томского университета необходимо знать результаты 4-летней работы одного из научных работников, который является питомцем университета, которому ученый совет предоставил 1,5-

(Бахрушин, С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер, Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 42).

³⁹ С.В. Бахрушин в 1940–1950-х гг. заведовал этим сектором.

⁴⁰ Выделено автором письма.

годовой творческий отпуск и ходатайствовал перед президиумом АН о предоставлении Сталинской стипендии. Стипендию от президиума АН СССР и Министерства высшего образования я получала с 1 января 1947 по 1.IX 1948 г. 5. Кафедра истории СССР Томского университета и совет историко-филологического факультета считает мою работу одной из лучших, выполненных в 1948 г.»⁴¹. Как видим, основания были веские.

К С.В. Бахрушину же обратились официально также деканат и общественные организации историко-филологического факультета с просьбой — дать отзыв на исследование З.Я. Бояришиной. В ходатайстве отмечалось, что «мнение ученого, пользующегося большим авторитетом и искренним уважением среди самых широких кругов советских историков, тем более существенно для нас, что Ваши советы и указания сыграли столь большую роль в работе Бояришиной, завершением которой она обязана прежде всего Вашему содействию»⁴². Кроме того, отмечалось, что при «положительной оценке» факультет «считал бы возможным включить т. Бояришину в список кандидатов 1948 года». Подписали письмо декан факультета Скворцова и секретарь партбюро Данилов.

Таким образом, можно говорить о значительной роли С.В. Бахрушина в развитии интереса к проблемам истории Сибири среди научной молодежи, интересе самого ученого к истории отдельных сибирских регионов⁴³.

Приведенные факты позволяют судить о многолетних связях С.В. Бахрушина с учеными, краеведами Сибири, показывают многогранность его интересов, помощь, которую он оказывал молодым исследователям, уточняют отдельные страницы биографии ученого.

С.В. Бахрушин активно сотрудничал с историками Петербурга — Ленинграда, особо теплыми и плодотворными эти отношения были с С.Ф. Платоновым. Связи С.В. Бахрушина с исследователями и краеведами разных сибирских городов продолжались многие годы; большая роль принадлежит ему в руководстве написанием диссертационного исследования З.Я. Бояришиной. Одним из направлений исследовательской мысли выдающегося историка стала история отдельных регионов Сибири.

⁴¹ АРАН. Ф. 624. Оп. 4. Д. 30. Л. 1—2.

⁴² Там же. Оп. 3. Д. 40. Л. 9.

⁴³ Уже после смерти ученого была опубликована его работа о Красноярском уезде XVII в. (сравнить с названной работы З.Я. Бояришиной).

К 26.89(253.3)

3-30

Муниципальное учреждение
«Библиотечно-информационная система»
Нижевартовский государственный гуманитарный университет

Мира не узнаешь, не зная края своего

**Западная Сибирь:
история и современность**

Краеведческие записки
Выпуск VIII

Ответственный за выпуск *В.И.Чернышова*
Составитель *Е.К.Компанец*

Нижевартовское
МУ "БИС"
инв. № 136559 6-6-ко

Манар и К^а
Тюмень
2006

И.И. Величко

З.П. Соколова как угровед

Известный современный этнограф Зоя Петровна Соколова родилась в 1930 г. в подмосковном городе Королев (ранее Калининград, а еще прежде станция Поддипки). Отец работал на военном заводе. В 1941 г. семья была эвакуирована в Пермь. Зоя Петровна прожила там с 1941 по 1953 г., закончив школу (с серебряной медалью) и историко-филологический факультет Пермского университета. Поступив в университет в 1948 г., она сразу стала специализироваться по археологии, в 1949 г. первый раз поехала на раскопки. З.П. Соколова участвовала в раскопках стоянок эпохи бронзы, в 1950–1952 годах побывала на археологических маршрутах по области. Она вела раскопки на Боровом озере по Чусовой, затем на Каме (Жулановка-1, 2, 3). В 1953 году вышли две статьи З.П. Соколовой (в соавторстве с О.Н. Бадером), посвященные этим стоянкам. Увлеченный археолог Отто Николаевич Бадер отличался гигантской работоспособностью и научил Зою Петровну кропотливо трудиться. Занимаясь археологией, Зоя Петровна заинтересовалась реконструкцией археологической постройки и защитила на «отлично» дипломную работу по этой теме.

К окончанию университета Зою Петровну заинтересовала этнография, и по совету О.Н. Бадера молодая исследовательница поступила в аспирантуру в Институт этнографии в Москве (по специальности «история первобытного общества»). Сначала научным руководителем З.П. Соколовой был Марк Осипович Косвен. Он предложил изучать происхождение скотоводства, но Зоя Петровна хотела заняться темой, связанной с жилищем, и по рекомендации Г.Ф. Дебеца стала работать у Валерия Николаевича Чернецова, который был и этнографом, и археологом, и лингвистом, и фольклористом, сочетая знания и методику четырех смежных наук. С Валерием Николаевичем Зоя Петровна быстро нашла общий язык и сразу определила тему диссертации — «Обско-угорское жилище и его история». Зоя Петровна стала собирать материал по своей теме, работая в музеях Ленинграда, в основном над фотоархивами разных путешественников и ученых, в том числе В.Н. Чернецова (по Се-

верной Сосье). Уже к лету 1956 года диссертация была готова. В написании работы З.П. Соколовой очень помог Андрей Александрович Попов, в то время работавший над разделом «Жилища» для историко-этнографического атласа Сибири.

В 1956 году Зоя Петровна совместно с Ханты-Мансийским краеведческим музеем организовала экспедицию на реку Казым. В 1957 году она побывала на р. Вах, а в следующем поехала в Томскую область (Александровский район) и побывала у селькупов на Кети и Оби. В 60-х годах Зоя Петровна посетила северных ханты в Ямало-Ненецком округе (Шурьинкарский район), на реке Сыне и Куповат, побывала в Ханты-Мансийском районе (на реке Согом). Затем несколько сезонов Зоя Петровна работала в Сургутском районе, на раскопках Барсовой горы, и на реках Малый и Большой Юган, живя по неделе — десять дней в разных поселениях. Всего Зоя Петровна побывала в полутора десятках экспедиций, которые длились от одного до четырех месяцев, заодно работая в архиве Тобольска.

Довольно долго Зоя Петровна была единственным этнографом-устроителем, т.к. Валерий Николаевич Чернецов тогда работал в институте археологии и в основном занимался археологией. Поэтому З.П. Соколовой приходилось обращаться к различным темам: археологии, материальной культуре, хозяйству, этнонимике, демографии, социальной организации, религии, духовной жизни.

После экспедиций Зоя Петровна писала научные отчеты, а на их основе публиковала статьи. Вышли и ее научно-популярные книги: «Страна Югория» (1976 год), «Путешествие в Югру» (1976), «На просторах Сибири» (1981). Первая же книга исследовательницы — «Культ животных в религиях» — вышла в свет в 1972 году; к сожалению, кандидатская диссертация З.П. Соколовой не была опубликована. После Казымской экспедиции 1956 года появились статьи исследовательницы «Загадки Юльского городка» и «Находка в Шишингах (культ лягушки и угорская проблема)», после поездки на реки Сыню и Куповат — работа «Женские и мужские культовые места», вслед за экспедицией на Вах — «Селения и жилища ваховских ханты» и т.д. В 1990 году была издана монография Зои Петровны «Этногамный ареал и этническая группа», где исследовала проблема фратрии и рода по церковным и загосевским метрическим книгам из Тобольского архива. Последняя книга З.П. Соколовой — «Жилища народов Сибири» — вышла из печати в 1998 году. Это итог работы по изучению жилища у народов Сибири, в том числе ханты и манси. Главная задача книги — усовершенствовать ту классификацию и типологию жилищ

ща, которую предложил Андрей Александрович Попов, так как постройки у всех народов Сибири очень разнообразны. В 1958 г. З.П. Соколовой была защищена кандидатская диссертация «Обско-угорское жилище и его история» в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (под руководством В.Н. Чернецова). Материалы и выводы этой работы были опубликованы автором в серии статей 1957–1960 гг.

В 1985 году Зоя Петровна защитила докторскую диссертацию, посвященную социальной и этнической истории хагты и манси в XVIII–XIX веках. С 1987 г. по конкурсу Зоя Петровна занимала должность заведующей отделом и проработала ею восемь лет. Сектор был преобразован в отдел этнографии народов Крайнего Севера и Сибири. В начале 70-х годов дирекция предложила Зое Петровне возглавить Полевую комиссию в институте этнографии, и она занималась этим пять лет. Тогда же стали выпускаться ежегодники «Полевые исследования», ответственным редактором которых была Зоя Петровна. Их целью являлось упорядочить полевые работы и отчетность по ним, обработка полевых материалов для передачи в архив института.

Всего Зоей Петровной Соколовой написано и опубликовано более 250 научных работ, важнейшими из которых можно назвать исследования по социальной организации обско-угорских народов. Ею рассмотрены проблемы племени, рода, их соответствия этническим и этнографическим группам. Важное место в трудах Зои Петровны занимают вопросы материальной культуры народов Севера. Ее монография «Жилища народов Сибири» — одно из самых значительных исследований в изучении традиционных жилищ в целом в мировой этнологии.

Статья З.П. Соколовой «Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров» выполнена на основе анализа литературных источников XIX — начала XX в., материалов полевых исследований автора (поездки на Казым, Вах и Верхнюю и Нижнюю Обь в 1956, 1957, 1958 и 1962 гг.), фотоколлекций Музея антропологии и этнографии народов СССР, а также археологических материалов.

По данным З.П. Соколовой, «жилища обских угров чрезвычайно разнообразны как по конструкции, так и по назначению, однако могут быть сведены к небольшому количеству основных типов». Она объединила эти постройки в две группы по классификации А.А. Попова: каркасные и срубные сооружения.

Как замечает исследовательница, наиболее простое по устройству сооружение в снегу применялось на Вахе и Агане: в спешном сугробе вырывалась нора, в ней на некоторое время разводился костер, чтобы

стены чуть-чуть подтаили. Нора выстилалась хвойными ветками, выход затыкался одеждой. Степы пещерки укреплялись с помощью лыж.

Во время остановки в пути охотники сооружали также из бревен и поленьев временные двускатные палатки. Тот или иной вариант постройки зависит от длительности остановки, погоды, имеющихся под руками материалов. Поэтому в устройстве таких временных сооружений нет никаких локальных особенностей.

По определению Зои Петровны, «каркасные сооружения были очень широко распространены у хапты и маиси. Каркас или остов жилища устраивался из жердей, бревен, а сверху покрывался корой пихты, ели или берестой, дерном, землей, хвойными ветвями, сеном и т.п.»

З.П. Соколова подробно описала двускатные корьевые постройки из жердей, двускатную постройку с дымовой щелью, четырехугольные берестяные постройки с односкатной крышей, конические постройки, полусферические постройки и т.д., составила карту распространения основных срубных построек обских утров (по материалам конца XIX — начала XX в.). Из карты видно, что всем восточным хапты присущ сруб восточного типа (без свеса крыши), на Агане — дощатый сруб, в верховьях Ваха — срубная полуземлянка, на Югане и Васюгане — сруб с односкатной или плоской крышей, а по Оби — сруб «западного типа» (со свесом крыши); у александровских хапты известен сруб с двускатной крышей на коньковом стояке.

Постройки были жилыми и хозяйственными (амбары). Изредка встречались бревенчатые несрубные жилища, причем двух типов.

Согласно З.П. Соколовой, большая часть построек обогревалась с помощью чучала. Хлеб пекли в специальных глинобитных печах, чаще всего каждая семья имела свою печь. Остов печи делали из прутьев, сверху обмазывали глиной. Печь имела полусферическую форму, ее ставили на невысокий сруб (в два-три венца) или помост из столбов; печь обносили изгородью. Как подчеркивается З.П. Соколовой, каждая семья имела место своего постоянного жительства. Это были в основном зимние поселения. Шатровая полуземлянка в роли зимнего жилища была известна на Оби и ее притоках (Аган, Юган, Вах, Тормаган, Салым, Васюган). Повсеместно и очень широко распространился сруб с двускатной крышей на слегах.

Не менее разнообразны, указывает З.П. Соколова, летние жилища. Чаще всего это различные корьевые сооружения. С конца XIX в. в качестве летних жилищ стали широко использоваться срубные постройки. В местах с преобладанием рыболовства летние селения состояли из рубленых, с чучалом или центральным очагом, домов.

Хозяйственные сооружения — амбары — находились возле каждого дома: Все свое имущество, съестные припасы, запасы убитой дичи, одежду ханты хранят в амбарах. Кроме того, сооружались временные амбары около лесных промысловых избушек.

По данным З.П. Соколовой, «на Вахе на зимниках для хранения припасов сооружались конусообразные шалаши из жердей, двери огораживались от снежных заносов жердями и хвойными ветками. Большая часть их сооружалась на столбах-стойках с вырубленными выемками (для защиты припасов от грызунов)».

Исследовательницей подробно описан амбар-сруб (лабаз). Амбар устанавливали на столбах, количество которых варьировалось от одного до шести в зависимости от размеров амбара. Они устанавливались на углах либо в середине двух или четырех стен амбара.

Для хранения мяса убитой дичи в лесах служили несколько иные постройки, отмечает З.П. Соколова. Это были бревенчатые или жердяные навесы на двух столбах. На навес ставили берестяные коробки с мясом. Для хранения пирт и прочего имущества строили коническую постройку из жердей (рыбий дом — *хул кам*).

Сооружений для оленей и скота у ханты было немного. Олений дом (*вели-кам*), по описанию З.П. Соколовой, «представляет собой бревенчатый сруб с двускатной крышей, крыша берестяная, на слезах, внутри разводился дымокур из болотного мха. Загоном для лошадей чаще всего служил навес из жердей или тонких бревен на столбах. На крыше хранили сено (Обь, Вах, Васюган)».

Черная баня у восточных ханты, как пишет исследовательница, представляет собой низкий бревенчатый сруб с двускатной крышей, с земляным полом. Вместо окон — прорези в стенах; каминная печь располагалась посредине или в углу. Бани появились под влиянием русского населения.

З.П. Соколовой дается описание различных навесов для копчения и вяления рыбы и мяса.

Среди культовых сооружений названы общественные юрты, где хранили изображения родовых предков. Общественные юрты строились за счет общества, их хранитель получал содержание. Это были такие же дома, только больших размеров (однанадцать шагов в длину и в ширину). Такие постройки были большими, так как должны были вмещать во время праздников много людей. Во время праздника мужчины располагались на правой стороне на парах, а женщины — на левой за занавеской.

Священные амбарчики ханты строили для хранения изображений родовых и культовых предков — в поселениях позади домов или в глухих труднодоступных местах.

З.П. Соколова приводит описание священного амбарчика по данным В.Н. Чернецова. По словам исследовательницы, «изображения родовых предков из дерева, реже из металла, представляющие собой зооморфные или антропоморфные фигуры, хранятся или в селении данного рода, или в специальных амбарчиках на родовых жертвенных местах, находящихся иногда в глубине тайги... Здесь же находились обычно и родовые сокровищницы... Охрана изображения поручается кому-либо из стариков, выбираемых из числа членов рода. Эти хранители ответственны перед родом за целостность как самого изображения, так и всего того, что находится на священном месте. В большинстве случаев родовые святилища находятся в глухих малодоступных уголках тайги, и путь к ним известен лишь членам данного рода. Они могут приходиться в любое время как коллективно, так и в одиночку, поэтому амбарчик, в котором хранится изображение, не должен запирается. Напротив, чужеродцам доступ на священное место запрещен, и они могут попадать сюда лишь присутствуя почему-либо на родовом жертвоприношении». З.П. Соколова не рассматривает здесь домики для хранения кукол, изображающих покойника, и погребальные сооружения — за отсутствием соответствующего материала.

Она упоминает о домике для роженицы *ай кат*. Это такой же дом, но очень маленьких размеров. Если у оседлых для этой цели применялись избышки, то у кочевых населения ставили обычный чум, крытый берестой или материей.

Как устанавливает З.П. Соколова, наиболее древними типами жилища обских угров являются каркасные шатровые (четырёхскатные), углубленные в землю сооружения (землянки и полуземлянки), а также различные каркасные корьевые сооружения. Развитие шатровых типов жилища выразилось в уменьшении их размеров и постепенном поднятии их на поверхность, что автор подтверждает археологическими материалами. Размеры жилища различны; есть очень небольшие, есть и крупные. Глубина жилищной ямы от уровня современной поверхности также различна.

По заключениям З.П. Соколовой, +1) землянка — один из древнейших типов жилища предков обских угров; она существовала одновременно с конической постройкой в качестве зимнего жилища; 2) развитие

землянки с шатровым покрытием выражалось в постепенном уменьшении ее размеров и глубины жилищной ямы; 3) как и у других сибирских народов, покрытие древней землянки и полуземлянки обских угров имело шатровую конструкцию; 4) тип углубленного в землю дома шатровой конструкции является древнесибирским типом и связывается также с североамериканскими материалами».

Корьсовые сооружения чрезвычайно многообразны по конструкции: простые навесы, двускатные и конические постройки, сложные сооружения с дымовыми щелями и др. Большое разнообразие форм каркасных построек обских угров, традиционность в их конструкции и планировке, подражание им в деталях в более поздних постройках — все это свидетельствует об их древности, полагает З.П. Соколова.

Анализ этнографических и археологических материалов приводит автора к выводу о восприятии обскими уграми срубной техники с запада, и, вероятно, не ранее II тысячелетия н. э. В западных и северных районах распространился сруб, который можно назвать «срубом западного типа», или «срубом со свесом крыши». В восточных районах (Среднее Приобье, Вах, Верхняя Обь) сруб более простой, без свеса крыши. Позднее всего он появился на Вахе.

Одна из последних работ З.П. Соколовой — «Жилища народов Сибири» — вышла в 1998 году. Это итог работы по изучению жилищ у народов Сибири, в том числе ханты. Главная задача работы — усовершенствовать ту классификацию и типологию жилищ, которую предложил А.А. Попов, так как постройки у всех народов Сибири очень разнообразны. З.П. Соколова следует традиции, сложившейся в сибиреведении, относить к традиционным те явления и элементы культуры, которые сложились в конце XIX — начале XX в. Основной источник работы З.П. Соколовой — «Историко-этнографический атлас Сибири» — основан на материале этого периода.

Разумеется, культура развивается, меняет свой облик, изменяются и традиции — одни исчезают, другие трансформируются, иные только формируются. Это происходит и с типами поселений, и с типами жилищ. С угасанием традиционных отраслей хозяйства в 1960-х — 1970-х гг. стала исчезать и традиционная культура.

По словам З.П. Соколовой, «народы Сибири различаются между собой по происхождению, языку, хозяйству и культуре. Если рассматривать типы жилищ, то можно заметить в них черты сходства и различий у разных групп народов. Эти различия и сходство в основном обусловле-

ны четырьмя факторами — природной средой, типом хозяйств, прохождением или этническим своеобразием, а также этническими контактами».

Как находит исследовательница, широкое расселение ханты в Западной Сибири — от тундры до лесостепи, комплектность их хозяйств и наличие самых разных отраслей хозяйства обусловили большое разнообразие их типов жилищ. (Историко-этнографический атлас Сибири перечисляет до полутора десятков их типов, У.Т. Сирелиус — более 30, в действительности их было не менее 40.) Раздел о ханты написан по ранним исследованиям З.П. Соколовой.

В 1982 г. вышла научно-популярная книга З.П. Соколовой «Путешествие в Югру», повествующая о культуре разных народов, проживающих на Обском Севере (ханты, манси, ненцев, селькупов и сибирских татар).

В первом разделе книги — «По Оби и ее притокам — к хантам» — приведены сведения о культуре ханты. Автор дает представление о ваховских и юганских ханты, их численности, местах проживания, самоназвании народа, климатических условиях, главных занятиях — рыболовстве и охоте.

На реках Вах, Сыня, Куповат З.П. Соколова изучала разные хантыйские способы и орудия лова рыбы, типы их лодок, а также образ жизни ханты, связанный с сезонным рыбным промыслом. Исследовательница дает описание заборного и сетевого рыболовства на притоке Ваха р. Камесъеган и хозяйственного календаря. Как пишет З.П. Соколова, «рыболовство остается основной отраслью хозяйства ханты. Оно определяет весь их жизненный уклад, быт, оказывает влияние на культуру — тип поселения и жилища, пищевой рацион, одежду и обувь». Автор дает представление о традиционных планировке и интерьере хантыйского дома любой конструкции, известных нам с глубокой древности и бытовавших еще у предков ханты. Конструкция жилища тоже древняя, общесибирского типа, и восходит, по предположению З.П. Соколовой, еще к эпохе неолита.

Говоря о пище ханты, автор констатирует, что по-прежнему любимыми остаются блюда из рыбы. Ее ханты едят много — и свежей, и мороженой, и сушеной, недаром их называли рыбацкими.

Приводит описание одежды нижнеобских ханты; З.П. Соколова отмечает, что «традиции больше всего сохраняются в современном зимнем костюме ханты. Это малица, совик, или гусь, — глухая, без разреза

спереди одежда из оленьих шкур, с капюшоном. Женщины носят распашные двухслойные шубы из оленьего меха. Обувь — сапоги из меха оленя с меховыми чулками. Эти типы одежды похожи на пенечские, некоторые заимствованы у последних вместе с оленеводством».

А на Вахе некоторые охотники носят традиционную меховую одежду из звериных шкур или стеганую, из ткани. Она короткая, до колен, ее запахивают на левую сторону и тоже завязывают ремешками. Под верхнюю одежду надевают покупные или сшитые рубашки, брюки, платья, юбки. Некоторые женщины на Казыме, Куповате, Сыле, Агане носят очень красивую традиционную одежду. Чаще всего халаты и платья женщины носят без поясов, а на Югане женщины непременно подпоясывают халат широким цветным, но гладким поясом, дважды обертывая его вокруг талии и завязывая сзади. На Югане З.П. Соколова встречала пожилых мужчин в рубахах традиционного покроя. Непременная принадлежность каждой женщины — рукодельный мешочек с нгольщиком, дает описание казымского нгольщика.

Изучением народного творчества автор книги занималась у всех групп хапты, которые посетила во время экспедиций. Прикладное искусство — одна из наиболее стойких традиций, о чем сказано в разделе «Узоры на бересте».

В 2000 г. к 70-летию юбилею доктора исторических наук, профессора Зои Петровны Соколовой выходит сибирский этнографический сборник «Этнография народов Западной Сибири» (Вып. 10). В сборнике представлены некоторые результаты современных этнологических исследований финно-угорских и самодийских народов Западной Сибири. З.П. Соколовой написана статья «Платок в культуре хапты и манси», где автор обращает внимание на два традиционных способа ношения платка: 1) его складывали по диагонали с равными верхними концами или так, чтобы верхний конец был короче, и набрасывали на голову таким образом, что два боковых конца свешивались на грудь, закидывали на спину, спускали на спину и плечи; 2) платок с подогнутым верхним краем набрасывали на голову в развернутом виде, вроспуск, так, что два его конца свешивались со спины до талии или по плечам, а два других — по обе стороны лица. При этом часто предварительно платок подгибали спереди примерно на ширину пришивной полосы-надставки, оставляя подогнутую часть сверху. Платок нередко припускали надо лбом, а чтобы руки были свободны, женщина, когда было пужно, закрывала лицо, придерживая один конец платка зубами». В статье говорится о манере

пошения платка женщинами у ханты и манси и использовании обряда избегания. Первоначально платок был куском ткани, что вплотную сближает его с традицией покрывала, распространенного в южных странах, особенно на Кавказе, в Средней и Передней Азии, Индии. З.П. Соколова рассматривает различные (не менее шести) способы пошения платка у ханты, в том числе наиболее простые и древние формы пошения платка-покрывала. Платок использовали как атрибут культовых предметов, платок надевали на изображения духов жеского пола (Вут-имп с р. Казым), ими покрывали жертвенную шкуру лошади, голову медведицы на медвежьем празднике; платки — лучшее приношение духам. Исследуя характер и значения южных элементов в культуре ханты и манси, З.П. Соколова пришла к выводу о южных истоках их обычая закрывать лицо платком. Весьма важным является то, что в отличие от ханты и манси большинство народов Сибири имело традиционные головные уборы (чаще всего капорообразные) и не носило платков (пенцы, энци, иганасаны, долгапы, эвепки, эвены, якуты, юкагиры, коряки, чукчи, народы Амура, кроме удэгейцев и нигедальцев, эскимосы, тувинцы, буряты, часть алтайцев и селькупов), что обусловлено экстремальными климатическими условиями.

Зоя Петровна подготовила более десяти аспирантов. Это Надежда Васильевна Лукина из Томска, Антон Михайлович Иванов и Николай Сороп-Чайков из Москвы, Анна Анатольевна Сирина из Иркутска, Кан Дэ Квон из Кореи, Ацуси Есида из Японии, Виктория Ивановна Сподина из Мегнона и другие.

После окончания аспирантуры в 1956 году Зоя Петровна всю свою жизнь проработала в Институте этнологии и антропологии Российской академии наук, в секторе по изучению социалистического строительства у малых народностей Крайнего Севера, который со временем был преобразован в отдел этнографии народов Крайнего Севера и Сибири.

ББК 26.89

З 30

- З 30**   **Западная Сибирь : история и современность : краеведческие записки. Вып. VIII / МУ «БИС» ; НГГУ ; сост. Е. К. Компанец. — Тюмень : Мандр и К^а, 2006. — 400 с.**

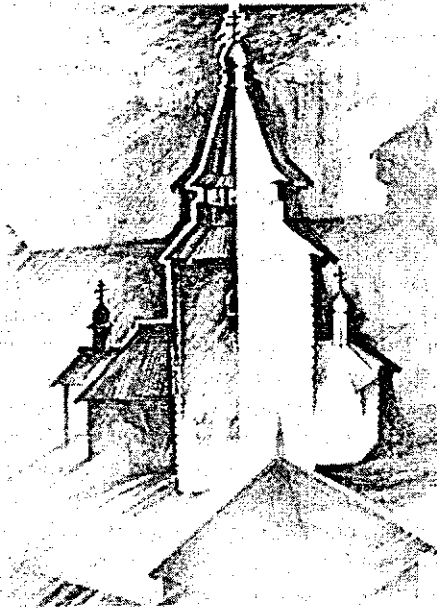
Редакционная коллегия

- Солодкин Я.Г.**, профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета (ответственный редактор);
- Алексеева Л.В.**, доктор исторических наук, профессор НГГУ;
- Мазин В.А.**, кандидат культурологии, доцент НГГУ, член Союза писателей России;
- Смирнов Н.П.**, член Союза журналистов России и член Союза писателей России;
- Ванюжина В.С.**, главный библиограф отдела краеведения Нижневартковской ЦГБ;
- Компанец Е.К.**, главный библиотекарь отдела краеведения Нижневартковской ЦГБ.

- © Компанец Е.К. (составление), 2006.
© Кухтерин А.С. (обложка), 2003.
© Бычков Ю.А. (иллюстрации), 2006.
© МУ «БИС», г. Нижневартовск (издание), 2006.
© Мандр и К^а (оформление), 2006.

ISBN 5-93020-385-7

ИСТОРИЯ

А.Б. Даутбеков

Сибирское ханство

В конце IV тысячелетия до н. э. тюрко-арийские племена, жившие в Западном и Юго-Западном Казахстане, стали двигаться по двум маршрутам на восток. Первый маршрут пролегал из Западного Казахстана в Северный и Центральный Казахстан, а оттуда в Сибирь. Второй поток тюрков-арийцев двинулся из Юго-Западного Казахстана через Южный Казахстан в Восточный Казахстан, а оттуда в Западную Сибирь, Алтай и Прибайкалье и дальше.

Рядом с местными неолитическими племенами селились пришедшие с запада, из-за Волги, племена скотоводов. Несколько волн миграции индоевропейских племен, в особенности носителей ямной культуры, постепенно проникли столь далеко на восток, что связанные с ними археологические памятники или родственные археологические культуры обнаруживаются не только в Казахстане (район современной Караганды), Сибири, но и даже на Енисее и в Западной Монголии (афанасьевская культура).

В конце IV тыс. — начале III тыс. до н. э. телега тюрков-арийцев докатилась с берегов Волги до сибирских просторов. Если обратиться к материалам антропологии и археологии для того, чтобы точнее и четче определить ареал проживания тюрков-арийцев и других племен, то можно прийти к следующим выводам.

Ученые-антропологи установили, что древними поселенцами территории от Волги до Байкала были люди двух типов европеоидной расы — андроновской и средиземноморской. На мой взгляд, к андроновскому типу европеоидной расы относились люди, жившие здесь испокон веков, т.е. обско-угорские племена. Они населяли территорию Южного Урала, Центрального, Северного, Восточного Казахстана, Сибири и Алтая. Местное население под давлением развитых народов с колесно-упряженным транспортом выселили или выжали, возможно, завоевали их земли и народы. К средиземноморскому типу европеоидной расы относились тюрки-арийцы и ираноязычные племена аланов. Они вначале жили в юго-восточной Европе, на западе и юго-западе Казахстана, затем устремились на восток.

Этнические различия двух групп древнего населения проглядываются в практике погребальных обрядов — трупосожжении и трупоположении, т.е. захоронении в могильной яме с курганной насыпью. Трупосожжение характерно для Центрального Казахстана, частично Приаралья, Восточного, Северного и Западного Казахстана, Южной Сибири, т.е. в местах обитания местных племен.

Захоронения в могильной яме с курганной насыпью характерно для тюрков-арийцев. Покойника клали на спину с вытянутыми ногами. Для этих памятников (бегазы-дандыбаевской культуры) характерно, с одной стороны, сохранение андроновских традиций, с другой — появление новых элементов культуры: особого типа надгробных сооружений приземистой шаровидной формы. Нетипичен для андроновской культуры и погребальный обряд. Наряду с обычными, скорченными, встречаются вытянутые трупоположения на спине. Такой обряд захоронения широко распространен у скотоводческих племен, живших на территории Казахстана позднее, в эпоху раннего железа.

Тесные культурно-хозяйственные связи, существовавшие в пределах мира охотников и рыболовов, ярко отразились в археологических материалах. Наиболее четкие контакты могут быть прослежены с племенами кельтеми-парской культурной общности, обитавшими в северных областях Средней Азии. Рельефнее всего они проступают у племен Южного и особенно Западного Казахстана. Целочки древних контактов уходят далеко на север и северо-запад в Приуралье и Западную Сибирь, проявляясь в особенностях формы кремневых орудий и в типах орнаментированной глиняной посуды. Культура племен Северного и Восточного Казахстана, обнаруживая сходство с культурой населения Средней Азии, в то же время была более близка алтайским и прибайкальским племенам новолкаменного века.

В исторической науке существует ряд гипотез. По одной из них предполагается, что андроновская культура возникла в результате пропикновения пришлого из Средней Азии населения в среду казахстанских неолитических охотников и собирателей. Оно принесло с собой навыки и формы производящего хозяйства. Такой контакт и привел через несколько столетий к возникновению в степной и лесостепной зоне качественно новой культуры андроновских племен. Эта точка зрения отражает истину, но есть моя существенная поправка: тюрко-арийские племена двигались не только с юга, но и с запада.

Среди кочевников Евразии тюрки-арийцы первыми освоили производящее хозяйство, основанное, в первую очередь, на скотоводстве.

Следы скотоводства прослеживаются только в верхних слоях кельтеми-парской культуры и датируются III тысячелетием до н. э. Северная степная зона Центральной Азии не знала производящего хозяйства до этого времени.

С конца IV—II тыс. до н. э. в Северный и Восточный Казахстан, Алтай и Сибирь, Прибайкалье, Северную Монголию стали активно проникать тюрко-арийские племена, вживаясь в среду андроновцев (местных жителей). Хотя нельзя исключать того, что к определенной массе андроновцев могли относиться еще и первые волны миграции тюрко-арийцев. Появление в начале III тыс. до н. э. колесно-упряжечного транспорта тюрков-арийцев в Сибири — наиболее яркое доказательство этих миграционных процессов. Именно в это время началось объединение андроновских племен в союзы племен [7: 80].

На Алтае и в Сибири стала складываться новая этническая ситуация. Тюркский лингвистический пояс не только крепчал и развивался, но и охватил новые сопредельные земли. Древний тюрко-арийский язык впитывал в себя словарное богатство обско-угорских, тунгусо-маньчжурских, кыргайских и тибетских племен. В конце II тыс. до н. э. тюрки-арийцы, живущие между Обью и Енисеем, пытаются объединиться в племенные союзы.

Термин «тюрк» первоначально не имел этнического значения, а являлся термином социальным. Он происходит от слова «тюркуп» — так называли в степях военную знать. Постепенно этот термин приобрел этническое название, тюрками стали называться все объединенные «тюркунами» племена.

В середине VI века (552 г.) на территории Алтая и Сибири образовалось обширное государственное объединение раннефеодального типа — Тюркский каганат.

* * *

Древнейшие очаги тюркского этно- и глоттогенеза (т.е. территории формирования этносов и языка) неразрывно связаны с восточной частью Евразийского континента — Центральной Азией и Южной Сибирью, от Итиля (Волги) до Хингана на востоке, а на севере — где ступала нога коня. Этот огромный регион не был изолирован от соседних цивилизаций. Трассы миграционных процессов проходили через всю Великую Степь. Общей особенностью тюркоязычных племенных объединений древности и средневековья были их неустойчивость, мобильность, способность легко адаптироваться в составе вновь возникающих объединений.

И только в пределах обширных хронологических периодов заметно, что миграции подчинялись общей закономерности — смещению тюркоязычных групп с востока на запад.

«По мнению А.В. Горюнова, татары сибирские происходят от народа «сибир», сложившегося в результате смещения местного угро-самодийского населения с пришлыми в Сибирь в IV веке до н. э. хуннами. Проникновение тюркских племен в Сибирь подтверждают Р.Г. Кузаев и Н.Н. Монсеева.

Есть и другая точка зрения. Согласно З.П. Соколовой и Б. Сулейманову, лишь в V–IV вв. до н. э. с Алтая и из центральных районов Казахстана стали переселяться тюркские племена. Г.Ф. Миллер и М. Мамонов считают, что проникновение тюркских племен датируется XIII веком» [10].

Единственная генеалогическая легенда о происхождении кимаков, а точнее, о начале формирования их племенного союза, сохранена Гардизи (XI в.), который использовал источники VIII–IX вв., т.е. того же времени, что и список тюркских племен Ибн Хордадбека, начальника государственной осведомительной службы (разведки и контрразведки) и почтовой службы. В своей книге «Книга путей и провинций» он приводит некоторые сведения о проживавших за рекой Аму-Дарья племенах. Легенда связывает возникновение кимакского союза с племенем татар, что послужило поводом для поиска предков кимаков среди монголоязычных племен Центральной Азии. Однако Махмуд Кашгарский, основательно знакомый с языками тюрков, относит к этим языкам не только кимакский (йемекский), но и наречие татар, оговаривая, впрочем, что у них свой диалект.

Историк Кляшторный упоминает о татарах в своих работах. Работая с первоисточниками, я заметил, что он пишет о них впервые и нигде больше не показывает. Для этого необходимы некоторые пояснения. Представления о древних татарах как едином монголоязычном народе, жившем в VIII–IX веках на востоке Монголии, далеко не точны. Орхонские надписи пишут об *отуз татар* (тридцати татарских племенах), а затем о *токуз татар* (девяти татарах), т.е. о громадных и неустойчивых племенных сообществах. Персидский историк конца XIII в. Рашид ад-Дин вообще отрицает какое-либо единство татар в прошлом и настоящем, рассказывает о вражде и постоянных войнах татарских племен между собой. Упоминает, что до монгольских завоеваний было шесть отдельных татарских государств, а вообще же татарами тогда именовались многие тюркские племена.

На юго-востоке Туркестана в IX—X вв. существовала большая и политически организованная группа татарских племен, имевшая своего государя и поддерживавшая дипломатические связи с Китаем. Сочинение «Худуд ал-алем» (Граница мира), анонимная переидская география X века, связывает их с токуз-огузами (они из расы токузгузов). А страну, т.е. Восточный Туркестан, не без некоторого преувеличения называет «страной токузгузов и татар» [7: 128—130]. На западе и юго-западе кимак граничили с семиреческими и приаральскими огузами, на юге — с карлуками, на востоке — с государством енисейских киргизов. Крушение Кимаковского государства в конце X века или начале XI века связано с миграциями племен в Великой Степи.

В 1055 году до границ Руси докатывается вал передвижений новых степных племен. Все они были связаны с кипчаками, как об этом сообщают мусульманские авторы. Но в новых местах обитания этнополитический термин «кипчаки» не прижился. На Руси перевели на славянский: имя первых появившихся племен *шары* (желтый, половецый), и все пришельцы получили название *половцев*, а степь стали называть *Подем половецким*. Тех, кто ушел за Дунай, венгры называли их именем *кыры*, но одновременно появилось и другое их название — *кылыны*, как полагают — по имени одного из их вождей [3: 402]. Не исчезли и *кай* — русские летописи многократно упоминают каяпичей, кайоба, т.е. «племя кай».

Надо признать, что средневековая мусульманская историография — прежде всего историография повелителей (султаны, халифы, шахи, падишахи), уж потом упоминаются политические союзы и военная история. Появление подвижников, воспалачальников, государственных деятелей обусловлено на подмостках истории в третьих ролях, а остальные — только лишь орудие в руках первых. Их не интересовали народы, простые люди, ибо те, кто писал события, делали это по чьему-то заказу. Повелителей больше всего интересовало завоевание территорий и обогащение.

Северные земли от среднего течения Иртыша и вверх завоевателей больше привлекали пушниной, которую новгородцы сбывали в заморские страны, а сибиряки — в казахстанские степи. К примеру: Великому Новгороду было завидно, что в XI веке вогулы и остяки (предки народов ханты и манси) занимали обширные территории до реки Печоры на западе. Военные экспедиции росичей доходили до зауральских владений обских угров. С XIII века по XV Югра значится как волость Новгорода. Примерно в это же время на обладание этой территорией претендовало Владимиро-Суздальское государство. Давление, оказываемое обоими го-

сударствами, вынудило кипчакские племена за Урал, где их территории примерно совпадают с нынешними. Бухара, а за ней Мавераннахр и другие государства, желая обладать шелковистой пушниной, струящейся разноцветным отражением, наводили торговые переправы. Москва появится на этой авансцене лишь в середине XIV века.

В итоге военных действий 1219—1241 гг. территории Дешт-и-Кипчака и Мавераннахра вошли в состав империи Чингис-хана. Он раздал своим детям завоеванные и даже незавоеванные земли. Как и все, старший его сын Джучи-хан (Жоны) получил в наследство еще и восточный улус (йурт — позже получивший название Золотой Орды) татаро-монгольского Улуг Улуса в XIII веке, расположившийся на юге Западной Сибири по Тоболу и Иртышу и в Казахстане. После смерти Джучи-хана власть над этими землями переходит к его сыну, внуку Чингис-хана, Батю, который разделит их на две части. Сибирская часть досталась брату Батю Шейбани-хану (основателю династии шейбанидов, третьему сыну Джучи). В его улус входили в числе прочих и земли обско-угорских племен. После смерти Шейбани на его бывшей территории возникли два ханства: Ишимское и Тюменское.

Отсюда и вопрос: как могут уместиться десятки потомков там, где было тесно одному Чингис-хану. На западе монгольского царства вели борьбу за власть Берке и Хулагу, на востоке — Хубилай и Хайду, в центре сражались Арык-Буга и Алгуй. В конце концов по желанию старухи Истори Улуг Улус прекратил свое существование, но началось это с Сибирского ханства.

В XIII веке Тайбуга, потомок основателя местного керентского рода Тогрул-хана, получивший тамгу на правление землями на среднем Иртыше, Тоболе, Ишиме, Туре, заложил г. Чимга-Тура (Тюмень). Кроме кересов и кипчаков в его владения вошли земли, населенные тюркоязычными племенами, которые позже составили этнос сибирских татар, а также часть вогулов и остяков.

Все, что происходило в Улуг Улусе, непосредственно отражалось на положении Золотой Орды в Западной Сибири. До конца XV века она была автономной частью Ак Орды (Белой Орды), а в 1398 г. здесь укрепился Токтамыш (Токтамыс). После его смерти в Чимге-Туре (1405 г.) тайбугинцы пытались отделиться от Золотой Орды и создать собственное государство. При их поддержке в начале 20-х годов был провозглашен шейбанид Мухаммед-Кожа, а в 1428 г. — 17-летний шейбанид Абулханр в центре улуса Ибиль-Сибирь. В 30—40-е годы XV века

ему удалось объединить под своей властью левое крыло Золотой Орды. Он завоевал Туркестан, Жетысу, Северное Приаралье, безуспешно воевал с ойратами (джунгарами). Земли от Волги до Иртыша получают название Узбекский Улус, которое связано с именем хана Узбека (Узбека), чей авторитет был настолько велик, что всех его подданных стали называть в XIV веке узбеками. В 1468 году Абулханр умер недалеко от урочища Алматы, а его войско вернулось назад в Сибирь.

На остатках бывшего могущества Золотой Орды, на ее развалинах появляются новые государства — Казахское, Ногайское, Сибирское. Стал самостоятельным ханством Крым. Отделились Казань и Хаджи-Тархан (Астрахань). Взвилось знамя Ногайского улуса (Орды) на юго-западе Казахстана. В Кок Орде (Спней Орде) началась междоусобица. Потомки Шейбани-хана и потомки Орыс-хана (Урус-хана) стали выяснять отношения, истребляя самих себя и народы. Раскололось надвое племя, другое, третье. Потерял брата брат, сестру — младшая сестра. А ведь начал войну Шейбани и там же нашел свою смерть.

В конце 60-х годов в Тюменском ханстве укрепляется Ибрагим (Ибак-оглан), который после смерти Абулханра был провозглашен ханом. Так образовалось независимое Сибирское ханство, поглотившее Ишимское и Тюменское ханства, населенное керейми, пайманами, уаками, кипчаками, а также вогулами и остяками (ханты и манси, пещеры и селькупы) и сибирскими тюрками (татарами). Господствующее положение занимал род Тайбути, из которого происходили сибирские мурзы, осуществлявшие верховную гражданскую, судебную и военную власть. Периодически на первый план выдвигались чингизиды, оттеснявшие тайбутицев на второй план.

К концу 70-х годов сложился союз между Сибирью, Ногайским Улусом, Москвой и Крымом. В 1480 г. хан Ахмет, правитель Золотой Орды, начал поход на Москву, но застрял на реке Угре. В этот момент на Сарай напали отряды Ибака и Мусы (потомок бия Едиге, последнего правителя Улуг Улуса, который погиб в 1419 г. во время битвы). Убив Ахмета в 1481 г., Ибак становится ханом древней столицы Улуг Улуса — Сарай. Чувствуя непрочность своего положения, хан стал налаживать свои отношения с Москвой, но тайбутинская знать, недовольная его политикой, в 1495 г. подняла мятеж. Ибак-хан был убит в династийной распре потомком местной татарской родовой ветви Тайбути Мамстом — внуком Мара, который построил себе новую столицу Сибири. Новый правитель Сибири перенес столицу в г. Искер (Искер — дословный

перевод с тюркского: *секи ер* — старая земля), опасаясь мести шейбанидов в старой столице.

Но что такое для истории пятьдесят лет — мгновение! — колесо ее опять повернулось вспять. А в 1555 году новый правитель Сибирского ханства Едигер просит Ивана IV принять его земли в Московское подданство из-за неутраченной грымзы между шейбанидами и тайбунтидами. Он рассчитывал уничтожить соперника при помощи Москвы. Но его одолел шейбанид Кучум (Кошим), поначалу не очень возражавший Московскому государству против владения Сибирским ханством. Не просто одолел, разгромив, а захватил власть над народами и объявил себя ханом. Приказав истребить весь род, пошедший от Тайбути, вплоть до новорожденных, Кучум полагал, что теперь все народы Сибири будут навечно в его руках. Стреложенные в пору династии Тайбути, но со временем ослабившие путы и пасущиеся на длинном аркане, близлежащие вогулы и остяки вновь poznali твердость ханской власти. Его столица находилась в г. Канлык (Искер, Сибирь), однако ставка хана находилась в окрестностях современной столицы Казахстана Астаны, у озера Коргалжин.

Пока Московское государство воевало с другими внешними врагами, Кучум приступил к энергичному укреплению своей власти. Для этого хан провел ряд реформ, усиливших центральные органы власти, построенные по образцу среднеазиатских государств. Государство делилось на улусы во главе с мурзами. Основные племена ханты и манси были автономны и возглавлялись собственными князьками. Под управлением Сибирского ханства оказались территории бассейнов рек Иртыш, Тобол и Тура. Но этого хану было мало — рука правителя простерлась над территорией вдоль реки Конды и среднего течения Оби.

Кучум, осознавая шаткость своей власти, решил пойти по другому пути. Опираясь на родственников из бухарских правителей рода Шейбани, стал проводить политику неламизации подвластного населения. Всего-то нужно было произнести: «*Ля иллях иль-аллах, Мухаммед — расул аллах!*» (Нет бога, кроме аллаха, а Мухаммед — последний пророк). Произнесение трижды эти волшебные слова должны были в мгновение ока стать мусульманами. Человеку под страхом смерти повторить их было легко, но стать в мгновение мусульманином — трудно. Вогулы и остяки, накинув на лица своих богов платки, стали ожидать лучшего будущего, продолжая ненавидеть пришлый народ.

Хан Кучум не унимался. Имея высокопоставленных родственников из Бухары (линия Шейбани-хана), он договорился о направлении в Сибирское ханство (1572 г.) двух духовных мусульманских миссий, которые не имели в этих краях значительного успеха. Местный народ сохранил свою веру, упорно сопротивляясь духовному насилию. Только после третьей попытки, которую предпринял мулла Шербети-шейх, на территории Сибирского ханства началась исламизация населения. В 1581 году, уверовав в свои силы, хан полностью отверг свои отношения с Москвой. Его подручные князьки стали нарушать договоры и нападать на приуральские владения Москвы. В октябре 1582 года (7091 год от сотворения мира по византийскому летоисчислению) Ермак (батыр Жармак, так его знали казахи) во главе отряда казаков в 590 человек разбил сводные войска хана Кучума и занял Искер, столицу Сибирского ханства. Этот день должен считаться началом нового времени не только в истории Западной Сибири, но и народов более восточных земель — Тунгусского и Дальнего Востока, а если хотите — кошмом истории старого времени. В 1586 году победитель Сибири Ермак погибает, а его дружина возвращается в Приуралье.

Поняв, что война с северными путем обращения своего народа в мусульманство не принесет ему большой славы, хан переключился на другие дела. Не успокоившись, Кучум решил прибавить себе казахские земли, прогнав соседей с их исконных земель. Составленное из погайцев, его отборное конное войско было наголову разбито казахскими отрядами во главе с ханом Хак-Назаром, погиб родной младший брат Кучума — Ахмет-Герей. Многочисленные племена южной территории Сибири взяли да целиком перешли к казахам. Не откочевали, не переселились, а именно присоединились. Сибирский хан испугался, но лишь на время: в это время был убит правитель казахов Хак-Назар. Как обычно, между его родственниками началась междоусобица, да тут и родственник бухарец Абдулла (шейбанид) прошелся со своим войском по казахским землям. С востока на казахов напали ойраты, с запада — погайцы.

Кучум, обосновавшийся в североказахстанских степях, пытался отбить Западную Сибирь, но потерпел сокрушительное поражение на реке Ишим, а окончательно был разбит в 1598 году в Барабинских степях. Тюркоарийская волна, перелетевшая в исламскую грозу, потихоньку спадает.

Пользуясь сложившейся ситуацией, казахи попытались закрепить за собой долину Тобола до впадения его в Иртыш. На престол был посажен

сторонник казахов — тайбугицкий бий Сейдахмат, вскоре повернувшийся лицом к Москве. Откочевавшие на юг многочисленные казахские роды, жившие в Сибири, приняли подданство казахского хана Есма. Часть из них в 1601 г. провозгласила сибирским ханом Али — сына Кучума, но это уже были отголоски прошлого. Кучум бежал к родственникам-шейбанидам в Бухару, чтобы несколько позже потерять свою жизнь в ходе междоусобиц за власть. Его родственники поступили на службу к русскому царю и стали московскими дворянами.

Государства ищут выход из распрей, все больше поворачиваясь к Великой Руси. К этому времени расправившая свои плечи от золотоордынского ига, Русь встала на ноги и широко размахнула руками. Сибирское ханство распалось само по себе. Пала после жестокого боя Казань. Следом покорился и Хаджи-Тархан (Астраханское ханство), переименованный в Астрахань. Пока неподвластными ей остались погрязшее во внутренних распрях Крымское ханство и озбоченная собственными бедами Ногайская Орда. Именно тогда сложились основные принципы политико-административной и социально-экономической организации территорий, именуемой Югрой.

Гибель Ногайского и Сибирского государств в конце XVI — начале XVII в. вызвала отток казахского населения из междуречья Едилы и Жанка (Урала и Жанка), со среднего течения Тобола, Иртыша и Ишима. Эти земли подпадают под влияние калмыков и Москвы.

В 1585 г. в Сибирь прибыл русский отряд во главе с И. Мансуровым, год спустя рядом с Чимги-Турой была заложена крепость Тюмень. В 1587 г. была заложена еще одна крепость — Тобольск. Сибирь стала принимать тот облик, который мы называем — форпост России в Азии.

В Западной Сибири татары состоят из трех этнических групп: томские, барабинские и тобольско-иртышские. На территории области проживают татары, которые соответственно делятся на тюменских, тобольских, ясколбишских, яли заболотных, курдаско-саргатских и тарских. Наиболее сильное угро-самодийское влияние испытали тобольские и заболотные татары. Различаются и диалекты: тобольско-иртышский, барабинский и томский, которые делятся еще и на ряд говоров. Соответственно, некоторые исследователи считают сибирских татар самостоятельным народом, но другие придерживаются иного мнения: они — диаспора татар Поволжья [10: 179].

Заключение

Один из величайших умственных успехов нашего времени состоит в том, что люди наконец поняли, что мы не безродные. И у нас тоже были свои герои и злодеи, славные победы и горькие поражения. О том, что на древней угорской земле некогда тоже клочкотали шекспировские или другие страсти, мы узнаем из книг о прошлом разных людей, не побоявшихся вынести свое мнение на суд читателей.

Выходцы из Великой Степи и Западной Сибири сделали очень много для России. Адмирал Ушаков, князь Черкасский, Суворов, Тургенев, Огарев, Тухачевский, Давыдовы, Мусины-Пушкины, Бердяев, Тимирязев, Чаадаев и другие. (Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году, и История русской родословной.) Полистайте двухтомную работу А. Баскакова «Русские фамилии тюркского происхождения», и вы увидите, а главное, откроете интересные случаи с фамилиями.

Народы, населявшие просторы Западной Сибири, Алтая, Казахстана, на определенной ступени жили в неразрывном единстве. Присущими для этой эпохи приметами были миграции, а вместе с ними непостоянство и неопределенность, боевые действия и захваты земель, систематическое сменение, а то и взаимопоглощение местных пришлыми народами.

Между сильным востоком и западными регионами постоянно происходило размежевание, приводившее к войне между властителями, которая в известном смысле была горем для простого народа, влечившего жалкое существование. Появляются различия в территориях, экономике, языке. Рождаются новые дети от пленниц из Дальней и Ближней Азии, меняются рост, цвет кожи и глаз, в обиход вводятся новые слова. Через триста—пятьсот лет возникают новые группы народностей со своим менталитетом, образом мышления — за счет слияния и обновления группы крови.

Деление на своих и чужих настолько становится сильным, что происходит перегруппировка народов. Но и здесь нет спокойствия — одна эпоха сменяется другой, один этногенез сменяет другой. Европеиды меняют цвет кожи, глаз и волос, постепенно принимая современный вид.

Трудно быть гражданином своей страны. А это значит, что надо воспринимать всю тяжесть истории страны такой, какая она есть — с болью и радостью, трагедией и победами, достижениями и заблуждениями. Только такая история учит, но она не пишется в один день.

Литература

1. Аджи, М. Тайна святого Георгия. Алматы, 1997.
2. Акселеу, Т.А. История кочевников. Алматы, 1995.
3. Бартольд, В.В., Ионостранцев, К. Хунны и гуны. СПб., 1990.
4. Бернштам, А.Н. Очерки истории гунов. Л., 1951.
5. Есенберлин, И. Кочевники. Трилогия. Алма-Ата, 1967.
6. История Казахской ССР. 1-5 тома. Алма-Ата, 1979.
7. Кляшторный, С.Г., Султанов, Т.К. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.
8. Кузембайулы, А., Абыль, Е. История Казахстана. СПб.: Соларт, 2004.
9. Магауин, М. Вешние снега. Исторический роман-диалог. Алма-Ата: Жалын, 1985.
10. Малицкая, Р.Л. Татары сибирские // Югория: энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа.
11. Редер, Д.Г., Черкасова, Е.А. История древнего мира. М., 1979.
12. Рябенкий, Ф.Н. Социальная и этническая экология. Тюмень, 2004.
13. Тажутов, А. Куманы, половцы, кыпчаки, казахи. Алматы, 1998.
14. Хазанов, А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000.

**Казань—Астрахань—Сибирь
(«Ермаково взятие» «Кучумова царства»
в восприятии русских книжников XVI—XVII вв.)**

Еще Н.М. Карамзин отмечал, что с завоеванием русскими Казани и Астрахани и признанием вследствие этого ханом Сибири Едигером даннической зависимости от России та «открыла себе путь к неизмеримым приобретениям на Севере Азии»¹. Выдающийся историк конца XIX — первой трети XX в. С.Ф. Платонов, в творчестве которого существенное место принадлежало сибирской тематике², писал, что движение Московского государства за «Камень» было результатом «военных и колонизационных успехов», достигнутым им благодаря покорению Казани и Астрахани³. Другой замечательный отечественный ученый А.А. Зимин находил, что «включение Среднего и Нижнего Поволжья» в состав России открыло ей «дорогу в Сибирь»⁴. Любопытно, что уже московские дипломаты и книжники конца XVI — XVII столетия передко объединяли завоевание «бусурманских» ханств, располагавшихся на берегах Волги, и «юрта» Кучума.

В представлении А.В. Лаврентьева в общерусский повествовательный контекст «Сибирское взятие» стало включаться с 1630 г., когда возникла первая редакция официального Нового летописца (*далее* — НЛ)⁵. Однако

¹ Карамзин, Н.М. История Государства Российского. М., 1989. Кн. 2. Т. 8. Стлб. 141.

² См.: Митрофанов, В.В. Проблемы истории Новгорода Великого, Поморья и Сибири в творчестве С.Ф. Платонова. Нижневартовск, 2005. С. 131–156; Он же. Некоторые проблемы истории Сибири в трудах С.Ф. Платонова // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: кол. моногр. Нижневартовск, 2006. Ч. 1. С. 78–94.

³ Платонов, С.Ф. Смутное время. СПб., 2001. С. 246.

⁴ Зимин, А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 81. Ср.: Скрынников, Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 6.

⁵ Лаврентьев, А.В. Известия о Сибири в русских исторических сочинениях XVII века и их источники (Новый летописец, Свод 1652 года, Лагухинская Сте-

о завоевании Иваном Грозным Казанского, Астраханского и Сибирского ханств говорилось еще в Хронографе второй редакции (1617 г.)⁶. Полвека спустя Г.К. Котошихин упоминал о возглавленных первым московским царем походах на эти ханства и пленении тогда их правителей⁷. (В действительности «гордояростный» самодержец принимал участие только в «Казанском взятии».) Тогда же о подчинении Грозным Казани, Астрахани и Сибири должны были заявить русские дипломаты в Испании, о чем и напомнил англичанин С. Коллинз⁸. По свидетельству его соотечественника Д. Горсея, Иван IV присоединил к «Московии» Казанское, Астраханское и Сибирское ханства, а заняв царский трон, Борис Годунов стал владеть этими странами⁹.

В послесловии к Триоди Цветной 1591 г. Казань, Астрахань и Сибирь названы «новопросвещенными землями»¹⁰. При Борисе Годунове и Василии Шуйском московским дипломатам на переговорах с польско-литовскими предписывалось объявить, что Бог «даровал» России царства

пенная книга) // Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв.). М., 1986. С. 134.

⁶ Русская историческая библиотека (далее — РИБ). СПб., 1909. Т. 13. Стлб. 1275. — В конце XVII столетия об этом же писал Боголеп Адамов. См.: Богданов, А.П. «Хронографец» Боголепа Адамова // Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). Л., 1988. Т. 41. С. 396.

⁷ Памятники литературы Древней Руси (далее — ПЛДР): XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 252. — Дьяк Иван Тимофеев писал о завоевании Грозным «яростивых агарянских царств». Согласно Летописной книге, «яростивый» самодержец покорил Казанское ханство и многие другие «бусурманския государства» (Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 150. Ср.: С. 147; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 358).

⁸ Коллинз, С. Пынешнее состояние России // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее — ЧОИДР). 1846. Кн. 1. С. 14; Шмидт, С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 215.

⁹ Горсей, Джером. Записки о России: XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 52, 90, 91, 133. Ср.: С. 51, 106, 147. — Побывавший в России в 1588 г. Д. Флетчер назвал Казань, Астрахань и Сибирь местами ссылки (Флетчер, Джильс. О государстве Русском («Of the Russe Common Wealth») / под ред. кн. Н.В. Голицына. СПб., 1911. С. 50), что подтверждается документально. См.: Солодкин, Я.Г. О географии ссылки в России конца XVI — начала XVII в. // География и экология. Нижегородск., 2003. С. 116–123.

¹⁰ Новосадский, И.В. Возникновение печатной книги в России в XVI в. // Иван Федоров первопечатник. М.; Л., 1935. С. 46; Демин, А.С. Писатель и общество в России XVI–XVII веков (Общественные настроения). М., 1985. С. 36. — Ранее «новопросвещенной землей» называли Казань. В глазах владычного дьяка Саввы Есипова такой землей сделалась и Сибирь. См.: Полное собра-

Казанское, Астраханское и Сибирское¹¹. Русский посланник в Англии Г.И. Мпкулпи (1600–1601 гг.) сообщал, что его государю служат татары казанские, астраханские, сибирские¹².

Примечательно, что в рукописях сибирские летописи нередко соседствуют с Казанской историей и Сказанием о взятии Астрахани¹³. Есиповская летопись (*далее* — ЕЛ) Типтовского вида завершается фразой: «Конец взятиям Казанскому, Астраханскому и Сибирскому»¹⁴. По словам Л.С. Соболевой, т.н. летописный свод 1598 г. соединял «исторические эпизоды покорения Казанского и Сибирского царств»¹⁵. Но Румянцевский летописец (*являющийся, вероятно, сокращенном ЕЛ*) из этого свода включает фрагменты НЛ, т.е. появился не ранее осени 1636 г.¹⁶

В Пискаревском летописце читаем про завоевание русскими Казани, Астрахани и не являвшегося столицей «царства» Полоцка; там имеется и статья «О взятии Сибирских земель» с упоминанием о Тобольске, «где царь жил»¹⁷. Тем же событиям, что и эта статья, посвящены две начальные главы НЛ, который мог рассматриваться как продолжение офици-

---

ные русских летописей (*далее* — ПСРЛ). М., 1965. Т. 13, вып. 1. С. 201; М., 1987. Т. 36. С. 72; ПЛДР: Середина XVI века. М., 1985. С. 288.

¹¹ Савва В. Московские цари и византийские владетельские: К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. С. 358, 379; Сборник имп. Рус. Ист. общества. М., 1912. Т. 137. С. 117, 277. — По одной из версий русских дипломатов, кстати, Сибирь взяли волжские, казанские, астраханские казаки. См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (*далее* — ПДС). СПб., 1851. Т. 1. Стб. 922, 939, 1042, и др.

¹² Путешествия русских послов XVI–XVII вв. (Статейные списки). М.; Л., 1954. С. 191.

¹³ См.: Дворецкая, Н.А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 469, 476; Предисловие / П.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская // ПСРЛ. Т. 36. С. 15, 17, 21–23, 26; Дергачева-Скоп, Е.Н. Генезис сибирского летописания: концепция, материалы. Новосибирск, 2000. С. 33.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 36. С. 90. — Кстати, по наблюдению Н.А. Дворецкой, в Головинском виде распространенной редакции ЕЛ, открывающей Сибирский летописный свод, используется Казанская история.

¹⁵ Соболева, Л.С. «Государев атаман» Ермак Тимофеевич: векторы идеализации // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 308.

¹⁶ См.: Предисловие / П.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. С. 4, 5; ПСРЛ. Т. 36. С. 34. Примеч. и; С. 40. Примеч. л.

¹⁷ ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 186, 189, 190, 195.

ального летописания предшествующей поры, содержавшего рассказы о присоединении татарских ханств в Поволжье. Следом в НЛ говорится о поднятном казанцами через 31 год после «взятия» их «царства» антирусском мятеже¹⁸. Возможно, под влиянием этого летописца конца патриаршества Филарета на иконе «София Премудрость Божия», недавно атрибутированной С.У. Ремезову, сообщалось о том, что Сибирское царство было поручено Ивану Васильевичу¹⁹.

По мнению Е.И. Дергачевой-Скоп, синодик «Ермаковым казакам» (далее — С) продолжал «помянник», включавший перечень погибших во время «Казанского взятия»; их решил поминать первый казанский митрополит (в будущем патриарх) Гермоген, а по его примеру тобольский «первопрестолышк» Киприан составил С²⁰, которым Есипов заключил свою летопись. Но «синодик по убиенным во бранн» был создан не Гермогеном, а возник в середине XVI в., в этот поминальный список стали вноситься павшие в боях, начиная с казанской кампании 1547–1548 гг.²¹ Не отличается точностью и утверждение, будто «в сонм вечно поминаемых праведников русская православная церковь включает воинов, погибших в борьбе с «неверными» при покорении царств Казанского, Астраханского, Сибирского»²². О погибших во время взятия Астрахани такими сведениями мы не располагаем.

¹⁸ ИСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 33, 34. — В сочиненной патриархом Иовом Повести о царе Федоре сказано, что казанцы, покоренные в 1552/53 г. Грозным, взбунтовались после его смерти, но были усмирены, а вскоре русские завоевали Сибирь. — Там же. С. 4.

О взятии Казанского и Сибирского «царств» помимо НЛ речь идет и в некоторых других летописцах. См., напр.: Островских, П. Мангазейская книга // Изв. Красноярск. подотдела Восточно-Сибирского отдела имп. Рус. Географ. Общества. Красноярск, 1903. Т. 1, вып. 5. С. 41, 42; Корецкий, В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники: 1580 г. М., 1981. С. 235, 240.

¹⁹ Алексеев, В.Н. Новолайденная икона С.У. Ремезова «София Премудрость Божия» из Тобольского Успенского Софийского собора // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII — XIX веков. Тобольск, 2005. С. 113. — Заметим, что в кратком летописце самого начала XVII в. упомянуто о поручении Богом Сибирского царства Федору Ивановичу. — Тихомиров, М.И. Русское летописание. М., 1979. С. 231.

²⁰ Дергачева-Скоп, Е.И. Генсалогия... С. 31.

²¹ См.: Бычкова, М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в.: историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 168, 170, 172, 174–189.

²² Дергачева-Скоп, Е.И., Алексеев, В.Н. «Житие Ермакова, как Сибирь взят...» (Одна из трансформаций жанра воинских житий в XVII в.) // Общественная мысль и традиции... С. 140.

Е.К. Ромодановская со ссылкой на работу Л.Н. Майкова пишет о том, что с 1584 г. Иван Грозный стал именоваться царем Сибирским²³. Как выяснил А.В. Лаврентьев, это случилось в 1599 г. На взгляд того же историка, тогда же в государственном титуле упоминание о Сибири перемещается с конца в начало, следуя отныне за сообщениями про Казань и Астрахань²⁴. Последние Иван IV называл, уже перечислив Владимир, Москву и Новгород либо отметив «Российское царство». В титуле прославившего грозным самодержца «Сибирская земля» указывалась на одном из заключительных мест²⁵. Так было и в годы «державства» Федора Ивановича²⁶. (Годунов, будучи правителем страны при «благородливом» венециосце, именовался содержателем и наместником царств Казанского и Астраханского²⁷.) В титулах Бориса Федоровича, Лжедмитрия I, Василия Шуйского и

²³ Ромодановская, Е.К. Сибирское летописание и хронология похода Ермака // Сибирские огни. 1981. № 12. С. 134.

²⁴ Лаврентьев, А.В. Царевич — царь — цесарь: Лжедмитрий I, его государственные печати, награжденные знаки и медали 1604—1606 гг. СПб., 2001. С. 14, 15, 21, 184—185. Ср.: С. 64—65. — Ранее исследователь полагал, что московский государь начал именоваться царем Сибирским с 1613 г. — Лаврентьев, А.В. Известия о Сибири... С. 125.

Кстати, с 1599 г. Сибирь ведалась не в четья дьяков А. и В. Щелкаловых, И. Вахромеева, как прежде, а в приказе Казанского и Мещерского двора царяду с Казанью и Астраханью. — См.: Паклов, А.П. Приказы и приказная бюрократия (1584—1605 гг.) // Ист. запiski. М., 1988. Т. 116. С. 198, 200—201.

²⁵ См., напр.: Миллер, Г.Ф. Описание Сибирского Царства. М., 1998. Кн. I. С. 56; Карамзин, П.М. История... Кн. 2. Т. 8. Стлб. 140; Примеч. 421; Сочинения И. Пересветова / подг. текст А.А. Зимин; под ред. Д.С. Лихачева. М.; Л., 1956. С. 367, 371; Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. М., 1957. Т. 1. С. 34; ПСРЯ. Т. 34. С. 228; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подг. Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. М., 1981. С. 103, 105, 408, 409. Комм. 18; ПЛДР: Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 120, 142, 178, 216; Гордиенко, Э.А. Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001. С. 407. — В 1582 г. царь Иван заявил, что владеет Сибирью. — ПДС. СПб., 1871. Т. 10. Стлб. 231.

Примечательно, что в Ремезовской летописи читаем о начале видений, «яко примером бусурманских историк», на месте будущего Тобольска «во все зори и праздники им и до приходу Ермакова», в 7060 г. (ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 552), которым Грозный подчас датировал «Казанское взятие».

²⁶ См.: Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Ч. 2. С. 127; Флетчер, Джильс. О государстве Русском... С. 104; Кабардино-русские отношения... С. 52, 65; Горсей, Джером. Записки... С. 103, 150—151 и др.

²⁷ Платонов, С.Ф. Смутное время. С. 207; Скрышников, Р.Г. Россия... С. 111, 112; Горсей, Джером. Записки... С. 145. — Повторенное М.И. Беловым мнение И.В. Щеглова, что в 1596 г. Борис Годунов стал ведасть «всем сибирскими

Михаила Федоровича Сибирь называется вслед за Казанью и Астраханью, на 5-м или 6-м месте²⁸.

В фольклоре Ермаку приписывается видная роль во взятии Казани. Его сибирскому походу в исторических песнях, сложившихся значительно позднее рубежа XVI—XVII вв., уделяется зато мало внимания²⁹. По заключению С.Р. Хмыровой, в фольклорных источниках перипетии похода прославленного атамана за «Камень» вытесняются «таким масштабным событием, как взятие Казани»³⁰. Но ведь сохранились песни «Взятие Ермаком Сибири», т.п. устные летописи (по определению Е.И. Дергачевой-Скоп) о крушении «Кучумова царства». Скорее фигура «наставника» казаков по-своему объединяет оба завоевания русскими татарских «юртов». Любопытно, что, если верить Кунгурской летописи, «прочеся воровской слух его (Ермака. — Я.С.) в Русь, в Казане и в Астрахане», а услышав «грозное слово и дело» — «воров ...пытать, казнить и вешать», казаки «здумали бежать в Сибирь разбивать»³¹.

По убеждению А.В. Лаврентьева, завоевание татарских ханств в Поволжье и «Закаменской стране» оценивалось в официальных кругах «как важнейший шаг к обретению русскими суверенами царского титула»³². Относительно «Сибирского взятия» такое суждение должно считаться яв-

делами» (Белов, М.И. Пинежский летописец о разведочном походе поморов в Мангазею // *Рукописное наследие Древней Руси (по материалам Пушкинского дома)*. Л., 1972. С. 281), подтверждения в источниках не находит.

²⁸ См.: Акты исторические, собранные и изданные Им. Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 2. С. 70, 180, 184, 190, 197, 219, 227, 239, 248, 257, 328, 330; ПДС. СПб., 1852. Т. 2. Стлб. 929, 956, 968, 1030; Назыткинские дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н.Н. Веселовского. СПб., 1892. Т. 2. С. 40, 55, 286, 361, 362; РИБ. СПб., 1897. Т. 16. Стлб. 330—331, 413, 414, 453, 454, 485, 486; Акты времени Лжедмитрия I (1603—1606 гг.) / под ред. П.В. Рождественского // ЧОИДР. 1918. Кн. 1. С. 11, 19, 21, 189. Ср.: С. 45, 59, 60, 77; Посольская книга по связям России с Англией 1613—1614 гг. М., 1979. С. 58, 59, 119, 121, 157, 160, 161, 173, 216, 219 и др.

²⁹ См.: Буганов, В.И., Зимин, А.А. Поход Ермака на Казань и возникновение исторических песен о Ермаке // Уч. зап. Казан. гос. пед. ин-та. Казань, 1967. Вып. 50. С. 6.

³⁰ Хмырова, С.Р. Историческое сознание русского населения Сибири во второй четверти XVIII — конце XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. С. 20.

³¹ ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 575.

³² Лаврентьев, А.В. Царевич — царь — цесарь... С. 22.

ным преувеличением³³. Как отмечено А.И. Филонкиным, присоединение Казани и Астрахани имело большой идеологический смысл; в русском средневековом менталитете бытовало представление, что подлинным царем Грозный стал только после покорения являвшейся «царским градом» Казани³⁴. Примечательно, что русские дипломаты и летописцы указывали на «взятие» «дружиной» Ермака «Сибирского царства»³⁵.

На взгляд А.С. Демина, в ЕЛ постоянно подчеркивается, что еще в одной области мира потеснены идолопоклонники и «бессермены»; заключительная глава широко известной повести «архипеннекопля» дьяка целником посвящена раскрытию значения утверждения русских за Уралом³⁶. Точнее, об этом говорится в 35-й главе летописи Саввы Есипова («Благодарения Богу»), за которой следуют еще две — рассказ о составлении С и сам С. В ЕЛ умалчивается о том, что Сибирь — очередная страна, где распространилась православная вера, но идет речь про «влияние» «благодати Божией» «в Сибирстей земли» вследствие победы казачьего «полка» над Кучумом³⁷.

Таким образом, во многих русских дипломатических документах и исторических сочинениях конца XVI — XVII столетия «Ермаково взятие» раскинувшегося за «Камнем» татарского «юрта» считается прямым продолжением завоевания Казани и Астрахани. Эта оценка предвосхищала вывод, к которому пришли видные ученые последующих веков.

³³ Солодкин, Я.Г. О мотивах принятия Борисом Годуновым титула сибирского царя // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: материалы VII межвуз. регион. науч. конф. Омск, 2004. С. 51–54.

³⁴ Филонкин, А.И. «Царствующий град Москва...» // Российская монархия: вопросы истории и теории. Воронеж, 1998. С. 20; Он же. Герменевтический комментарий к первому посланию Андрея Курбского Ивану Грозному // АСТЮ NOVA: 2000. М., 2000. С. 92–93.

³⁵ ПСРЛ. Т. 14. С. 33; Т. 36. С. 56, 57, 72. Ср.: С. 37, 42–44; Рогожин, Н.М. Наказы русским послам XVI века как исторический источник // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993. С. 55–56 и др. — По утверждению А.В. Лаврентьева, в дипломатической документации Сибирское царство упоминается со времени гибели Кучума в 1585 г. (Лаврентьев, А.В. Известия о Сибири... С. 125). Но хан, отказавшийся покориться русским властям, погиб либо умер не ранее осени 1598 г.

³⁶ Демин, А.С. Писатель и общество... С. 128.

³⁷ См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 42, 51, 69. Ср.: С. 72.

Е.А. Лутченко, Б.А. Колобова

Из истории географических открытий севера Западной Сибири

Географические открытия совершались во все исторические эпохи, начиная с древнейших времен, представителями всех цивилизованных народов. Но для древних веков очень трудно, практически невозможно выявить точную хронологическую последовательность открытий. В ряде случаев приходится ограничиваться лишь указаниями на то, к какому тысячелетию до новой эры оно относится.

В X—XII вв. новгородцы завладели огромной территорией Севера от Финского залива и Кольского полуострова до бассейна Печоры, берегов Северного Ледовитого океана и Северного Урала. Началось проникновение русских в Сибирь и на побережье Карского моря. Новгородцы оказались первыми русскими, переселившимися за «Каменный пояс» — Уральский хребет.

В самом конце XV в. московские воеводы вышли на Иртыш, в «Сибирскую землю». На грани XV и XVI вв. был предпринят большой поход в Западную Сибирь. Во время этого похода был открыт самый высокий участок Уральского хребта и установлено направление хребта «от моря до моря», т.е. с севера на юг. После этого похода Уральский хребет стали показывать на картах в меридиональном направлении.

История присоединения Сибири к России — это история открытий русских землепроходцев, промышленных и служивых людей, их мужества и настойчивости. Длинным и нелегким, но стремительным был путь россиян на восток.

К концу XV в. русским было известно уже несколько путей в Сибирь. Самым северным был водный. По нему поморы проникали из Баренцева моря в Байдарашскую губу Карского моря, по рекам пересекали Ямал и попадали в Обскую губу, заходили в устья рек Обь и Таз. Здесь искатели «драгоценной рухляди» выменивали пушнину у местных жителей — ханты и пещев, в том числе и у жившего по реке Таз пещецкого племени молкосс. От названия этого племени произошло предание о Мангазее как о сказочно богатой пушиной земле. Южнее через «Камень» в Сибирь вели

«сухие дороги»: две из них — из притоков Печоры в низовье Оби и третья — из бассейна Чусовой в Туру, Тобол, а затем в Иртыш¹.

Крупнейшие географические открытия (территориальные и акваториальные), сделанные европейскими мореплавателями и путешественниками в середине XV — середине XVII в., принято называть Великими благодаря их исключительному значению для судеб Европы и всего мира.

К эпохе Великих открытий относится и период русских и голландских открытий (середина XVI—XVII в.). К нему относятся: открытие русскими всей Северной Азии от похода Ермака до плавания Попова — Дежнева.

Однако быстрое освоение и заселение русскими Сибири началось с похода Ермака (1581—1584 гг.), имя которого вошло в историю государства Российского и русских географических открытий. Именно с этого похода начался период «хождения» россиян «встречь солнца», завершившийся выходом к Тихому океану. Чтоб пропасть бесконечную дремучую тайгу, топкие болота, проплыть бурные сибирские реки и выйти к Охотскому морю, им понадобилось менее 60 лет.

Первые русские остроги (крепости) и города возникли в бассейнах Иртыша и Оби в конце XVI в., а на Енисее — в начале XVII столетия. Раньше других был заложен Тобольск, надолго ставший столицей Сибири. Несколько позже в верхнем течении реки Таз был поставлен Мангазейский острог, который превратился в важнейший центр торговли пушнинной. В течение нескольких лет русские промышленники прошли всю среднюю и верхнюю Обь и ее притоки и вышли на Енисей.

Своими легендарными походами землепроходцы способствовали расширению географических знаний всего человечества. Обычные служилые люди, казаки становились открывателями новых земель, замечательными исследователями и географами. Они находились в гарнизонной службе в городах, острогах и постоянно были в путешествиях. Землепроходцы сделали описание природы открытых ими территорий и нанесли их на карты. Их члслюбитные, «рапорты» содержали большой фактический и ценный географический материал.

В начале XVI в. Московские землемеры приступили к составлению «чертежей» пограничных областей, в первую очередь западных. Появились карты: «Корельские и Лопские земли к Мурманскому морю», «Корельский рубск», «Литовская и Пековская земли» и ряд других. Они давали представле-

¹ Белов, М.И. Раскопки «азиаткинской» Мангазеи. Л.: Изд-во Геогр. общ. СССР, 1970.

ние обо всей западной границе Российского государства, но ни одна не дошла до наших дней. Их составление, по мнению советского историка Б.А. Рыбакова, охватывало период между 1503 и 1517 гг. Видимо, к этому времени относится и создание новой карты Московии. Наиболее достоверной датой он считает 1523 г. Чертеж Московии 1523 г., сохранившийся до наших дней, как доказал Б.А. Рыбаков, благодаря карте 1613 г. голландского картографа *Хесселя Герритца*, воспроизводит детальные географические знания русских о западных окраинах страны, приобретенные за четверть века.

С объединением русских земель вокруг Москвы развернулась работа по сбору материалов и составлению «чертежей» отдельных областей (*Иван IV Грозный* в 1552 г. «велел землю измерить и чертеж всему государству сделать»). И неизвестные землемеры засняли внутренние районы по Волге, Оке, Каме, Северной Двине, Печоре и некоторым их притокам.

За 30–40 лет накопился обширный картографический и описательный материал, и между 1595 и 1600 гг. (вероятнее последняя дата) был составлен «Чертеж всему Московскому государству» (Большой чертеж).

В XVII в. широкое картографические работы возобновились; видимо, по позднее 1618 г. После московского пожара (май 1626 г.) началась кропотливый и тяжелый труд по восстановлению утраченных документов и обновлению старых. Было решено перерисовать чудом сохранившийся «Большой чертеж», так как он совершенно обветшал. На *Африасия Мезеницева* возложили это задание. Новое описание получило название «Книга Большому чертежу». «Книга» была составлена как официальный справочник, которым пользовались учреждения и люди разных чинов, находившиеся на государственной службе во всех концах России. С XVIII в. ее рассматривают как свод географических сведений о Европейской России и части Западной Сибири конца XVI — начала XVII в., при этом особенно высоко ценятся гидрографические материалы. Она суммирует результаты работы тысяч русских землепроходцев, исследователей — землемеров и гидрографов — на огромной территории Восточной Европы, Западной Сибири и Казахстана. Это был гигантский труд неизвестных топографов, которые с примитивными инструментами в руках прошли со съемкой сотни тысяч километров и собрали материал для картографического изображения территории в несколько миллионов квадратных километров. И материал поражает обилием географических сведений, в большинстве правильных и для того времени довольно точных².

² Магидович, И.П., Магидович, В.И. Очерки по истории географических открытий: в 5 т. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1983. Т. 2. Великие географические открытия (конец XV — середина XVII в.). 399 с., ил., карт.

На севере Западной Сибири, у побережья Карского моря, землемеры довольно точно положили на карту южный берег Байдарацкой губы, отметив устья рр. Кары и Князьковой (Байдараты). Они засняли, правда с большим искажением, весь полуостров Ямал, но приняли его за остров: «А по левому берегу пошел меж Оби реки и Нарынского (т.е. западного) берега остров». Съёмщики сравнительно правильно закартировали нижнее и среднее течение великой реки, указав положения устьев ряда ее притоков и нескольких населенных пунктов, но ошибочно посчитали Обскую губу продолжением Оби.

Из притоков Оби на карту были положены Щучья, Сось, Сыня, Северная Сосьва и впадающие слева Иртыш и Большой Юган, неправильно названный Васюганом, и справа — Сургут (Аган) и Нарым (Пайдунша); выше по течению съемка не производилась. Иртыш, крупнейший приток Оби, заснят лишь до устья р. Ишим, т.е. на протяжении 600 км. Тобол охарактеризован довольно подробно, отмечены его притоки Тауда и Тура с Ниццей и Пыимой. Восточнее Обской губы землемеры обследовали и нанесли на карту рр. Пур и Таз, по северу посчитали Тазовскую губу, куда впадают эти реки, продолжением р. Таз и, следовательно, р. Пур — ее притоком. Итак, Западная Сибирь была слабо изучена съёмщиками: «незамеченными» остались Сибирские Увалы, пропущено несколько крупных притоков в нижней и средней Оби.

К концу XVI в. русские подчинили бассейн нижнего Иртыша, заселенный татарами и ханты, большую часть бассейна нижней Оби. В 1593 г. на левом берегу Северной Сосьвы (у 64° с.ш. они построили Березовский острог, а на западных подступах к Мангазею, у полярного круга, в том же, 1593 г. был основан г. Обдорек, теперь Салехард³.

Зимой 1600 г. последовал приказ об организации первой русской правительственной экспедиции в Мангазей. В помощь мангазейскому отряду в 1601 г. направились воеводы — князь *Василий Михайлович Масальский-Рубец* и *Савлук (Лука) Пушкин*.

Очевидно, один из участников похода составил карту Обской и Тазовской губ, датируемую М.И. Беловым 1601—1603 гг. Этот чертеж, впервые дающий представление о северных приморских районах Западной Сибири, имел влияние на русскую картографию вплоть до XVIII в.⁴

³ Магидович, И.П., Магидович, В.И. Очерки по истории географических открытий. В 5 т. М.: Просвещение, 1983. Т. 2. Великие географические открытия (конец XV — середина XVII в.). 399 с., ил., карт.

⁴ Белов, М.И. Раскопки «златокопнящей» Мангазеи. Л., 1970.

В 1667 г. тобольский воевода Петр Годунов составил «Чертеж Сибирские земли» — первую сводную карту всей Сибири. Начало XVIII столетия было временем бурного развития географической науки в России, временем организации широких географических исследований на всей территории России, от берегов Арктики до южных границ, от Балтийского моря на западе до Тихого океана на востоке. В 1701 г. были закончены работы по составлению «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова — первого отечественного географического атласа, состоявшего из 28 карт Сибири и северной части европейской России. Известные географы эпохи Петра Первого И.К. Кириллов и В.Н. Татищев создали географические описания, что способствовало развитию географии⁵.

В 1733 г. была организована Вторая Камчатская экспедиция (Первая в 1724 г.) под руководством В. Беринга и А.И. Чирикова, которая вошла в историю русских географических открытий под названием Великая Северная экспедиция (1733–1743 гг.): В экспедиции принимали участие Х.П. и Д.Я. Лаптевы, С. И. Челюскин, Василий и Мария Прончищевы, С. Малыгин и Д. Овцын, но главным среди них был А.И. Чirikov. Участники экспедиции изучили и закартировали побережье Северного Ледовитого океана от Карского моря до Колымы, открыли самую северную материковую точку — мыс Челюскин. Они описали большие участки нижнего и среднего течения крупных рек на территории от Печоры до Колымы, собрали большой материал о природе внутренних районов Сибири, уточнили представления о взаимном расположении северо-восточной Азии и северо-западной Америки.⁶

В середине XVIII в. М.В. Ломоносов возглавил географический департамент Академии наук. Он поддерживал ученых, занятых изучением России, и помогал им. Ломоносову принадлежит идея освоения Северного морского пути. По его инициативе была организована полярная экспедиция В.Я. Чирикова для «поиска морского прохода Северным океаном в Камчатку».

В первой половине XIX в. немецкий географ Александр Гумбольдт посетил Урал. Научное изучение природы Западной Сибири началось в XVIII в. участниками Великой Северной экспедиции. Ее академический отряд проводил исследования в южной части равнины от Тобольска до Семипалатинска, а северные отряды завершили открытие побережья Карского моря от Байдарачьей губы до Енисейского залива и далее на восток. Наиболее изучены преимущественно лесостепные и степные рай-

⁵ Рыбаков, Б.А. Русские карты Московии XV — начала XVI века. М.: Наука, 1974.

⁶ Берлинг, А.М., Душина, И.В., Неклюкова, Н.П. Физическая география: справ. материалы: кн. для учащихся. М.: Просвещение, 1994.

опы Западной Сибири и в меньшей мере районы нижнего течения Оби и северное Зауралье. Таские районы с огромными заболоченными пространствами практически не были исследованы.

В изучение природы средней Сибири большой вклад был внесен крупными экспедициями, организованными еще в XVIII столетии: Великой Северной экспедицией (1733–1743 гг.) и ее Академическим отрядом под руководством И.Г. Гмелина, Академическими экспедициями второй половины века (П.С. Паллас и др.). Большую роль в организации экспедиций и проведении исследований различных территорий сыграло создание в 1845 г. Русского географического общества (РГО). Долгое время во главе Русского географического общества был П.П. Семенов-Тянь-Шанский (1827–1914) — исследователь природы Средней Азии, экономико-географ, организатор и редактор многотомного издания «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». В середине XIX столетия геологическое строение Уральских гор почти на всем их протяжении изучал профессор Петербургского университета Э.К. Гофман. Большой вклад в познание природы Урала внесли советские ученые В.А. Варсанюфьева, П.Л. Горчаковский, И.М. Крашенинников, И.П. Кадыльников, А.А. Макушина, А.М. Оленев, В.И. Прокаев, Б.А. Чазов и многие другие. Особенно детально исследованы геологическое строение и рельеф, так как именно богатства недр Урала создали ему славу подземной кладовой страны. Изучением геологического строения и полезных ископаемых занимался большой коллектив ученых: А.П. Карпинский, Ф.Н. Чернышев, Д.В. Наливкин, А.Н. Заварицкий, А.А. Богданов, И.И. Горский, Н.С. Шатский, А.В. Пейве и др.

Большой вклад в изучение природы нашей страны внес академик Л.С. Берг (1876–1950) — замечательный географ и ученый-энциклопедист. Среди научных работ Л.С. Берга имеются десятки капитальных трудов, вошедших в золотой фонд отечественной и мировой географии.

Научные интересы Л.С. Берга были необычайно широки. Он первым провел районирование Азиатской России (1913 г.), много времени уделял вопросам истории русских географических открытий. Но главным делом его жизни было учение о географических зонах, что нашло отражение в книгах «Географические зоны Советского Союза» в двух томах и «Природа СССР».

Северные территории Азии очень огромны и перспективны с точки зрения прогнозирования по уже составленным картам. К тому же в северных районах Западной Сибири много неосвоенных территорий, которые перспективны для создания новых карт для более детального исследования данных местностей с целью рационального и устойчивого природопользования.

К.А. Анкушева

Развитие торговли в городах Зауралья (вторая половина XIX — начало XX в.)

Население большинства городов Зауралья отличалось от сельских жителей гетерогенностью социального состава и разнообразием занятий. Развивающееся капиталистическое производство не только расширяло диапазон хозяйственной деятельности горожан, но и меняло ее содержание. Именно эта деятельность являлась основным занятием городского населения, источником дохода, она давала возможность горожанину повысить свой авторитет в глазах окружающих.

Одним из важных занятий жителей городов Зауралья являлось предпринимательство. Проблемы, сопутствующие его возникновению и развитию в России, вызывают в последнее время живейший интерес не только у специалистов-историков, но и у экономистов. В этой связи особенно интересна фигура российского купца — субъекта социальной структуры общества и экономических процессов в сфере торговли и промышленности.

Свободное предпринимательство — это индивидуальное или коллективное занятие в какой-либо сфере экономики (торговля, ремесло или более крупное промышленное производство, строительство, добыча полезных ископаемых, транспорт, товарное земледелие и скотоводство, переработка сельскохозяйственной продукции, кредитование и т.д.), направленное, прежде всего, не на удовлетворение собственных потребностей, а на извлечение прибыли. В числе характеристик предпринимательской деятельности, по мнению В.Б. Перхавко, можно выделить тесную связь с рынком, разделение труда, самокупаемость, отсутствие принуждения, свободу выбора способа действий, самостоятельность принятия решений, использование наемного труда, ориентацию на получение прибыли¹.

Предпринимательская деятельность, в том числе ориентированная на рынок производства товаров и услуг (точнее: деятельность по организации такого производства), может протекать лишь в определенных условиях.

¹ Перхавко, В.Б. Истоки предпринимательства на Руси // Отечественная история. 1998. № 6. С. 4.

Как полагает С.В. Калмыков, к ним относятся наличие материальных и человеческих «ресурсов», потенциального спроса (потребителей), механизма сбыта, то есть экономической среды, где происходит реализация товаров и услуг. Эта среда также имеет определенные характеристики. Часть их представляют «институциональные рамки» — совокупность официальных и «неписанных» правил и законов, общепринятых внешних форм, в которых протекает предпринимательская деятельность². Главная роль среди институциональных норм принадлежит законодательству.

Основными законодательными источниками торгово-промышленного права в Российской империи были «Устав торговый», «Устав судопроизводства торгового», «Устав вексельный», «Устав о промышленности», «Общий устав российских железных дорог», «Устав кредитный», «Устав о прямых налогах» и ряд других официальных документов, принятых во второй половине XVIII — начале XX века³. Такая разбросанность законоположений, регулировавших предпринимательскую деятельность, привела к тому, что государственные и частные юристы составляли неофициальные систематические своды действовавшего торгово-промышленного законодательства, которые служили путеводителями по Своду законов⁴.

Важнейший принцип российского законодательства в хозяйственной сфере можно сформулировать следующим образом — все группы населения империи, в том числе иностранцы, обладают правоспособностью на признанные законом виды промышленных занятий⁵. В то же время, в России запрещалось совмещение предпринимательской деятельности с государственной службой. Не допускалось участие в предпринимательстве служителей культа, уголовных и политических преступников, несостоятельных должников и купцов, многократно нарушивших правила о торговле. Имелись и половозрастные ограничения, а также ограничения по национальному и вероисповедальному признаку. Так, лицам иудейского вероисповедания запрещалось заниматься торговлей и промышленностью за чертой оседлости⁶.

² Калмыков, С.В. Организационные формы российского предпринимательства пореформенной эпохи // Отечественная история. 1998. № 6. С. 27.

³ Закон о кредите для городов и земель. СПб., 1912; Общий устав российских железных дорог. СПб., 1886; Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов. СПб., 1886; Устав торговый. СПб., [Б.г.].

⁴ Указатель законов Российской империи для купечества. М., 1847.

⁵ Поткина, И.В. Законодательное регулирование предпринимательской деятельности в пореформенной России // Отечественная история. 1998. № 6. С. 25.

⁶ Арефа, Н.И. Сборник действующих узаконений о праве сврсов на жительство и право торговли в Российской империи. СПб., 1897. С. 139.

К предпринимательской деятельности обращались жители посадов, представители привилегированных купеческих корпораций, помещиков, крестьянства и государственные структуры, обеспечивавшие нужды армии. Участники торгово-промышленной деятельности обладали разными сословными правами и социальным статусом, материальными возможностями и самосознанием.

Реформа 1861 г. и последующие за ней дали импульс развитию промышленности и предпринимательства. Сословные начала сохранились, но были в большей степени приспособлены к капиталистическим порядкам. В 1863 г. «Положение о пошлинах за право торговли и промыслов» предоставило относительную свободу на занятие предпринимательской деятельностью. В это время были ликвидированы остатки сословных привилегий. Сословная принадлежность, как подчеркивает М.К. Шаццло, стала зависеть в значительной степени от масштаба предпринимательства⁷. Практика Зауралья полностью подтверждает этот тезис: богатый человек мог и не записываться в купечество, а оставаться, например, мещанином или крестьянином. При этом следует добавить, что «Положение» сохранило определенные принципиальные ограничения, существовавшие прежде, и как процентно-пильдейский сбор (1775–1824 гг.) и сословно-патентная система обложения (1824–1863 гг.), исходило не из величины производимых торговых оборотов, а из сословных прав плательщиков и численности торговых заведений, на что справедливо обращает внимание А.И. Аксенов⁸.

Попытаемся реконструировать процесс получения горожанством права на торговую деятельность. Прежде всего, он должен был обратиться с заявлением в городскую управу и внести необходимую сумму, часть которой направлялась «в повинности» — сбор за свидетельства на право содержания мелких торговых и промышленных заведений, принадлежавших крестьянам и мещанам⁹. Среди повинностей были такие как государственная, губернская, квартирная, «на подводную гоньбу», на пергербовую бумагу, в доход города. За право торговать в лавке каждый заявитель должен был заплатить по 20 рублей.

В пореформенный период торговля играла особенно большую роль в городах Зауралья, не являвшихся крупными центрами производства про-

⁷ Шаццло, М.К. Купечество и предпринимательство // Отечественная история. 1998. № 6. С. 34.

⁸ Аксенов, А.И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII века. М., 1993. С. 169.

⁹ ГУТО ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. И. Л. 15.

мышленной продукции. Конечно, как не без оснований заметил Н.М. Дмитриенко, нельзя преувеличивать торговый характер сибирских городов⁹. В 60-е гг. XIX в. наиболее развитой эта сфера была в Тюмени, которую И.И. Завалишин называл «городом больших торговых оборотов»¹⁰. Здесь вели торговлю 11 купцов 1-й гильдии, 10 — второй и 97 — третьей, а также 2 иногородних купца и 5 крестьян. В их распоряжении были 133 каменные лавки на гостином дворе и 234 деревянные лавки, доход с которых в городской бюджет составил в 1862 г. 750 рублей¹². Для сравнения, в Таре по 1-й гильдии торговали 4 человека, а в остальных городах региона — по одному. К тому времени Курган вышел на второе место в регионе по численности купцов. Чтобы оценить их роль в городской торговле, отметим, что на местном гостином дворе они занимали более 80% лавок¹³.

Анализ заявлений по вопросам торговли, поступивших в Тюменскую городскую думу в 1875 г., свидетельствует, что авторами около 45% из них были мещане, остальных — купцы и крестьяне¹⁴. Около 32% этих документов принадлежат мещанкам, что говорит об их активном участии в торговой деятельности. Как писал Н.М. Чукмадин, «женщина в Сибири не раба мужчины — она ему товарищ. Умирает муж — не погибает дом и промысел, мужем заведенный. Жена-вдова ведет его дальше с той же энергией и знанием, какие присущи были мужу»¹⁵. Поэтому неудвительно, что половина из 20 лавок с мануфактурными товарами на тюменском гостином дворе управлялась женщинами, причем весьма удачно. Мещане занимались торговлей в основном кожевенными изделиями, посудой, сукном, мясом и другими «мелочными товарами»¹⁶. Они, как и другие горожане, имели право арендовать лавки и нанимать необходимое количество работников¹⁷.

⁹ ГУТО ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 11. Л. 15.

¹⁰ Дмитриенко, Н.М. Дореволюционные авторы о городах Западной Сибири эпохи капитализма // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск, 1985. С. 101.

¹¹ Завалишин, И. Описание Западной Сибири. М., 1862. С. 87.

¹² ГУТО ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 990. Л. 21 об.

¹³ ГУ ГАКО. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 195. Лл. 1-5; Памятная книжка для Тобольской губернии на 1861-1862 год. Тобольск, 1861. С. 64-70.

¹⁴ ГУТО ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 11.

¹⁵ Чукмадин, Н. Мои воспоминания: избранные произведения. Тюмень, 1997. С. 107.

¹⁶ ГУТО ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1007. Лл. 6-8, 11-20.

¹⁷ Там же. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 12. Д. 361. Л. 14.

Городские власти, безусловно, были заинтересованы в развитии сферы торговли, от состояния которой в немалой степени зависели размеры городского бюджета. Регулирующую функцию городских дум ярко демонстрирует пример Тюмени. Здесь обязательные постановления думы, в том числе касавшиеся организации торговли, публиковались в местных печатных изданиях и даже отдельными брошюрами. В них оговаривались различные, даже мельчайшие подробности работы торговых заведений, в частности, места для торговли мясом, рыбой, овощами, ягодами, время открытия и закрытия лавок и городского базара и т.п.¹⁸

Свои решения городские власти обычно мотивировали «интересами торговцев и городского самоуправления»¹⁹. С этой же целью регулярно проводились проверки торговых и промышленных предприятий податными инспекторами. Так, в ходе одной из них было выявлено, что некоторые предприниматели не имели торговых свидетельств, часть документов оформлялась с нарушением установленных правил²⁰. Порой, источником подобной информации являлись сами горожане, хотя некоторые факты трудно оценить однозначно. Например, 8 апреля 1910 г. тюменская мещанка Иванова обратилась к податному инспектору с заявлением следующего содержания: «Торгового дома «Бр. Шайчик» имеется на толкучке лавка, в ней торгует Абрам... они берут права 3-го класса, можете спросить всех соседей. У них в магазине на Царской улице торгуют приказчики Никитин и Морозов, и свидетельство они для всех не берут. Морозов у них старший приказчик. Почему же, Ваше высокоблагородие, с нас, бедных людей, вы все права требуете, а с богатых не требуете? Это несправедливо»²¹. Иногда торговцы обращались к властям с просьбой о пресечении торговли лиц, не имевших необходимых документов — «предотвратить это зло и этим избавить нас от убытков»²².

Те или иные аспекты торговой деятельности привлекали внимание городских сословий, не только выступавших в качестве предпринимателей, но и как потребителей. Они следили за нововведениями властей в этой сфере, предлагая даже свои способы решения возникших проблем. Чаще всего их предложения касались изменения графика работы

¹⁸ Обязательные постановления, составленные Тюменской городской думой. Тюмень, 1881. С. 1.

¹⁹ ГУТО ГАТО. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 4. Л. 9.

²⁰ Там же. Д. 8. Л. 98 об.

²¹ Там же. Л. 156.

²² Там же. Л. 157.

торговых учреждений, ремонта действовавших и строительства новых производственных помещений, предоставления льгот и т.д.²³ Так, в 1811 г. представители тобольских мещан и цеховых обратились в губернское правление с просьбой «позволить производить мелочную торговлю тем из них (48 человек), кто имеет капитал гораздо меньше объявляемого гильдейцами»²⁴.

В 1912 г. коллективное ходатайство было составлено горожанами, торговавшими на тюменской базарной площади. В нем они писали: «Прежде был маленький рынок на старом месте, близ городского управления, не было наплыва служащих и рабочих строящейся железной дороги, и жители выходили на рынок лишь к 9 часам утра, ибо спали. Раньше торговыми днями на площадях были суббота и пятница, и на улицах не было молочных лавок и складов. Тогда бывший городской голова Мальцев с гласными выработали «Обязательное постановление» думы, которое было утверждено губернатором. Там было прописано, что запрещается торговля в городе сельскими товарами вне торговой площади и скупать их во время подвоза их в город. Ныне это постановление не отвечает изменившимся условиям жизни. Просим изменить постановление о часах торговли и других условиях»²⁵. Среди других требований было и такое — «не служить к обогащению заграницы»²⁶.

В некоторых случаях выступления представителей городских сословий в защиту своих интересов носили коллективный характер. Например, в 1911 г. жители Затюменской и Заречной части Тюмени, ссылаясь на «крайнее затруднение в приобретении необходимых товаров, которые приходится покупать на торговой площади, расположенной далеко по плохой дороге», попросили открыть новый базар. Обращение подписали 56 человек. Из лиц, указавших свою сословную принадлежность, абсолютное большинство были мещанами²⁷.

Такие совместные акции включали представителей различных городских сословий. Однако имели место и факты противостояния между ними. Так, в Тюмени в 1861 г. между мещанами и купцами возник конфликт из-за раздела «сфер влияния» на гостинном дворе. По этому поводу один из корреспондентов тобольской газеты, печатавшийся под

²³ ГУТО ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3. Л. 275 об.; Д. 11. Л. 168.

²⁴ Там же. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1351. Л. 6.

²⁵ Там же. Д. 3. ЛЛ. 274—275 об.

²⁶ Там же. Л. 275 об.

²⁷ Там же. Л. 221.

псевдонимом Тюмепец, писал: «Я мало знаю городов, где бы так резко и почти враждебно стояли друг к другу сословия купеческое и мещанское. У нас они составляют какие-то две партии, интересы которых имеют нередко противоположные цели. Они уступают друг другу только, если не в состоянии выстоять по слабости средств». В этом противостоянии на стороне купцов была «громкая сила капитала, эксплуатирующая многое: почет, громкое имя и вдобавок докторальный тон их речи, не допускающий возражений». Напротив, мещанство «не имело ни одного из этих преимуществ», вся его сила заключалась в «большинстве голосов». По мнению Тюмепца, если бы эти голоса были «у лиц, самостоятельных в действиях, без подчинения авторитету капитала, купцам пришлось бы отступить», но «этого, к несчастью, нет»²⁸.

Монопольное положение купечества пошатнулось в конце XIX века. Теперь в сословие вступали на основе приобретения гильдейского свидетельства при одновременной покупке промысловых документов: для 1-й гильдии — на торговые предприятия 1-го разряда или на промышленное предприятие одного из трех первых разрядов, или на «пароходное предприятие», за содержание которого выплачено более 500 руб. основного промыслового налога; для 2-й гильдии — на торговое предприятие 2-го разряда или на промышленное предприятие 4-го или 5-го разрядов, или на «пароходное предприятие», за содержание которого выплачено от 50 до 500 руб. основного промыслового налога²⁹.

Участие городских сословий в торговой сфере в наибольшей мере проявилось в Тюмени, являвшейся важным транспортным узлом края. В Тобольске всплеск торговых операций наблюдался во время судоходства, в Ишиме — в период Никольской ярмарки³⁰. Вместе с тем, тенденция к расширению торговой деятельности в регионе прослеживалась повсеместно и достаточно отчетливо. Так, в 1879 г. в Зауралье было выдано 2580 торговых документов (годовых и полугодовых), в 1882 г. — 8889 (за 3 года прирост составил 244,5%), в 1889 г. — 11265 (за 7 лет прирост составил 26,7%). В следующем 1890 г. было приобретено только 11110 свидетельств (-1,4%), а в 1891 г. — 10771 (-3%), хотя общее количество выданных властями свидетельств за 1879—1891 гг. возросло, причем значительно. На-

²⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1. Лл. 101—106.

²⁹ Боханов, А.Н. Российское купечество в конце XIX — начале XX века // История СССР. 1985. № 4. С. 107; СЗРИ. СПб., 1899. Т. IX. С. 532—533.

³⁰ Волости и населенные места. 1893. СПб., 1894. Вып. 10. Тобольская губерния. С. 192.

большее число купеческих документов 1-й гильдии было выдано в Тюмени (35—43%), 2-й гильдии — в Кургане (19—28%)³¹.

Объявление купеческих капиталов во второй половине XIX в. сохраняло свое значение и оказывало определенное влияние на динамику «выборки» свидетельств на право торговли. Эти процессы были взаимосвязаны и имели общие черты. Так, в 1897 г. в Зауралье было объявлено 302 купеческих капитала (32 по 1-й гильдии и 270 — по второй), в 1882 г. — 337, или на 11,6% больше. Капиталов 1-й гильдии больше всего было зарегистрировано в Тюмени (40,62%), 2-й гильдии — в Кургане (20,74%) и Тобольске (15,92%). В последующие годы наблюдается количественное сокращение объявляемых купеческих капиталов: в 1889 г. — до 272, в 1890 и 1891 гг. — до 266 и 250 соответственно, что в определенной мере стало следствием утраты для ряда предпринимателей прежнего значения принадлежности к купеческому сословию³².

Этапным в развитии торгово-промышленных отношений и участия в них городских сословий стало «Положение о государственном промысловом налоге» 1898 года. В соответствии с ним, приобретение купеческих сословных свидетельств зависело исключительно от желания отдельных лиц, а не от необходимости получить право на больший объем предпринимательской деятельности. Новый порядок привел к резкому сокращению численности купцов. По сравнению с 1898 г., когда Тобольской казенной палатой было выдано 515 гильдейских свидетельств, в 1899 г. общее число этих документов не превысило 239 (46%)³³. В дальнейшем этот показатель продолжал снижаться. Стоит отметить, что сокращение числа приобретаемых купеческих свидетельств наблюдалось и ранее, по оно не было таким резким, значительным.

Прежде всего прекращают приобретать гильдейские свидетельства и, соответственно, купеческое звание многие крупные предприниматели, о чем свидетельствует уменьшение удельного веса носителей купеческого звания среди лиц, получавших промысловые свидетельства по высшим разрядам. Эта общероссийская тенденция ярко проявила себя и в городах Зауралья.

³¹ Волости и населенные места... С. 193; Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. Тобольск, 1881. С. 90.

³² Волости и населенные места... С. 192; Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. С. 89.

³³ Обзор Тобольской губернии за 1898 год. Тобольск, 1900. С. 15; Обзор Тобольской губернии за 1899 год. Тобольск, 1900. С. 10.

Так, в 1900 г. здесь было выдано 5 патентов на промышленные предприятия 3-го разряда (самого высокого из выданных) и 35 — на торговые предприятия 1-го разряда, то есть всего 40 документов, дававших право приобретать сословные свидетельства 1-й гильдии³⁴. Между тем, последних из них было выдано 16, то есть всего 40% от общего числа разрешительных документов, аналогично показательно по России за 1899 год³⁵. В 1901 г. этот показатель не превышал 36% (всего выдано 39 документов), в 1902 г. он составил 43% (35 документов), в 1910 г. — только 18% от числа выданных патентов на торговые предприятия 1-го разряда (45 документов), а в 1914 г. — 12% (42 документа)³⁶.

Сокращение числа купцов в общей массе крупных предпринимателей и, как следствие, увеличение разрыва между числом промысловых свидетельств, дававших право на приобретение гильдейских, и числом реально приобретаемых корпоративных документов, было характерно и для 2-й гильдии. Если в 1899 г. этот показатель составлял по России 23%, то к 1908 г. он снизился до 17 процентов. По Зауралью статистика приводит следующие данные: в 1900 г. — 15%, в 1901 г. — 14%, в 1902 г. — 15%, в 1910 и 1914 гг. — 8 и 7% соответственно³⁷. Как видим, эти сведения были значительно ниже общероссийских, что объясняется падением интереса к гильдейским свидетельствам как признаку достатка и высокого положения в обществе.

Наиболее состоятельные предприниматели приобретали свидетельства на право крупной торговли. Они стояли в три раза дороже, чем документы, дававшие право торговать в лавке. Ассортимент реализуемых ими товаров был довольно широким. Большинство торгово-промышленных фирм занималось торговлей мануфактурой (ткань, пряжа) — 37,5% и вино-бакалейными товарами — 33 процента. Многие торговали кожевенным товаром и готовым платьем, а также хлебом, рыбой, железом, изделиями из драгоценных металлов и т.д.³⁸ В целом, к началу

³⁴ При подсчете два полугодовых свидетельства принимаются за одно. Отдельные лица и фирмы приобретали одновременно свидетельства и на промышленные, и на торговые предприятия, однако число таких получателей было невелико.

³⁵ Боханов, А.И. Указ. соч. С. 107.

³⁶ Обзор Тобольской губернии за 1900 год. Тобольск, 1901. С. 10; Обзор... за 1901 год. Тобольск, 1902. С. 19; Обзор... за 1902 год. Тобольск, 1903. С. 18; Обзор... за 1914 год. Тобольск, 1916. С. 17-18.

³⁷ Обзор... за 1900 год. С. 10; ...за 1901 год. С. 19; ...за 1902 год. С. 18; ...за 1914 год. С. 17-18.

³⁸ ГУТО ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 68. Лл. 38-47; Д. 69. Лл. 14-25; Д. 70. Лл. 1-5; Д. 71. Лл. 20-24; Д. 73. Лл. 40-52, 194-201.

XX в. торговля в городах Зауралья стала более разнообразной, расширилась сеть транспортных контор.

Сословный состав крупных предпринимателей городов Зауралья также менялся. Например, в Тюмени сократилась численность купцов: в 1899 г. их было почти 50%, а к 1915 г. — менее 20 процентов. Зато возросло число предпринимателей из других социальных групп: чиновников, «бухарцев». В Кургане на рубеже XIX—XX вв. приобретателями свидетельств на торгово-промышленные предприятия по высшим разрядам были в основном купцы. В торговле по 3 и 4 разрядам преобладали мещане (соответственно 56 и 86%). Более дешевые документы на промышленную деятельность, как и свидетельства приказчиков, пользовались спросом у мещан, причем нередко иногородних, и крестьян³⁹.

Определение сословной принадлежности хозяев торговых домов, количество которых в начале XX в. возрастало быстрыми темпами, может вызвать определенные затруднения. Во-первых, нередко владельцев торговых домов было несколько, во-вторых, они могли принадлежать к разным сословиям, даже если были членами одной семьи. Так, основателями семейного предприятия «Торговый дом Братья Шуваловы» были тюменский мещанин В.М. Шувалов, купец Н.М. Шувалов и купеческая жена М.А. Шувалова. Представители различных сословий и социальных групп в 1907 г. учредили «Товарищество Н. Тартаковский и К°»: провизор Н.П. Тартаковский, екатеринбургский мещанин М.Е. Демешев и крестьянин Пермской губернии Н.Д. Машаров⁴⁰.

Следует отметить, что в Тюмени функционировало немало торговых предприятий, имеющих филиалы в других населенных пунктах. Здесь же регистрировали свои заведения многие предприниматели из соседних и отдаленных городов и уездов. В 1910 г. в городе было зарегистрировано 20 торговых фирм⁴¹. Пять из них имели свои отделения в других городах. Например, товарищество «Братья Колмаковы» торговало хлебом и другими товарами в Омске, Петропавловске, Ялуторовске и Ишиме; товарищество «Торговый дом И.П. Колокольщикова наследники» — в Челябинске и Вятке и т.д. Товарищество/торговый дом «Братья М. и С. Кыркаловы» имело главную контору в Архангельске, а в Тюмени — отделение.

Проведенный нами анализ состава предпринимателей показывает, что, несмотря на постепенное сокращение иногородних торговцев, их доля все-

³⁹ ГУ ГАКО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 89. 51 л.

⁴⁰ ГУТО ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 305. Лл. 2, 8, 13, 42.

⁴¹ Там же. Ф. И-82. Оп. 1. Д. 8. Лл. 54—57.

таким оставалась значительной. В конце XIX в. в Тюмени они являлись владельцами 25% торгово-промышленных фирм, принадлежавших мещанам. Для некоторых, например, тюменских мещан братьев Марьяповых или Родивиловых, торговля становилась семейным занятием. Причем среди этой категории торговцев около 20% составляли женщины.

Таким образом, «Положение о государственном промысловом налоге» 1898 г. разрывало принудительную взаимосвязь между предпринимательской деятельностью и принадлежностью к купеческой корпорации. Материалы «Обзоров Тобольской губернии» позволяют проследить некоторые изменения в характере торговых отношений в конце XIX — начале XX в., после введения новой системы. В этот период сфера торговли, требовавшая приобретения свидетельств, в целом развивалась. Особенно это касалось торговых предприятий 2-го разряда. Однако в 1899—1914 гг. увеличилось и количество документов, выданных для торговых предприятий 1-го разряда — на 13,5 процента. В общем, количество свидетельств на торговые предприятия пяти разрядов за 15 лет увеличилось на 10 процентов. С другой стороны, по данным «Обзоров», наблюдается значительный спад ярмарочной торговли. В 1892—1905 гг. количество документов на этот вид деятельности сократилось на 39 процентов⁴².

Таким образом, законодательство второй половины XIX в. позволило приобретать разрешительные торговые документы, независимо от сословной принадлежности предпринимателей. Распространение капиталистических отношений вело к активизации экономической деятельности менее привилегированных городских сословий. Они стали самым многочисленным слоем мелкого и среднего предпринимательства. Подобная тенденция наблюдалась и в городах Центральной России, однако в Зауралье она получила более широкое распространение, в том числе в связи с малочисленностью купеческого сословия и отсутствием у многих его членов прочной финансовой базы.

На рубеже XIX—XX вв. в городах Зауралья наблюдается тенденция к объединению капитала. В этом процессе принимали участие предприниматели, независимо от их сословной принадлежности. Наряду с купцами и мещанами в состав управленческого аппарата торговых домов входили крестьяне и представители других социальных групп населения. Показательно, что в документах начала XX в. все чаще отсутствует указание на сословную принадлежность участников торговых сделок.

⁴² Волости и населенные места. 1893. Вып. 10. Тобольская губерния. С. 193.

О.В. Ищенко

Из истории становления среднего специального и профессионального образования в Западной Сибири в XIX — начале XX в.

Бурное развитие капитализма в России в конце XIX — начале XX в. привело к возрастанию потребности в профессиональных кадрах и к естественной необходимости повышения образовательного уровня населения. Динамичный рост российской экономики позволил заметно увеличить поступления в государственный бюджет, что давало возможность парциально тратить на просвещение. За период с 1894 по 1914 г. расходы на народное образование выросли в 5,5 раза¹. Это обусловило расширение сети учебных заведений всех типов, которые создавались и на средства казны, и местных властей, и частных лиц.

Однако несмотря на увеличение количества образовательных заведений в начале XX в., их число оставалось явно недостаточным. Одной из причин, обусловивших эту ситуацию, было стремление властей сохранить сословно-классовый характер образования посредством ограничения доступа к нему представителей низших слоев общества. Другая причина, вполне традиционная для России, заключалась в недостаточном государственном финансировании системы образования. Заметный рост расходов на эту сферу на рубеже веков не обеспечивал растущих потребностей экономики страны, а значительная часть предложений с мест об открытии того или иного учебного заведения наталкивалась на отказ под предлогом отсутствия средств в казне. Таким образом, система образования в России развивалась на стыке противоречий между потребностью в модернизации экономики и усилиями царского правительства сохранить традиционную структуру общества, дополненных недостаточным государственным финансированием.

Подобные процессы были характерны и для Западной Сибири. Капиталистическое развитие региона, ускоренное строительством Транссибирской железнодорожной магистрали и переселенческим движением, ока-

¹ История России: XX век. Екатеринбург, 1993. С. 57.

зало значительное влияние на состояние народного образования в крае. Основные тенденции в развитии системы среднеспециального и профессионального образования можно проследить на примере Омска, как одного из самых крупных западносибирских городов начала XX в. Необходимость открытия подобных учебных заведений во многом была обусловлена потребностями региона в кадрах соответствующей квалификации.

По профилю средние специальные учебные заведения в крае подразделялись на педагогические, технические, сельскохозяйственные, коммерческие и др. Старейшим учебным заведением такого рода в Омске по праву считается Сибирский кадетский корпус, ведущий свою историю с 1813 г., когда в Омске, как столице сибирского казачества, было открыто войсковое училище, а в 1825 г. оно было преобразовано в училище Сибирского казачьего линейного войска. Первоначально в нем обучались только дети казаков всех званий, а с 1832 г. стали допускаться дети офицеров регулярных войск и гражданских чиновников Сибири. Окончившие училище поступали на службу в войско и в регулярную армию. В 1846 г. училище было преобразовано в Сибирский кадетский корпус, в 1866 г. — в военную гимназию, а в 1882 г. учебному заведению вновь был возвращен статус кадетского корпуса².

Потребность в развитии системы начального образования в регионе вызвала к жизни открытие в Омске в 1872 г. первого в Западной Сибири специального педагогического учебного заведения — мужской учительской семинарии, готовившей учителей для начальной школы. Учительская семинария относилась к ведению Министерства народного просвещения. В нее принимались молодые люди в возрасте 14–18 лет. К экзаменам допускались лица всех сословий православного и мусульманского вероисповедания, окончившие гимназию, либо уездное, городское или духовное училище. Отсутствие вероисповедных ограничений при приеме мусульман объяснялось своеобразным положением Омска как центра Степного края, объединявшего русские и казахские земли. Обучение в семинарии продолжалось 3 года. Учащиеся имели возможность получать казенные стипендии (общим количеством 50, из них 10 — исключительно для киргизов (казахов)), стипендии от Тобольской губернии (10), Сибирского казачьего войска (6)³. Учреждение стипендий позволяло большинству семинаристов учиться бесплатно. Так, например, в

² Старый Омск. Омск, 2000. С. 55, 57.

³ Весь Омск. Справочник-указатель на 1912 г. Омск, 1912. С. 55, 59.

1914 г. из 24 выпускников семинарии 23 являлись стипендиатами, а самостоятельно оплачивал обучение только один человек⁴.

Наряду со средним специальным образованием в Западной Сибири развивалось и профессиональное образование. К средним и низшим учебным заведениям этого типа могут быть отнесены ветеринарные и фельдшерские школы, железнодорожное училище, механико-техническое училище и др. Из образовательных заведений такого рода в октябре 1878 г. в Омске была открыта ветеринарно-фельдшерская школа Сибирского казачьего войска для подготовки в строевые части войска ветеринарных фельдшеров. Ветеринарно-фельдшерская школа находилась в подчинении Министерства внутренних дел. В ней за казенный и войсковой счет обучались преимущественно сельские обыватели Акмолинской и Семипалатинской областей, лица войскового сословия Сибирского, Семипалатинского и Амурского казачьих войск, инородцы Астраханской губернии и Уральской области, принимавшиеся в школу в возрасте 15–18 лет. Учащиеся имели возможность получать стипендии, учрежденные от Акмолинской области (5 стипендий по 180 руб.), Семипалатинской области (10 по 180 руб.), Сибирского казачьего войска (20 по 180 руб.), Амурского казачьего войска (2 по 180 руб.), Семипалатинского казачьего войска (2 по 180 руб.), Уральской области (3 по 300 руб.), Астраханской губернии (для инородцев) — 3 стипендии по 300 руб., Министерства внутренних дел (2 по 180 руб.)⁵.

Другим учебным заведением такого типа стала Омская центральная фельдшерская школа, находившаяся также в ведении Министерства внутренних дел и принимавшая на обучение юношей в возрасте от 14 лет. Все ученики делились на казеннокоштных (учившихся бесплатно) и своскоштных (самостоятельно оплачивавших обучение, плата за которое в 1912 г. составляла 30 руб. в год). Стипендии учащимся предоставляли Акмолинская область (10), Тобольская губерния (20), Туркестанская и Семипалатинская области (по 20 и 8 соответственно), Сибирское казачье войско (15), Семипалатинское казачье войско (4), Уссурийское казачье войско (3–6)⁶. Таким образом, всего стипендиями были обеспечены более 80 учащихся.

Учитывая возрастающие потребности региона в квалифицированных специалистах технического профиля, по ходатайству генерал-губернатора Н.Г. Казнакова в декабре 1882 г. в Омске было открыто низшее механи-

⁴ Омский вестник. 1914. 19 июля.

⁵ *Весь Омск*. С. 60.

⁶ Там же.

ко-техническое училище имени императора Александра III, носившее характер специальной школы без изучения общеобразовательных предметов. В него принимались дети представителей всех сословий, окончившие начальные училища. Ученики, помимо теоретических знаний, получали практические навыки в столярной, кузнечной, литейной, слесарно-механических мастерских. Возраст поступающих ограничивался 14—17 годами. Плата за обучение составляла 50 рублей в год, по имелось и 50 бесплатных вакансий для детей крестьян и мещан (30 стипендий Тобольской и 20 Томской губерний), а также 1 стипендия беднейшему ученику из мещан от Омского мещанского общества, 3 стипендии от Акмолинского областного правления, 2 стипендии от Семипалатинского областного правления (по 250 руб. каждая) и 4 от Омского городского управления (по 50 руб.)⁷. Выпускники училища должны были в дальнейшем трудиться помощниками инженеров и других руководителей «промышленного дела».

В начале XX в. с проведением в Сибирь железной дороги, ростом переселенческого движения и ускорением капиталистического развития края, количество средних специальных и профессиональных учебных заведений различных типов в Омске заметно возросло. Так, в 1906 г. состоялось открытие Омского епархиального женского училища, находившегося в ведении Духовного ведомства и предназначенного для обучения, в первую очередь, дочерей священников. Девочки, не принадлежащие к духовному сословию, платили за обучение 50—70 рублей в год⁸. Программа обучения в епархиальном училище была приближена к программам женских гимназий, поэтому его выпускницы по окончании учебного заведения могли работать учительницами в начальных школах⁹.

В то же время с втягиванием Сибири в сферу внутреннего и внешнего рынка в крае появляются и коммерческие училища, подведомственные Министерству торговли и промышленности. В Омске коммерческое училище было учреждено в 1905 г. и открыто для приема 31 января 1910 г., представляя собой второе учебное заведение подобного типа в Западной

⁷ Весь Омск. С. 54; Старый Омск. С. 87; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 г. Томск, 1916. С. 284.

⁸ Весь Омск. С. 46.

⁹ Следует отметить, что поскольку данные учебные заведения предназначались специально для представительниц духовного сословия, а их программы почти полностью соответствовали программам женских гимназий, исследователями епархиальные училища зачастую относятся к категории средних общеобразовательных учебных заведений с сословным характером по социальному составу учащихся.

Сибири (первое действовало в Томске с 1901 г.). Полный курс обучения составлял 8 лет и, помимо общеобразовательных предметов, включал коммерческую арифметику, политэкономию, историю торговли и другие специальные дисциплины. В училище принимались дети мужского пола всех сословий и вероисповеданий. Ограничена была только норма приема евреев, составлявшая 10% от общего числа обучавшихся. Преимущество при поступлении отдавалось «лицам торговой профессии» г. Омска, Акмолинской и Семипалатинской областей¹⁰. Высокая плата за обучение (в среднем 100—120 руб. в год)¹¹ во многом объяснялась тем, что среди родителей учеников преобладали лица, связанные с торгово-предпринимательской деятельностью или состоявшие на государственной службе.

Открытие в Омске новых учебных заведений способствовало общему увеличению количества учащихся детей. Сведения о числе учащихся в городе в 1910 г. представлены в таблице.

Таблица №2

Состояние системы образования в Омске на 1 апреля 1910 г.

№	Тип учебного заведения	Кол-во учаш.
1	Омская мужская гимназия	406
2	1-я женская гимназия МНП	810
3	2-я женская гимназия МНП	388
4	частная женская гимназия Эйнарвич	55
5	частная женская гимназия Хвориновой	102
6	центральная фельдшерская школа	116
7	учительская семинария	87
8	ветеринарно-фельдшерская школа	43
9	техническое училище	100
10	низшая ремесленная школа	54
11	техническое железнодорожное училище	59
12	коммерческое училище	80
13	городские училища	450
14	начальные училища	1906
Итого		4656

¹⁰ Весь Омск. С. 49; Старый Омск. С. 148.

¹¹ Юрцовский, Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Новоиколаевск, 1923. С. 106.

¹² Таблица составлена по: Голос Сибири. 1910. 14 апр.; Весь Омск. С. 54—55, 59, 60.

Таким образом, данные таблицы свидетельствуют о том, что при численности населения города в 1910 г. 88900 человек, доля учащихся в Омске составляла всего около 5% (при этом большая часть детей обучалась в пизших общеобразовательных учебных заведениях), то сеть открытые новых школ и училищ не снимало остроту малой доступности образования для всех слоев населения. К тому же ряд отраслей промышленности и сельского хозяйства вообще были лишены притока профессиональных кадров, поэтому до 1917 г. в Омске было открыто еще несколько специализированных образовательных учреждений.

Явная нехватка образованных специалистов в преимущественно аграрном регионе, каким являлся юг Западной Сибири, привела к созданию в Степном крае средних сельскохозяйственных учебных заведений, и в 1910 г. в Омске появилось землемерное училище, находившееся в ведении Министерства юстиции. Принадлежность учебного заведения к данному ведомству и возможность дальнейшего продолжения образования в Межевом институте в Москве (также подведомственного Министерству юстиции) определили ряд особых условий обучения в землемерном училище. Так, при поступлении абитуриенты обязаны были предоставить свидетельство о политической благонадежности от местного губернатора (для казаков — от наказного атамана), а в период обучения, продолжавшегося 4 года, носить форму. В училище принимались представители всех сословий, ограничивался только прием евреев. Все ученики делились на стипендиатов и своскоштных. Стипендия от казны составляла 15 руб. в месяц, своскоштные платили не менее 10 руб. в полугодие¹³.

Вторым учебным заведением подобного типа стало открывшееся в Омске в 1912 г. среднее сельскохозяйственное училище, подведомственное Главному управлению землеустройства и земледелия. Училище было учреждено на территории Омской школы молочного хозяйства в составе двух отделений (сельскохозяйственного и культурно-технического) и его финансирование шло как за счет средств государственного казначейства, так и за счет местных источников. В училище принимались молодые люди в возрасте от 14 до 19 лет, сдавшие вступительные экзамены по Закону Божьему, русскому языку, геометрии, географии и другим предметам. Плата за обучение составляла 240 руб. для пансионеров и 40 руб. в год для приходящих учеников. Казенные стипендии в училище отсутствовали, но часть учащихся от платы была освобождена. Так, на полном обеспечении находились 80 человек, из них 12 содержались за счет средств

¹³ Весь Омск. С. 48—49.

Омской городской думы, 10 стипендий давалось лицам воинского сословия Сибирского казачьего войска, 20 получали стипендию по назначению акмолинского губернатора, 20 — семипалатинского и 18 — томского губернаторов. Причем стипендиаты обязаны были после окончания курса отработать по направлению столько лет, сколько они получали стипендию¹⁴.

В 1912 г. в Омске открылось также второе среднее педагогическое учебное заведение — учительский институт, который, несмотря на свое название, не имел прав вуза, но по статусу считался выше учительской семинарии, поскольку его выпускники имели право преподавать в высших начальных училищах и при определенных условиях поступать в университет. В учительском институте можно было получить образование за счет государства, но в таком случае после окончания учебного заведения выпускник обязан был отработать в системе Министерства народного просвещения по 2 года за каждый год бесплатного обучения. Для обучавшихся здесь за свой счет плата составляла 40 руб. в год¹⁵.

Таким образом, к 1916 г. в Омске действовало 6 средних специальных и 14 профессиональных (средних и низших) учебных заведений, причем большая их часть была открыта после прокладки в Сибирь железной дороги. Но даже это количество учебных заведений не удовлетворяло возросшие потребности региона, так как не могло полностью снять проблему дефицита высококвалифицированных кадров, очевидную в условиях ускорения социально-экономического развития края. При министре народного просвещения П.Н. Игнатьеве (1915–1916 гг.) предполагалась реформа системы образования, имевшая в качестве одной из задач дальнейшее расширение сети учебных заведений всех типов и увеличение числа учащихся в них. Однако осуществление этих планов в полном объеме оказалось невозможным в силу недостатка средств в условиях Первой мировой войны.

В целом же сформировавшуюся на рубеже XIX–XX вв. систему среднего специального и профессионального образования в Сибири как части Российской империи отличал ее несословный характер (сословные ограничения при приеме были скорее исключением, нежели правилом), но выпускники подобных учебных заведений были ограничены в праве

¹⁴ Сковородина, И.С. К истории Омского среднего сельскохозяйственного училища (1911–1917 гг.) // Омск. XX век (веки истории). Омск, 2001. С. 30–31.

¹⁵ Омский телеграф. 1916. 16 дек.; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 г. С. 300.

поступления в вузы. Практически во всех училищах и специализированных школах с учащимися взималась плата за обучение, однако учреждение большого числа стипендий (казенных, местных властей, общественных, частных) позволяло значительной части их воспитанников получить образование бесплатно с последующей отработкой лет получения стипендии. Таким путем осуществлялась адресная подготовка специалистов для различных ведомств и учреждений (например, Сибирского казачьего войска, Министерства народного просвещения, переселенческих организаций и проч.). Учреждаемые стипендии обеспечивали получающим их довольно сносное существование, по все-таки значительная часть учеников средних специальных и профессиональных учебных заведений находилась фактически за чертой бедности в силу принадлежности их родителей к малообеспеченным слоям населения. Местные газеты часто обращали внимание общественности на нужды учащихся. Например, в мае 1910 г. в газете «Омский телеграф» сообщалось об исключении 2 учеников из Омской учительской семинарии за невзнос платы за обучение. Особо отмечалось, что «многие из воспитанников этого училища, благодаря крайней недостаточности материальных средств, вынуждены жить на пище святого Антония»¹⁶.

Для решения этой проблемы практически при всех образовательных заведениях действовали так называемые Общества вспомоществования учащимся, которые пытались помочь малообеспеченным ученикам путем покупки учебников, одежды, организации бесплатных завтраков и т.д., привлекая для этого негосударственные средства, то есть ответственность за организацию и функционирование учебных заведений как бы делилась между государством и обществом.

Обращает на себя внимание и основательный подход к обеспечению материально-технической базы образовательных заведений. Открывавшиеся профессиональные школы и училища должны были иметь собственное или арендованное здание, полный комплект учебников, учебных пособий, реактивов и пр. Не случайно поэтому разрыв между учреждением учебного заведения и его открытием составлял, как правило, не менее двух лет. Об этом свидетельствует и пример Омского среднего сельскохозяйственного училища, вопрос об открытии которого был положительно решен еще в 1910 г., а первый набор в новое учебное заведение произведен только осенью 1912 г. Единовременные расходы на стро-

¹⁶ Омский телеграф. 1910. 19 мая.

ительство и оборудование училища, составившие 1059513 руб., были поделены между государственным казначейством и местными источниками. Кроме того, согласно «Положению о сельскохозяйственном образовании» от 26 мая 1904 г. сельскохозяйственным учебным заведениям предоставлялись льготы со стороны государства (например, им разрешалось бесплатно пользоваться казенной землей для практических занятий и ведения хозяйства; беспоплатно выписывать из-за границы учебные пособия, сельхозинвентарь, семена; получать государственные кредиты на строительство и др.)¹⁷. Благодаря столь пристальному вниманию к вопросам организации учебного процесса, многие учебные заведения дореволюционного Омска обладали собственными строениями, которые до сих пор являются украшением города. Например, это здание кадетского корпуса, женского епархиального училища, механико-технического училища и многие другие.

Но нехватка казенных средств, как было сказано выше, дополненная рядом других факторов, не дала системе образования в Западной Сибири развиваться и получить законченные формы, а недостаточный образовательный уровень населения, в свою очередь, стал одной из причин отставания России в начале XX в. от передовых стран мира.

---

¹⁷ Сковородина, И.С. Указ. соч. С. 28–29.

Н. В. Захарова

Об организации переселений крестьян в Сибирь в годы Столыпинской аграрной реформы

Система организации миграций за Урал с началом аграрных преобразований, осуществлявшихся кабинетом П. А. Столыпина, значительно видоизменилась.

С 1907 г. ежегодно созывались специальные межведомственные совещания при участии представителей Министерства путей сообщения. Так, по решению одного из таких совещаний были введены особые переселенческие поезда, выработаны правила и инструкции, установлены специальные тарифы, расширена врачебная и продовольственная помощь в пути.

В докладах Л. Л. Студанского и Н. Н. Касаткина-Ростовского Курской губернской земской управе, составленных по результатам поездок в переселенческие районы, отмечалось: «...правительством сделано решительно все возможное, чтобы облегчить переселенцам их тяжелый и долгий путь»; «все касающееся перевозки, путевого довольствия и выдачи ссуд ходакам поставлено Переселенческим управлением настолько хорошо, что вмешательство или работа в этом отношении местных органов является излишним»¹.

Были созданы два района на Сибирской железной дороге специально для организации передвижения мигрантов: Западный — от Челябинска до Новоиколаевска — и Восточный — от Новоиколаевска на восток².

В 1906 г. стали вводиться специальные переселенческие поезда, состоящие из вагонов IV класса. Довольно широко в 1906—1914 гг. использовались вагоны-теплушки. С 1908 г. началось массовое строительство вагонов новой конструк-

¹ Доклад Курской губернской земской управе Л. Л. Студанского о посадке его в переселенческие районы Сибири летом 1909 года // Журналы заседаний XLV очередного Курского губернского собрания с 1—14 декабря 1909 г. с прилож. Курск, 1910. С. 883; Доклад Курской губернской земской управе о посадке в Сибирь князя Н. Н. Касаткина-Ростовского // Журналы заседаний XLVI очередного Курского губернского земского собрания с прилож. Курск, 1911. С. 915.

² Сб. законов и распоряжений по переселенческому делу и поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России. (по 1 августа 1909 г.). СПб., 1909. С. 665.

ции, довольно удобных, с водяным отоплением, туалетами и тиганами для кипятка. Из этих вагонов формировались переселенческие поезда, которых в 1913 г., по подсчетам В.Г. Тюкавкина, курсировало 3,4 тыс.³

Крестьяне-переселенцы получали льготные билеты, стоимость которых была в три раза дешевле билетов IV класса, могли провозить багаж и скот с льготной оплатой.

Льготный тариф на проезд действовал для переселенцев в течение трех лет со времени водворения на новом месте на тот случай, если у них возникнет необходимость решения имущественных дел на родине⁴.

В 1909 г. было принято решение о бесплатном проезде переселенцев и ходоков в Сибирь и обратно в переселенческую кампанию 1909–1910 гг.⁵

Следует отметить, что в правительстве и Государственной думе велись острые споры о судьбе «переселенческого тарифа»⁶, поскольку убытки Министерства путей сообщения от льготного переезда переселенцев на восток составляли более 8 млн. рублей. Поэтому вставал вопрос о замене существующего льготного тарифа тарифом IV класса (разница в среднем могла составлять около 80 рублей на переселенческую семью). Эта мера, по мнению П.А. Столыпина, могла загубить процесс заселения стратегически важных восточных окраин⁷. Он предлагал подойти к решению проблемы дифференцированно: сохранить льготный тариф для ходоков всех категорий, а всю переселенческую массу разделить на три группы в зависимости от предполагаемого района водворения, с установлением индивидуальной стоимости проезда⁸. Изменения переселенческого тарифа планировалось ввести лишь с 1912 г., но наметившийся к этому времени спад в переселенческом движении снял такую необходимость.

Следуя рекомендациям Переселенческого управления, переселенцы стремились попасть на места нового водворения в первые весенние

³ Тюкавкин, В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 242.

⁴ Якименко, Н.А. Организация переселения крестьян в Сибирь и на Дальний Восток в годы Столыпинской аграрной реформы (1906–1914 гг.) // Проблемы аграрной истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1979. С. 5; Гос. учреждение Тюменской обл. гос. архив г. Тобольска (далее — ГУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 11.

⁵ Особые журналы Совета министров Российской империи (далее — ОЖСМ): 1909 год. М., 2000. С. 70.

⁶ ОЖСМ: 1910 год. М., 2001. С. 320–322.

⁷ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 580. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 18.

⁸ ОЖСМ: 1910 год. С. 320–322.

месяцы, и поэтому в 1906—1907 гг. одновременный наплыв крестьян приводил к переполнению станций и поездов, скоплению мигрантов на переселенческих пунктах и задержке в пути.

Для предупреждения чрезмерных скоплений переселенцев на железнодорожных линиях Главное управление землеустройства и земледелия (далее — ГУЗиЗ) по предварительному соглашению с МПС установило порядок срочной перевозки мигрантов с 10 марта по 20 июня из каждой губернии по особым очередям, «в зависимости от местности, куда они направлялись».

Великий обеспеченный землей в Сибири переселенец, желавший воспользоваться льготным проездом на зачисленный за ним участок в течение весеннего периода, должен был выбрать для отъезда один из дней двухнедельного очередного срока. В случае, когда переселенец не мог соблюсти порядок очереди, его отъезд откладывался на последнюю весеннюю очередь с 1 по 20 июня.

Для удобства оформления проходных свидетельств и удостоверений их бланки рассылались Переселенческим управлением на места выхода крестьян. В циркуляре ГУЗиЗ обращалось особое внимание на необходимость строгого соблюдения земскими начальниками правил выдачи проходных документов только после предъявления удостоверений, подтверждающих факт зачисления душевых долей на переселенческих участках или старожильческих обществах⁹.

По всей линии железной дороги были организованы переселенческие пункты на крупных станциях.

Действительным «началом Сибири на пути переселенцев», «столицей аграрного движения» современники вполне справедливо называли Челябинск. Здесь после обязательной регистрации мигранты получали подробные справки о наличии и количестве свободных участков, карты с описанием характера интересующей местности и условий хозяйственной деятельности.

Вот как оценивает В.П. Волгин ту информационную помощь, которую переселенцы получали в Челябинске: «впервые здесь переселенцы слышат живое слово о Сибири, впервые реально чувствуют они свою оторванность от насиженных мест. Как устроиться на чужбине, где достать леса на постройку, семена, лошадей и орудия — вот главные вопросы, требующие устного подтверждения».

Челябинский переселенческий пункт располагал баней с дезинфекционной камерой для одежды мигрантов, приемным покоем, больницей, праче-

⁹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 580. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 3.

пой и столовой. Дети и больные переселенцы бесплатно получали порцию супа и стакан кипяченого молока.

В помещении переселенческой церкви проводились обязательные для каждой партии переселенцев и ходяков чтения об условиях жизни в местностях нового водворения. Переселенческий склад демонстрировал наиболее пригодные для сибирского региона сельскохозяйственные машины и орудия.

Переселенческое управление не жалело средств на обустройство переселенческого пункта. Состоящий из ветхих барачков в первое время массовых переселений, к 1912 г. он приобрел, по воспоминаниям очевидцев, весьма благоустроенный вид: вырос переселенческий медицинский поселок, имевший в своем составе более 20 небольших зданий, приспособленных к отдельным видам заболеваний; кроме того, были построены новые утепленные бараки и помещения летнего типа, регистрационный зал, приют для 40 детей-сирот переселенцев¹⁰. Перед отправкой каждой партии мигрантов в Сибирь служили молебн.

В годы Столыпинской аграрной реформы, когда миграционное движение достигло своего апогея, наряду с Челябинским и Сызранским появились новые транзитные пункты. Для направляющихся в Тобольскую губернию переселенцев особое значение имели Тюменский, Туринский, Таборинский, Усть-Ишимский, Тевризский и Тарский пункты, оборудованные специальными бараками для оказания информационной, медицинской и продовольственной помощи переселенцам. Здесь мигранты могли пополнить свои продовольственные запасы, остановиться на время и определиться с дальнейшим направлением следования. Кроме того, на пунктах проводилась бесплатная раздача продовольствия детям до 10 лет и тем из взрослых, которые по указанию медицинского персонала пуждались в усиленном питании. Порции состояли из горячего супа и хлеба, а детям и больным выдавали еще по кружке кипяченого молока¹¹. Только в 1907 г. расходы на оказание продовольственной помощи переселенцам на этих пунктах выразились в цифрах¹²:

Название пункта	Выдано бесплатно	
	Порций	На общую сумму (в руб.)
Тарский	5 283	314,59
Тевризский	468	65,45
Усть-Ишимский	67	09,41
Туринский	1946	177,7

¹⁰ Воинович, В.П. На сибирском просторе. СПб., 1912. С. 7–9.

¹¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 82.

¹² Там же. Л. 113.

Название пункта	Выдано бесплатно	
	Порций	На общую сумму (в руб.)
Таборинский	2197	209,55
Тюменский	9961	716,7
Всего:	19922	1493,4

Правительство и местные переселенческие чиновники предприняли попытку наладить контроль за санитарными условиями переезда. Серьезную опасность таили эпидемии оспы, дизентерии, сыпного и брюшного тифа. Несмотря на ограниченность медицинского персонала и недостаток лекарственных средств, Переселенческому управлению все же удалось справиться с организацией мер по выявлению очагов эпидемии и их своевременной локализации. После 1910 г. крупных вспышек массовых инфекционных заболеваний во время передвижения переселенцев Тобольской губернии зарегистрировано не было¹³. Исследователи отмечают большие недостатки в организации перевозки переселенцев в течение 1906–1908 гг., чем на протяжении 1910–1914 гг. В частности, И.Л. Ямзин указал на коренное изменение условий переезда крестьян за Урал после 1910 г.¹⁴

С началом столыпинского реформирования в судьбе переселенцев начинают активно участвовать земские организации. В последнее время появилось несколько специальных работ о деятельности земств в переселенческом движении¹⁵. Заметный поворот в земской деятельности произошел после бурных политических потрясений 1905–1907 гг. Существенное изменение государственного строя России, выразившееся в учреждении законодательной Государственной думы, в фактическом установлении многопартийности и общей либерализации политической системы, устранило основные причины земской оппозиционности. Кроме того,

¹³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 5.

¹⁴ Ямзин, И.Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912. С. 91–103.

¹⁵ Алядькова, Ю.И. История деятельности государственных и земских органов по реализации аграрной реформы П.А. Столыпина (на матер. Черноземного центра России); автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1997; Ромашова, В.И. Земство и Столыпинская аграрная реформа // Столыпин, П.А. Аграрное реформирование России. Великий Новгород, 1999. С. 18–32; Карначев, М.Д. Воронежское земство и аграрная реформа начала XX в. // Общественная жизнь Центрального Черноземья России в XVII — начале XX в. Воронеж, 2002; Дякин, В.С. Был ли шанс у Столыпина: сб. статей. СПб., 2002.

как походит М.Д. Карпачев, многим земским деятелям импонировала энергичная реформаторская деятельность П.А. Столыпина¹⁶.

Хотя существовали определенные опасения насчет чрезмерного вмешательства земств в переселенческую политику правительства, последнее поддерживало их инициативы. Так, главноуправляющий земледелием и землеустройством Б.А. Васильчиков и глава Переселенческого управления Г.В. Глинка выступали за активное привлечение местных сил к участию в разработке официальной переселенческой программы и ее реализации. При этом оговаривалось, что это участие должно выражаться в деловом сотрудничестве, а не в «политиканствующих речах»¹⁷. В 1907 г. число переселенцев из Европейской России составило около 260 тыс. человек. Наибольшее число мигрантов вышло из Курской, Воронежской, Полтавской, Черниговской, Саратовской, Вольской, Киевской и Харьковской губерний¹⁸.

Поэтому Южно-русская областная переселенческая организация, центр которой находился в Полтаве, объединила усилия земских учреждений восьми украинских и центрально-черноземных губерний страны по координации решения переселенческих вопросов. Эти вопросы стали предметом обсуждения на съезде в Харькове осенью 1908 г. Председательствовал на съезде харьковский уездный предводитель дворянства князь А.Д. Голицын, впоследствии возглавивший переселенческую комиссию в Государственной думе.

Присутствующему на съезде Г.В. Глинке пришлось выступить в защиту свободы переселений в противовес довольно представительной части делегатов, ратовавших за предоставление права переводворения только крестьянам малоземельных губерний и только с согласия землеустроительных комиссий. Глава Переселенческого управления напомнил, что вся история Сибири создана стихийным движением русского мужика на восток, и поэтому «нельзя явления народной жизни зажимать в узкие рамки правительственной регуляции». Во многом благодаря выступлению Г.В. Глинки съездом была принята резолюция, оставлявшая необходимый простор для аграрных миграций за Урал.

Одним из наиболее значимых аспектов деятельности земств стало учреждение института переселенческих агентов, в обязанности которых вменялись просветительская работа среди потенциальных и фактически

¹⁶ Карпачев, М.Д. Воронежское земство и аграрная реформа начала XX в. С. 83.

¹⁷ Татищев, А.А. Земли и люди: в гуще переселенческого движения (1906–1921). М., 2001. С. 50.

¹⁸ Переселение и землеустройство в Азиатской России: сб. законов и распоряжений / сост. В.И. Воинович; под ред. Г.Ф. Чиркина. Пг., 1915. С. 32.

ких переселенцев, формирование и сопровождение переселенческих и ходаческих партий, оказание агрономической помощи землякам и защита их интересов в районах нового водворения¹⁹. В Тобольском районе, к примеру, переселенческие агенты участвовали в работе местных совещаний по переселенческому делу²⁰.

Предметом особой заботы земских организаций явилось самовольное крестьянское движение за Урал. Так, в упомянутом докладе Л.Л. Студзинский отмечал высокий удельный вес в общем переселенческом потоке самовольцев, которых делил на две группы: «1) те, которые ехали на «авось» и не знали правил переселения; 2) те, которые были более или менее знакомы с требованиями Переселенческого управления, но лезут напролом туда, где уже все годные для переселения земли заняты другими»²¹.

В 1909 г. Курская земская организация ходатайствовала перед Переселенческим управлением о том, чтобы так называемые «самовольцы» устраивались за Уралом и тем самым были бы избавлены от необходимости возвращения на родину.

Участие земств в переселенческом процессе нашло широкое отражение на страницах «Известий областной земской переселенческой организации», которые стали выпускаться с 1912 г. В этом издании мы находим работы публицистического характера об истории колонизационного и переселенческого дела в России, многочисленные официальные отчеты и личные наблюдения переселенческих агентов, составленные по результатам поездок в восточные губернии, критические замечания в адрес правительства и местных властей по поводу произвола и бюрократических проволочек, с которыми, к сожалению, приходилось сталкиваться аграрным мигрантам.

Несомненно, деятельность земств явилась серьезным подспорьем для правительства в организации переселенческого движения. Как считал М.Д. Карпачев, без их активного участия организовать такое сложное и масштабное дело было совершенно невозможно²².

Приведенные данные опровергают вывод Н.А. Якименко, будто правительству П.А. Столыпина не удалось должным образом наладить переселение крестьян в Зауралье.

¹⁹ Отчеты переселенческих агентов Харьковского губернского земства А.Е. Каджая и А.В. Бабенцова по командировке их в места Сибири для сопровождения ходаческих партий весной 1909 г. Харьков, 1909. С. 9; Доклад... 1910 года. С. 885.

²⁰ Переселение и землеустройство в Азиатской России. С. 32.

²¹ Доклад... 1910 года. С. 884.

²² Карпачев, М.Д. Воронежское земство и аграрная реформа начала XX в. С. 96.

И. В. Курьинев

Образ врага на страницах повстанческой газеты «Голос Народной армии»

Содержание газеты «Голос Народной армии», издававшейся Тобольским штабом Народной армии с 27 февраля по 7 апреля 1921 г., несмотря на отдельные публикации по данной тематике¹, еще не стало предметом всестороннего анализа в современной историографии антикоммунистического повстанческого движения 1921 г. в Западной Сибири. Между тем материалы этого периодического издания достаточно ярко характеризуют декларировавшиеся мятежниками цели, задачи, мотивы повстанческо-партизанской борьбы, их социально-политические представления и умонастроения, социально-психологические качества и черты в целом.

Характеризуя идеологию повстанческого движения, в докладе полглавкому по Сибири В.И. Шорину командир 85-й стрелковой бригады Н.Н. Рахманов подчеркивал: «Указанными в предыдущем ошибками продовольственной политики, преступным поведением продотрядов ловко воспользовались все неправятели Советской власти и постепенной агитацией, подтверждаемой указанием на примеры, проходившие на местах, углубляли недовольство крестьян. Кулачество, поны, кооператоры, лесничие, разные отбросы старого режима, колчаковцы, спрятавшиеся по глухим деревням, сумели разьяснить и убедить крестьян, что главным врагом, причиняющим лишения крестьянам, является коммуна, коммунистическая партия»² (выделено мною. — И.К.).

¹ Лагунов, К.И. Двадцать первый: хроника Западно-Сибирского крестьянского восстания. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1991. С. 91, 114; Петрушин, А.А. Новое в изучении истории Западно-Сибирского мятежа 1921 года // История Советской России: новые идеи, суждения: тезисы докладов и сообщений республиканской научной конференции. Тюмень, 1991. Ч. 2. С. 118; Московкин, В.В. «Голос Народной армии» — газета восставших крестьян // История крестьянства Урала и Сибири в годы Гражданской войны: тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года. Тюмень, 1996. С. 38–40.

² Цит. по: Сибирская Вахта. 1920–1921. Документы. В 2 т. / сост. В.И. Шинкин. М.: Международный фонд «Демократия», 2001. Т. 2. С. 643.

Дихотомия «наши» — «чужие» довольно ярко представлена в традиционном сознании сибирского крестьянства и отчетливо проявилась в Гражданскую войну. В экстремальной ситуации кровавого противостояния расплывчатый образ врага конкретизируется, становясь источником несчастий, бедствий, исходящих от «чужого». Активизация образа врага в массовом сознании всегда происходит в период острых социальных потрясений, кризиса мировоззрения, дезориентации и дезадаптации значительных слоев населения.

Как справедливо отмечает известный специалист психологии войны в XX в. применительно к историческому опыту России Е.С. Сенявская, в военных условиях проблема «свой» — «чужой» предельно обостряется, и оценка противника преобладает субъективно-эмоциональное начало, механизм конструирования образа врага направлен на обоснование своей правоты в войне (путем подчеркивания агрессивности противника, его жестокости, коварства и т.п.) и своего превосходства, которое должно стать основанием победы³.

Обращение к материалам тобольской повстанческой газеты «Голос Народной армии» позволяет прежде всего отчетливо выявить ярко выраженную антикоммунистическую направленность этого агитационно-пропагандистского органа. Газета действительно пыталась формировать и, очевидно, формировала у определенной части мятежников образ злобно-го, жестокого врага — коммуниста, истребление которого явилось бы долгожданным спасением сибирского крестьянства и всей России. Появилось это на конкретных примерах.

Во многих статьях, опубликованных в «Голосе Народной армии», лейтмотивом проходит мысль, что главной целью восставших крестьян является восстановление «истинного народоправства», свержение нового коммунистического крепостничества, предоставление крестьянству свободного экономического развития. Так, в редакционной статье от 5 марта 1921 года подчеркивалось: «Для трудовых земледельцев Сибири коммунизм советских комиссаров явился тяжелыми цепями, ненавистным гном, сковывающим свободное развитие экономических сил деревни»⁴.

Газета выражала мнение, что основным мотивом повстанческой борьбы является свержение коммунистического насилия, восстановление даро-

³ Сенявская, Е.С. Проблема «свой» — «чужой» в условиях войны и типология образа врага // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: материалы междунар. науч. конф. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С.И. Полторака. СПб.: «Нестор», 2001. С. 52.

⁴ ГАИОНТО. Голос Народной армии (Тобольск). 1921. 5 марта.

ванных Февральской революцией 1917 г. и затем узурпированных большевиками демократических свобод, восстановление частной собственности и свободной торговли. По мнению автора статьи «За что они борются» (под псевдонимом Мужичок), коммунисты предали истинные идеалы революции, переродившись в новую, еще более хищную буржуазию. «Сначала обманом, а потом насильем они сделали большинство населения рабами небольшой кучки — своей партии. Проведя борьбу с буржуазией во имя свободного, счастливого и богатого человечества, они сами из себя, из своей партии создали новую буржуазию, которая простерла свои притязания уже не только на материальный достаток своего ближнего, но и на самые его мысли, чувства, на его право так или иначе верить, на его право располагать собою, как он хочет»⁵.

Публикации пестрят сообщениями и статьями о возмутительных по своей жестокости бесчинствах и зверствах коммунистов по отношению не только к мятежникам, но и мирному крестьянскому населению. Так, в корреспонденции под характерным названием «Зверства отступающих коммунистов» сообщалось о том, что в Ишимском уезде коммунисты, ворвавшись в с. Кротовское, в нем и в окрестных деревнях вырезали и убили до 40 человек, причем некоторые трупы были изуродованы ими до неузнаваемости. Жертвами беспощадной резни стали даже старики и старухи. В с. Черном Челпоковской волости одна старуха погибла только в силу того, что во время захвата Черного повстанцами, она уличила жену местного коммуниста в присвоении овчины из продовольственной конторы. Перед уходом из Черного коммунисты расстреляли до 10 арестованных, имущество которых было разграблено⁶.

В другой заметке «Волки и бараны», написанной со слов представителя Северного отделения Ишимского штаба, сообщалось о том, что в середине февраля 1921 г. один из небольших коммунистических отрядов предложил партизанам пойти на перемирие. В селе Черемшанском состоялись мирные переговоры между представителями противоборствующих сторон. Однако, как указывал неизвестный корреспондент под псевдонимом Прохожий, «волки оказались волками, а овцы баранами. Коммунисты уговорили партизанских делегатов. Те возвратились к отрядам и уговорили партизан. Партизаны уложили винтовки в короба и поехали к коммунистам с повинной. Коммунисты приняли их ласково, получили от партизан винтовки и... расстреляли их из этих же самых винтовок»⁷.

⁵ Голос Народной армии. 1921. 27 февр.

⁶ Голос Народной армии. 1921. 5 марта.

⁷ Голос Народной армии. 1921. 16 марта.

В корреспонденции «Бесчинства коммунистов», основанной на данных крестьянской разведки, неподалеку от г. Ишимя коммунисты собрали по окрестностям 22 священника, которые были тут же расстреляны. Так, священник села Устьламенского отец Иван Сипириев после издевательств коммунистами был расстрелян. «Где собака поп? Куда девался?» — спрашивали попадью в поисках малоскардинского священника А. Д. Садовникова. «Мальшевского священника отца Виктора Соколова, — добавлял автор, назвавший себя Ишимцем, — раздевали и вводили на расстрел с матушкой, но за них заступился телеграфист, и их отпустили до другого раза, но сняли со священника наперстный крест, а с матушки золотое кольцо. И так коммунисты не признают ничего святого, никаких законов, топчя ногами все возвышенное, они действуют хуже разбойников и зверей»⁸.

Вполне понятно, что проявлявшаяся по отношению к священнослужителям ненависть была связана с тем, что большая их часть поддерживала повстанцев, участвовала в проведении торжественных молебнов в поддержку восставшего крестьянства по случаю освобождения от коммунистов, крестных ходов и т. п.

Рассказывая со слов очевидцев о событиях в Ишимском уезде — эпицентре восстания, корреспонденты газеты «Голос Народной армии» стремились показать трагизм и безысходность положения здешнего крестьянства, обескровленного выполненным непосильной продовольственной разверсткой. Газета, например, сообщала: «Жители прежде богатого села Кротовского теперь разорены коммунистами. С осени у них отобран весь хлеб, скот (кто имел 20 дойных коров, теперь имеет 3—4); в разверстку с крестьян требовали все: овощи, картофель, который весь заморожен и до сих пор лежит невывезенный, кожу, шерсть, щетину и даже рога и конские копыта. Чтобы удовлетворить требования на шерсть, крестьяне выгуждены были стричь зимою овец и держать их после этого в избах, стригли свои тулупы, полушубки и собак. [...] Взамен отобранного крестьяне не получали от коммунистов ничего»⁹.

Акцентируя внимание читателей на злодеяниях и преступлениях коммунистов и продовольственных комиссаров, «Голос Народной армии» стремился показать всю обоснованность и правомерность самоотверженной и беспощадной борьбы восставших крестьян с коммунистами, вынужденный, ответный характер террора со стороны повстанцев. Так, сообщалось о том, что ответственные работники и коммунисты, вырвавшиеся из-под ареста мятежников и соединившиеся с ишимскими коммунистами, овладели

⁸ Голос Народной армии. 1921. 20 марта.

⁹ Голос Народной армии. 1921. 8 марта.

село Кротовым, при занятии которого избивали местных жителей, и особенно ямщиков, доставлявших партизан, причем многих изязали, обрезали уши, нос и т.п., а на следующий день, вечером, намеревались произвести расстрелы захваченных повстанцев. Однако в этот момент в село вступил возвращавшийся партизанский отряд, и коммунисты, отчаянно сопротивляясь, бежали. «Оставшиеся и попрятавшиеся коммунисты, — обращал внимание корреспондент, — при обнаружении, теперь уже в ответ на их зверства, расстреливались»¹⁰ (выделено мною. — И.К.).

Подробно информируя о многочисленных злодеяниях и насилиях со стороны представителей РКП(б), рисуя страшные картины народных бедствий и всячески акцентируя на них внимание, газета «Голос Народной армии» тем самым стремилась пробудить и разжечь в восставших массах чувство несправедности и мести по отношению к коммунистической власти, сплотить на этой основе разрозненные повстанческие группировки. В своей редакционной статье от 1 марта 1921 года она утверждала: «Не слабыми и робкими шагами, а могучим сплошным потоком народного возмущения и несправедности бросилось сибирское крестьянство в последнюю решительную схватку с врагом человечества — «комиссарским коммунизмом». [...] Ибо исчерпаны пределы человеческого терпения, нанесен смертельный удар нашей колености и безразлично, разбужена самодеятельность, проступилось народное отмщение».

Исторический опыт войны убедительно показывает, какой всеокрушающий характер приобретают чувства несправедности и мести, принявшие наибольший размах и сфокусированные на персонализированном враге. Как не вспомнить в связи с этим строки из стихотворения «Встань, несправедность, тебя поем!» (1942 г.) известного советского поэта Александра Прокофьева:

«Убей врага, испепели!» —

Горит на знамени твоём.

Встань, несправедность моей земли,

Встань, несправедность, тебя поем!

Во многих корреспонденциях газеты «Голос Народной армии» указывалось на отчаянную решимость мятежников сражаться до последнего вздоха. Боицы первого боевого Казачьего отряда заверяли жителей г.Тобольска: «...Мы сделали здесь свое дело, за кровь наших отцов и братьев мы отомстим»¹¹.

Сообщая о жестоких расправах коммунистов над повстанцами и подчеркивая безысходность сложившегося положения, «Голос Народной армии» в редакционной статье «Или вы, или они» призывает крестьян к

¹⁰ Голос Народной армии. 1921. 8 марта.

¹¹ Голос Народной армии. 1921. 16 марта.

беспощадной и самоотверженной борьбе с насильниками: «Теперь, братья крестьяне, отступления быть не может, теперь одно из двух: или они — коммунисты — сожгут вас живыми на костре, когда придут снова в ваши села и деревни, а оставшихся в живых поработят так, что в сравнении с этим крепостное право и эпидемия чумы, взятые вместе, казались бы детской игрушкой... Или вы должны уничтожить их и тем обеспечить свою жизнь, хозяйственное и культурное развитие [...]. Победа или смерть — третьего быть не может»¹² (выделено мною. — Н.К.).

Единственной целью населения, — утверждала повстанческая газета, — является уничтожение измучившего всех коммунизма¹³. Ярким образцом культивирования непримиримости, чувства ненависти и мести по отношению к врагу (коммунисту) стала и опубликованная здесь же «памятка партизана». Вот некоторые из ее положений:

«1) Ты — партизан, ты взялся за оружие добровольно и поэтому ты на счету у коммуниста как доброволец. Помни это и не жди пощады. [...]

7) Врагу — злодею не давай опомниться, сокрушай его на каждом шагу. Засада, порча телефона, телеграфа, железной дороги в тылу и уничтожение связи и разведки противника — вот твоя постоянная боевая задача.

8) Помни, что врага нужно уничтожить, а не гонять его с места на место.

9) Враг — коммунист. Беспартийный красноармеец — брат твой.

10) С каждым новым днем силы и оружие врага убывают, а у партизан прибывают»¹⁴.

Однако уже к концу марта — началу апреля 1921 г. в ходе ожесточенных и упорных боев с частями регулярной Красной армии основное ядро повстанческих сил было разгромлено.

Подытоживая вышесказанное, можно в очередной раз сказать, что гражданская война (а крестьянское повстанческое движение 1921 г. — один из поворотных ее этапов) резко изменила шкалу нравственных ценностей, пробуждая в воюющем человеке всеподавляющий инстинкт самосохранения и в то же время нивелируя ценность человеческой жизни. Она явилась во многом наукой ненависти, человек в противнике (представления о котором имели постоянную тенденцию к расширению) видел прежде всего врага и действовал в соответствии с императивом «или убьешь ты, или убьют тебя!».

¹² Голос Народной армии. 1921. 19 марта.

¹³ Голос Народной армии. 1921. 22 марта.

¹⁴ Голос Народной армии. 1921. 16 марта.

Л.В. Алексеева

Экономическое положение Обдорского края в первые годы после революции (1917–1921 гг.)

Экономические процессы, развернувшиеся в России в первые десятилетия советской власти, рассматривались историками экономики в русле теории государственного социализма, где выделялись следующие этапы: октябрь 1917 г. — лето 1918 г. («красногвардейская атака на капитал»); лето 1918 г. — 1920 г. (политика «военного коммунизма»); 1921 г. — середина 1920-х гг. (новая экономическая политика); середина 1920-х гг. — конец 1930-х гг. (оформление командно-административной системы)¹.

Применительно к Ямальскому Северу долгое время исследователями не предлагалось отдельной периодизации. Регион традиционно рассматривался в совокупности с Ханты-Мансийским автономным округом либо в границах всего Севера Советского Союза.

В советской историографии можно выделить два подхода при разработке периодизации истории Севера 1917–1940 гг. И.С. Гурвич и М.Е. Бударин выделяли четыре периода: 1917–1924 гг. — освобождение народов Севера и принятие первых мер по оказанию им помощи; 1924–1929 гг. — советизация, укрепление хозяйства, начало культурной революции; 1929–1934 гг. — начальный период коллективизации и территориальное районирование; 1934–1940 гг. — реконструкция хозяйства, развитие и укрепление колхозного строя². И.П. Клещенок считал, что народы Севера прошли в своем развитии три периода: 1917–1924 гг. — помощь северным народам, благодаря которой они были спасены от вымирания; 1924–1929 гг. — национальное строительство в связи с деятельностью комитета Севера; 1929–1935 гг. — годы коллективизации, бурного развития хозяйства³.

¹ См.: История экономики / под общ. ред. проф. О.Д. Кузнецовой и проф. И.Н. Шапкина. М., 2000. С. 292.

² См.: Гурвич, И.С. Еще раз к вопросу о переходе малых народов Севера и Дальнего Востока к социализму // Вопросы истории КПСС. 1964. № 9. С. 101; Бударин, М.Е. Путь малых народностей Крайнего Севера к коммунизму. Омск, 1968.

³ См.: Клещенок, И.П. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики среди малых народов Севера. М., 1972. С. 12–13.

В.Ф. Ретунский также придерживался трех периодов социалистического строительства у народов Северо-Западной Сибири, однако более крупных: 1917–1920-е гг. — период революционно-демократических преобразований; постепенного внедрения основ социализма; 1930-е гг. — период борьбы за достижение фактического равенства и победы социализма; 1940–1960-е гг. — период завершения построения социализма⁴.

Другие ученые (например, Ю.Б. Строкач, В.А. Зибарев) предпочитали выявлять закономерности перехода у малых народностей к социализму и в дальнейшем наметить более дробную периодизацию, что, собственно, произошло в постсоветский период изучения истории севера Западной Сибири.

Современные исследователи, активно обратившись к изучению истории Ямала, предпринимают попытки по переосмыслению прошлого Севера и выдвигают новые периодизации. В.Д. Камынин считает, что в изучении истории Ямала можно выделить три основных периода: дореволюционный, советский и современный⁵. Ученый признает, что внутри крупных периодов можно выделить более мелкие этапы.

В работах Л.В. Алексеевой представлена периодизация экономической истории Северо-Западной Сибири. В ряде трудов ею обращалось внимание на наличие двух этапов в развитии хозяйства Тобольского Севера в 1917–1920-х гг. Изучение экономического развития (на том этапе) позволило автору прийти к следующим выводам относительно периодизации:

1. В 1918–1921 гг. — кризис в хозяйстве края, порожденный Гражданской войной и Западно-Сибирским восстанием.

2. 1922–1923 гг. — переходный этап (от военных действий — к мирной жизни), когда северяне сами решали свои экономические проблемы, организовывали кооперативы, развертывали торговый обмен. Центральная власть в тот период ничего для их экономической поддержки сделать не могла. Развертывание НЭПа на Тобольском Севере проявилось прежде всего в активизации частной торговли, что способствовало оживлению деятельности промысловиков и, как следствие, всей экономической жизни.

3. 1924–1925 гг. — этап хозяйственной стабилизации. Войдя в состав Уральской области, Тобольский Север оказался под пристальным вниманием

⁴ См.: Ретунский, В.Ф. Предпосылки и начало перехода на некапиталистический путь развития народностей Северо-Западной Сибири (1917–1937 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1967. С. 6.

⁵ См.: Камынин, В.Д. Основные этапы и проблемы изучения истории Ямало-Ненецкого национального округа // Ямал в панораме Российской истории. Екатеринбург, 2004. С. 3.

се руководства. В целом вся деятельность хозяйственных и кооперативных организаций была направлена на получение прибыли. Экономическая жизнь заметно активизировалась.

Продолжение и углубление исследования экономической истории Ямальского Севера, применение экономической теории, прежде всего теории экономического взаимодействия, заставило Л.В. Алексееву пересмотреть ранее существовавшую периодизацию и предложить иные вехи экономического развития Ямальского Севера:

1. 1917–1921 гг. — период, когда хозяйство края характеризовалось циклическим развитием, приведшим к кризису. Органы власти, сменившиеся за тот период шесть раз, нередко прибегали к непопулярным мерам, решали спущенные задачи.

2. 1922–1926 гг. — период, когда хозяйственные системы оказались в условиях новой экономической политики. Их взаимодействие было обусловлено стремлением многочисленных хозяйственных организаций получить пушнину и рыбу, а местного населения — выгодно обменять сырье на необходимые товары. В создание и развитие перерабатывающих предприятий средств почти не вкладывалось, о проблемах местного населения в советских органах власти говорили очень много, но не решали их. Формировался потребительский характер в отношении государства к северному хозяйству, в котором обнаружилось серьезные диспропорции. В конце 1925 г. правительство приняло ряд ограничений по торговельно-заготовительной деятельности частных.

3. 1927–1929 гг. — этап, когда начался процесс свертывания НЭПа, произошли реформы в управлении промышленными предприятиями, налоговой и финансовой сферах, кооперации, был взят курс на коллективизацию.

4. 1930 — июнь 1941 г. — этап крестьянской ссылки и депортаций, создание общественного производства, проведение коллективизации, формирование подлевольной системы труда.

Наиболее сложным для изучения является первый этап. В архивах почти нет документов по данному времени. Тем не менее, все же удалось представить картину хозяйственного развития и социально-экономического положения населения в 1917–1921 гг. В данной статье автор принимает попытку рассмотрения экономического положения Обдорского края в самый сложный период его новейшей истории.

Экономический потенциал края в указанный период был представлен традиционными отраслями: оленеводство, пушной и рыбный промысел. Товарообмен и торговые сделки осуществлялись при подавляющем участии

торговой компании купцов-промышленников Плотниковых. Компания владела торгово-грузовыми и пассажирскими судами, консервными фабриками в Обдорске, Тобольске и Томске, занимала монопольное положение в рыбной промышленности севера Западной Сибири. Всего на Обском Севере занимались бизнесом около 50 крупных предпринимателей⁶.

По сведениям, представленным в отчете Тюменского губкома РКП(б) «О политическом и экономическом состоянии губернии» (1921 г.), можно установить, что в Березовском уезде проживало 43966 человек⁷. По данным переписи 1926 г. в Обдорском районе население составляло 19 тыс. человек⁸. Размеренная жизнь северян была нарушена начавшимися революционными потрясениями. Власть перешла к органам Временного правительства Сибири. Для того чтобы охарактеризовать последствия Гражданской войны для экономики края, необходимо представить некоторые сведения по его состоянию в 1917–1921 гг., выделив основные черты. Условия, в которых оказалось хозяйство края, и социально-экономическое положение населения определялись, на наш взгляд, несколькими факторами.

Первый — политический. За короткий промежуток времени произошла неоднократная смена власти. Советская власть не успела себя проявить весной 1918 г., поскольку созданные ревкомы вскоре под натиском белых пали. Восстановление советской власти произошло в начале 1920 г. Продержавшись около года, она вновь была упразднена в связи с началом крестьянского восстания. Только со второй половины 1921 г. началось возобновление деятельности ревкомов, а затем исполкомов Советов. В.И. Биллик в статье, посвященной анализу сущности экономической политики советской власти в 1917–1921 гг., указывал, цитируя В.И. Ленина, что в хозяйственном строительстве большевиков выделялось два этапа: первый — с начала 1918 г. до весны 1921 г. и второй — с весны 1921 г. Характеризуя первый этап, автор отмечал, что это был революционный подход к задаче в смысле прямой и полной ломки старого для замены его новым общественно-экономическим укладом. Автор стоял на позиции, что вся экономическая политика советской власти в первые годы революции была в значительной мере вынужденной и в ней можно было

⁶ См.: Бударин, М.Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952. С. 107.

⁷ Государственный архив общественно-политических организаций Тюменской области (далее — ГАОПОТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 267. Л. 16.

⁸ См.: Ямал. Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард, 2004. С. 13.

проследить две тенденции: немедленная ломка старого уклада и создание социалистического; намерения осуществлять социально-экономические преобразования постепенно⁹. Применительно к Обдорскому краю о каких-либо социально-экономических преобразованиях большевиков в исследуемый период можно говорить с большой долей натяжки.

Второй фактор — географический. Удаленность края, невозможность контролировать процессы даже из губернского центра, не говоря уже о Москве, создавали не только дополнительные трудности (перезабериху, недостаток информации, несвоевременное получение документов), но и различного рода злоупотребления.

Третий фактор — демографический. Имелся в виду не только сложный этнический состав населения, но и значительное скопление великого рода неблагонадежных лиц, авантюристов и проходимцев, что создавало неплохую почву для проявления радикализма и экстремизма; в качестве примера может быть назван «гроза Обского Севера» — Т.Д. Сенькин¹⁰.

Четвертый фактор — экономический. В регионе существовало несколько хозяйственных укладов, взаимодействие которых выстраивалось в течение длительного времени с учетом интересов всех экономических субъектов. Экономическая политика различных правительств, в том числе и советской власти в первые годы после революции, не была и не могла быть стабильной, что сказывалось на общем хозяйственном положении, выразившемся в нарушении экономических связей, что в конечном итоге обусловило его кризисное состояние. Нарушение прав собственности граждан — явление типичное для того времени.

Несмотря на очень сложные переплетения происходивших здесь событий, все же представляется возможным выделить основные тенденции в хозяйственной сфере. Февральская революция в северных районах не носила того решительного характера, который отмечен в крупных городах. Здесь в Обдорске, все, в сущности, свелось к замене местного административного аппарата органами власти Временного правительства. Каким-либо социально-экономическим преобразованиям не предпринималось. Решение насущных вопросов жизни населения откладывалось до Учреди-

⁹ См.: Биллик, В.П. В.И. Ленин о сущности и периодизации советской экономической политики в 1917–1921 гг. и о повороте к полу // Исторические записки. М., 1967. Вып. 80. С. 126–127.

¹⁰ См.: Алексеева, Л.В. Тихон Сенькин — гроза Обского Севера // Человек в экстремальных условиях: историко-психологические исследования. СПб., 2005. Ч. 1. С. 18–22.

тельного собрания¹¹. Тем не менее хлебную проблему все-таки пытались решить. Как известно, важнейшим продуктом для экономического благополучия населения Обдорского края являлся хлеб, полностью привозной. Пополнение хлебозапасных магазинов традиционно осуществлялось силами Тобольского губернского управления. В.В. Цысь указывает, что магазины перешли в ведение Тобольского губпродкома в конце августа 1917 г. Однако организовать снабжение хлебом им не удалось. Губернское земское собрание упразднило продовольственные комитеты и передало продовольственный вопрос в ведение земским управам¹².

Л.Е. Киселев подчеркивал, что с октября 1917 г. до июня 1918 г. большевикам и советам не удалось осуществить сколько-нибудь значительных социально-экономических преобразований¹³. В навигацию 1918 г. на Север вышло более 800 судов, как указывает Л.Е. Киселев, под красным флагом¹⁴. Однако власть вскоре сменилась, и какова судьба этих караванов, неизвестно. 7–8 июня 1918 г., как писал П.И. Роцевский, весь Обской Север оказался в руках белогвардейцев¹⁵. Все проблемы в жизни Обдорска теперь решало общее земское собрание под контролем комендантуры. В первой половине 1918 г. в Обдорске действовал образованный земской управой продовольственный комитет, пытавшийся регулировать вопросы снабжения продуктами в районе. Хлеб не поступал на Север уже в течение года. Запасы подходили к концу. Призраком голода был все ближе. А.А. Петрушин исследовал северный завоз 1918 г., часть хлеба из него попала и на Тобольский Север, однако сколько хлеба получили жители Обдорска, нам неизвестно. Возможно, ничего, поскольку источники не сообщают каких-либо сведений на этот счет. Этот «северный завоз», как считает А.А. Петрушин, был не что иное, как товарообмен между красными и белыми, возможно, единственный случай внеклассового рыночного предприятия времен Гражданской войны. Сибирские белогвардейцы продали Советской России хлеб в обмен на промышленные товары¹⁶.

¹¹ См.: Родионов, А.И., Зибарев, В.А. Великий Октябрь и народы Севера. Томск, 1982. С. 36.

¹² См.: Цысь, В.В. Север Западной Сибири в период Гражданской войны (1917–1921 гг.). Нижневартовск, 2005. С. 45.

¹³ См.: Киселев, Л.Е. КПСС — организатор социалистических преобразований хозяйства и культуры народностей Севера (октябрь 1917 — июнь 1941 г.): дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 1980. С. 118.

¹⁴ Там же. С. 132.

¹⁵ См.: Роцевский, П.И. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966. С. 162.

¹⁶ Петрушин, А.А. На задворках Гражданской войны. Тюмень, 2003. Кн. 1. С. 134.

Органами власти Временного правительства предпринимались попытки урегулирования добычи и транспортировки рыбы на территории края, а также ограничение свободного рынка, что нашло закрепление в резолюциях Тобольского губернского кооперативного съезда 31 мая 1917 г. В.В. Цысь полагает, что решения съезда были учтены губернскими органами власти, поскольку нашли отражение в экономической политике. 24 июня 1917 г. Тобольский губпродком ввел рыбную монополию, предусматривавшую сдачу всей рыбы по установленным ценам. Нарушителям грозили реквизицией улова и изъятием 50% суммы твердой цены¹⁷. Однако фактов, подтверждавших распространение рыбной монополии в Обдорском крае в тот период, нами не обнаружено.

С июня 1918 г. во главе системы государственного управления Западной Сибири стоял Западно-Сибирский комиссариат. На местах власть принадлежала губернским и уездным комиссарам, земским самоуправлениям¹⁸. В Обдорске действовала городская управа. Экономическая политика небольшевистских правительств базировалась на принципах рыночной экономики, но в условиях военного времени были неизбежны реквизиции. Временное Сибирское правительство придерживалось курса, направленного на установление контроля за ценами и предпринимательской деятельностью. Все предприниматели подлежали регистрации. Летом—осенью 1918 г., как можно заключить из фактических сведений, опубликованных В.В. Цысем, хлебная проблема была урегулирована. В.В. Цысь полагает, что ухудшение экономической ситуации происходило постепенно и связывает это с усилением во Временном Сибирском правительстве правого крыла (кадеты), что вызвало отказ от государственного регулирования торговли на территории Урала и Сибири¹⁹. Мы же склонны считать, что причина здесь не только политическая, но в первую очередь экономическая. Нарушение регулярных хозяйственных связей, проблемы с доставкой товаров ввиду опасности предприятия сократили в несколько раз его привоз. Имевшиеся запасы подходили к концу, ухудшение экономического положения населения было закономерным в тех условиях, однако далеко не одинаковым в различных районах территории и группах социума.

¹⁷ См.: Цысь, В.В. Север Западной Сибири... С. 42–43.

¹⁸ См.: Салазникова, С.С. Антибольшевистские правительства Сибири и Урала в период «демократической контрреволюции» (январь—ноябрь 1918 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. С. 16.

¹⁹ См.: Цысь, В.В. Север Западной Сибири... С. 109.

В трудах отечественных историков содержатся утверждения, что экономическое положение населения в период правления антибольшевистских правительств серьезно ухудшилось, чему, по мнению В.В. Цыся, способствовало восстановление дореволюционной системы налогообложения²⁰. После революции 1917 г. население Севера платило несколько налогов: промысловый, общегражданский, трудгужевой, а также гербовый сбор. К тому добавлялись недоимки прошлых лет. Однако, скорее всего, социально-экономическое положение было одинаково сложным как при белых, так и при красных.

Активизация кооперативов — явление, наблюдавшееся на Обском Севере в указанный период. Несколько кооперативов функционировали в Обдорском крае: Мужинское (с. Мужин), Обдорское (с. Обдорск), Купеватское (с. Купеват) и др. общества. В 1918 г. по инициативе И.Ф. Ного возникло кооперативное общество «Русско-остяко-самоедское товарищество рыбаков Дальнего Севера», объединив рыбаков Ямбурга, Шути, Щучьи, Пуйко и сора Нижний. Всего кооператив объединил свыше 1700 человек. Ю.П. Прибыльский²¹ считает, что это был первый и единственный в России кооператив народов Севера, действовавший в столь сложный период. Как выяснилось, на Дальнем Севере это был не единственный кооператив.

Во время правления администрации А.В. Колчака население снабжало его немногочисленные отряды транспортом, зимней одеждой, питанием²². «С приходом колчаковцев начались реквизиции ружей у местного населения», — писал В.Г. Карцов, считавший, что это усугубляло и без того тяжелое положение коренных жителей²³. Стоит заметить, что реквизиции огнестрельного оружия осуществляли представители обеих противоборствующих сторон, равно как и изъятие продовольствия, одежды, транспортных средств.

В мае 1919 г. в Тобольске представители власти А.В. Колчака выступили с предложением организовать поездку на Север для изучения дел с обеспечением продовольствием. Однако поездка не состоялась. В период правления А.В. Колчака заметно улучшилось функционирование транспортной системы Обь-Иртышского бассейна. Обдорску здесь принадлежа-

²⁰ См.: Цысь, В.В. Север Западной Сибири... С. 125.

²¹ См.: Прибыльский, Ю.П. Жизнь и деятельность Ивана Федоровича Ного // Самодийцы. Тобольск; Омск, 2001. С. 155.

²² См.: Славный путь народов Севера (К 10-летию образования Ямало-Ненецкого национального округа). Омск, 1941. С. 19.

²³ Карцов, В.Г. Очерк истории народов Северо-Западной Сибири. М., 1937. С. 116.

ло место перевалочного пункта между Сибирью и Европейским Севером. На зимний период 1919—1920 гг. регион был обеспечен хлебом, но его распределение осуществлялось неравномерно²⁴. После поражения белых, район утратил свое стратегическое значение²⁵. Вместе с отступавшими частями Колчака город покинули зажиточные промышленники. В начале 1920 г. Обдорск захватили красные.

В воспоминаниях И.П. Волкова, бывшего в ту пору начальником радиостанции в Обдорске, отражено экономическое положение города и его жителей. Летом 1920 г., в пору навигации, грузы в Обдорск были доставлены в полном объеме. И.П. Волков писал: «Каждый день с берега на нас глядели длинные шеренги праздных зевак, одетых в любую погоду в теплую меховую одежду. С ленивым равнодушием они часами наблюдали, как мы лихо, под «Дубинунку» выволакивали на берег многопудовые грузы. Мы тогда плохо представляли, что с окончанием рыболовецкого сезона сотням обдорян-рыбаков было абсолютно нечего делать. Нам, присажим, дико было видеть, как с началом зимы Обдорск превратился в царство бездельников. Мужчины целыми днями слонялись по улицам или сидели за самоварами, лошадиными дозами уничтожая мороженую сельму, оленину, осетровую икру. В буржуазных домах частенько задавали пиры с пирожными, копяком и ликерами, танцами под граммофон и освещением десятилинейными лампами. Белая мука, сахар, сливочное масло здесь расходовались без всякой пормы и меры, в то время, когда вся Советская республика сидела на голодной пайке, овсянке-просянухе»²⁶.

Однако наряду с зажиточными гражданами встречался народ бедный, как правило, это были семьи без кормильца, обремененные детьми. Служащие советских учреждений получали паек. Судя по изложенному И. Волковым, он был более чем достаточным, поскольку его супруга делилась продуктами с бедной соседкой, приходившей «покланяться сахару, круп, изюму, белой муки»²⁷. Следовательно, экономическое положение обдорян после победы над Колчаком не было уж таким тяжелым, как неоднократно пытались интерпретировать события советские историки. Как раз наоборот, имея запасы продовольствия, некоторые из них могли продержаться довольно продолжительное время.

²⁴ См.: Цысь, В.В. Север Западной Сибири... С. 108.

²⁵ См.: Там же. С. 131.

²⁶ Гриценко, В.Н. История Ямальского Севера в очерках и документах. Омск, 2005. Т. 1. С. 102—103.

²⁷ Гриценко, В.Н. История Ямальского Севера в очерках и документах... С. 103.

После разгрома белых местные ревкомы реализовывали политику «военного коммунизма». Главным направлением работы советской власти было экономическое. Заготовки распространялись на все население, в том числе кочующее. Понимая, что самоеды могут откочевать и тогда их в тундре не догонишь, руководители Березовского уезда предлагали выдавать продукты вперед на несколько месяцев, поскольку их невыдача могла сорвать заготовку, но это требовало определенных запасов продовольствия, которых в достаточном количестве не имелось²⁸.

В начале 1920 г. инструктор Тюменского губкома партии большевиков Г. Г. Фуфаев совершил поездку по Тобольскому Северу, посетил крупные населенные пункты, в т.ч. Березово. Отмечал отсталость, полнейший застой, плачевное состояние промышленности. Указывал на отсутствие сетей и других средств, необходимых для промыслов (пилы, подпилки, топоры, порох, дробь), недостаток ружей. Из предприятий называл только мельницу в Березове. Был поражен унылой обстановкой, царившей в Березове, апатией местных жителей²⁹.

Продовольственный вопрос был главным в советской экономической политике в первые годы революции. На то имеются указания в различных источниках. Весной 1920 г. Народный комиссариат продовольствия командировал в Тобольск уполномоченных советского правительства Ф. Пивоварова, А. Губина и М. Ивченко с заданием восстановить на Иртыше и Оби рыбные промыслы. 21 июня 1920 г. был создан республиканский трест «Областьрыба» с пятью отделениями на местах во главе с томским губпродкомиссаром Г. С. Ипденбаумом. Создание треста привело к тому, что государство стало обладать монопольным правом на заготовку рыбы. Следствием этого мероприятия стало изъятие орудий лова у местного населения с тем, чтобы поставить дело рыбной ловли на определенную учетно-плановую основу. Выписка из протокола Обдорского ВРК от 9 июля 1921 г. прямо дает указания: «Всем гражданам, располагающим рыбными неводами, мережей, шитками и др., не обслуживающими рыболовные задания, подлежат сдаче управлению Райрыбы в недельный срок»³⁰.

Социально-экономические преобразования в период военного коммунизма выразились в упразднении финансовой системы Колчака, создании соответствующих экономических отделов при ревкомех всех уровней, налажи-

²⁸ См.: ГАОПОТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61. Л. 2 об.

²⁹ См.: Там же. Д. 149. Лл. 45–46 об.

³⁰ Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа (далее — ГАЯНАО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

важни налоговой системы, практически все доходы и поступления от которой направлялись в распоряжение губернского центра (Тюмень). И.Ф. Филиппов в воспоминаниях сетовал: «В губернских учреждениях царят бюрократизм и волокита. Если надо достать кусок веревки, чтобы повеситься, надо дойти не ближе, чем до «Главверевки». А в практике сбора сельскохозяйственных продуктов на местах, особенно в отдаленных волостях, сплошь и рядом применяются варварские приемы вымогательства»³¹. Такими были его впечатления после командировки в Тюмень.

Продразверстка охватывала все население губернии, в том числе северной части. И.Ф. Филиппов занимался организацией рыбных промыслов и продразверстки. Он писал, что работа в Обдорске была очень сложная и тяжелая. Подчеркивал отсутствие советских кадров, указывал, что его окружали откровенные враги советской власти: рыбопромышленники, владельцы пароходов и т.д. «Они всячески вредили, саботировали, прятали и скрывали продовольственные и промышленные товары, полученные для обмена на рыбу и пушнину, утаивали рыбу и пушнину, стремились всячески все ценности и номысел рыбы оставить на местах своих рыбохозяйств на зимовку»³².

6 сентября 1920 г. губисполком и губпродком приняли специальное постановление о разверстке скота, дополнив его позднее инструкцией по проведению скотской разверстки. В ней отражен порядок проведения разверстки, порядок приема скота, его хранения, расчета и отчетности³³. И. Волков утверждал, что советский актив был убежден в полной непригодности насильственных методов продразверстки на кочевом Севере. Он писал: «Никакой силы мы не применяли, ни одного вооруженного человека не появилось в тундре. До шести тысяч оленей были отчуждены у богатых оленеводов в советские стада благодаря неукротимой энергии и умелой тактике наших хозяйственников»³⁴. В распоряжении Обдорского крестьянско-городского совета от 19 апреля 1921 г. Хэйскому волостному совету указывалось насчет взятия на учет советского стада оленей, паходившихся на выпасе возле с. Хэ, рекомендовалось принять меры к его охране³⁵. Реквизированный скот подлежал убою и транспортировке на юг губернии. Реквизиции и обыски встречали недовольство местного населения. Самосуды рассматривали это как ограниче-

³¹ Гриценко, В.И. История Ямальского Севера... С. 109.

³² Там же.

³³ См.: ГАОПОТО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

³⁴ См.: Гриценко, В.И. История Ямальского Севера... С. 105.

³⁵ См.: ГАЯНАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 118.

ние своей независимости, вторжение в их жизнь³⁶. Туземное население, протестуя о реквизициях, старалось откочевать в тундру.

Другой чертой экономической жизни являлись противоречия между кооператорами и частными предпринимателями, что вполне закономерно, ибо они представляли по отношению друг к другу конкурентов. Установление советской власти привело к возникновению новых принципов взаимоотношений между государством и кооперацией. Обеспечение заготовок рыбы и пушнины теперь вверялось в руки кооперативных обществ. Подконтрольная государству кооперация оставалась слабой, значительных масштабов не достигла. Наблюдалось постепенное подчинение кооперации государству. Хотя формально она сохраняла свою самостоятельность, фактически, подчеркивает В.В. Цысь, на ее основе создавалась единая производственно-распределительная система. Все население принудительно прикреплялось к тому или иному распределительному пункту в лице кооператива. Так, в с. Хэ в 1921 г. работала потребительская коммуна, которая по своей деятельности соответствовала кооперативной организации: отпускала населению и представителям власти (Обдорский ВРК, налоговая инспекция, сельревком с. Хэ, Обдорский гарнизон и др.) продукты: муку, мясо, масло, кофе, а также спички и керосин³⁷.

Что касается положения туземного населения, то источники подчеркивают его ухудшившееся положение. Так, в протоколе Березовского уездного съезда советов от 2 ноября 1920 г. отмечался недостаток питания инородческого населения, плохое снабжение промтоварами и продуктами. Съезд вынес решение ходатайствовать перед губернскими организациями об улучшении продовольственного и промтоварного снабжения³⁸.

Земельный вопрос, по понятным причинам, на Обском Севере не стоял так остро, как в сельскохозяйственных районах страны³⁹, однако нельзя не отметить наличие земельных конфликтов между пришлым русским и коренным населением на предмет разграничений сфер влияния по использованию различных угодий⁴⁰. В протоколе Березовского уездного съезда советов (ноябрь 1920 г.) отмечалось наличие антагонизма между тузем-

³⁶ См.: Государственный архив Тюменской области. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 60. Л. 29.

³⁷ См.: ГАЯНАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Лл. 4-13.

³⁸ См.: ГАОПОТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61. Л. 1 об.

³⁹ См.: Коньшева, И.И. О земельном вопросе в Тобольской и Тюменской губерниях в 1917-1920 гг. // Северная цивилизация: становление, проблемы, перспективы: материалы первого конгресса. Сургут, 2004. С. 295-297.

⁴⁰ См.: Цысь, В.В. Север Западной Сибири... С. 40.

нами и русским населением⁴¹. Отчет по работе в деревне, представленный на первую Березовскую уездную конференцию большевиков (1921 г.), не содержал каких-либо сведений относительно социально-экономического положения населения и землеустройства⁴².

Положение в Тюменской губернии катастрофически ухудшилось в связи с засухой и неурожаем 1920–1921 гг. Продовольственные трудности ощущались в Тобольске, больше того, положение города оценивалось как критическое. Хлеб не успели заготовить и отправить на Север, т.к. навигация совпала с босыми действиями. Тобревком вынужден был разрешить свободную торговлю продуктами питания⁴³. На севере губернии также стала ощущаться нехватка хлеба. Особенно страдали жители отдаленных мест. Телеграммы Тюменского губкома РКП(б) за декабрь 1920 г. губпродкомиссару свидетельствовали о том, что население Обдорска также испытывало продовольственные затруднения. Обдорский ВРК, судя по документам, пытался регулировать снабжение продуктами. Так, в приказе № 22 от 20 июня 1921 г. Обдорскому отделу здравоохранения предписывалось пропустить выдачу молока исключительно только для питания больных и детей⁴⁴.

Тогда же приобрели распространение мобилизации для отбывания трудовой повинности, достигшие наибольшей интенсивности зимой 1920–1921 гг. Большое значение придавалось лесозаготовкам. Дрова являлись основным топливом для пароходов и советских учреждений. Зимой 1920 г. в Березовском уезде отмечался дровяной кризис⁴⁵. Трудовая повинность и проблемы с питанием приводили к возмущениям жителей.

Важнейшим мероприятием большевистской власти стало ограничение свободной торговли и предпринимательской деятельности. Были введены твердые цены на основные товары. Однако здесь, на Севере, сохранялась частная торговля, несмотря на запретительные меры. Как известно, это явление было свойственно и для других регионов страны⁴⁶. Березовский уездный ревком неоднократно приглашал торгующих граждан за соответствующими разрешениями. Им следовало обращаться в отдел управления уездного ВРК. Торговля пушниной запрещалась⁴⁷.

⁴¹ См.: ГАОПОТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61. Л. 2.

⁴² См.: Там же. Д. 237. Л. 17.

⁴³ См.: ГАОПОТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 73. Лл. 202–202 об.

⁴⁴ См.: ГАЯИАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 77.

⁴⁵ См.: ГАОПОТО. Там же. Д. 61. Л. 1 об.

⁴⁶ См.: Дмитриенко, В.И. Некоторые итоги обобществления товарооборота в 1917–1920 гг. // Исторические записки. М., 1966. Вып. 79. С. 238.

⁴⁷ См.: ГАЯИАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 115.

Накануне восстания в феврале 1921 г. Т. Сенькин в докладе отмечал, что в Березовском уезде отсутствует мясо, население питается скудно, в основном сидит на чае с хлебом. О рыбных промыслах упоминал как о местах, в которых кое-как осуществлялось рыболовство⁴⁸. Возможно, что ситуация с продовольствием действительно в Обдорске была несколько лучше, чем в других пунктах уезда. Данному предположению есть некоторое подтверждение. В газете «Тобольский Север» от 3 февраля 1921 г. сообщалось, что продовольственные затруднения не коснулись Обдорска, в достаточном количестве имелись все основные продукты: мука, мясо, рыба⁴⁹.

Губпродком ориентировал на заготовки мяса. В специальной инструкции «О порядке приема скота от производителей в продконторах» подробно излагались правила приема мясных туш, живого скота, соленого мяса и мясопродуктов⁵⁰. Из упомянутого доклада Т. Сенькина следует, что в конце января в уезде был начат убой крупного рогатого скота, в том числе дойных коров, без ведома уездного исполкома, осуществлявшийся по приказу Кондинской продконторы. Т. Сенькин говорил об убое 85% стельных коров⁵¹. Нетрудно предположить, какова была реакция домохозяев на данное мероприятие. Указанные события свидетельствуют о том, что продразверстка в своих крайних проявлениях докатилась до Обского Севера.

В феврале на юге губернии началось крестьянское восстание. Доведенные до отчаяния методами продразверстки крестьяне поднялись на мятеж против новой власти. В Обдорске после подавления первой попытки мятежа местные большевики продолжили политику реквизиций и репрессий. И. Волков писал: «Мы брали на учет все домашнее добро бывшей буржуазии, конфисковывались все золотые и серебряные вещи и не спавшая государству пушнина. Часть взятого на учет имущества шла на снабжение наших отрядов и распределялась беднейшему населению, детским домам, больнице»⁵². Реквизиции в пользу бедняцкой части населения привлекли их на сторону большевиков, вызвав справедливое негодование пострадавших. И. Волков вспоминал: «Начав планомерное раскулачивание богатеев, мы пошли дальше. Был создан вещевой фонд распределения, из которого мы снабжали одеждой, обувью, бельем беднейшую часть населе-

⁴⁸ См.: ГАЯИАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 115.

⁴⁹ См.: Тобольский Север. 1921. 3 февр.

⁵⁰ См.: ГАОИПОТО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

⁵¹ См.: Гриценко, В.И. История Ямальского Севера... С. 107.

⁵² Там же. С. 109.

пия, особенно детей и детских вдов борцов, погибших за дело революции. Это сразу повернуло в нашу сторону симпатии той части пролетарского и бедняцкого населения, которая до сих пор держалась в стороне, запуганная нашими мерами революционного устрашения»⁵³. В.Н. Гриценко указывает, что та же политика реквизиций проводилась в других местах, в частности в с. Хэ. Там был убит рыбопромышленник П.И. Турков, имущество которого тут же было захвачено⁵⁴. Когда повстанцы пришли в с. Хэ, то они вернули отобранное, но ненадолго, подавление восстания возвело реквизиции в ранг необходимых мероприятий. Подход к Обдорску главных сил мятежных крестьян заставил большевиков края начать подготовку к эвакуации ценностей. К тому времени у туземцев было реквизировано несколько тысяч оленей, изъята пушнина. И. Волков вспоминает: «Смотри, сколько здесь добра! — сказал мне Пензин и начал открывать шесть небольших деревянных сундуков, стоявших рядом. Они были доверху набиты золотыми и серебряными вещами: карманными часами, браслетами, кольцами, подстаканниками, ложками, медальонами»⁵⁵. Это были вещественные результаты политики реквизиций и конфискации. 1 апреля ревком покинул Обдорск, забрав свои семьи и шесть ящиков золота⁵⁶.

Летом 1921 г. в связи с ухудшением продовольственного положения Тюменским губисполкомом и губпродкомом были изданы многочисленные приказы, постановления, распоряжения и инструкции, касавшиеся регулирования товароснабжения, ввоза и вывоза продуктов питания. Приказом от 6 августа 1921 г. запрещалась свободная торговля солью. Перевозка соли частниками разрешалась в размере 10 фунтов на одного человека. Вся торговля солью вверялась в кооперативные и другие советские, хозяйственные организации⁵⁷. 30 августа 1921 г. Тобвоекревком и продовольственный комитет Тобольского Севера издали распоряжение в целях борьбы с контрабандой и незаконным вывозом продуктов питания. В нем предписывалось соответствующим органам осматривать все пароходы и суда другого типа, идущие на Север. Заготовку пушнины могли осуществлять лица только по нарядам Тюменского губернского союза кооперативов⁵⁸.

⁵³ См.: Гриценко, В.Н. История Ямальского Севера... С. 109.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 110.

⁵⁶ См.: Петрушин, А.А. На задворках Гражданской войны. Тюмень, 2004. Кн. 2. С. 190.

⁵⁷ См.: ГАОНПОТО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 5. Л. 67.

⁵⁸ См.: Там же.

Ухудшение экономического положения туземного населения произошло в тех условиях намеряка. Причины его — в прерванном товарообмене, а также в реквизициях огнестрельного оружия, произведенного партизанами весной 1921 г., что подтверждается заявлением 15 охотников в Обдорский военный комиссариат от 30 августа 1921 г.⁵⁹ В приказе № 6 Тюменского губисполкома и губземотдела (предположительно август 1921 г.), направленном всем уездным и волостным исполкомам, давались указания насчет хранения отобранного у местного населения оружия, предписывалось сдавать оружие в земотделы⁶⁰.

Многочисленные конфискации, произведенные большевиками в 1920—1921 гг., пытались смягчить рядом распоряжений местных ревкомов, предписывавших вернуть все вещи хозяевам⁶¹, однако проследить процесс возвращения похищенного по документам не удалось. Новые хозяева, вероятно, не спешили с ними расставаться.

После разгрома мятежников, указывал М.Е. Бударин, местные органы власти приступили к чистке хозяйственных организаций⁶². По документам Обдорского ревкома за 1921 г. можно установить, что местные органы власти одним из направлений своей работы считали мероприятия по сбору налогов. В годы Гражданской войны и Западно-Сибирского восстания сбор налогов на севере Тюменской губернии был осложнен. Введение взамен разверстки продналога уменьшало поступление продуктов как минимум вдвое. Тобвоенревком и Продовольственный комитет Тобольского Севера издали приказ № 30 «О натуральном налоге на молочные продукты в сезон 1921 г.». Размер налога устанавливался в зависимости от количества коров в хозяйстве и колебался от 8 до 14 фунтов. Раскладка по масть была следующей: с каждого хозяйства, имевшего 1 корову, следовало сдать 8 фунтов масла, 2-х коров — 10 фунтов, 3-х коров — 12 фунтов, 4-х коров — 14 фунтов. В хозяйствах, где имелась одна корова и были малолетние дети, получали понижение налога из расчета 1/5 часть налога на каждого ребенка до 5 лет. Налог взимался как с индивидуальных, так и общественных хозяйств. Налог взимался в виде топленого масла. Выполнение налога определялось в два срока: к 1 августа 75% и к 1 ноября 1921 г. 25%. Граждане, не выпол-

⁵⁹ См.: ГАЯИАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 53.

⁶⁰ См.: Там же. Д. 6. Л. 6.

⁶¹ См.: Там же. Д. 11. Л. 32.

⁶² См.: Бударин, М.Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952. С. 122.

пившие налога, несли личную и имущественную ответственность в административном и судебном порядке⁶³.

Натуральный налог 1921 г. подразумевал не только сдачу масла, но также ягод и шерсти. Налог на шерсть предписывал: с каждой овцы следовало сдать 1 кг 200 г весенней стрижки, 3 кг 800 г осенней стрижки и 1 кг 800 г поярковой. На каждую гражданку с 16 лет и до 51 г. устанавливался налог на ягоды. В Обдорске требовали сдать 10 фунтов ягод, в Кушевате, Мужах — 30 фунтов. Срок сдачи налога устанавливался — 1 декабря⁶⁴. Приказ № 40 от 1 июня 1921 г. Тобвоссревкома и продовольственного комитета Тобольского Севера «О натуральном налоге на куриные яйца в сезон 1921 г.» распространялся на хозяйства, изменивших по месяцу 20 кур. Налог сдавали тремя частями: к 1 июня 60%, к 15 августа 10% и к 1 октября 30%⁶⁵.

Выполнение по налогу на масло и яйца на 1 июля составило 60–70%. Тобвоссревком и продовольственный комитет Тобольского Севера издали приказ № 64 от 6 июля 1921 г., воспрепятствовавший продаже яиц и масла на рынках до тех пор, пока граждане не погасят задолженность по налогу⁶⁶.

Голод на юге губернии заставил форсировать сбор налогов с местного населения Тобольского Севера. Тобольский уездный ВРК издал специальное обращение «Крестьянам Тобольского уезда», в котором объяснялось положение с продуктами и, содержались призывы сдать налог в двухнедельный срок с первого по 15 ноября 1921 г.⁶⁷ Сроки сдачи налога осенью 1921 г. на Севере поменились, что отражено в документах Обдорского ревкома. Так, в приказе Обдорского ВРК от 1 октября 1921 г. сообщалось об установлении с 1 по 15 ноября продвухнедельника, в течение которого необходимо гражданам внести продналог. Гражданам, уклонявшимся от уплаты, делалось предупреждение с обещанием доставить их в продревтрибунал⁶⁸. Все продукты подлежали сдаче в местные кооперативы. В приказе Брезовского уездного ВРК от 15 августа 1921 г. сообщалось, что население уезда имеет запасы муки, а потому не спешит везти рыбу в кооперативы⁶⁹.

⁶³ См.: ГАОПОТО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 5. Л. 44.

⁶⁴ См.: ГАЯЦАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

⁶⁵ См.: ГАОПОТО. Там же. Л. 47.

⁶⁶ См.: ГАОПОТО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 5. Л. 52.

⁶⁷ См.: Там же. Л. 81.

⁶⁸ См.: ГАЯЦАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 67.

⁶⁹ См.: Там же. Л. 59.

Животноводство края, вероятно, пострадало довольно сильно. Как уже упоминалось, коровы попали под нож в результате продразверстки, лошади попадали под многочисленные реквизиции белых, красных, мятежников и партизан. В отчете Обдорского ревкома от 3 июля 1921 г. в Березовский ВРК приведены сведения о численности лошадей в районе. Их поголовье составляло 101⁷⁰. Поголовье оленей удалось сохранить благодаря кочевничеству. Численность оленей — 225076 голов, в т.ч. до 3-х лет — 74100⁷¹.

Советские историки однозначно оценивали последствия Гражданской войны для развития хозяйства края, подчеркивая их отрицательный характер. В.Г. Карцов в 1937 г. писал: «Годы Гражданской войны, годы хозяйственных трудностей тяжело отразились на жизни Севера, терпевшего недостаток в хлебе и прочих товарах»⁷². М.Е. Бударин, спустя тридцать лет, указывал, что Гражданская война задержала хозяйственное развитие региона. В качестве аргументов историк приводил удаленность края и его изолированность от центров страны⁷³. Современные историки также близки к оценкам советских коллег.

Анализ фактического материала позволяет сделать вывод, что в 1917–1921 гг. для регионального хозяйства был характерен экономический кризис, выразившийся не только в нарушении хода хозяйственного развития, но также проявившийся в падении добычи ресурсов, снижении товарообмена, нарушениях в денежно-кредитной сфере, и в итоге — в снижении жизненного уровня населения.

Применительно к Ямальскому Северу на всех этапах исследуемого периода весьма сильны тенденции государственного регулирования экономического развития края, несмотря на его удаленность. Со всей очевидностью можно наблюдать принуждение, которое связывалось с обеспокоенностью в военное время и экономическими трудностями. Принуждение проявилось в государственном регулировании цен, формировании потребления, высокого налогообложения, организации экономической деятельности в целом.

Несмотря на критическое положение в экономике страны, большевики, как подчеркивал А.В. Бакунин, выполнили поставленную стратегическую задачу — установили централизованное управление и тоталь-

⁷⁰ См.: ГАЯНАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

⁷¹ См.: Там же.

⁷² См.: Карцов, В.Г. Очерк истории народов Северо-Западной Сибири. М., 1937. С. 116.

⁷³ См.: Бударин, М.Е. Путь малых народностей Крайнего Севера к коммунизму. Омск, 1968. С. 130.

ный контроль в экономике⁷⁴. И хотя Обдорск находился весьма далеко географически, тем не менее, он был втянут в орбиту советской модернизации. Централизованное планирование, поставленное большевиками в основу экономической модели, на Обдорском Севере в указанные годы не проявилось по причине отсутствия государственных производственных объектов. Декларативные угрозы в адрес спекулянтов соседствовали здесь с торговой деятельностью частников и обменными операциями кооперативов. Однако укрепление централизма все же наблюдалось, что вытекало из строгого подчинения нижестоящих органов вышестоящим. Ограничения политики «военного коммунизма» с точки зрения социально-экономических перспектив выглядели безнадежно. Однако отказ от военного коммунизма как целостной хозяйственной политической системы не сопровождался преодолением или даже ограничением военно-коммунистической по своему существу доктрины планомерно-организованной экономики. Тогда власти не ставили, да и не могли ставить вопрос об эффективном экономическом взаимодействии, т.е. кому и насколько выгодна та или иная хозяйственная модель.

---

⁷⁴ См.: Бакушин, А.В. Формирование большевиками управленческих структур в экономике (1917–1920-е гг.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1996. № 3. С. 158–159.

В.В. Цысь

Русская православная церковь на севере Западной Сибири в годы нэпа

История православия на севере Западной Сибири в советский период в настоящее время изучена крайне слабо. Исследование данной темы затруднено скудостью источниковой базы, и в первую очередь недостатком документальных материалов, исходящих от самой церкви. Тем не менее, используя материалы ГУТО ГА в г. Тобольске, можно попытаться восстановить отдельные аспекты прошлого русского православия первых лет советской власти.

Некоторыми современными учеными высказывается мысль, что Русская православная церковь в годы Гражданской войны старалась придерживаться нейтралитета, не отдавая предпочтение ни одной из противоборствующих сторон. Данное утверждение верно только в отношении той части духовенства, которая находилась на территории, контролируемой большевиками. Там же, где у власти находились антибольшевистские силы, церковь в меру своих возможностей старалась оказать им всяческое содействие. Собственно говоря, трудно было ожидать иной реакции на массовые убийства церковных иерархов и рядовых священников, поругание святынь и др. деяния нового режима. Не была исключением в этом плане и Тобольская епархия.

В 1919 г. епархиальное руководство пыталось помочь А.В. Колчаку остановить продвижение Красной армии в Сибирь. Об этом, в частности, говорят темы вопросов, обещавшихся на заседании Тобольской духовной консистории в мае — июле 1919 г.: «О праздновании... по случаю освобождения губернии от большевистского ига», «О командировке священнослужителей на фронт... для распространения противобольшевистских идей для поднятия в народных массах национального сознания», «Об организации проповеднических религиозно-патриотических отрядов в целях пробуждения в сельском населении духа гражданственности и патриотизма»¹. Из числа верующих в Сибирь формировались так называемые «полки Иисуса Христа». 18 учащихся Тобольской духовной семинарии

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 29. Д. 2655. Лл. 38 об., 41 об.

ушло добровольцами на фронт в 1918–1919 учебном году². В период Западно-Сибирского крестьянского восстания часть духовенства оказывала содействие «партизанам» в борьбе с богоборческой властью. В газете «Голос Народной армии» сообщалось о пожертвованиях, сделанных в пользу армии поселенцами Иоанно-Введенского женского и Абалакского мужского монастырей³. Обдорское духовенство приняло участие в восстании, вспыхнувшим в этом поселке в марте 1921 г. П.И. Лопарев указывал, что при приближении его отряда священник с. Белогорье бежал в Самарово, для того чтобы предупредить командование повстанцев о надвигающейся опасности.

После окончания Гражданской войны Русская православная церковь оказалась в сложном положении. Она лишилась подвижности, было конфисковано огромное количество богослужебной утвари из драгоценных металлов, судебному преследованию подверглись многие церковные иерархи. Государство поддерживало силы, стремившиеся расколоть церковь изнутри под лозунгами ее «обновления», приспособления к новым революционным реалиям. Тем не менее в эти относительно либеральные времена Церковь была пока еще в состоянии выполнять свои функции, связанные с окормлением верующих. В 1920-е гг. на территории РСФСР действовало 2/3 храмов, существовавших накануне революции. Несмотря на все трудности, сохранялась система церковного управления в центре и на местах.

В начале 1920-х гг. Тобольская епархия была разделена на собственно Тобольскую (в состав которой входил и север Западной Сибири), Тюменскую и Ишимскую. Такое изменение следует связать не только с церковным расколом, противоречиями между «тихоповцами» и «обновленцами», но и объективными обстоятельствами. Во-первых, еще в дореволюционный период границы епархий, как правило, совпадали с границами государственных административно-территориальных единиц. Создание трех епархий вместо одной в целом соответствовало изменениям, произошедшим в ходе районирования 1923–1924 гг. Вторая и, пожалуй, главная причина заключалась в том, что обширной епархией управлять было слишком сложно в условиях, когда у епархиального архиерея были ограниченные возможности для содержания самого минимального штата сотрудников, регулярной переписки с подчиненными. Еще 13 ноября 1920 г. епископом Ишимархом

² Тобольские епархиальные ведомости. 1919. № 5. С. 84.

³ См.: За Советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921: сб. документов / сост. В.И. Шинкин. Новосибирск, 2000. С. 374.

(Синеоковым-Андреевским) был составлен циркуляр, в котором указывалось на необходимость учреждения уездных епископий «по обстоятельствам времени». Мотивы такого решения высказывались следующие: пужбы архиперен, которые объединили бы вокруг себя верующих, непосредственно на местах могли бы решать все текущие вопросы, в том числе по благотворительности, братствах и т. п.⁴ Т.е. мысль о необходимости разделения епархии высказывалась уже давно самим епархиальным руководством.

Архипастырями Тобольской епархии в рассматриваемый период являлись: Иринея (Синеоков-Андреевский) — 1918–1922 гг., Николай (Покровский) — 1922–1925 гг., Назарий (Блинов) — 1925–1930 гг. Кроме того, в 1922–1924 гг. викарием епископом Березовским являлся Иоанн (Братолобов). Территория епархии делилась на благочиния, а последние состояли из отдельных приходов.

В соответствии с советским законодательством Церковь лишилась прав юридического лица, соответственно, она не могла иметь недвижимого имущества, переданного в «общенародное достояние», а фактически в ведение местных органов власти. В инструкции народного комиссариата юстиции от 24 августа 1918 г. указывалось, что «здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей» могут отдаваться в бесплатное пользование местным жителям, число которых должно быть не менее 20. Таким образом, храмы со всем, что в них находилось, передавались мирянам, которые имели право за свой счет нанять причт, собирать средства на удовлетворение различных религиозных потребностей. Это, по мнению составителей инструкции, должно было ослабить позиции «реакционного» духовенства, ставившегося в зависимое положение по отношению к прихожанам.

На севере Западной Сибири реорганизация приходов на указанных началах происходила в течение 1923–1925 гг. Предварительно составлялся список членов религиозного общества, в котором помимо фамилий, имени и отчества указывались возраст, социальное положение, род занятий, место жительства человека. Далее выбирался руководящий орган общины — церковный приходской совет. Последний составлял и подписывал устав (См. Приложение 2). В качестве образца не использовался типовый устав, опубликованный в газете «Известия». Заключался договор между сельским советом и религиозным обществом «на право пользования молитвенными зданиями и культовым имуществом». Указанные документы в трех экземплярах через милицию пересылались в отдел управления Тюменского губернского исполкома.

⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 694. Оп. 1. Д. 267. Л. 15.

Соответствующее распоряжение об обязательной регистрации религиозных обществ принимается отделом управления 7 июля 1923 г. Однако процесс регистрации растянулся почти на полтора года. Возможно, столь длительное время понадобилось из-за административно-территориальной реформы 1923—1924 гг. Так, Александровское православное религиозное общество предоставило требуемые документы 10 сентября 1923 г., а «Устав общины» был окончательно утвержден лишь 27 февраля 1925 г.⁵

В годы попа на территории севера Западной Сибири продолжали действовать практически все приходы, которые здесь существовали к 1917 г. В частности, в Березовском благочинии во второй половине 1920-х гг. были зарегистрированы религиозные общины при Воскресенском соборе и Богородице-Рождественской церкви в Березове, Петро-Павловской и Богородице-Скорбященской (иностранческой) церквях в Обдорке, при церквях в селах Мужки, Полноват, Кондинское, Елизарово, Шеркалы, Чемашевское, Сосвинское, Кушеват, Щекурья, Някешвольское, Сухоручово, Белогорье, Мало-Атлымское, Шурьшикары. На территории Сургутского и Александровского районов православные религиозные общины действовали в Сургуте, Александрово, Ларьяке, Ново-Никольском, Кривоулицком, Покуре, Югане, Туидрино, Локосово, Кушниковском. Кроме того, в с. Александрово существовала группа христиан-евангелистов. Лишь в с. Нижневартовском верующие отказались от содержания храма. Здесь церковное недвижимое имущество — два одноэтажных здания под тесовой крышей — заняли сельсовет и «кооперация по договору»⁶.

Какова была численность и состав религиозных общин? Об этом можно составить представление на основании таблицы, составленной по рапортам настоятелей приходов, а также спискам членов религиозного общества, протоколам приходских собраний (См.: Приложение I).

Следует отметить, что приведенные цифры нельзя механически суммировать, т.к. в ряде случаев сведения, предоставляемые священниками, были весьма приблизительны (напр., Полноватская община). Иногда в общине учитывались прихожане обоего пола, иногда только дворохозяева. В частности, в списке Александровской православной общины присутствуют почти исключительно взрослые мужчины. Т.е. здесь, по-видимому, речь идет о главах семей, а не о верующих в целом. По нашим ориентировочным подсчетам, в состав православных религиозных общин на террито-

⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 434. Оп. 1. Д. 116. Лл. 11, 14, 47.

⁶ Там же. Д. 188. Л. 64 об.

рии севера Западной Сибири входило около трети взрослого населения. Напр., на территории Мужевского сельсовета в 1926/27 г. проживало 2876 человек в 22 населенных пунктах⁷. Из них около 60% составляли лица старше 18 лет (около 1700 человек). Соответственно в общину входило 25% местных жителей. В Елизаровском сельсовете в 5 населенных пунктах проживало 1092 человека⁸, из них взрослых — 655. Т.е. верующих насчитывалось около 36%. Аналогичные подсчеты можно привести по некоторым другим общинам. Шурышкаровский сельсовет: 800 человек всего, 480 взрослых, 30% члены общины; Александровский сельсовет: 896 человек всего, 538 взрослых, 12% члены общины (по эту цифру нужно умножить минимум на два, чтобы учесть других взрослых членов семьи); Обдорский сельсовет — 4531 человек всего, 2719 взрослых, 47% верующих. Повышенный процент верующих по Обдорскому сельсовету, возможно, объясняется тем, что к прихожанам Богородице-Скорбященской церкви могли относиться «кочующие инородцы», не учтенные сельским советом. Но в целом число верующих в самом Обдорске было очень высоким в сравнении со многими другими населенными пунктами.

В общину входили, как правило, жители села (города) и нескольких близлежащих деревень, юрт. Так, к общине Петро-Павловской церкви в Обдорске в 1926 г. были приписаны жители Обдорска (662 чел.), Лабьтпаног (226 чел.), Собских юрт (11 чел.)⁹, Покурской — Покур (63 чел.), выселок Пасол (8 чел.), д. Вата (8 чел.), Комаровы юрты (5 чел.)¹⁰ и т.п.

По социальному составу среди прихожан абсолютное большинство составляли середняки и бедняки — простые рыбаки, оленеводы, «пашенные крестьяне». Так, община (инородческая) Богородице-Скорбященской церкви в Обдорске включала 129 середняков и 373 бедняка. Среди 84 членов Покурской общины 54 относились к середнякам и 30 к беднякам, из 90 членов Кушниковской — 83 к середнякам и 7 к беднякам. В общину Петро-Павловской церкви в Обдорске в 1926 г. входило 13 служащих, 5 торговцев (с членами семей), остальные же были записаны как кочующие оленеводы, крестьяне, чернорабочие, домохозяйки, рыбаки. Значительная часть прихожан относилась к пред-

⁷ Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.). Тюмень, 1994. С. 133–134.

⁸ Загороднок, Н.И. Самаровский край: История Ханты-Мансийского района. Тюмень, 2003. С. 66.

⁹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 434. Оп. 1. Д. 229. Л. 215.

¹⁰ Там же. Л. 24.

ставителям коренного населения края. Напр., в Юганской общине они составляли 76%, Локосовской — около 50%, Шурьшкарской — 86%. Возраст прихожан колебался от 18 до 80 и более лет.

О церковных советах некоторых общин дает представление следующая таблица (См.: Приложение 3).

Таким образом, в приходских общинах севера Западной Сибири были представлены самые различные национальные, социальные, половозрастные группы населения. Примечательно, что в ряде общин (даже в церковные советы) входили члены и кандидаты в члены сельских советов (Александровская, Покурекая и др.). Т.е. церковь не воспринималась жителями края как пережиток прошлого, орудие угнетения, закабаления, как это описывала большевистская пропаганда. Множество мирян, в том числе и малолетних, решительно выступили за сохранение действующих православных храмов, которые теперь должны были содержаться исключительно за их собственный счет. Все это свидетельствует о довольно прочных корнях, которые пустило православие в крае за предшествующие столетия, и которые повому режиму вырвать в одностороннее было невозможно.

Вопросы, связанные с жизнью приходской общины: ремонт храма, его страхование, оплата содержания причта, перевыборы церковного совета, наем сторожа и просфорни — обсуждались и решались на собраниях, проводившихся с разрешения исполкома местного совета. Так, в с. Филиппском такие собрания созывались ежегодно в январе—феврале. На них присутствовали не все верующие, а лишь «уполномоченные от прихода» в количестве от 15 (1926, 1929 гг.) до 55 (1925 г.) человек. Одной из важнейших тем повестки дня являлось определение порядка и размера оплаты труда священника. В 1924 г. собрание религиозной общины с. Филиппского обязалось ежемесячно платить за квартиру священника по 2 пуда муки, а также поставлять ему рыбу, мясо, хлеб и пр., «кто чем может». В 1925 г. собрание постановило, что священник должен получать 240 руб. и 24 пуда муки (за квартиру), псаломщик — 94 руб., сторож — 36 руб., просфорня — 20 руб. в год. 250 рублей из общей суммы и мука раскладывались на верующих, а оставшиеся деньги (161 руб.) причт должен был получить за требы. Оплата за требы поступала не священнику, а членам церковного совета. Ежемесячно председатель совета выплачивал жалование причту, если же образовывались излишки (сверх 161 рубля), то они направлялись на текущие нужды церкви. Собрание также постановило не совершать требы тем лицам, кото-

рые не соглашались содержать храм¹¹. В 1926 г. приходское собрание решило ограничиться выделением священнику 20 руб., псаломщику 12 руб., сторожу 5 руб. в месяц. При этом требы должны были совершаться бесплатно¹². В 1927 г. верующие с. Филлиского постановили отказаться от ежемесячных выплат причту, но зато ввели определенную фиксированную плату за требы: заказная литургия — 2 руб., венчание — 3 руб., отпевание взрослого — 1,5 руб., младенца — 30 коп. и т.д.¹³ Кроме того, община обязалась предоставлять подводы во время пасхального крестного хода для проезда к другим селениям, собрать добровольную складчину в 200 руб. для приобретения дров, муки для просфор, деревянного масла, наем сторожа и просфорши.

Таким образом, материальное положение причта целиком и полностью зависело от прихожан. В крупных и более зажиточных общинах священноцерковнослужители находились, вполне естественно, в сравнительно спесных условиях, в небольших — бедствовали. Так, если прихожане Петро-Павловской церкви в Обдорке выплачивали ежемесячно 50 руб. священнику и 40 руб. псаломщику, что было вполне сопоставимо с жалованием государственного служащего, то в слызаровской церкви священник получал лишь 12 руб. в месяц¹⁴. Но тем не менее даже причту обдорской Петро-Павловской церкви, как отмечалось в рапорте председателя церковного совета, «приходится прирабатывать самим»¹⁵.

Финансовые трудности были одной из причин кадровых проблем, возникших перед Русской православной церковью на севере Западной Сибири в период нэпа. В бедной слызаровской церкви священнику во время богослужения помогал нанятый за 5 руб. в месяц крестьянин Василий Кайгородов¹⁶. В полповатской церкви обязанности псаломщика исполняли «любители» из молящихся, в копдинской Свято-Троицкой церкви «почти безвозмездно» — некоторые бывшие насельники местного монастыря во главе с игуменшей Серафимой¹⁷. Еще один способ решения кадрового вопроса — назначение на должности священников монахов упраздненных Абалакского и Копдинского монастырей. При необходимости общины направляли благо-

¹¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 708. Оп. 1. Д. 12. Л. 50.

¹² Там же. Л. 37.

¹³ Там же. Л. 50 об.

¹⁴ Там же. Д. 14. Л. 32 об.

¹⁵ Там же. Л. 27.

¹⁶ Там же. Л. 32.

¹⁷ Там же. Лл. 1, 29.

чпнному соответствующую просьбу. Так, летом 1929 г. староста сартыльпн-ской Христо-Рождественской церкви В. Мопин сообщил, что жители Саран-пауля и Някспмволя ходатайствуют о приезде священника, указав, что «если семейный не едет, то можно и монаха». Прихожане обещали выде-лпть бесплатное жилье, отопление, подводь для разьездов¹⁸.

Достойны упомпнания священники, в те нелегкие времена исполня-вшие свой пастырский долг в храмах севера Западной Спбприи: Владимир Ребрпн (с. Мужпн), Иван Иванович Громько (с. Тундрпно), Васпльпй Евге-пьевпч Чемесов (с. Локосово), Нпколай Немпнов (с. Куппнпково), Иоанн Ппгухпн (с. Елизарово), Васпльпй Серсбрсппков (с. Елизарово), Дмптрпй Осипов (с. Някспмволь), перомонах Ювеналпй (Я.Д. Спткпн) (с. Мало-Атльмекое), Александр Сергеевпч Грспхов (с. Юган), Арсеппй Гордспвпч Вергунов (с. Ларьяк), перомонах Иаков (Мельпиков) (с. Кондпнское), перомонах Феодоспй (Обдорск). В течение многих лет служпл в приходах края Иаков Дпмпдповпч Новпцпнй. Он окончпл курс церковно-приходской школы. Служпл псаломщпком в мало-атльмекой Преображенской церкви с 1907 г. 28 июня 1915 г. его рукоположпли в дьяконы, 30 июня 1915 г. — в священники Полповатской церкви. 10 мая 1928 г. Иакова Дпмпдповпча назначпли благочпнным березовских церквей. Его заслугп перед церковью были отмечены набедрспником (4 апреля 1919 г.), скуфьсю (26 марта 1925 г.), камплавкою (3 июня 1928 г.)¹⁹. Иоанн Дмптрпевпч Егоров (вы-пущенпк Ялуторовского городского учплпща) стал псаломщпком еще в 1888 г. С 1907 г. он служпл псаломщпком в градо-Березовском Воскрессп-ском соборе, с 1917 г. — священпком цекурьпнской церкви²⁰. Осспью 1918 г. во время вторжения в Березовскпй уезд отряда красноармейцев под командованпем М. Мандельбаума И.Д. Егоров потерял все имущество, оста-вившись «в одном кафтане»²¹. В 1919 г. он был переведен в чемашевскую церковь, в 1920-х гг. — в шеркальскую.

Священпослужптели в целом успешно справлялись с возложенными на них обязанностями. Службы и требы исполнялись своевременно, во все воскресные и праздничные дни (в больших приходах чаще). Богослужеб-ных книг, церковной утвари было вполне достаточно. Причту, церковному совету следовало озаботиться не только сбором средств на нужды своего храма, но и на обеспечение благочпнного, спархпального архперея, спто-

¹⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 708. Оп. 1. Д. 12. Л. 37.

¹⁹ Там же. Лл. 67–68.

²⁰ Там же. Л. 20.

²¹ Тобольские спархпальные ведомостп. 1919. № 7. С. 107.

дальней власти. Так, в 1928 г. община полноватской церкви пожертвовала на содержание Тобольского епархиального совета и архиепископа 5 тыс. руб.²² В одном из циркуляров председатель Тобольского Временного епархиального совета архиепископ Назарий (Блинов) потребовал от всех приходов выделить по 1 руб. для поездки в Москву за Св. Миром для храмов епархии²³. Помимо пожертвованных, жалованья, платы за требы важным источником дохода являлась продажа свечей. Так, приходской совет церкви с. Елизарова выписал из Москвы и Тобольска свечей на 247 руб. по 4–5 коп. за штуку, а реализовывались они по 10–15 коп. за штуку²⁴.

В целом, следует сказать, что несмотря ни на что Русская православная церковь сохраняла свое весьма значительное влияние на севере Западной Сибири. В великие праздники храмы заполнялись верующими. Так, в Петро-Павловской церкви Обдорска собиралось до 300 человек, в кондичской Свято-Троицкой — до 260, церкви с. Елизарова — до 100. Как отмечалось в одном из официальных документов этого периода, «жители Севера, русские, а в особенности зыряне, религиозны до фанатичности. Свой храм посещают с особо религиозным настроением и не в малом количестве»²⁵. Определенное влияние церковь оказывала и на местное руководство. В одном из протоколов заседания бюро Тюменского губкома РКП(б) отмечалось, что «ввиду отдаленности города (Сургута. — В.Ц.) от губцентра не изжиты даже среди партийцев старые традиции, в квартире секретаря укома РКП(б) висит икона, влияние обывательщины на партийцев имеет место...»²⁶. В пановой и искренней вере коренных жителей нередко отражался религиозный синкретизм. «Мы не против советской власти, — заявляли жители Мозыских и Рыбачских юрт Березовского района, — но не любим власть полноватскую, которая не разрешает иметь попа. С малых лет мы промышляем в лесах, в которых очень много дьяволов. Успеть уставший, и никто не караулит — креста нет. Мы не можем без попа, потому что вера наша такая... Мы понемногу хотели заплатить попу, который бы дал нам кресты, а в Полновате, что мы ему привезем на содержание церкви, у него отбирают»²⁷.

²² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 708. Оп. 1. Д. 14. Л. 7.

²³ Там же. Л. 49.

²⁴ Там же. Л. 32 об.

²⁵ Цит. по: Волжанина, Е.А. Из истории поселка Юри: 1920-е гг. // Земля Тюменская: Ежегодник ТОКМ: 2003. Тюмень, 2004. Вып. 17. С. 230.

²⁶ Цит. по: Религия и церковь в Сибири: сб. науч. ст. и докум. материалов. Тюмень, 1996. Вып. 9. С. 125.

²⁷ Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 155.

Хотя в 1918 г. школа была отделена от церкви, судя по косвенным данным, по крайней мере, в первые годы нэпа, на севере Западной Сибири в частном порядке продолжал преподаваться Закон Божий. Так, в рапорте вновь назначенного священника елизаровской церкви И. Питухина, составленном в июле 1922 г., указывалось, что Закон Божий детям не преподавался, т.к. весной священник был занят приемом документации, требамй, затем началась эпидемия оспы, летом же детей оказалось трудно собрать на занятия²⁸. Т.е. у о. И. Питухина не возникло даже мысли, что существуют какие-либо ограничения в преподавании Закона Божия. Он обращает внимание только на объективные трудности, которые не позволили вовремя приступить к занятиям.

Говоря об истории Русской православной церкви на севере Западной Сибири, нельзя не отметить и такой примечательный факт: около трех лет (1927–1930 гг.) в селении Хэ Обдорского района находился в ссылке местоблюститель Патриаршего престола митрополит Крутицкий Петр (Полнянский). Несмотря на слабое здоровье, изоляцию, глава РПЦ имел возможность вести переписку с православными иерархами, в том числе и со своим заместителем митрополитом Сергием (Старгородским), высказывая суждения, замечания по различным вопросам церковной жизни. В одном из писем митрополит Петр указывал, что его жизнь «протекала в атмосфере неприязни» обновленческих священников, в том числе Хэпского, «поначалу скрывавшего свое обновленчество»²⁹. Возможно, здесь автор упоминает переведенного в 1929 г. из Елизарово в Хэ священника Василия Серебрянникова, перешедшего в обновленчество. О последнем настоятель обдорской Петро-Павловской церкви иеромонах Феодосий писал: «Пусть пустуют наши храмы без пастырей, чем повергать их подобным иерейм... при овцы сделается волком»³⁰. О существовании обновленческого течения в Обдорске упоминается и в рапорте председателя церковного совета Петро-Павловской церкви, по словам которого, несмотря на сильную агитацию, прихожане остаются верными «тихоновской» церкви³¹.

2 апреля 1929 г. заместитель местоблюстителя Патриаршего престола митрополит Сергей (Старгородский) выпустил циркулярный указ о недопу-

²⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 708. Оп. 1. Д. 12. Л. 13.

²⁹ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 гг. / сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 880.

³⁰ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 708. Оп. 1. Д. 14. Л. 42 об.

³¹ Там же. Л. 27 об.

стимости выступлений против советской власти. Митрополит указал, что необходимо разъяснить духовенству «всю законность с христианской точки зрения и правильность этих наших требований»³². 11 мая циркуляр был разослан архиепископом Назарием (Блиновым) благочинным с требованием довести его содержание до всего духовенства, «разъяснить всю серьезность лежащих на них гражданских обязанностей перед Советским Союзом и недопустимость их нарушения; причем иметь надзор за должным отношением духовенства к существующему государственному и общественному порядку»³³. Однако никакие заявления не могли уже ничего изменить. Переход к коллективизации и индустриализации поставил вопрос об окончательной ликвидации «религиозных пережитков», мешающих строительству социалистического общества. Запрещаются религиозные праздники, колокольный звон, начинается кампания по уничтожению икон, активизируется деятельность Союза воинствующих безбожников (СВБ). Как отмечалось в программном докладе на заседании 1-й Тобольской районной конференции Союза безбожников, состоявшейся 15 апреля 1929 г., «крестьянские массы как совершенно почти культурно неразвитые в большинстве своем находятся под сильным влиянием духовенства, знахарей и прочих темных сил религиозных убеждений и беспощадно эксплуатируются теми лицами, которые под видом религии, одурманивая массы, ведут их к закабалению и обнищанию...», поэтому следует создать «сильные антирелигиозные ряды, в которые необходимо вовлечь как можно больше трудящихся»³⁴.

8 апреля 1929 г. Президиум ВЦИК принял постановление «О религиозных объединениях», ужесточившее требования, предъявляемые к религиозным общинам. На основании инструкции НКВД № 329 от 1 октября 1929 г. объявляется об их обязательной перерегистрации до 1 мая 1930 г. Надлежало вновь предоставить списки членов общины, заявление о регистрации, анкеты на служителей культа, список учредителей и членов исполнительных и ревизионных органов. Отменяются уставы общин. Исполнительный совет должен был состоять из 3 членов и 2 кандидатов. Причем запрещается какая-либо агитация в пользу создания религиозных объединений «путем обхода дворов»³⁵.

Разворачиваются репрессии против духовенства под различными надуманными предлогами. Так, священник Мужевской церкви В. Ребрин,

³² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 708. Оп. 1. Д. 14. Л. 48.

³³ Там же. Л. 35.

³⁴ Там же. Ф. 676. Оп. 1. Д. III. Л. 65.

³⁵ Там же. Ф. 708. Оп. 1. Д. 12. Л. 68.

представленный за многолетний пастырский труд к Пасхе 1930 г. к награждению наперсным крестом, в 1929 г. был арестован и привлечен к суду «за агитационные проповеди». Ему, так же как и церковному старосте В.Д. Шатову, поставили в вину то, что после литургии он обратился к прихожанам с просьбой собрать деньги на ремонт храма и оплату подоходного налога. Прихожане согласились «сделать подписку» на 70 руб. Фактически же удалось собрать более 100 руб. Просьба священника была расценена как «незаконное требование и проповедь». Еще одно «преступление», инкриминировавшееся В. Ребрину — хранение в церковной кладовке прикладных шкур³⁶.

Как уже отмечалось, активизируется антирелигиозная пропаганда. Прежде всего, берется курс на вовлечение в борьбу с церковью молодежи. 8 ноября 1929 г. из Тобольского окружного отдела народного образования в районные исполкомы для местных школ рассылаются указания по развертыванию антирелигиозной кампании. В частности, предписывается в учебных заведениях организовывать «утолки юных безбожников», которые нужно пополнять рисунками, плакатами, диаграммами на темы: «Кабала церквей», «Религиозный дурман в семье», «Борьба нищеров и школьников с религией и старым бытом». Рекомендуется выпуск стенгазет, проведение собраний на темы: «Классовая сущность религиозных праздников», «Кому нужен праздник?» и т.п. Подчеркивается необходимость агитации за выход из религиозных общин, выписки соответствующей литературы³⁷. Как показало обследование школ Сургутского района, проведенное весной 1930 г., подавляющее большинство учебных заведений включилось в антирелигиозную работу. В школах района действовало 11 кружков юных безбожников, объединяющих 200 детей, три группы юных безбожников (30 детей), 1 школьная ячейка СВБ (60 детей, г. Сургут). Для всех школ района выписывалась газета «Безбожник». Учащимися и педагогами Локосовской школы «была проведена разъяснительная работа» о необходимости передачи колоколов в фонд индустриализации. Один из учащихся Тундринской школы выступал в прениях, на которых обсуждался вопрос передачи местной церкви «под культурное учреждение». Для педагогов 4 школ проводится «антирелигиозный практикум». В ходе так называемой «антирождественской кампании» выпускались стенгазеты, устраивались собрания, вечера в день праздника и т.п. Борьба с «пережитками прошлого» включается в учебные

³⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 708. Оп. 1. Д. 14. Лл. 33–33 об.

³⁷ Там же. Ф. 676. Оп. 1. Д. 248. Л. 23.

программы. Так, в Покурекой школе при изучении темы «Охрана здоровья» рассказывалось о том, что поцелуй икон, крестов являются причиной заразных заболеваний³⁸. Руководство органов народного образования внимательно следило за тем, чтобы в дни религиозных праздников был высок процент посещаемости учебных занятий.

Несколько слабее были охвачены антирелигиозной работой взрослые. На них опять же пытались воздействовать через детей путем создания так называемых «родительских активов» (впрочем, без особого успеха). Кроме того, при участии и по инициативе членов партии, комсомольцев создаются ячейки СВБ. Например, в Самаровском районе в 1929 г. существовало 5 таких ячеек (Самарово, Реполово, Базьяново, Цингалы, Зенково), включивших 96 членов³⁹. Сочетание сильнейшего идеологического политического давления на церковь не могло рано или поздно привести к необходимому для властей результату. В течение первой половины 1930-х гг. все церкви на севере Западной Сибири закрываются, религиозные общины прекращают существование.

Таким образом, в годы нэпа несмотря ни на какие трудности Русская православная церковь на севере Западной Сибири сохраняла прочные позиции. Лишь резкое ужесточение государственной политики в 1929–1930 гг. изменило ситуацию. Активизация антирелигиозной пропаганды, репрессии против духовенства, закрытие храмов сделали невозможным дальнейшее существование сколько-нибудь организованной религиозной жизни в крае, в полной мере возродившейся лишь на рубеже 1980–1990-х гг.

Приложение I

Год	Название	Численность членов общины (верующих) старше 18 лет
1926	Обдорская Петро-Павловская	899
1929	Обдорская Петро-Павловская	788
1926	Обдорская Богородице-Скорбященская	502
1929	Мало-Атлымская	302
1929	Мужевская	397

³⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 676. Оп. I. Д. 248. Л. 22.

³⁹ Там же. Д. III. Л. 25.

Год	Название	Численность членов общины (верующих) старше 18 лет
1929	Кондешская	260
1929	Елизаровская	236
1929	Березовская Воскресенская	360
1929	Березовская Богородице-Рождественская	395
1929	Шеркальская	117
1929	Чемашевская	600
1929	Полповатская	2000
1929	Сосвинская (Сартыньинская)	150
1929	Кушевская	123
1929	Шурышкарская	144
1926	Филпская	600
1925	Тундринская	130*
1925	Локосовская	184
1925	Юганская	225
1925	Кушпиковская	90
1925	Покурская	84
1925	Александровская	66

Источник: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 708. Оп. 1. Д. 14; Ф. 434. Оп. 1. Д. 116.

Приложение 2

Устав Александровского Православного религиозного общества в селе Александровском Сургутского уезда Тюменской губ.

I. Задачи Общества. 1. Александровское религиозное общество имеет целью объединение граждан православного исповедания в районе александровской Богородице-Рождественской Церкви. 2. С этой целью Александровское православное религиозное общество: 1) устраивает молитвенные собрания; 2) управляет имуществом, полученным по договору от местных органов советской власти; 3) заключает сделки частногоправового характера, связанные с управлением культовым имуществом; 4) участвует в съездах религиозных обществ; 5) назначает служителя культа

* Здесь и далее — число членов зарегистрированных религиозных обществ.

для совершения религиозных обрядов с разрешения епархиального управления и благословения епископа.

II. Состав Общества. 3. Членом Александровского религиозного общества может быть каждый гражданин, принадлежащий к данному культу. 4. Зачисление в члены Общества производится общим собранием членов Общества открытым голосованием простым большинством голосов. 5. Выбытие из числа членов Общества производится или по личному заявлению выбывающего, или по постановлению 2/3 наличного числа членов Общества по спискам. 6. Списки членов Общества ежегодно представляются в отдел управления.

III. Средства Общества. 7. Отдельные члены Общества или его уполномоченные могут собрать добровольные пожертвования для покрытия расходов, связанных с обладанием культовым имуществом. *Примечание:* Обязательных членских взносов на членов Общества возложено быть не может.

IV. Управление делами Общества. 8. Все вопросы, возникающие в жизни Общества, разрешаются на общих собраниях Общества открытым голосованием простым большинством голосов за исключением случаев, предусмотренных ст. 5-й устава Общества: общие собрания Общества производятся открыто. 9. Для выполнения своих постановлений, а также внешнего представительства общине собрания по мере вскрывшейся надобности выделяют из своей среды уполномоченных, действующих в пределах предоставленных каждому полномочий (см. ст. 2).

V. Порядок изменения Устава. 10. Устав Общества может быть изменен общим собранием Общества по предложению его членов, большинством 2/3 голосов с последующим утверждением отделом управления или по предложению надлежащих органов государственной власти.

VI. Порядок закрытия Общества. 11. Общество может быть закрыто 1) по постановлению соответствующего губ. или обл. исполкома; 2) вследствие ареста части членов Общества; 3) по постановлению общего собрания членов Общества. 12. В случае закрытия Общества все имущество, находящееся в пользовании Общества, возвращается местному Совету по инвентарной описи специальным уполномоченным, избранным для сего ликвидационным собранием Общества.

Председатель церковного приходского совета (подпись), члены (подпись).

Источник: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 434. Оп. 1. Д. 116. Лл. 5-6 об.

Приложение 3

Год	Название	Число членов	Социальный, национальный состав, род деятельности членов совета	Церковный староста (председатель церковного совета)
1926	Обдорская Петро-Павловская	12	5 рыбаков, 2 служащих, 2 домохозяйки, священник, оленевод, портной	Н.К.Филиппов (Г.Г.Капев)
1926	Обдорская Богородице-Скорбященская	12	11 рыбаков (3 самосада, 8 остяков), священник	Н.Н.Вануйто
1925	Юганская	7	3 крестьянина, 3 инородца (все бедняки), священник	И.Токарев
1925	Тундринская	5	4 крестьянина, священник	Н.А.Замятин
1925	Локосовская	5	4 крестьянина, священник	В.Д.Кузнецов
1926	Александровская	3	2 крестьянина, инородец (все бедняки, рыбаки)	А.Н.Курлакин
1926	Шурышкарская	6	5 инородцев, крестьянин	М.И.Кельчин

Источник: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 434. Оп. 1. Д. 116, 229.

В.М. Кружиков, З.Н. Сокова

Население и городская среда Тюмени в конце 1920-х гг.

Никогда прежде население Тюмени не увеличивалось так быстро, как на исходе новой экономической политики. Если в последней трети XIX в. средний годовой рост численности горожан составлял 2,3%, в первой четверти XX в. — 1,8% (без военных лет — 2,3%), то в конце 1920-х гг. — 7%, существенно превысив уровень, считающийся типичным демографического взрыва. В результате за три последних года пэпа, с 1927 по 1929, количество тюменцев выросло на 22,6% (с 50340 до 61740 человек), тогда как за семь предыдущих лет, с 1920 по 1926 г., — только на 16,7% (с 43134 до 50340 человек)¹.

Высокие показатели роста городского населения в конце 1920-х гг. обуславливались многими причинами, но в первую очередь возросшей миграционной активностью крестьянства, уходившего в город в преддверии массовой коллективизации или спасаясь от беспросветной нужды. Обычно выходцы из деревни селились на окраинах Тюмени: в Сараях (район современной ул. Карской), Заречье, Затюменке, где на последние сбережения снимали комнатку-каморку. Некоторые строили собственные дома, как правило, «насыпные», в болотистой низине за липовой железной дороги (район современной ул. Революции), положив начало новому городскому «микрорайону» Крестьянские места. В то время это была, пожалуй, самая непригодная для жизни территория города, заваленная кучами мусора и навоза, среди которых разводили огороды, пасли домашний скот, играли дети. Долгое время здесь не было не только электрического освещения или водоразборных колонок, но и продовольственного магазина.

Серьезные трудности возникали у переселенцев с трудоустройством. Не имея рабочей профессии, многие из них могли выполнять только

¹ Подсчитано по: Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 104, 123; Отчет Тюменского окружного исполкома Советов РККД первого состава II съезду Советов Тюменского округа Уральской области за 1923—1924 г. Тюмень, 1924. С. 4; ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 129. Л. 31; Д. 160. Л. 349.

неквалифицированную или малоквалифицированную работу, спрос на которую немного отставал от предложения. В этих условиях немало бывших крестьян пополняло армию безработных, постоянно растущую в последние годы нэпа: на 1 октября 1926 г. — 2474 человека, на 1 июля 1928 г. — 4127².

Часть выходцев из деревни, не найдя в Тюмени ни дома, ни работы, искала счастья в других уголках России. Толпы этих людей можно было увидеть на городском железнодорожном вокзале, где они дисвали и почевали в нескончаемой очереди у билетной кассы.

«С опухшими лицами, с воспаленными глазами, — писал очевидец их мытарств, — сидят они на кулах, на корзинах, спят вповалку на грязном полу. С надеждой поглядывают на перрон, со страхом на кассу.

— Товарищ, а товарищ, скажи, когда наконец мы уедем? — спрашивает отчаявшимся скрипучим голосом женщина с позеленевшим лицом и ребенком на руках у проходящего железнодорожника.

Но «товарищу» некогда. Да и надоели эти вечные вопросы о приходе-уходе поездов. Угрюмый человек, один из застрявших на неделю «за любимым билетом», причесываясь, отвечает жестко соседке с ребенком на руках:

— Когда уедем? Хе-хе! Видно, никогда, сдохнем в этой Тюмени»³.

Демографические процессы конца 1920-х гг. наложили заметный отпечаток на социокультурный ландшафт Тюмени и процесс урбанизации, качественные показатели которой существенно отставали от роста численности городского населения. Небывалые масштабы приобрел жилищный кризис, в основе которого лежали и запущенность старого жилищного фонда, и ничтожное новое жилищное строительство. Если в 1920-е гг. численность городского населения выросла на 43,1% (с 43134 до 61740 человек), то жилищный фонд — лишь на 6,2% (с 4932 до 5237 домовладений)⁴. В результате жилая площадь в расчете на одного тюменца сокра-

² Отчетный доклад о работе Тюменского городского Совета Уральской области за 1926—1927 хоз. год. Тюмень, 1927. С. 38; Красное знамя (Тюмень). 1928. 23 июля.

³ Красное знамя. 1930. 12 июля. — В это время в Тюмени ежедневно делали остановку 8 поездов, следующих в западном или восточном направлениях: Владивосток — Рига (№ 1), Рига — Маньчжурия (№ 2), Иркутск — Ленинград (№ 3), Омск — Тюмень (№ 21) и другие.

⁴ Подсчитано по: Отчет Тюменского окружного исполкома Советов РККД первого состава II съезду Советов Тюменского округа Уральской области за 1923—1924 г. С. 4; ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 160. Л. 349; Красное знамя. 1928. 12 янв.

тилась с 6,2 кв. метра в 1926 г. до 5 кв. метров в 1929 г., хотя официальная санитарная норма составляла тогда 9 кв. метров⁵.

Особенно тяжелыми были жилищные условия рабочего класса. Так, в 1929 г. из обследованных 350 рабочих завода «Механик» (ныне ОАО «Станкостроительный завод») 92 (26,3%) ютились в полуподвальных и непригодных для жилья помещениях, 250 (71,4%) проживали в одной комнате и только 8 (2,3%) имели дома или квартиры большей площади⁶. В таком же положении находились рабочие водного транспорта. Тюменская газета «Красное знамя» писала: «Достаточно пройти домов 10 из 40, разбросанных по берегу реки Туры, чтобы увидеть неприглядную картину быта рабочего-водника. Из всех «квартир» — хороших 20%, остальные требуют основательного ремонта. Скученность, тысячи насекомых, особенно тараканов, от которых хозяйки волком воют. Грязь, помои льются, где попало. Печи плохие, дымат, от чего в помещениях стены закопчены. Воздух спертый. Форточек нет. Окна не открываются. Спят по 8 человек в комнате. Потолки протекают. Осенью совсем плохо»⁷.

В то время жилищный фонд Тюмени состоял из частных (1928 г. — 4765) и муниципализированных (1928 г. — 472) домовладений, причем почти половина последних была занята различными учреждениями⁸. В муниципализированных домах жилая площадь распределялась городским советом по специальным ордерам. После введения в 1922 г. всеобщей системы оплаты жилья и коммунальных услуг население города было поделено на 10 категорий: лица, живущие на «нетрудовые доходы», лица свободных профессий и служители религиозных культов, кустары и ремесленники, рабочие и служащие, инвалиды, безработные и другие. Для каждой из этих групп устанавливалась дифференцированная квартирная плата, варьирувавшаяся в зависимости от доходов и района проживания квартиросъемщика. Так, для лиц, живущих на «нетрудовые доходы», она устанавливалась от 1 руб. до 2 руб. 25 коп. за 1 кв. метр жилой площади, для рабочих и служащих — от 1 коп. (если ежемесячная заработная плата не превышала 10 руб. и дом находился на городской окраине) до 35 коп. за 1 кв. метр (если ежемесячная заработная плата превышала 150 руб. и дом находился в

⁵ Отчетный доклад о работе Тюменского городского Совета Уральской области за 1926—1927 хоз. год. С. 21; Красное знамя. 1929. 10 окт.

⁶ Красное знамя. 1929. 10 окт.

⁷ Там же. 1928. 4 июля.

⁸ Красное знамя. 1928. 12 янв.; ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 74. Л. 11 об.

центральной части города)⁹. Не стоит труда рассчитать, что при таких расценках затраты рабочей семьи на жилье составляли 1—5% ее бюджета и не компенсировали расходы на содержание жилого фонда. Отсюда одна из главных причин его чрезвычайной запущенности, лишь провоцировавшей жильцов на небрежное отношение к своему жилищу.

Нельзя сказать, что городская власть не предпринимала шагов, направленных на ослабление жилищного кризиса. В конце 1920-х гг. несколько расширились масштабы жилищного строительства. Из новостроек тех лет отметим двухэтажный четырнадцатиквартирный дом (ул. Челюскинцев, 57), построенный в 1927 г. на месте сгоревшего в 1922 г. городского театра. 80 лет назад это кирпичное здание, невзрачное сегодня, считалось одним из лучших в Тюмени, так как было подключено к водопроводу и канализации, а в каждой квартире имелись кухня и (об этом с восхищением сообщала местная пресса) «теплый туалет с унитазом»¹⁰. В 1930 г. на углу улиц Республики и Семакова (раньше здесь размещалось ветхое здание кинотеатра «Орскон») началось строительство «дома-гиганта» — первого в Тюмени четырехэтажного здания, рассчитанного на проживание 240 человек¹¹.

В то же время подвижки в сфере жилищного строительства носили спорадический характер и сдерживались дефицитом финансовых ресурсов и строительных материалов. Так, в 1929/30 хозяйственном году из 425 тыс. руб., запланированных в бюджете города на возведение новых жилых домов, было выделено лишь 40 тыс. руб.¹² Как следствие, строительство одних объектов затягивалось, других — откладывалось.

В этих условиях расширение муниципализированного жилищного фонда происходило не столько за счет нового строительства, сколько иными путями. Один из них — это перевод в разряд «жилых» бывших хозяйственных строений — амбаров, складов, кладовок и т.п. Так, после незначительного ремонта получили статус «квартир» торговые склады бывших тюменских капиталистов В.Л. Жернакова, С.И. Колокольникова, А.Е. Кухтерина, производственные помещения национализированного завода фруктовых вод Петухова¹³ и другие.

⁹ Трудовой набат (Тюмень). 1926. 24 февр.

¹⁰ Красное знамя. 1927. 27 июля.

¹¹ Там же. 1929. 11 сент.; 1930. 1 апр. — Ныне здание по ул. Республики, 24/19. Впоследствии дважды перестраивалось, получив в 1950-е гг. название «Реконструктор».

¹² ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 160. Л. 239.

¹³ Трудовой набат. 1926. 22 апр.

Одновременно возродилась почти забытая после Гражданской войны практика «самоуплотнения», то есть расселение лиц, нуждавшихся в жилье, в частных домах без учета мнения их владельцев. Первая волна «самоуплотнения» прокатилась по Тюмени в конце 1927 г., когда горсовет обязал «всех хозяев домов площадью более 90 кв. метров сдать в коммунальный фонд 10% жилой площади». Домовладелец получал право взимать с квартиранта небольшую квартплату или «отказаться от сдачи площади натурой», выплачивая в бюджет города повышенный налог за «излишки»¹⁴. Хотя результативность подобных мер оказалась невысокой (в 1928 г. было «отчуждено» 112 комнат общей площадью 1485 кв. метров¹⁵), они периодически повторялись, вызывая острое недовольство владельцев жилых помещений и постоянные конфликты между ними, административными органами и квартиропольщиками.

В отдельных случаях для расселения рабочих и служащих осуществлялась «рокировка»: из муниципализированной квартиры выселялся «петрудовой элемент». Впервые такая мера была применена в январе 1928 г., когда по решению горсовета подверглись выселению 2 священника, 2 лица «неопределенной профессии», торговец и парикмахер¹⁶.

Несмотря на это, городские власти не только не сумели выработать сколь-нибудь эффективную жилищную политику, которая, пусть и в перспективе, позволила бы удовлетворить естественную потребность человека в частном пространстве и частной жизни, но и решить конкретную задачу — если не ликвидировать, то хотя бы ослабить нарастающий жилищный кризис. Впрочем, этот вывод носит общий характер и относится ко всему, что было связано с нуждами горожан — организации и благоустройству окружающего пространства, состоянию службы сервиса, учреждений образования и культуры и т.п.

Неустроенность городской жизни особенно ярко проявлялась во внешнем облике Тюмени. Утратив в 1923 г. статус губернского, а в 1930 г. окружного центра, она постепенно отставала от других хозяйственных и культурных центров Урало-Сибирского региона. Обшарпанные дома, почти полное отсутствие зеленых насаждений, грязные или занесенные сугробами улочки, вдоль которых тянулись заваленные мусором водоотводные каналы, — вот типичная картинка тюменского городского пейзажа тех лет. Даже большевистские мемориалы — захоронения погибших в Граж-

¹⁴ Красное знамя. 1928. 25 янв.; 1930. 24 янв.

¹⁵ ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 102. Л. 1.

¹⁶ Там же. Д. 95. Л. 2 об.

данской войне красноармейцев и продработников, память о которых объявлялась священной, находились в запустении и разрушались. Ветераны большевистской революции жаловались: «Братские могилы за Сараями давно пришли в ветхость. Нет не только какого-либо памятника, но даже и ограды, все растащили, а сами могилы загаживаются помоями и навозом»¹⁷; «Братские могилы на Таборе (район современной ул. Котельщиков) кругом так завалены навозом, что к ним подойти-то нельзя. Памятного столба с надписью уже нет»¹⁸.

Если бы случилось чудо и нам довелось оказаться в Тюмени конца 1920-х гг., мы наверняка могли стать свидетелями сценки, описанной современником: «Вчера пришлось наблюдать мытарства крестьянина. Ехал он к Базарной площади (располагалась на месте современной Центральной площади) и завяз в грязи. Лошадь остановилась. Крестьянин нокал, нокал, да рассердился и ударил ее. Лошадь рванула, оглобля сломалась, телега с курка слетела. Лошадь убежала. Крестьянин с телегой остался в грязи и начал крыть и город, и рынок. Всем досталось»¹⁹.

Особенно неуютной Тюмень становилась в ночное время, когда на городские окраины опускалась непроглядная мгла. Правда, в 1927 г. начались работы по освещению Заречья и Затюменки, и общая численность уличных фонарей увеличилась до 131 (в 1924 г. — 67). Однако даже после этого в расчете на 1 км городской улицы приходилось 1,5 фонаря²⁰, и проблема ночного освещения постоянно «озаряла» местных острословов:

Мигают звезды. Тишина.

Горит, расписывая тени,

Один большой фонарь — луна —

*На всех окраинах Тюмени»*²¹.

Другой напастью для тюменцев являлись стаи бродячих голодных собак, соперничавших в жестокости даже с волками, раз-два в год приходившими на ночной базар полакомиться мясом или рыбой. «На работу идешь — страшно, и с работы идешь — страшно»²², — говорили жители города, упрская власть в своих бедах.

¹⁷ Красное знамя. 1927. 9 окт.

¹⁸ Там же. 1929. 22 окт.

¹⁹ Там же. 1927. 6 мая.

²⁰ Подсчитано по: Отчет Тюменского окружного исполкома Советов РККД первого состава II окружному съезду Советов Тюменского округа Уральской области за 1923–1924 г. С.104, 164; Красное знамя. 1927. 23 окт.

²¹ Красное знамя. 1928. 30 сент.

²² Там же. 1927. 8 февр.

Но более всего горожан волновал рост преступности. Только краж в 1929 г. в Тюмени было зарегистрировано 1984. Среди других видов правонарушений наиболее многочисленными являлись хулиганство и должностные преступления²³. Борьбу с преступностью вели 75 милиционеров, денежный оклад которых устанавливался городским Советом и составлял 37—39 руб. ежемесячно, что существенно уступало заработной плате квалифицированного рабочего²⁴. В 1928 г. в помощь милиции был введен институт почтовых сторожей. Их содержание возлагалось на владельцев частных домов или домоуправления. Каждому сторожу выдавался свисток, с помощью которого в случае опасности он должен был вызвать милиционера²⁵. Однако, как показала практика, таким «оружием» остановить растущую преступность было невозможно.

Пожалуй, самым криминогенным районом города являлись Саран, где проживали целые бандитские династии, а наиболее популярными частушками были уголовные:

*«Мы — сарайские ребята
И собой не дорожим.
Угостим свинцовой пулей,
На закуску нож дадим»²⁶.*

Среди других социальных аномалий отметим пьянство и проституцию. Если пьяниц в Тюмени можно было увидеть чуть ли не везде, то «жрицы любви» обычно поджидали «клиентов» на своеобразном рынке живого товара возле столовой «Якорь» на ул. Садовой (с 1927 г. — ул. Дзержинского). Заключив сделку купли-продажи, сомнительные партнеры спешили в один из «домов разврата», которые, несмотря на многочисленные запреты и палеты милиционеров, вновь и вновь появлялись в Тюмени.

Столь же безуспешной была борьба милиции с самогонщиками, тем более что некоторые изготовители мутного зелья шли на такие ухищрения, что разоблачить их было действительно нелегко. Так, житель Сараяв М.И. Ф-н, изготовив внушительный бак самогонки, зарывал его в землю, выводя на поверхность трубку, по которой с помощью насоса извлекал «товар» на продажу²⁷.

Разумеется, эти и другие подобные факты и явления можно принять за неизбежные «минусы» реальной эпоховской жизни, если бы они не

²³ Красное знамя. 1930. 15 апр.; ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 74. Л. 31 об.

²⁴ ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 74. Л. 31.

²⁵ Там же. Д. 99. Л. 6—10.

²⁶ Красное знамя. 1929. 16 июля.

²⁷ Там же. 1928. 8 авг.

выстраивались в определенную тенденцию и не блокировали возможности поступательного развития городского сообщества. Кроме того, процессы стихийной деформации наблюдались и в экономической сфере. Когда в конце 1925 г. государство объявило о переходе к индустриализации, опираясь на слабую базу индивидуального крестьянского хозяйства (нередко чуть ли не средневекового), оно, по сути, запустило механизм неэквивалентной «перекатки» денежных средств из деревни в государственную промышленность, записывая закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию. В этой ситуации неизбежно возникала «закупорка» заготовительных сосудов, означавшая, что Тюмень (как и иные города) могла оказаться без хлеба и других видов продовольствия.

Впервые такая перспектива выявилась в январе 1927 г., когда крестьяне Тюменского округа сократили продажу хлеба на 40,9%²⁸. Правда, тогда кризис был преодолен за счет использования резервных запасов. Однако к лету товарный хлеб исчерпали, и продовольственный кризис разразился с новой силой, началась массовая закупка товаров «про запас», активизировались «черный рынок» и спекуляция. Осенью 1927 г. рыночные цены на молоко выросли — на 71,4%, на яйца — на 66,7% (за сентябрь — октябрь), на лук — на 160% (за сентябрь)²⁹. С прилавков магазинов исчезли мясо, рыба, масло, жиры, крупы, сахар, чай, многие промышленные товары — одежда, белье, обувь. Молока в город поступало столько (в расчете на одного тюменца 16–29 граммов в день), что оно продавалось только по рецептам врача³⁰. В справке, подготовленной окружной плановой комиссией в феврале 1928 г., отмечалось: «Городской спрос остается на высоком уровне почти по всем группам товаров и на низком удовлетворении. О дефицитных товарах и говорить не приходится [...] городской потребитель их и не спрашивает»³¹.

В условиях острого дефицита сократились обороты торговых организаций — на 20–35 %³², привычными стали очереди. Чтобы избавиться от них, в 1928 г. для «трудового населения» вводятся «заборные книжки», по которым в определенных магазинах можно было приобрести установленную норму продуктов: хлеба, например, 8 кг. в месяц. О том, что из этого получилось, видно из жалобы женщины-работницы: «На

²⁸ ГАТО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 85. Лл. 4, 37.

²⁹ Подсчитано по: Красное знамя. 1927. 11 сент.; 9 окт.; 18 нояб.

³⁰ ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 124. Л. 50.

³¹ Там же. Ф. 151. Оп. 1. Д. 86. Л. 7.

³² Там же.

днях я зашла в магазин № 1 и хотела купить сахару. Меня спросили, где я живу, и, узнав, что в Заречье, велели обратиться туда. Между тем покупателей в этом магазине почти не было. Я пошла в одну лавку за рекой — там давка, полно народа за мукой. Пошла в другую — там очередь еще больше. Пришлось тоже стоять. В результате я осталась и без муки, и без сахара»³³.

В такой атмосфере «классическая» новая экономическая политика быстро теряла былую привлекательность, и на традиционный русский вопрос — что делать? — все чаще отвечали: ликвидировать нэп.

---

³³ Красное знамя. 1929. 17 окт.

Ю.Л. Мандрика

Провинциальная частная печать: генезис, стратегия развития

Иркутский исследователь провинциальной прессы С.И. Гольдфарб определил провинциальную прессу как «часть газетного рынка», которая ограничена «территориальными рамками»¹. Даже если такое понимание принимать за «термин» «служебный»² (а автор убежден, что предлагаемые им «понятия и термины» «складывались на основе уже имеющихся классических определений, принятых в журналистском сообществе»³), то семантические рамки его окажутся настолько узкими, что объектом изучения в периодике XIX в. могут остаться лишь различного рода справочные листки объявлений. Да издания России советского периода, типологически значившиеся как областные, городские и районные.

Планируя «Провинциальные письма» в «Камско-Волжской газете», один из идеологов провинциальной прессы Н.М. Ядринцев, находясь в ссылке в Шенкурке, в письме к Г.Н. Потанину от 15 ноября 1873 г. писал: «Что понимает каждый под именем провинции, как бы от имени своего. Мещанство, губернскую челядь, гордящуюся перед мужиком. Я сам ненавижу мещанское барство. Но разве оно не воспитано той же высокомерной с.-петерб[ургской] цивилизацией? Учитель мой петербуржец. Грехи у нас общие. Я провинциал, виноват перед народом, а ты перед провинцией»⁴. Давая характеристику правам, он противопоставляет центр и провинцию географически, подчеркивая общность некоторых черт людей, живущих в столице и отдаленных от нее территориях.

¹ Гольдфарб, С. И. Газетное дело в Сибири (XIX — начало XX в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Гольдфарб Станислав Иосифович. — Иркутск, 2003. — С. 27.

² Есин, Б. И. Русская газета и газетное дело в России : задачи и теоретико-методологические принципы научения / Б. И. Есин. — М. : МГУ, 2003. — С. 121.

³ Гольдфарб, С. И. Указ. соч. — С. 27.

⁴ Письма Г. Н. Потанина / сост. А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль, Я. Р. Кошелев, Н. П. Яновский. — Иркутск : Иркутский университет, 1988. — Т. 2. — С. 292.

Противопоставление «центр—провинция» в некоторых публикациях того времени принимало причудливо-упрощенную трактовку. Столичные газеты, по мнению таких исследователей, имеют распространение во всей России: «Мы имеем эти газеты всегда перед глазами, мы следим за всем, что появляется в них нового и выдающегося, из их взаимной полемики; из разных обмолвок и случайно, как бы вскользь, брошенных замечаний мы узнаем, чему они на самом деле служат, какие цели преследуют»⁵. Одним словом, мир столичной ежедневной печати, его внутренние дрязги и его внешняя деятельность прекрасно известны всей России.

Автор публикации в «Русском обозрении» противопоставляет столичной печати провинциальную даже не по территории распространения, а исключительно по наличию—отсутствию в продаже: «Столичные газеты всегда можно найти в любом провинциальном городе; в столице невозможно отыскать не только какие-нибудь «Уфимские губернские ведомости», но даже и такие крупные газеты, как «Новороссийский телеграф» или «Киевское слово». Но газеты и в XIX веке распространялись по подлинке, ареал которой мог выходить далеко за административные рамки центра, где издавались газета или журнал.

Современные исследователи сегодня нередко возвращаются к исследованию природы провинциальной печати XIX века. Х.С. Буланцев в работе «Пионеры провинциальной печати» описал дискуссию, в которой участвовали представители «Дела» (С.С. Шапков и Д.Л. Мордовцев) и «Камско-Волжской газеты» (Н.М. Ядринцев и К.В. Лаврский). Первые считали, что «ни зачатков развития, ни будущего провинциальная пресса не имеет и иметь не может, ибо в провинции нет и не будет никогда сил, которые могли бы обеспечить издание серьезных органов местной печати»⁶. На что К.В. Лаврский возразил, воспринимал мнение Мордовцева как «свособразный способ прикрыть и оправдать факт игнорирования столичной печатью общественных нужд провинции», а также попытку обезоружить деятелей самой провинции.

Провинциальная пресса начиналась с губернских ведомостей, издание которых затеяло в 1831 г. Ярославское губернское правление. В

⁵ Русское обозрение. — Т. 31, янв.

⁶ Буланцев, Х. С. Пионеры провинциальной печати / Х. С. Буланцев. — Л., 1981. — С. 115.

⁷ См. также: Летенков, Э. В. Губернские, областные, войсковые и епархиальные ведомости (1837–1917) / Э. В. Летенков. — СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2005. — С. 27.

1938 г. аналогичные издания появились еще в 39 губерниях⁷. Задуманные изначально Министерством внутренних дел для облегчения делопроизводства и распространения официальной информации на местах, ведомости в первые годы своего существования были единственными представителями прессы в провинции.

Несмотря на то, что издание состояло из двух отделов, разных по структуре и назначению, этим первым печатным росточкам столичные издания поднимали высоко планку. Одолеть ее могли не каждые из губернских ведомостей. Еще и потому, что критике, как правило, подвергались официальные части издания.

Неофициальная часть⁸, которой была отведена роль бытописателя и статистика пронеходящего, вынуждена была работать в жестком законодательном каркасе, который позволял лишь исторические эпизоды из местной жизни, да еще статистические данные. Г.Н. Потанин был убежден, что «губернские ведомости» были бы очень полезны, если бы в них как можно больше печаталось разного сырого материала, требующего обработки, так, например, сведения об оброчных статьях в губернии, о фабриках, о количестве проданных казенных земель...»⁹.

Такой информацией могли бы обеспечивать губернские статистические комитеты. Но люди, их возглавлявшие, зачастую были далеки от понимания задач, стоящих перед этими учреждениями.

В одной из журнальных публикаций рассказывалось о П.Н. Рыбникове, который, будучи преподавателем Московского университета, перешел в статистический комитет, чтобы иметь возможность ездить по губернии и записывать сохранившийся фольклор. Увы, это редчайший случай в жизни российской глубинки. Чаще автор журнальной публикации встречался с другого рода людьми из губернских статистических комитетов:

— Где вы получили образование? — раз спросил я одного старика, секретаря губернского комитета, разговорившись с ним по душе.

— Я самородок, домашнего воспитания, — отвечал он с гордостью.
— Была у меня старуха — тетка-монахиня из расколыничьего монастыря

⁷ В некоторых исследованиях губернские ведомости делят на официальную и неофициальную части. Де-юре, согласно «Учреждениям губернского правления», издание разделялось на 1 и 2 отделы. Последний, или, как его еще называли, «местный», подразделялся на официальную и неофициальную части. Де-факто: с тех пор как некоторые губернские правления инициировали отдельное издание неофициальной части, первый и второй отделы составили официальную часть.

⁹ Письма Г. Н. Потанина. — Т. 2. — С. 34.

ря. Вот она-то и научила меня читать... Лет шестнадцать отец определил меня на службу писарем...

— Как же вы выбились на теперешнюю дорогу?

— Все через образование... Узнал советник, что я книжки читаю, — сначала насмеялся, потом испытал, а под конец и назначил смотрителем губернской типографии и редактором официальной части “Губернских ведомостей”. С тех пор я все и службу по делам печати.

— Ну а как же вы сами начали пописывать?

— В старину в губернской типографии был чисто дешевой грабеж. Зато и типография была — горе. Дожили до того, что некоторых букв совсем не осталось. Бывало возьмешь нерочинный пожичек да и поровнишь из одной буквы сделать другую, чтобы хоть что-нибудь похожее-то было. Ну а начальство заметило мое усердие, назначили в награду редактором неофициальной части. Тут уж поневоле пришлось сочинять статейки. Сначала было трудно, а потом расписался¹⁰.

Опыт автора журнальной публикации, знакомого об отсутствии литературных сил в провинции, позволяет ему прийти к заключению: «Призывает губернатор и скажет: “напишите к юбилею историю края”. Старик сядет и напишет. “Составьте, — говорит губернатор, — описание местной флоры». Старик садится и пишет. Если бы губернатор приказал написать китайскую грамоту, то я уверен, что старик так же беспрекословно сел бы и написал ее. И не подумайте, что старик усидчивым трудом самоучки приобрел энциклопедическое образование. Отнюдь нет. Он вам напишет историю края, никогда не читавши даже краткого учебника всеобщей истории, составит описание местной флоры, не имея самых элементарных познаний по ботанике»¹¹.

Поэтому не удивительно, что содержание губернских ведомостей всегда вызывало чувство Ironии у представителей столичных изданий. Степановско-курочкинская «Искра» писала: «Многие жалуются и даже негодуют на пустоту и бессодержательность наших провинциальных газет. Губернские ведомости, — так выражаются эти ничем недовольные люди, — положительно невозможно читать. В иных, говорят, ровно ничего нет, кроме производства в чины, а другие — уж если зарядят сообщать статистические сведения о лицах, взятых в полицию за воровство и пьянство, — то уж на одном том и стоят и ни до чего другого дела

¹⁰ Приклонский, С. Судьба губернских статистиков / С. Приклонский // Северный вестник. — 1886. — № 3. — С. 78—79.

¹¹ Там же. — С. 80.

им нет, точно будто в городе одни только воры да пьяные и живут! Другие интересуются только удавившимися и утопившимися, а живыми людьми пренебрегают, так что в хронике общественной жизни входит только личности с веревками на шею и с ядом в книжках»¹².

Если сделать обзор губернским ведомостям Сибири, то можно заметить, что неофициальная часть в разные периоды «выбивалась» из бесцветности, о которой многократно твердила столичная пресса того времени. Как еще верно заметил историк сибирской печати П.М. Головачев, ведомости стояли «не на одинаковой высоте; это зависело от степени просвещения и благожелательности лиц, стоящих во главе местной администрации края»¹³.

В первые годы своего существования «Иркутские губернские ведомости», благодаря участию в них политических ссыльных, заметно выделялись уровнем публикаций, своей направленностью среди аналогичных изданий Сибири. Во времена гражданского губернатора А.И. Деспот-Зеновича «Тобольские губернские ведомости» позволили вступить в полемику с частными изданиями, что было законодательно запрещено. «Томские», по мнению Г.Е. Каташаева, в период редакторства Д.Л. Кузнецова, сумевшего привлечь к сотрудничеству Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, пошли «за настоящую как бы частную газету. Публика заметила появление оригинального провинциального органа печати и стала его читать, проникаясь сознанием тех местных интересов, в которых она до тех пор плохо разбиралась»¹⁴. «Енисейские губернские ведомости» полемизировали со своими коллегами из Иркутска по поводу их творческих методов в критических материалах, обличающих произвол некоторых чиновников.

Неофициальная часть губернских ведомостей была, несомненно, тем полигоном, на котором и выросла вся провинциальная пресса. В.Г. Короленко, хорошо знавший провинциальную прессу XIX века, писал: «Высшая администрация того времени смотрела на провинциальную печать, как на праздную затею, совершенно излишнюю и, пожалуй, вредную... Поэтому добиться права на издание частной газеты в провинции в то время было невозможно»¹⁵.

¹² Искра. — 1867. — С. 131.

¹³ Головачев, П. М. Происхождение и настоящее сибирской печати / П. М. Головачев // Восточное обозрение. — 1903. — № 17.

¹⁴ Каташаев, Г. Е. На заре сибирского самосознания: воспоминания генерал-лейтенанта казачьего войска / Г. Е. Каташаев. — Новосибирск, 2005. — С. 134.

¹⁵ Короленко В.Г. Из истории областной печати / В.Г. Короленко // Сборник в память Александра Серафимовича Гаццкого. — Нижний Новгород, 1897. — С. 15.

Столь категоричное отношение к появлению частной прессы в провинции, особенно в Сибири, имело свои корни. Монополия на прессу, принадлежащая столичным изданиям, по мнению Г.Н. Потанина, «ведет только к обогащению немногих». Отсутствие газет и журналов в провинции привело к росту корреспонденций в столичные издания, вследствие чего цена на них упала. И «...разные Полетики пользуются этим состоянием рынка провинциальной умственной работы»¹⁶.

Об экономической подоплеке такого положения с газетным делом неоднократно высказывались в столичных изданиях. Это было продолжение полемики, затеянной в свое время «Камско-Волжской газетой», о месте прессы в жизни отдаленных от столицы мест. Так, в передовой статье «Недели» (редактор-издатель П.А. Гайдебуров) неизвестный автор писал, что «даже люди с небольшим дарованием, работающие в провинциальных органах, все лучшее, что они могут произвести, несут на столичный литературный рынок»¹⁷. Т.е., с одной стороны, существующие губернские ведомости не платили пишущим на ее столбцы. С другой — столичные издания не позволяли себе поступать так со своими авторами. Но обилие корреспонденций с мест резко снижало цену за литературный товар.

Эпистолярный Г.Н. Потанина дает много примеров этому. По присезде из Омска в Петербург он сообщает казачьему офицеру Ф.Н. Усову, что посылает «одни экземпляр своей статьи "Полгода в Алтае". Может быть в декабрьской книжке продолжение. За эту тетрадку, в которой 4 ³/₄ листа, я получил 185 рублей, т.е. гораздо более прежнего своего сотницкого жалованья»¹⁸. В одном из следующих писем, написанном почти через полгода и датированным уже февралем 1860 г., пытается «просветить» своего омского корреспондента: «Не 7 руб. за печатный лист платит "Слово", а 40 р. Печатный лист будет равняться четырем Вашим писанным листам. Если Вы ежемесячно будете представлять по два печатных листа, то это выйдет всего 960 р. [в год]. А не 150 р. Но на два листа едва ли будет набираться у Вас материалов, если на лист, то и то слава богу, но и то придется 480 р.»¹⁹

¹⁶ Письма Г. Н. Потанина / сост. А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль, Я. Р. Кошелев, Н. Н. Яновский. — Иркутск : Иркутский университет, 1989. — Т. 3. — С. 24.

¹⁷ Провинциальная печать // Неделя. — 1885. — № 31, 4 авг. — Ст. 1090–1091.

¹⁸ Письма Г. Н. Потанина / сост. А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль, Я. Р. Кошелев, Н. Н. Яновский. — Иркутск : Иркутский университет, 1987. — Т. 1. — С. 39.

¹⁹ Письма Г. Н. Потанина. — Т. 1. — С. 45.

Столь высокая оплата литературного труда произвела настолько сильное впечатление на Г.Н. Потанина, что он пытается научить технологии зарабатывания денег будущего соучастника «сепаратистского» дела: «Да накатайте страницу в «Русское слово» о комитете. Это будет первый лист корреспонденции. О падеже скота и ценах тут не нужно; да и мне не пишете. Провинцией пахнет²⁰. Тут-таки целую корреспонденцию и займите одними рассуждениями о комитете²¹. Начните, что в городе Омске сосредоточены интересы Западной Сибири и права Казачьего Войска, что стоит читателей «Р[усского] слова» занять 80000, тем более что этот вопрос касается не одних этих 80000, но нескольких миллионов других войск и т.д.»²²

Хотя если вспомнить «Амур», первую частную газету Сибири, то в период, когда граф Н.Н. Муравьев-Амурский начал финансовую блокаду издания²³, редактор М.В. Загоскин пытался понять: «Отчего мало помещают статей в провинциальных изданиях?». Под таким заглавием и была опубликована заметка на излете 1861 г., второго года существования газеты, в которой уже номинальный редактор признается, что «установление платы мало помогает делу». Русскому человеку, а сибирскому в особенности, всегда удерживающемуся «от помещения статей в местных изданиях», вошло в привычку часто совершенно неуместно задавать себе боязливый вопрос: «а что скажет начальство?»²⁴. И это обстоятельство чаще всего было в пользу столичных изданий.

¹⁹ Мировоззрение «юноши» из Сибири, прибывшего в столицу и побаивающегося запаха провинции, со временем, благодаря учебе в северном университете, претерпит такие изменения, которые позволят Г.Н. Потанину стать одним из идеологов провинциальной журналистики. Ср.: «не литература и университеты влияют на публику, а наоборот, расположение умов публики и состояние правительства объясняют направление литературы и состояние университетов». — Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел, в двух томах. — М.: АН СССР, 1961. — Т. 1. — С. 100.

²⁰ Речь идет о казачьем комитете.

²² Письма Г. Н. Потанина. — Т. 1. — С. 46–47.

²³ «...самое простое средство: запретить печатать эту газету военной типографии, если деньги не взяты вперед, а также и в губернской типографии не позволять принимать печатание ее; тогда редактору останется только переписывать свою газету через писарей». — См.: Граф Николай Николаевич Муравьев по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам: материалы для биографии / сост. И. Барсуков. — М.: Синодальная типография, 1891. — Кн. первая. — С. 586.

²⁴ Амур. — 1861. — № 33. — С. 263.

Еще об одной экономической составляющей проблем с началом издания можно встретить в «Воспоминаниях» Г.Н. Потанина²⁵. В Главном управлении по делам печати старались выдать разрешение на новые газеты или журнал «своему» человеку, который бы смог со временем продать эту бумагу какому-нибудь ходатаю.

Был и другой подход в решении вопроса: разрешать или отказывать в издании новой газеты в провинции. Так, генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин всегда подчеркивал свое желание, «чтоб в крае была не одна, а двадцать газет». Но с выдачей свидетельства никогда не спешил. Считал, что возглавлять издание могут только окончившие «курсы в учебном заведении»²⁶.

В таком подходе Д.Г. Анучин был не единственный. Когда А.А. Крылов начал в 1896 г. ходатайствовать о разрешении на издание «Сибирской торговой газеты», Главное управление по делам печати усомнилось в возможностях будущего редактора: «Что касается вопроса и степени подготовки Крылова к систематической литературной работе и руководительством печатного органа, каковой вопрос получает особое значение ввиду неимения им образовательного ценза»²⁷.

Еще в начале XIX в., когда были изданы правила о распределении ссыльных по степени их преступления²⁸, Сибирь стала местом для «гладких русских преступников»²⁹. За двадцать лет — с 1827 по 1846 г. — через Тобольский приказ о ссыльных прошло около 160 тыс. лиц

²⁵ Потанин, Г. Н. Воспоминания / Г. Н. Потанин // Литературное наследство Сибири. — Новосибирск, 1983. — Т. 6. — С. 301.

²⁶ Письма Г. Н. Потанина / сост. А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль, Я. Р. Кошелев, Н. Н. Яновский. — Иркутск: Иркутский университет, 1989. — Т. 3. — С. 192.

²⁷ РГИА. — Ф. 776. — Оп. 12 : 1896. — Д. 103.

²⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание I-е. — Т. XIV. — № 10305.

²⁹ Анучин, Е. Н. Материалы для уголовной статистики России: исследование о проценте ссылаемых в Сибирь / Е. Н. Анучин. — Тобольск, 1856. — С. 3. — В числе актов прусского Министерства юстиции есть документ, датированный 1802 г., в котором говорится, что «несправимых воров, разбойников, поджигателей и тому подобных опасных преступников ссылают в отдаленную часть света (entfernten Welttheil), дабы там подвергать тяжчайшим работам, без всякой надежды когда-либо освободиться». По соглашению с Императорским русским двором «подобные злодеи употреблялись на работы в рудниках в отдаленнейшей Сибири». — См. подробнее: Голодишков, К. М. Ссыльные в Тобольской губернии и влияние их на нравственный и экономический быт старожилов // Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус: антология тобольской журналистики конца XIX — начала XX в. — Тюмень, 2004. — С. 237 и др.

обоего пола. При этом за государственные преступления (политическая ссылка), возмущение и неповиновение, неповиновение помещику — всего лишь 2,4 процента. Основную массу ссыльных, около 43 процентов, составляли «бродяги разного рода, беглые крестьяне, военные дезертиры, бежавшие из Сибири каторжные и поселенцы», почти 9,1 процента лиц обоего пола попали в ссылку за убийство, и 29,78 процента составили преступники против собственности³⁰. При этом более 43 процентов ссыльных были владельческие крестьяне³¹, для которых были характерны «дурное поведение, зажигательство, членовредительство и возмущение»³². Почти две трети проходивших через Тобольский приказ о ссыльных оставались в Тобольской губернии, остальные направлялись в другие населенные пункты Сибири. Для многих ссыльных эта земля становилась «малой родиной».

Ситуация была отягощена еще и низким образовательным уровнем среди населения Сибири. Вывод исследователя, что «в течение долгого времени политические ссыльные представляли собою в Сибири всю ее интеллигенцию, весь ее образованный “класс”»³³, предполагает катастрофичность ситуации³⁴.

Рассказанная выше С. Приклонским история с редактором неофициальной части губернских ведомостей наводит на грустные размышления о наличии литературных сил в Сибири. А имеющиеся на ее территории в обильном количестве политические ссыльные и «червоновые валеты» не имели права согласно существующему в России законодательству возглавлять органы печати. Вспомним хотя бы томскую историю с Е.В. Коршем, опытным петербургским журналистом, находившимся в уголовной ссылке в Сибири. Когда его фамилия начала появляться в неофициальной части губернских ведомостей, из Главного управления по делам пе-

³⁰ Анучин, Е. Н. Материалы для уголовной статистики России : исследование о проценте ссылаемых в Сибирь / Е. Н. Анучин. — Тобольск, 1856. — С. 28–29.

³¹ Там же. — С. 73.

³² Там же. — С. 76.

³³ Швецов, С. П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. — 1928. — № 3. — С. 57.

³⁴ Согласно имеющимся статистическим данным [См.: Голодников, К. М. Город Тобольск и его окрестности / К. М. Голодников. — Тобольск, 1887. — С. 28], в 1835 г. в Тобольске проживало 15456 чел. Данные об уголовной ссылке, опубликованные Е. Анучиным, свидетельствуют, что за двадцать лет в Тобольскую губернию было сослано всего лишь около 300 государственных преступников. А ведь на обширной территории был целый ряд уездных городов: Ишим, Омск, Тара, Туринск, Тюмень, Ялуторовск... Вопрос встает не об уровне, а просто о грамотности.

чати пришло на имя губернатора письмо, разъясняющее сложившуюся ситуацию в издании. В результате этого Е.В. Корш не только вынужден был прекратить такую практику по указанию МВД, но и уйти из «Томских губернских ведомостей»³⁵. А ведь в его бытность неофициальная часть попыталась оторваться от репутации «листка объявлений».

Сложности провинциальной печати³⁶ хорошо понимали ее идеологи. Неоднократно в переписке они обсуждали эту проблему. В одном из сентябрьских (1873 г.) писем Г.Н. Потанин просил Н.М. Ядринцева

³⁵ Подробнее см.: Корш, Е. В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. — 1910. — Т. 120, кн. 5 (май). — С. 441.

³⁶ Лишь в цензурных оттисках газеты «Сибирский вестник» (ГАТомО. — Ф. 3. — Оп. 49. — Д. 2. — Л. 14) сохранилась пародия «Дым без огня (Истинное происшествие)», в котором языком сатиры показан содержательный уровень местных изданий. Ни в № 54 за 1888 г., ни в других она так и не появилась. Местный цензор накрест зачеркнул готовившуюся публикацию. Несмотря на объемность пародии, помещаем ее полностью (ошибки исправлены публикатором).

«В № 52 официальной части (имя рек) “Губернских ведомостей” было напечатано: “Утром 15 декабря сего текущего года в селении Большие Заллаты Глиноземского уезда от неизвестной причины произошел пожар, от какового сгорело 6 дворов на сумму заявленного исправнику убытка в количестве приблизительно 873 р. 51 1/2 коп., причем сверх сего имущество застраховано не было. Причина пожара, как выяснено, было частью неосторожное обращение с огнем, а частью поджог. Дознание производится, виновные не арестованы, так как не обнаружены еще. Несчастий с людьми не было, кроме сотского Ивана Горлодерова, которому упавшим бревном слегка повредило голову без вреда для здоровья, и крестьянки Феклы Карповой, получившей легкие ожоги ручных кистей на обеих руках без перелома кости”.

В “Неофициальной части” того же номера подписчики губернской газеты читали: “В полдень 15 декабря в деревне Большие Латы произошло страшное несчастье: от неосторожного обращения с огнем крестьянки Федосьи Кораловой, раздувавшей в сарае своей избы самовар, загорелась сложенная в нем для скота солома. Огонь быстро охватил все строение и, несмотря на дружное и единоедушное пособие сельских властей и односельчан с имевшимися наличными пожарными инструментами, изба Кораловой сгорела дотла, причем пострадало и 13 соседних зданий. Убытки этого, к несчастью, часто повторяющегося от небрежности нашего простолюдина бедствия, к счастью, не особенно значительны, и простираются всего до 2 1/2 тысяч, так как большинство строений было застраховано. Виновница несчастья Федосья Королева тяжело поплатилась за свою неосторожность: бросившись спасать свое имущество, она получила довольно значительные ожоги рук, лица, шеи и груди. Немедленно отправленная в больницу и окруженная попечением докторов, она, надо полагать, отделается только незначительными рубцами, кои да послужат ей уроком на всю жизнь! При гашении пожара десятский Иван Горлодеров,

написать обзор существующих изданий: «Обругайте не этих мальчиков веселых, которые там играют в прессу, точно серьезные люди, а обругайте серьезных людей, зачем они игнорируют эту область общественной деятельности, зачем они эти хурьные кресла, на которых следовало бы

самоотверженно работавший на крыше избы, упал с высоты 6 $\frac{1}{2}$ аршин и свалившись бревном придавлен был к земле, с повреждением поясницы и переломом ключицы и разсеченною раною головы. Большой пользуется помощью у себя дома. Честь и слава ему, так доблестно исполнившему возложенные на него обязанности!! По докладу г. начальнику губернии об этом происшествии Его Превосходительству угодно было объявить свою благодарность десятскому Горнодернову за его расторопность и самоотвержение и приказать собрать точные сведения о причине пожара.

Давно всем известная великодушная отзывчивость любвеобильного сердца супруги господина начальника губернии Его Превосходительства Марьи Петровны и на сей раз проявилась в немедленной готовности помочь страждущим и потерпевшим от пожара. — На третий день праздника Рождества Христова Ее Превосходительство устраивает с этой целью любительский спектакль, состоящий из комедии Дьяченко “Губернер”, водевилля “Вельшка у домашнего очага” и 3 действия оперетты “Перикола” (без костюмов). Нет сомнения, что благородная цель спектакля этого и уже обратившие на себя всеобщее внимание таланты исполнителей привлекут в залу нашего собрания многочисленную публику. Билеты и в настоящее время уже можно получать у и.д. полицмейстера Посузалова, с благодарностью принимающего всякое пожертвование”.

Газета “Закуси удила» по поводу того же пожара разразилась следующей громовой статьей: “Когда же, наконец, прекратятся у нас выгорания целых деревень, сел и городов?! Когда обратят серьезное внимание на устройство пожарной части в нашей несчастной провинции?! Когда, вместо того чтобы бросать непроизводительные деньги на ненужный блеск, мишуру, балеты и балы, — застрелят народ от лютейшего врага его — огня? Поймите, что народу пужны не ваши помпы, — а помпы пожарные! Когда, о несчастная родина, — люди, стоящие у власти, начнут уважать закон и исполнять честно свой долг и свои обязанности, за исполнение которых получают сверхъестественные оклады?! Когда же, когда!?! На эти вопросы наводит нас извещение официальной газеты о страшном пожаре в Гнилоземском уезде в деревне Громадные Лохмотья, кажется. — Большие сотни домов делаются жертвою пламени в тихий безветренный вечер, и нет ни силы, ни средств ослабить силу огня. Ни пожарных насосов, ни лестниц, ни бочек — ничего нет. И от огня, как от нужды и лютотого зверя, бедный пахарь наш борется своим единственным кормильцем-топором! — Но что может сделать топор против моря огня, против кратера вулкана. Староста Иван Гладодеров (пшеничная фамилия!), получая за свою должность гроши, — лезет на крышу горящего здания (все с тем же топором-помощником!), исполняя свой гражданский долг, — и делается на всю жизнь калекою, если еще только выживет, так как с передомленными руками и ногами жить трудно! А его несчастная семья — кто ее прокормит?! Крестьянка Федора Караулова бросается спасать свою единствен-

увидеть серьезных, строгих, честных людей, оставляют праздными и допускают паяцам садиться в них и арлекининичать и тем огаживать святое место. Газеты существуют несколько лет, значит, есть спрос, и как бы много сделал честный человек, умеющий вести дело, взявшись

ную коронушку, надо завтра отдать за недоимки, — и буквально обугливается в пламени! На спасенье ее нет никакой надежды! Она обгорела, как обгорают наши леса летом. Самые семейства остаются без одежды, без крова, без пропитания! Убытки простираются на десятки тысяч и имущество оказывается незастрахованным. Спрашивается, чего же смотрел заседатель, исправник, губернатор — все эти иерархические охранители наши? Почему не наблюдали они, чтобы имущество бедного труженика, кормильца нашего, — было обязательно застраховано, как того требует закон? Чего они смотрели?! Как чего, — мало ли у них дела! Заседатель берет с живого и мертвого, исправник винтит в клубе по 5 к., а губернатор, вероятно, помогает своей супруге ставить любительские спектакли; и в результате — сотни нищих, как будто их так мало! Грустно, грустно, читатель. Лишняя подробность: пожар произошел от брошенной заседателем папироски!!

Собственный корреспондент газеты "Семиужное обозрение" через месяц писал: "Я страшно разбит и потрясен. Два раза прожить такой день невыносимо! Я прямо из городской больницы, куда ездил нарочно, присутствовал при агонии жертв пожара деревни Малые Дыры, ставшего злобою дня. Мне кажется, что человек, со стальными нервами, нервами-канатами, сам железный граф и тот бы зарыдал от тоски и сожаления при виде невыразимых мук этих страдальцев... Писать больше не могу: слишком взволнован, слишком потрясен этим зрелищем. Я, хладнокровно видевший плевненскую резню, седанскую бойню и хартумское истребление, — я плакал как ребенок! Отлагаю подробности до завтра. Скажу только, что крестьянка Александра Каркоролова умерла в 3 ч. 22 м. пополудни, оставив 12 сирот и слепого отца и мать без куска хлеба и без угла, где бы умереть с голоду, умерла как истинная христианка, без ропота, без стога, без проклятий... Герой же страдалец волостной судья Дармогопов тихо отправился в вечность, не приходя в сознание, спустя 10 минут после смерти первой жертвы. Последние его слова были: прощаю всем, у всех прошу прощения, — люблю родину и патриотов! Простите православные! "Мир вашему праху честные труженики, доблестные граждане, несповинные жертвы общественного безсердечия!!!"

Редакция "Семиужного обозрения" объявила, что при конторе ее открыта подписка и прием пожертвований в пользу осиротевших семей жертв, погибших в пламени пожара 15 декабря минувшего года в деревне Малые Дыры.

И вдруг — правительственное сообщение:

"Вследствие многочисленных корреспонденций, появившихся в последнее время в различных органах печати о пожаре в с. Большие Заплаты Глиноземского уезда и крайнего разнообразия сведений, помещенных в корреспонденциях этих, было истребовано от местного губернатора подробное донесение об деле этом — из донесения губернатора видно, что никакого пожара ни 15 декабря, ни в другое

удовлетворить этот спрос! А теперь! Когда же эта провинция перестанет платить деньги за гнилой товар?»³⁷

Шестидесятые годы XIX века характеризуются значительными изменениями в обществе: отмена крепостного права; обновление законодательства о цензуре; начало капитализации повременных изданий, и как следствие — массовое появление частных газет и журналов. Изменения на рынке периодики, последовавшие за возникновением практически ранее не известных региону изданий — частных, способствовали «перегруппированию» читательских симпатий. Новая ситуация обнажила проблемы сенатских изданий до такой степени, что неофициальная часть стала представлять «собой чуть ли только не листок объявлений»³⁸.

В это время, когда из отмирающего института губернских ведомостей начала выкристаллизовываться частная пресса, идеологи провинциальной прессы Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев сформулировали ее принципы.

Проблемы сепаратизма в мировоззрении Г.Н. Потанина — наиболее волнующий исследователей вопрос, затрагиваемый в работах последних лет³⁹. Хотя эпистолярное наследие великого путешественника дает обильную пищу для изучения становления провинциальной печати, вопрос этот практически не изучен. В совместной работе А. Сагаласа и В. Крюкова участию Г.Н. Потанина в работе прессы посвящено лишь

какое-либо число минувшего года в селе Б. Заплаты не было, статья же, появившаяся в № официальной части Болотинских губернских ведомостей, была помещена ошибочно, вследствие недосмотра заведующего газетным столом, отошедшего к напечатанию сведения о пожаре, бывшем 15 декабря 187*** года, то есть десять лет тому назад, — какое сведение находилось у него между бумагами, для справок — о чем в ближайшем же номере местных губернских ведомостей и будет сообщено.

Евгений Юшин». — Именно такой и была в своей основной массе провинциальная пресса: неоперативной, страдающей неточностями в изложении фактов, а также предвзятостью в их интерпретации. Автор сатирической заметки увидел за изданием «Закуси удила» «Сибирскую газету». Поскольку Н.М. Ядринцев с легкой подачи Г.Н. Потанина подписывал многие свои публикации псевдонимами Семилужский, Семилуженский, то под «Семилужским» и «Семилужным» обозрениями подразумевается «Восточное обозрение».

³⁷ Письма Г. Н. Потанина. — Т. 2. — С. 23.

³⁸ Тобольские губернские ведомости. — 1893, неосф. ч. — С. 147.

³⁹ См., например: Сагалаев, А. Потанин, последний энциклопедист Сибири: опыт осмысления личности // Андрей Сагалаев, Владимир Крюков. — Томск, 2004. — 208 с.; Шиловский, М. В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке»: Г. Н. Потанин. Биографический очерк // М. В. Шиловский. — Новосибирск: Сова, 2004. — 244 с.

несколько страниц. Да и те в основном — участие областников в «Томских губернских ведомостях» и «Восточном обозрении».

Общезвестно, что представитель сибирского областничества имел радикальную точку зрения на метрополию, скатывающуюся к сепаратизму. «Под местными интересами я разумею то, что разумют «Иркутские ведомости» и «Амур», не обличение какого-нибудь местного монополиста, откупщика или взяточника, а автономию провинции, — писал Г.Н. Потанин в письме к Н.С. Щукину, мечтавшем в 1861 г. об издании всесибирского журнала. — Мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои нравы и законы, писать и читать, что нам хочется, а не что прикажут из России, воспитывать детей по своему желанию, по-своему собирать налоги и тратить их только на себя же. Вот если бы Ваш журнал во всех статьях своих пел бы эту песню, тогда другое дело — он законное явление, имеющее прочное основание в потребности общества, которой он удовлетворяет, а не каприз человека, сказавшего себе: дай я создам сибирскую беллетристику»⁴⁰.

Именно этот тезис и послужил основой для разработки теоретических основ провинциальной журналистики, в данном случае — сибирской. Главные ее тезисы можно обнаружить в эпистолярном наследии, служившем для ее автора больше, нежели просто средством обмена информацией: «Пока нет журналов, письма заменяют у патриотов журналистику. Напр[имер], получение письма Ник[олая] Мих[айловича] для меня то же самое, что и чтение нового номера сибирской газеты (будущей, патриотической, а не милотинско-чиповнической). Тут и беллетристика, и публицистика, и юмор даже — словом, литературная книжка с разнообразным содержанием»⁴¹.

Сохранившаяся переписка свидетельствует о живом интересе Г.Н. Потанина к происходящим процессам в зарождающейся печати. И этот интерес, иногда весьма специфический, порождает много вопросов. Только ли для удовлетворения внутренних потребностей и в поисках единомышленников в письме к Н.С. Щукину изложена не совсем обычная просьба: «...напишите мне возможно подробную историю «Амура»: кто его основал, на какие деньги, к кому он переходит во владение, чью собственность теперь составляет, и какое участие там принимают Милотин и Загоскин, и что это за люди, чем они прославились и какое имеют движимое и недвижимое имущество»⁴². Ряд исследователей

⁴⁰ Письма Г. Н. Потанина. — Т. I. — С. 59.

⁴¹ Там же. — С. 67.

⁴² Там же. — С. 61.

предполагают⁴³, что Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев возглавляли сибирскую организацию «Земля и воля». Однако этот факт пока не доказан, хотя «согласованность действий, их массовый характер, направленность и содержание выступлений позволяют сделать вывод о координации действий сибирских областников в 1863–1865 гг., о наличии у них прочных связей между собой, единого идеологического руководства»⁴⁴.

Оценочные суждения в адрес первенца сибирской журналистики: «Наш «Амур» что-то плоховат»⁴⁵, «...есть ли надежда на улучшение «Амура» или на замену его новым журналом»⁴⁶ — в письмах к своим единомышленникам свидетельствуют о теоретических поисках Г.Н. Потаниным путей улучшения провинциальной прессы. При этом автор писем четко видел те основные условия, в которых могут выжить местные издания.

1. Осознание текущего момента: «Теперь время прокламаций, а Вы мечтаете о каких-то романах, повестях, живописании и воспроизведении, — писал Г.Н. Потанин в Иркутск Н.С. Шукину. — Литература, по-моему, есть всегда памфлетистика; роман тоже памфлет, но слишком скромный для нашего времени. Теперь нам нужны Джефферсоны, Франклины, а Вы мечтаете о сибирском Тургеневе, Гончарове. В то время как Бокль отнимает у литературы политическое значение, Вы являетесь с панегириком ей, да еще и хвастаетесь, что Вы сами не чужды ее интересам. Нашел чем хвастаться! Солидарностью с литературою, льстивней, подслушивающей, молчавшей о серьезных вещах и болтавшей вздор и пустяки. ...ныне не в моде восхваляться влиятельными качествами литературы, ...ныне в моде сетовать на бесплодность этой массы труда, этой груды потраченной бумаги»⁴⁷. И практически здесь же фраза о том, почему «Амуром» «слишком много бумаги тратится попусту». По мнению автора письма, с «самого начала его издания там не были задеты политические интересы Сибири».

2. Финансовая составляющая издания: «...провинциальная газета в настоящее время окупает только бумагу и типографск[ие] расходы»⁴⁸.

⁴³ См., например: Коваль, С. Ф. Характер общественного движения 60-х гг. XIX в. в Сибири // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг. — Новосибирск, 1967. — С. 48.

⁴⁴ Шиловский, М. В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке»: Г. Н. Потанин. Биографический очерк // М. В. Шиловский. — Новосибирск: Сова, 2004. — С. 82.

⁴⁵ Письма Г. Н. Потанина. — Т. 1. — С. 49.

⁴⁶ Там же. — С. 55.

⁴⁷ Там же. — С. 57–58.

⁴⁸ Там же. — С. 151.

Но при этом Г.Н. Потанин часто вспоминает историю создания «Камско-Волжской газеты», издания, в котором на практике были обкатаны общетеоретические принципы провинциальной прессы: «Газета эта основана двумя студентами на 50 рублей, данных заимообразно: купец дал бумагу с тем, чтоб плата [была] по истечении года; типографщики согласились печатать с уплатой по истечении третей. При таких условиях и началась провинциальная газета. Сотрудники, редакторы, корреспонденты — все работали даром»⁴⁹. Сумма, прозвучавшая в письме, просто смешотворна, по сравнению с гонораром автора письма за одну из первых публикаций в столичной прессе⁵⁰. При этом идеолог прессы активно обсуждает в переписке проблемы издательского процесса: рост тиража, раскрутка издания с помощью рекламы в других газетах, доходы от объявлений. Он напоминает в декабре 1875 г. в письме А.С. Гацискому, еще одному подвижнику провинциальной печати, что «театр и журналистика становятся достоинством антрепренсеров, большей частью движимых интересом наживы»⁵¹.

Автор писем радуется за финансовое положение «Камско-Волжской газеты»: в прошлом году «она печаталась в числе 500 экземпляров, ныне в 800 (даровых ныне менее), и все почти расходится. В то время как в прошлом году она выходила раз в неделю, ныне — три раза. Вероятно, с половины года формат газеты увеличился»⁵². При этом «от Агафонова я все-таки не раз получал деньги»⁵³.

Своим корреспондентам Г.Н. Потанин сообщает хоть что-то о финансовой составляющей иркутской, уже не принадлежащей Клиндеру, «Сибири». А письмо К.В. Лаврекому: «имеет других подписчиков 1200» (март 1877); Н.М. Ядринцеву: «у «Сибири» 1200 подписчиков» (18–19 марта 1877 г.); «подписчиков в Западной Сибири: всего 20 экземпляров, из них 15 в Томске, а на остальную Сибирь [приходится] 5 экз. Скандал!» (апрель 1878); «газета ежегодно тратит 3000 руб. на типографию» (май 1878); «ис только не приносит убытки, но даже некоторый доход, она во всяком случае может прокармливать редактора» (начало января 1881)⁵⁴. Ратуя за появление новых изданий, просит в письме своего

⁴⁹ Письма Г. Н. Потанина. — Т. 1. — С. 135.

⁵⁰ См.: С. 145 данной публикации.

⁵¹ Письма Г. Н. Потанина. — Т. 3. — С. 21.

⁵² Письма Г. Н. Потанина. — Т. 1. — С. 154.

⁵³ Письма Г. Н. Потанина. — Т. 3. — С. 49.

⁵⁴ Там же. — С. 78, 93, 133, 135, 204.

единомышленника Н.М. Ядринцева рассказать в очередной статье о провинциальной прессе, «как легко начинать дело: с 50 р. (не помин [айте] КВГ), лишь бы была преданность делу. И что можно бы издавать газеты в Архангельске, Вятке и других городах»⁵⁵.

Для популяризации издания Г.Н. Потанин сам пишет рекламу «Намско-Волжской газеты» для Н.Я. Агафонова и просит его поместить ее в иркутской «Сибири». При этом идеолог провинциальной прессы придирчиво относится к содержанию рекламного текста.

В письме Н.С. Щукину (январь 1862 г.) подвергает критике автора проекта литературного сибирского журнала: «Объявление свое Вы написали слабо. Вместо того, чтобы намекнуть соотечественникам, что журнал будет местно-политическим, Вы говорите о какой-то сибирской беллетристике, которая бы расцвела, если бы не препятствия, и к которой Вы спешите на выручку со своим журналом. Если действительно цель Ваша — положить основание сибирской беллетристике, то отказываюсь от сотрудничества. Я не подозревал, что Вы гоняетесь за такой жалкой целью». И уже на следующей странице совсем категоричное неприятие замысла Н.С. Щукина: «Если Ваше объявление не будет изменено, дельные люди расхохочутся... я не предвидел, что от Вас и не следовало ожидать серьезного предирятия. ...двует журналу должны дать публицисты»⁵⁶.

Не забывает при этом Г.Н. Потанин о том, что лучшая реклама для издания — само издание. В письмах своим корреспондентам он регулярно пишет о распространении печатной продукции: «просил редактора "Ведомостей" выслать сибирским студентам в Петербург бесплатно один экземпляр»; «...поговорю с Кузнецовым о посылке нескольких экземпляров в Вашу библиотеку»; «советовал бы Вам обратиться и в остальные редакции — в Тобольск, Красноярск и Иркутск и просить их высылать Вам по экземпляру даром...»⁵⁷.

Но не экономическая составляющая является главной, по мнению Г.Н. Потанина, при создании органа печати.

3. Редактор и сотрудники. Опыта работы провинциальных частных изданий в Сибири к началу 80-х годов XIX в. практически не было. «Амур», «Кяхтинский листок», «Сибирский вестник» (Иркутск), «Сибирь» — вот, пожалуй, и весь список пинсеров газетного дела. «В Сибири были неудачны все начинания, потому что, затевая дело, приглашали редакто-

⁵⁵ Письма Г. Н. Потанина. — Т. 1. — С. 186–187.

⁵⁶ Там же. — С. 57–59.

⁵⁷ Там же. — С. 68–70, 72.

ром какого-нибудь кандидата петербургского университета. Так ничего не вышло из "Кяхтинского листка", из "Сибирского вестника", а ведь редактор последнего, Борис Милютин, кажется, мог бы вести журнал, если бы для этого было достаточно только известной степени образования и не требовалось еще беззаветного желания пересоздать свою родную область, одним словом, кто *dichtet* об ее будущем (т.е. грезит и песню слагает)⁵⁸.

О проблеме газетных писателей в Сибири середины XIX в. написано немало. Уровень грамотности населения ставил задачу: воспитать читателя, из которого может со временем вырасти и газетный писатель. Г.Н. Потанин ощутил эту проблему уже в «Камско-Волжской газете»: «До настоящего времени г. Агафонов был без установившегося направления, просто хотел издавать газету в либеральном духе; если Вы находите ее плохой, то [это, во-первых], потому что трудно возиться с цензурой, а во-вторых, люди ее игнорируют, а из молодежи в провинции нет людей даровитых, — писал Н.М. Ядрищеву Г.Н. Потанин в письме от 16 февраля 1873 г. — После того как газета лишилась главного сотрудника (К.В. Лаврский. — Ю.М.), некому писать передовых статей... Прежде редакция думала, что [местный интерес] — это значит водопровод, актриса — любимица мест[ого] общества и т.п. Теперь сознали, что [местный интерес] — это значит что-то высшее: но все еще сама редакция не может овладеть предметом настолько, чтобы сама могла ставить статьи. Поэтому не возьметесь ли Вы написать ряд передов[ых] статей: что такое местные вопросы, местный патриотизм; чем местные вопросы отличаются от общих, с одной стороны, и от водопровода и т.п. quasi местных — с другой. Я думаю, от общих [вопросов местные отличаются] тем, что существуют только для данной местности, имеют, следов[ательно], ограниченное географическое значение, от quasi местных тем, что последние представляют интерес и для всех других областей, несмотря на то, что они местные»⁵⁹.

Анализируя в письмах публикации в «Сибири», Г.Н. Потанин то и дело наткнулся на статьи, которые «шавкает какой-то беззубый старикашка»: «Предложите Клиндеру поискать в местной среде какого-нибудь редактора, который бы понимал местные интересы и умел бы отличать честное от бесчестного, даровитое от бездарного. Мы знаем сами, что в Сибири есть такие люди, которые были бы способны поставить газету на настоящую почву, люди, которые, правда, ничего не писали... но которые понимают значение провинц[иальной] журналистики лучше всех

⁵⁸ Письма Г. Н. Потанина. — Т. 2. — С. 24–25.

⁵⁹ Письма Г. Н. Потанина. — Т. 1. — С. 139–140.

этих господ пишущих»⁶⁰. Мысль об объединении Сибири ради единой цели, по мнению Г.Н. Потанина, оправдывала любые средства журналиста: «...рисуйтесь горячим патриотом Сибири, будучи казаком. Это возбuditельно будет действовать на остальных сибиряков. Для возбуждения же своих делайте намеки о значительной роли, которую придется играть Войску впоследствии в сибирской истории»⁶¹.

Г.Н. Потанин хорошо понимал, что умозрительное теоретизирование о задачах провинциальной прессы на практике превратится в ничто без пишущих, умеющих реализовывать программы изданий в жизнь.

4. Наполнение контентом. Еще в бытность «Камско-Волжской газетой» уже поднимались проблемы провинции: «Может ли общественная жизнь в провинции дать материал, достойный печатного слова, — ставила газета вопрос перед читателем. — Обладает ли провинция запасом литературных сил?» (1872. № 2). Н.М. Ядринцев, писавший обзоры провинциальной печати из ссылки, говорил и о «фонарных вопросах», и о «благовонном запахе»⁶², без которых ну никак не обойтись местной печати. Но уже в первом номере газета декларировала: «Провинциальная периодическая печать составляет необходимейшее условие более успешного развития общественной жизни в провинции» (1872. № 1).

В письме одному из будущих участников процесса о сибирском сепаратизме А.Д. Шайтанову Г.Н. Потанин рассказывал о сибирском сборнике, который планируется издавать по определенной программе. Среди основных вопросов: «история колонизации и управления», «эксплуатация производительных сил народом... и варварская эксплуатация природы», «эксплуатация производительных сил государством» и «историческое развитие умственных сил Сибири»⁶³. Предпочтение местных интересов «городским сплетням» позволит провинциальной газете «стоять на высоте своей задачи»⁶⁴. В одном из писем Г.Н. Потанин писал, что без местных новостей изданию жить невозможно. Ликвидировать эту проблему можно лишь взяв на жалованье нескольких сотрудников. «Плохо только, что этот отдел бросается в глаза по отсутствию в газете принципиально местных статей»⁶⁵.

⁶⁰ Письма Г. Н. Потанина. — Т. 2. — С. 26.

⁶¹ Письма Г. Н. Потанина. — Т. 1. — С. 70.

⁶² Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину. — Красноярск, 1918. — С. 219—228.

⁶³ Письма Г. Н. Потанина. — Т. 1. — С. 72.

⁶⁴ Там же. — С. 153.

⁶⁵ Там же. — С. 187.

Становление местной прессы настолько длительный процесс, что единственным направлением на стадии зарождения «должно быть удержание публики от увлечения внешним блеском цивилизации»⁶⁶.

Эпистолярное наследие Г.Н. Потанина позволяет сегодня взглянуть с исторической точки зрения на частную печать провинции, которая с первых дней своего существования столкнулась с проблемами, актуальными до сегодняшнего дня. И четыре условия успешного функционирования местной прессы, сформулированные в данной публикации, невозможно разграничить. Они настолько крепко связаны между собой, что изъятие любого из них не позволит провинциальной газете вылезти из нищеты финансовой и духовной⁶⁷.

Вот только время, в которое создавалась идеология местной прессы, и задачи, стоявшие перед ее создателями, требуют несомненной корреляции у сегодняшнего исследователя: «...не покидайте своими чувствами нашей Родины — Сибири. Возвратиться и стать в ряды ее патриотов да будет вашей неотразимой мечтой. Не слишком мечтайте о научных целях, о том, чтобы самому произвести переворот в науке или хоть пополнить пробелы ее. На это есть немцы, перевернут и пополнил без нас. Переворот умов (в Сибири) и пополнение пустоты в (сибирских) головах — вот роль, нам предстоящая. А потому рядом с изучением материализма изучайте социальные доктрины и занимайтесь чтением исторических и публицистических сочинений, изучайте законы революции и реакции и политических переворотов, клонящихся как к объединению народностей, так и к сепаратизму, и главное при этом чтении — приравнение ко всему прочитанному судеб нашей Родины — Сибири. Тогда чтение Ваше будет плодотворно и создаст из Вас красного сепаратиста, что нашему патриотическому сердцу доставит истинное наслаждение»⁶⁸.

Это мы уже проходили. Политики постсоветской России осудили убийство семьи последнего царя, а значит, признали неправомерность, антигосударственность событий 1917 г. В функционировании местной печати советского периода, однако, частично была реализована концепция Г.Н. Потанина.

---

⁶⁶ Письма Г. Н. Потанина. — Т. 2. — С. 55.

⁶⁷ Кройчик, Л. Е. Частная газета русской провинции : эволюция развития // Вести. Воронежского ун-та, сер. «Филология, журналистика». — 2006. — № 2. — С. 187.

⁶⁸ Письма Г. Н. Потанина. — Т. 1. — С. 65–66.

О численности спецпереселенцев в Остяко-Вогульском округе (по материалам ГАПОТО)

История массовых спецпереселений в советском обществе началась в 1930 году с массовых депортаций крестьян в ходе так называемого «раскулачивания». Нигде и никогда ранее принудительные выселения огромных групп населения не проводились с таким размахом специальной государственной структурой, призванной принуждать людей ценой огромных человеческих жертв заселять и осваивать новые необжитые территории. Подавляющее большинство спецпереселенцев было принудительно депортировано на основании решений партийных и государственных органов. В отдаленные местности ссылались целые семьи, с грудными детьми и стариками, единственная вина которых состояла, как правило, в относительной зажиточности, по сравнению с другими односельчанами.

За последнее десятилетие о судьбах отдельных социальных групп и целых народов, подвергшихся массовым репрессиям, написано немало исследований и опубликован не один десяток публикаций ряда ученых и местных краеведов, обратившихся к истории ссылки начала 1930-х гг.¹

Историю ссыльных и репрессированных того времени нельзя рассматривать без крестьянской ссылки на Обь-Иртышский Север, куда, по некоторым данным, было сослано не менее 50 тыс. человек.

При изучении крестьянской ссылки, как отмечает Л.В. Алексеева, следует иметь в виду следующие обстоятельства: начало изучения проблемы было положено историками-аграрниками — В.П. Даниловым, Н.А. Ивницким, И.Е. Плотниковым и др. При этом указанные историки

¹ См.: Земсков, В.Н. Спецпереселенцы (по документам НКВД—МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11; Раскулаченные спецпереселенцы на Урале...; Плотников, И.Е. Кулацкая ссылка на Урале // Отечественная история. 1996. № 6; Алексеева, Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 гг.: Национально-государственное строительство и население. Нижневартовск, 2002 и др.

почти не касались сюжетов, связанных с Обь-Иртышьем, а предоставляли сведения в целом по Уральской области или Западной Сибири.

Л.В. Алексеева считает, что в России появился ряд историков, а также сотрудников госбезопасности, которые имели доступ практически ко всем секретным материалам, в результате чего эти исследователи получили возможность очень оперативно издавать сборники документов и монографические работы, содержащие новые сведения, чего не могли сделать большинство периферийных историков.

Л.В. Алексеева обращает внимание на объективные трудности изучения крестьянской ссылки на север Западной Сибири, связанные с неоднократным территориально-административным делением края, поэтому материалы по Обь-Иртышью оказались сосредоточены в различных архивах нескольких областей Урала и Сибири². Из всего многообразия проблем крестьянской ссылки наиболее важной представляется определение количества сосланных на Обь-Иртышский Север. Остяко-Вогульский округ в составе Уральской области являлся одним из районов размещения десятков тысяч спецпереселенцев.

Округ был организован в 1931 г. в Уральской области, в результате проведенного национального районирования Крайнего Севера СССР, путем выделения большей части северной территории бывшего Тобольского округа и с присоединением одного (Ларьякского) района из Западно-Сибирского края.

В состав округа входило 6 районов: Щурьинкарский и Ларьякский (северные); Березовский и Сургутский (средние); Самаровский и Кондинский (южные).

Округ располагался между 60 и 66° северной широты и граничил: на севере — с Ямало-Ненецким округом, на востоке — с Западно-Сибирским краем, на юге — с северными районами Уральской области (Уватским, Тобольским, Тоборинским, Гаринским и Ивдельским) и на западе — с областью Коми (зырян). Остяко-Вогульский округ являлся самой крупной административно-территориальной единицей Урала и составлял почти 40% территории области³.

Л.В. Алексеева выделила три этапа крестьянской ссылки. Первый этап проходил в феврале—мае 1930 г. Второй этап — весной и летом 1931 г. Третий этап крестьянской ссылки начался в феврале 1932 г.⁴

² См.: Алексеева, Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 гг. С. 193.

³ См.: Ф. П-107. Оп. 1. Д. 115. Л. 1.

⁴ Алексеева, Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917–1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада. Екатеринбург, 2003. С. 184–188.

Первый этап ссылки является сегодня самым неизученным в отечественной науке, нет пока точных данных о числе ссыльных, их половозрастном, национальном, религиозном, социальном составе, естественном движении. Благодаря Л.В. Алексеевой, которая ввела в научный оборот новые архивные источники, мы можем уточнить трагическую статистику первого периода ссылки на Тобольский Север. На основе справки особого отдела ОГПУ от 10 декабря 1930 г. можно установить, что в Уральскую область ввезено 30474 семьи 145205 человек⁵.

Историк из Тобольска Ю.П. Прибыльский привел количественные данные по Остяко-Вогульскому округу — 37400 переселенцев⁶.

Титульный список спецпереселенческого строительства на 1930—1931 гг., а также докладная записка председателю правления «Союзрыба», обнаруженные в фондах ГАПОТО, дают возможность предположить количество семей спецпереселенцев на первом этапе крестьянской ссылки в Остяко-Вогульском округе:

Таблица 1

Титульный список спецпереселенческого строительства на 1930—1931 гг.⁷

№	Наименование округов, районов, сторойучастков и поселков	Количество семей	Жилые 4-кварт. дома
1	2	3	4
	Обдорский район		
1.	Обдорек	284	
2.	Аксарка	188	47
	Всего	472	118
	Шурышкарский район		
3.	Кушеват	184	46
4.	Питляр	144	36
	Всего	328	82
	Сургутский район		
5.	Покур	81	21
6.	Локосово	117	30
7.	Черный Мыс	282	71
8.	Сармисский	63	16
9.	Высокый Мыс	134	34

⁵ Алексеева, Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера... С. 30.

⁶ См.: Прибыльский, Ю. Спецпереселенцы // Тюменская правда. 1988. 14 дек.

⁷ См.: Ф. 107. Оп. 1. Д. 14. Л. 80.

1	2	3	4
10.	Зарсем	234	59
11.	Лямшо	50	13
12.	Башос	70	18
	Всего	1031	262

Сведения, приведенные в таблице, позволяют установить количество семей в Обдорском, Шурышкарском и Сургутском районах округа — 1831, т.е. приблизительно можно говорить об увеличении этой цифры в пять раз.

Таблица 2

Дислокация поселков⁸

№	Наименование округов, районов, стройучастков и поселков	Домов по плану	Число квартир в доме	Число семей в пос.
	Остяко-Вогульский округ			
	Мууский район (работу ведет Обдорск. стройуч.)			
1.	Питлур	36	4	144
2.	Кушеват	46	4	184
	Березовский район и стройучасток			
3.	М. Сосьна	11	4	44
4.	Устрем	16	4	64
5.	Иничисом	36	4	144
6.	Авентур	16	4	64
7.	Майтал мыс	18	4	72
8.	Усть-Лопарь	12	4	48
9.	Перегребное	103	4	412
10.	Быстрый бык	80	4	320
11.	Алдра	28	4	112
12.	Большой камень	18	4	72
13.	Осиновка	33	4	132
14.	Нячин	5	4	20
15.	Подгорная	62	4	248
16.	Половинка	25	4	100
17.	Карым-Кара	42	4	168
	Самаровский район и стройучасток			
18.	Самарово	21	4	84

⁸ Докладная записка председателю правления «Союзрыба» тов. Лежава А.М. С.и.: Ф. 107. Оп. 1. Д. 14.

Исходя из сведений данной таблицы, можно сделать вывод о количестве семей спецпереселенцев в других районах округа — 2432 семьи. Причем в этом же документе говорится: «...Точное количество переселенцев, находящихся в госрыбтресте, установить не удалось, ибо имеющиеся у нас данные о 3203 семействах неверны. Имеются сведения о том, что ГПУ Урала перебросило тресту добавочно четыреста семей»⁹.

По данным таблиц можно сделать вывод, что по районам Остяко-Вогульского округа количество семей на первом этапе ссылки насчитывалось — 4663 семьи.

Безусловно, наиболее полную картину численности спецпереселенцев в Остяко-Вогульском округе дает отчет начальника Остяко-Вогульского окротдела ОГПУ Петрова о трудовом использовании спецпереселенцев в Остяко-Вогульском округе за 1932 год, представленный в таблице 3.

Из таблицы следует, что уже к 1932 году количество поселков увеличилось до 56, в которых проживало 6459 семей или 30243 человека, из них по половозрастному составу:

- мужчин (взрослых): 9545 человек;
- женщин (взрослых): 9296 человек;
- детей (до 16 лет): 11402 человека.

Следовательно, доля детей в среде ссыльных достигала почти 70%.

Из сведений по количеству спецпереселенцев следует, что занято на работах — 10378 человек, из них:

- мужчин (взрослых): 6951 человек;
- женщин — 2445 человек;
- подростков (до 16 лет): 971 человек.

Другой документ, отчет: «Работа по охране материнства и младенчества по Остяко-Вогульскому округу», дает сведения о количестве детей спецпереселенцев дошкольного возраста по состоянию на 1 октября 1933 года: «...Окружным планом на 1933 год намечено открытие детских по округу 88 из них 30 постоянных и 58 летних с охватом 2645 детей, в том числе детей спецпереселенцев — 608...»¹⁰.

По районам округа количество детей дошкольного возраста выглядело следующим образом: Самаровский район — 179 чел.; Сургутский — 45 чел.; Кондинский — 99 чел.; Березовский — 225 чел.; Шурышкарский — 60 чел.¹¹

⁹ См.: Ф. 107. Оп. 1. Д. 14.

¹⁰ См.: Там же. Д. 53. Л. 51.

¹¹ Там же.

Таблица 3

Таблица трудового использования спецпереселенцев¹²

Всего расселено

Занято на работе

Наименования предприятий	Кол-во пос.	Семей	Всего	В том числе			Всего	В том числе		
				Взрослых	Взрослых женщин	Детей до 16 лет		Мужчин	Женщин	Подростки до 16 лет
Самаровский район										
Леспромхоз	9	1112	5267	1587	1654	2026	1477	1103	265	109
Рыбрест	1	76	387	114	139	134	127	75	36	16
Интеграл Союз	—	95	497	152	132	213	153	43	15	84
Итого по району	10	1283	6151	1853	1925	2373	1757	1221	316	209
Березовский район										
Рыбрест	15	1822	8881	2364	2614	3503	3230	2086	726	418
Леспромхоз	5	341	1690	477	539	674	576	391	142	43
Итого по району	20	2163	10571	3241	3153	4177	3806	2477	868	461
Сугутекский район										
Леспромхоз	10	926	4040	1343	1266	1431	1216	939	202	75
Рыбрест	8	1095	4772	1561	1451	1760	1726	1064	514	148
Итого по району	18	2021	8812	2904	2717	3191	2942	2003	716	223
Кондинский район с/х Колонизация										
Итого по району	6	703	3241	1113	1078	1050	1469	930	479	60
Итого по району	6	703	3241	1113	1078	1050	1469	930	479	60
Шурьшакарский р-н										
Рыбрест	2	289	1468	434	423	611	404	320	66	18
Итого по району	2	289	1468	434	423	611	404	320	66	18

¹² Ф. 107. Оп. 1. Д. 24. Л. 36.

В 1933 году ссылка продолжалась с новым размахом. Это был третий период крестьянской ссылки на Обь-Иртышский Север. Л.В. Алексеева приводит следующие количественные данные по Уральской области: «...на 1 января 1933 года на учете стояли 365539 человек. В 1933 году в область прибыли 33920 человек»¹³. Однако эти данные по Уральской области. Сколько спецпереселенцев попало на север Западной Сибири, а именно в Остяко-Вогульский округ, установить не удалось. Следовательно, предприятия исследования необходимо продолжать.

Докладная записка «О трудовом использовании спецработцы по системе Уралоблестреста и Лесоисполсоюза начальнику ОСП ПП ОГПУ по Уралу тов. Черепанову по состоянию на 1 ноября 1932 г. дает данные по количественному использованию спецпереселенцев в производственной сфере Остяко-Вогульского округа: «...За системой рыбной промышленности закреплено в целом по округу 3212 семей, 15055 чел., из которых взрослого населения — мужчин 4758 чел., женщин — 4542 чел., подростков: детей до 16 лет — 5755 чел. Из числа взрослого населения нетрудоспособных инвалидов — стариков, которые не могут быть использованы на работах рыбной промышленности и внутри на хозяйственных работах: мужчины — 853 чел., женщины — 1282 чел. Вполне трудоспособных мужчин и женщин в системе рыбной промышленности — 7165 чел.

За Самаровским, Сургутским и Березовским ЛПХ закреплено спецпоселения 2342 семьи, 10987 чел. Взрослого населения: мужчины — 3404 чел., женщины — 3413 чел., детей-подростков до 16 лет — 4178 чел. Из числа взрослого населения нетрудоспособных стариков-инвалидов — 935 чел., женщины — 1314 чел. Вполне трудоспособных мужчин и женщин, могущих быть использованными на работах лесной промышленности и внутрихозяйственных; — 4168 чел.

В Кондинском районе по линии сельхозколонизации, после вывоза части малосемейных, с большим числом трудоспособных осталось спецпоселения 378 семей, 1594 чел. Из них взрослых: мужчины — 503 чел., женщины — 536 чел., детей-подростков до 16 лет — 553 чел. Из числа взрослого населения нетрудоспособных стариков-инвалидов: мужчины — 224 чел., женщины — 229 чел. Вполне здоровых и могущих быть использованными на работах в промышленности — 605 чел.

Кроме этого в 1930–1931 г. передано на строительство кирпичного завода по системе интегралсоюза 95 семей, 497 чел. Взрослого населения:

¹³ См.: Алексеева, Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 гг.: Национально-государственное строительство и население. Нижневартовск, 2002. С. 200.

мужчин — 152 чел., женщин — 132 чел., детей-подростков — 213 чел. Из числа взрослого населения стариков-инвалидов: мужчины — 36, женщины — 64, всего трудоспособных, могущих быть использованными на работах промышленности, — 184 чел.

С пароходом «Чулым» в барже прибыло нового подъема 261 семья, 923 человека...

Кроме нового подъема по округу имеется вполне трудоспособных и могущих быть использованными на работах госпромышленности, сельхозколониации: мужчины — 5590 чел., женщины — 5423 чел., кроме подростков от 14 до 16 лет. По данным сведениям хозяйственных организаций и поселковых комендантов, не используется взрослого населения: мужчины — 6659 чел., женщины — 3869 чел., подростков до 16 лет — 1139 чел., всего 11667 чел.

Использование рабсилы по линии рыбпромыслов в Березовском, Сургутском и Шурылыкском районах ко всему наличию спецрабсилы, которая закреплена за промыслами, используется трудоспособных: мужчины — 3905 чел., женщины — 3263 чел., кроме подростков от 14 до 16 лет, которые по учету входят в число детей, а используются на работах, по данным учета промыслов: мужчины — 3687 чел., женщины — 2255 чел., подростков — 681 чел. Неиспользуется вполне трудоспособной рабсилы, не включая подростков, 1166 чел., т.е. ко всему наличию рабсилы, закреплённой за рыбпромыслами, не занято на работах вполне взрослого населения женщин 1008 чел. По линии ЛПХ всего имеется трудоспособной рабсилы:

	Трудоспособ. взрослых		Используется		
	муж.	жен.	муж.	жен.	подростк.
Самаровский ЛПХ	1085	878	1242	543	191
Березовский ЛПХ	372	364	372	172	59
Сургутский ЛПХ	1011	857	1222	810	178
Итого	2468	2099	2899	1525	423

Рабочие, занятые на кирпичном производстве, всего взрослого населения 284 чел., а работает 256 чел., не используются старики и детские многосемейные женщины»¹⁴.

Как уже отмечалось, крестьянская ссылка — это ссылка не только взрослого населения. Отчетный документ «Работа по охране материнства

¹⁴ См.: Ф. 107. Оп. 1. Д. 24. Л. 43.

и младенчества по Остяко-Вогульскому округу» дает нам количественную характеристику детей спецпереселенцев дошкольного возраста по состоянию на 1 октября 1933 г.: «...Окружным планом на 1933 год намечено открытие детских по округу 88 из них 30 постоянных и 58 летних с охватом 2645 детей, в том числе детей спецпереселенцев — 608...

По районам:

Самаровский район — 179 чел.; Сургутский — 45 чел.; Кондинский — 99 чел.; Березовский — 225 чел.; Шурышкарский — 60 чел.»¹⁵

В 1933 году ссылка продолжалась с новым размахом. Это был третий период крестьянской ссылки на Обь-Иртышский Север. Л.В. Алексеева приводит следующие количественные данные по Уральской области: «...на 1 января 1933 года на учете стояли 365539 человек. В 1933 году в область прибыло 33 920 человек»¹⁶. Однако эти данные по Уральской области. Сколько спецпереселенцев попало на север Западной Сибири, а именно в Остяко-Вогульский округ, установить не удалось. Следовательно, предпринятые исследования необходимо продолжать.

¹⁵ См.: Ф. 107. Оп. 1. Д 53. Л. 51.

¹⁶ См.: Алексеева, Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 гг.: Национально-государственное строительство и население. Нижневартовск, 2002. С. 200.

Л.В. Алексеева, С.Л. Бабушкина

Проблема обеспечения рабочими кадрами на первоначальном этапе освоения Западно-Сибирской нефтеносной провинции (1960-е гг.)

Кадровая проблема, как и во всяком новом промышленном районе, была самой острой. На Тюменском Севере она усугублялась тяжелыми природно-климатическими условиями, слабой освоенностью территории, отсутствием дорог и в целом социальной инфраструктуры. Н.М. Пашков в числе факторов, осложнявших работу по формированию кадрового потенциала, называл огромную территорию, малочисленность населения, образование новых коллективов и их многочисленность, отсутствие нормальных жилищных, бытовых, социокультурных условий¹. Сложность решения кадровой проблемы на Севере, по мнению В.П. Карпова, заключалась в том, что:

- 1) осваиваемая территория характеризовалась малочисленностью населения, плотность которого к началу создания ЗСНГК была ниже в 38 раз, чем в среднем по РСФСР;
- 2) почти все население по роду своей деятельности не имело прежде никакого отношения к добыче нефти и газа;
- 3) комплектование и подготовку кадров приходилось осуществлять в условиях массового образования новых производственных коллективов и быстрого роста их численности².

С вышеуказанными факторами следует согласиться, однако нельзя не учитывать не только плохое развитие социальной сферы, оказывавшей сдерживающее влияние на переселение людей на Север, но и в целом ее запущенный характер.

Приток большого числа нефтяников и газовиков, представителей других отраслей требовал немедленного строительства объектов производствен-

¹ Пашков, Н.М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964–1980. Томск, 1988. С. 88–89.

² См.: Карпов, В.П. «Третье Баку». Формирование и развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в 1960–90-е гг. // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 2001. Тюмень, 2002. С. 224.

ной и социальной инфраструктуры. Между тем комплексной схемы застройки Тюменского Севера так и не было разработано. Ведомственный подход выражался в самовольном строительстве, которое получило массовый характер³. Отсутствие надлежащих бытовых условий порождало временщиков. Желание побыстрее заработать на «северах» и вернуться на родину, постоянная текучесть кадров⁴, — типичная проблема тех лет, отмечаемая всеми известными нам исследователями.

Весной 1964 г. авиатранспортом в районы нефтедобычи были доставлены первые партии рабочих и служащих. Прибывшие разместились в палатках, приступили к вырубке тайги, строительству причалов для предстоящего приема грузов. Много зависело в тех условиях от субъективного фактора, т.е. конкретного руководителя. Так, например, первый начальник нефтепромышленного управления «Метгонефть» Борис Иванович Осипов старался по максимуму решать в тех условиях вопросы быта, чтобы удержать рабочие кадры⁵. Были среди первых нефтяников и представители коренных народов Севера, принимал на работу их сам Григорий Иванович Норкин⁶ — первооткрыватель Метгонского, Самотлорского и других нефтяных месторождений Приобья⁷. Осенью 1964 г. в Нижневартовске в 5-м микрорайоне развернулась стройка. Здесь строили общежития и котельную. Работали, как указывал Ю. Кропачев — начальник КММУ-3 в 1964–1982 гг., бригады из Татарии и из условно освобожденных заключенных⁸. О начале своей работы в Сургуте оставил воспоминания Ф.К. Салманов. Он указал на трудности первого порядка: не было мастерской, кузницы, складов, не хватало людей. В первую очередь строили электростанцию, пилораму и блок питания, затем баню и жилье⁹.

Большую роль в формировании кадров нефтегазодобывающей промышленности сыграл комсомол. М.С. Горбачев весьма высоко отзывался

³ См.: Джикирба, Р.Л.: О региональных особенностях ведомственности в условиях нового промышленного освоения // Проблемы истории регионального развития: население, экономика, культура Урала и сопредельных территорий в советский период. Екатеринбург, 1992. С. 84–85.

⁴ Текучесть кадров — показатель, характеризующий стабильность, закрепленность кадров на предприятии. См.: Экономический словарь-справочник. М., 1985. С. 197.

⁵ См.: Местное время. 2002. 1 мая.

⁶ См.: Города нашего края. Свидетельство о рождении. Урай, Нефтеюганск, Лабганганги, Новый Уренгой, Метнои, Полярск. Свердловск, 1988. С. 148.

⁷ См.: Козлов, В. Первопроходцы. Екатеринбург, 2003. С. 494.

⁸ См.: Годы созидания // Югра. 2005. № 8. С. 20–21.

⁹ См.: Салманов, Ф.К. Сибирь — судьба моя. М., 1988. С. 69.

о роли молодежи и комсомола в освоении нефтеносной провинции¹⁰. В июне 1966 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «Об общественном призыве молодежи на важнейшие стройки пятилетки»¹¹. Комсомольцы и молодежь страны активно откликнулись на призывы. ЦК ВЛКСМ направлял их прежде всего на Всесоюзные ударные комсомольские стройки. К числу важнейших из них относился нефтегазовый комплекс Западной Сибири. В связи с обнаружением Самотлора и перспективами по его освоению Нижневартовск был объявлен комсомольской стройкой¹² в марте 1965 г. Уже в 1966 г. на предприятия Главтюменнефтегаза прибыл первый отряд добровольцев численностью свыше 800 человек, а в целом за восьмую пятилетку сюда было направлено по комсомольским путевкам 20 тыс. человек¹³.

На примере Главтюменнефтегазстроя видно, с каким трудом решались кадровые проблемы. Главк образован в 1965 г. Он создал свои строительные управления, а затем преобразовал их в тресты. Вспоминает главный инженер Главтюменнефтегазстроя Ю.П. Баталин: «Особенно нелегко пришлось формировать кадры строительных организаций. На первых этапах удалось привлечь из других регионов всего до 500 человек рабочих и специалистов. Пришлось использовать все возможные тогда варианты: вербовка рабочих, организация лагеря заключенных в Сургуте и Локосово, привлечение условно освобожденных, а затем и условно осужденных»¹⁴. Он подчеркивал, что большую помощь оказали общественные призывы, ставшие в последующем опорой главка.

В первый год восьмой пятилетки 809 человек прибыли по комсомольским путевкам на предприятия Главтюменнефтегазстроя. Всего за пятилетку сюда направили 9,2 тыс. юношей и девушек¹⁵. Ю.П. Баталин говорил о том, что специалисты и руководители боялись ехать на Север не только из-за различного рода трудностей, но и опасались попасть под суд за порчу материалов, брак в работе, из-за несчастных случаев, т.к.

¹⁰ См.: Горбачев, М.С. Избранные речи и статьи. М., 1987. С. 236.

¹¹ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1977. Т. 6. С. 118–119.

¹² Ударная комсомольская стройка — важнейший народно-хозяйственный объект, строительство которого предусматривалось решениями съезда КПСС, над осуществлением которого осуществлял шефство Ленинский комсомол. См.: Экономический словарь-справочник. М., 1985. С. 211.

¹³ См.: Коммунисты Западной Сибири. Тюмень, 1967. С. 203.

¹⁴ Баталин; Ю.П. Воспоминания и взгляды // www.rosngs.ru

¹⁵ См.: Пашков, И.М. Указ. соч. С. 91.

строительство велось неквалифицированными рабочими¹⁶. В 1970 г. в главке трудилось 27 тыс. человек, из них 4800 — управленцы¹⁷.

Участие студенческих стройотрядов в обустройстве нефтяных месторождений Западной Сибири в 1960-х гг. — тема особой значимости. Немногие сейчас могут представить те невероятные трудности, с которыми в первые годы пачала освоения нефтяных месторождений в Западной Сибири встретились нефтяники, буровики, строители. Довольно суровый климат, полное бездорожье, очень короткая навигация, отсутствие жилья, бытовой инфраструктуры. И, конечно, очень трудно было работать первым строительным подразделениям на Севере Тюменской области. Привлечение студенческих отрядов стало характерной чертой кадровой политики тех лет. Главки с самого начала развертывания студенческого движения тесно взаимодействовали с ЦК комсомола, который взял шефство над стройкой в г. Нижневартовске и другими объектами. Каждое лето студенты приезжали в Нижневартовск, Урай, Сургут и другие города Севера¹⁸. В последующие годы Главтюменнефтегаз с ЦК комсомола широко практиковал комсомольский призыв. На Украине, в Молдавии и в других западных областях СССР с занятостью населения были проблемы, большое количество людей оттуда охотно ехали в Сибирь на заработки и за романтикой.

Первый студотряд прибыл в Тюменскую область в составе 1600 человек летом 1965 г.¹⁹ По другим данным, первый студенческий отряд состоял из 1300 студентов, представлявших 9 городов СССР²⁰. За сезон он выполнил работ почти на 4 млн. рублей, соорудив более 100 производственных и жилищно-бытовых объектов. Особенно важную роль ССО сыграли в обустройстве месторождений в первые годы освоения, когда предприятия переживали трудный период организационного становления. В 1966–1967 гг. на предприятиях Главтюменнефтегазстроя в летний период трудилось 6,5 тыс. студентов.

В год 50-летия Октябрьской революции (1967 г.) уже более 8 тыс. студентов 83 вузов РСФСР и Украины работало на стройках комплекса. Они построили 547 объектов, освоив около 22 млн. рублей капиталовложений. В последующие годы, как указывал Н.М. Пашков, члененность

¹⁶ См.: Баталин, Ю.П. Указ. соч.

¹⁷ См.: Там же.

¹⁸ См.: Молодежь и время. Сб. док и материалов по истории молодежных движений Тюменской области. 1917–1985 гг. Тюмень, 1993. Ч. 3. С. 3.

¹⁹ Нефть и газ Тюмени в документах. 1901–1965. Свердловск, 1971. Т. 1. С. 427.

²⁰ См.: Молодежь и время... С. 3.

студенческих строительных отрядов на стройках комплекса составляла ежегодно 18–20 тыс. человек²¹.

Начиная с 1965 года и за последующие 5 лет бойцами студенческих строительных отрядов было освоено 100 млн. руб. капиталовложений — подчеркивалось в постановлении бюро ЦК ВЛКСМ от 31 декабря 1969 г. «О задачах комсомольских организаций Тюменской области по дальнейшему повышению роли молодежи в освоении нефтяных и газовых месторождений»²². Ю.П. Баталин отмечал, что в Тюменскую область направлялось около половины Всесоюзного студенческого отряда²³. Важность и необходимость студенческих строительных отрядов была обусловлена целым рядом моментов. Высокие темпы развития нефтедобывающей и газовой промышленности требовали значительного увеличения числа работающих в этих отраслях и, как следствие, затрат на собственное обустройство. Студенческие отряды, приезжая на 2–3 месяца, не требовали для себя стационарного жилья и особых удобств. Все то, что они строили, до последнего квадратного метра доставалось жителям северных городов и поселков. Небольшой рост численности строительных организаций для выполнения повышенного объема работ требовал значительного увеличения годовых запасов продовольствия, в которых студенческие строительные отряды нуждались только летом, когда наличие водного транспорта позволяло доставлять продукты в нужном количестве.

Объемы освоения, выработка норм производства на одного бойца отряда оставались высокими, четкая организация труда, слаженная дисциплина и их самоотверженность были значительно выше тех, которые планировались строительными подразделениями. «Студенты работали по три смены, были неутомимыми в стремлении выйти победителями в социальстическом соревновании, затеянном ими между ССО и комсомольско-молодежными коллективами местных строительных организаций. Так, в 1966 году за один трудовой семестр львовскими студентами была построена школа на 536 мест в Сургуте»²⁴. Учитывая тот факт, что затраты на обустройство людей в районах Севера составляли довольно большую цифру в Среднем Прпобье — около 20 тыс. руб. на одного человека²⁵, становится

²¹ См.: Панков, Н.М. Указ. соч. С. 91.

²² См.: Документы ЦК ВЛКСМ. 1969. М., 1970. С. 566.

²³ См.: Баталин, Ю.П. Воспоминания и взгляды // www.rosngs.ru

²⁴ Карношкин, В. Комсомол — шеф Западной Сибири. М., 1981. С. 138.

²⁵ См.: Будьков, С.Т. Тюменский меридиан: ресурсы, проблемы, перспективы. Свердловск, 1982. С. 20.

попятной эффективности участия студенческих отрядов в обустройстве северных районов.

Годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) ознаменовались для ССО важнейшим событием — было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению организации и повышению эффективности летних работ студентов». Новым шагом в совершенствовании работы отрядов на Тюменском Севере стали годы девятой пятилетки. За это время увеличилась их численность, расширилась дислокация. Людями, которых ждали и на помощь которых рассчитывали, были львовяне в Сургуте, киевляне в Нижневартовске, допетские студенты в Нефтеюганске.

Начало освоения нефтегазовых месторождений Севера Тюменской области сопровождалось проблемами в организации культурно-массовой, физкультурной работы, нравственном воспитании молодежи. Студенческие отряды в этом плане оказывали неоценимую помощь, являясь не только организаторами мероприятий, но и примером отношения к своим обязательствам. Только летом 1969 г. лекторскими группами отрядов было прочитано лекций, проведено бесед, чтений более 2500; 61 студенческая агиткультурбригада 750 раз говорила со сцены «Добрый вечер, дорогие друзья»²⁶. Такие формы работы, как создание бюро добрых услуг, пунктов «Спасибо», консультационных пунктов «Абитуриент», получали хорошие отзывы.

Значимость, ценность студенческого движения состояла в том, что для всех бойцов участие в отрядах являлось подлинной школой жизни. В 1966 году во главе студенческого отряда Харьковского университета прибыл в п. Урай молодой инженер-строитель Анатолий Мандриченко. Зарекомендовав себя умелым организатором, грамотным специалистом, он вскоре возглавил специальное молодежное управление, построенное на новом месте поселок Светлый. В основу нового управления легли традиции студенческих строительных отрядов. «Только молодежь, не обремененная семьей, домом, с характерной для нее непринхотливостью к временным бытовым неурядицам, способна была успешно сыграть роль пионеров в освоении Севера»²⁷, — вспоминал Анатолий Мандриченко.

Использование студенческих отрядов Тюменской области давало наибольший экономический эффект по сравнению с другими территориями. Объемы освоения, выработка на одного бойца отряда здесь были самыми высокими. Это заставляло инженеров, техников, руководителей СУ и СМУ искать и приводить в действие имеющиеся резервы, улучшать орга-

²⁶ См.: Нефтяная эпопея Западной Сибири. М., 1995. С. 145.

²⁷ Карношкин, В. Комсомолец... С. 139.

низацию труда, снабжение и добиваться повышения производительности труда всех рабочих. Положительный пример отрядов и в этом плане дал значительный экономический эффект.

Обеспечение растущей потребности производства в нефтяной промышленности в первую очередь шло за счет привлечения кадров из других районов страны. И дело тут не только в том, что новые отрасли хозяйства требовали специалистов, которые раньше вообще отсутствовали в регионе (это, например, буровики или операторы по добыче нефти и газа, подготовку которых можно было организовать на месте), но и в том, что молодежи трудоспособного возраста в Тюменской области было явно недостаточно, и в особенности на ее севере.

В 1964–1967 гг. в системе Главтюменнефтегаза было создано 90 предприятий и организаций с числом работающих свыше 20 тыс. человек. В составе Главтюменнефтегазостроя в эти годы организовано 2 специализированных, 7 строительных трестов, 28 строительно-монтажных управлений, в которых работало 20,8 тыс. человек. В связи с ростом объемов геологоразведочных работ Тюменское геологоуправление организовало в эти же годы в Ямало-Ненецком округе 2 треста, 7 нефтеразведочных экспедиций, строительное управление. С 12 до 18 тыс. выросла численность геологов²⁸.

Основу трудовых коллективов первых лет освоения составили тысячи квалифицированных рабочих и специалистов из старых нефтяных районов страны: Башкирии, Татарии, Поволжья и других. В 1965 г. среди 20 тыс. человек, работающих в нефтегазовой промышленности Тюменской области, посланцы этих районов составляли 90%. В новый нефтегазодобывающий район по призыву партии ехали не только отдельные рабочие и специалисты, но и целые производственные коллективы. Уже в 1964 г. прибыли в Тюмень в полном составе 7 буровых и вышкомонтажных бригад. Среди приславших в первые годы освоения нефтяной целины были бригады Р.Х. Алярова, Я.С. Ваганова, Г.М. Левина, Н.И. Литовченко, Г.К. Петрова, Л.Г. Тимченко, А.Д. Шашина²⁹. Кадры, прибывшие из старых нефтяных районов, стали ядром формирования молодых коллективов. Из воспоминаний Г.М. Левина следует, что его бригада приехала по приглашению В.И. Муравленко, который, возглавив Главтюменнефтегаз, «собирал» бригады для Севера по всей стране³⁰.

²⁸ См.: Пашков, Н.М. Указ. соч. С. 89.

²⁹ См.: Сибирская нефть / под ред. В.И. Муравленко, В.И. Кремнева. М., 1977. С. 192.

³⁰ См.: А жизнь идет напористо, активно // Югра. 2003. № 7. С. 20–22.

Н.М. Папков отмечал, что лишь небольшое количество квалифицированных рабочих и специалистов прибыло в районы нового промышленного освоения в порядке перевода или по оргнабору. В 1965 г. на эти формы комплектования кадров в Главтюменнефтегазстрое приходилось, по его данным, соответственно 6,5 и 4–6%. Н.М. Папков придерживался мнения, что они не играли существенной роли и в последующие годы, хотя количество специалистов несколько возросло. В 1966 г. на предприятия Главтюменнефтегазстроя по оргнабору было принято около 30%, а в 1970 г. лишь 14% рабочих, в порядке перевода, преимущественно с предприятия на предприятие в системе главка, соответственно 1,7 и 2%. В Тюменгазпроме удельный вес принятых по оргнабору в начале восьмой пятилетки составил 14%, в конце — уже не использовался. Прием в порядке перевода, главным образом внутри объединения, также сократился в 1966–1970 гг. с 29 до 21%. Наоборот, прием самими предприятиями возрастал. В Главтюменнефтегазстрое он увеличился в годы восьмой пятилетки с 44 до 80%, Тюменгазпроме соответственно с 59 до 76%. Он осуществлялся за счет людей, прибывших на освоение месторождений в порядке личной инициативы. В объединении Тюменнефтегаз с первых дней его организации ежедневно прибывали десятки людей, приходило до 300 запросов о возможности приема на работу³¹. Хотя многие рабочие приезжали из других районов страны, однако уже в 1966–1969 гг. основную массу работающих — 45,8%, а в последующие годы — более 60%, составляли выходцы из областей Западной Сибири, хотя многие из них не имели нужных специальностей³².

Проблему трудовых ресурсов на первоначальном этапе попытались решить за счет высылки из г. Москвы неблагонадежных в социальном плане лиц, что способствовало очистке столицы от девиц легкого поведения и лиц без определенного места жительства. Вспоминает Т.А. Осипова (г. Нижневартовск): «Осенью 1965 г. к нам из Москвы направили бомжей и проституток. Сверху каждому предприятию была спущена разрядка по их приему. Только после посещения Нижневартовска первым секретарем ЦК ВЛКСМ Тяжелыниковым наплыв из Москвы асоциальных личностей прекратился»³³.

В 1964–1966 гг. около половины всех рабочих на северных стройках составляли лица, условно освобожденные из неправительственно-трудовых колоний, а также осужденные. В частности, в Сургуте на строительстве

³¹ См.: А жизнь идет панористо, активно... С. 90–91.

³² См.: Там же. С. 91.

³³ Местное время. 2002. 1 мая.

домостроительного комбината была большая колония — более 2000 человек, немного работало из указанной категории в Нижневартовске. Большая зона была на Ямальском Севере, в районе Лабьгтнапог. Там давно функционировала колония строгого режима для каторжан. Осужденные вначале разрабатывали карьеры по добыче камня, а потом производили железобетонные изделия³⁴. К середине 1970-х гг., как указывает В.П. Карпов, использование труда заключенных на обустройстве месторождений было сведено до минимума. Однако факты говорят об обратном. Участники событий тех лет в своих воспоминаниях отмечают использование труда осужденных вплоть до начала 1980-х гг.³⁵ Ш.А. Такташев, проработавший в строительном управлении № 12 г. Мегнона около 20 лет, отмечал, что в СУ-12 в 1970-х гг. работало до 2 тысяч рабочих, из них 500–600 человек условно осужденных³⁶, т.е. четвертая часть всех рабочих.

Вот основные рабочие профессии, требовавшиеся на нефтепромыслах: бурильщик эксплуатационного и разведочного бурения на нефть и газ (необходимо было общее среднее или специальное образование), вышкомотажники, машинисты-дизелисты буровых установок, слесари по обслуживанию буровых, машинисты котельных установок, операторы по добыче нефти и газа, бурильщики капитального ремонта скважин и их помощники, электросварщики, шоферы, строители, повара. Тутни паскомых буквально «съедали» буровиков, не давали работать. На борьбу с гнусом были мобилизованы специальные санитарные отряды Минздрава СССР, в Гипротюменнефтегазе были созданы специальные отделы по борьбе с гнусом. Чехи, побывавшие в составе делегации СЭВ на Тюменском Севере, прислали через несколько месяцев после поездки тюменцам большой ящик специального препарата для борьбы с комарами, который называли «Ангитюмень»³⁷.

На предприятиях Главтюменнефтегаза почти половину рабочих составляла молодежь. Можно представить, как много заботы требовала подготовка и повышение квалификации рабочих от руководителей предприятий³⁸. В семи учебно-курсовых комбинатах главка и на производстве повышали свою квалификацию и овладевали профессиями нефтяников тысячи молодых рабочих. Учебно-курсовые комбинаты к началу 1970-х гг.

³⁴ См.: Нефтяная эпопея Западной Сибири. М., 1995. С. 84.

³⁵ Записано С.Л. Бабушкиной со слов А.Б. Бабушкина 10 декабря 2004 г.

³⁶ См.: На своей планете // Югра. 2005. № 9. С. 40.

³⁷ См.: Карпов, В.П. «Третье Баку»... С. 224.

³⁸ См.: ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 1504. Лл. 84–103.

располагали необходимым оборудованием и учебно-наглядными пособиями, а также хорошими кадрами преподавателей, мастеров и инструкторов производственного обучения — все это давало возможность вести обучение на высоком уровне. В каждом учебно-курсовом комбинате наряду с техническими были оборудованы кабинеты по изучению основ экономики.

В 1967 г. был организован УКК НГДУ «Юганскнефть». Это был период начала освоения Усть-Балыкского месторождения, организации новых предприятий, интенсивного роста числа рабочих различных профессий, большой процент вновь принимаемых не имели профессиональной квалификации, поэтому они сразу же направлялись в УКК на обучение³⁹. Первоначально УКК не имел своего помещения, занятия проходили прямо на рабочем месте. Такую подготовку нельзя было признать качественной. Этот нежелательный фактор являлся закономерным в период начала освоения месторождения⁴⁰.

В нефтяную промышленность Сибири ежегодно приходило много выпускников школ и воинов, демобилизованных из рядов Советской армии. В октябре 1964 г. на нефтяную целину прибыло 950 человек. В 1965–1980 гг. только в строительные организации Главтюменнефтегазстроя было направлено по комсомольским путевкам около 5 тыс. воинов⁴¹. Вспоминает Юрий Петрович Баталин⁴²: «Люди в основном крепкие, работающие, в большинстве профессионалы. Мы стали поступать таким образом: в строительных бригадах западных трестов Газпрома устраивали специальные школы для желающих поехать в Тюмень, потом формировали из них бригады. Они приобретали профессию, сплачивались в коллектив и затем, относительно подготовленные, направлялись в Тюмень. Кроме того, мы давали объявления в газетах, по телевидению, посылали гонцов по городам и т.д. От системы вербовки мы почти отказались. Очень большую работу по агитации мы проводили в воинских частях. Тех, кто соглашался ехать на стройку, несколько раньше демобилизовывали. Очень многие из них потом закрепились в Тюмени, особенно пограничники. Таким образом, система формирования кадров была очень разнообразная, ее было сложно организовать, но зато ускорило создание коллективов. Мы развернули широкомасштабное обучение

³⁹ См.: ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 1504. Л. 104.

⁴⁰ См.: Там же. Л. 105.

⁴¹ См.: Пашков, Н.М. Указ. соч. С. 91.

⁴² Ю.П. Баталин — ранее главный инженер Главтюменнефтегазстроя, ранее председатель Госстроя СССР, заместитель Председателя Совета Министров СССР.

кадров нефтепромысловому строительству, принципам организации в сложных климатических условиях. Я проводил курсы для аппарата главка, систематические семинары для руководителей трестов и строительных управлений с показом каких-то строек»⁴³.

Энтузиазм молодых было необходимо направлять в нужное русло, для этого назначали наставников. На предприятиях Главтюменнефтегаза наставниками молодых стали опытные руководители, инженерно-технические работники. Среди добровольцев, направленных по комсомольским путевкам в восьмой—девятой пятилетках, 65–80% не имели специальностей, нужных для данного района⁴⁴. В тех условиях весьма широко применялось наставничество. В.И. Муравленко вспоминал: «В коллективах нефтяников всегда есть чему поучиться. Старательно, терпеливо посвящает новичков в свою профессию токарь нефтегазодобывающего управления «Шанинефть» В.М. Тимофеев. Когда в бригаду приходит молодой производственник, наставник старается понять его характер, тактично помогает ему освоиться в коллективе. Потому так непринужденны, откровенны всегда со своим другом молодые рабочие в делах и беседах о работе, учебе, досуге. Каждый из его подопечных знает: поступив в бригаду В.М. Тимофеева, он может рассчитывать на помощь, поддержку, дружеское участие старшего по возрасту и трудовому опыту товарища. Работа с молодыми производственниками не ограничивается заботой о повышении их производственной квалификации, учебе. Большинство молодых рабочих живет в общежитиях (а их в системе главка 120). Поэтому руководители предприятий считают обетановку в общежитии не менее важным, чем на производстве, воспитательным фактором»⁴⁵.

В качестве основного метода привлечения рабочей силы извне на этапе первоначального освоения использовался оргнабор (в том числе путем перевода). Он оставался одним из ведущих каналов обеспечения трудовыми ресурсами нефтегазодобывающих отраслей. При заключении срочного трудового договора с лицом, принятым на работу, выплачивалось единовременное пособие в размере двухнедельного оклада по новому месту работы — в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к ним⁴⁶.

⁴³ Нефтяная эпопея Западной Сибири. М., 1995. С. 75.

⁴⁴ См.: Тюменский комсомолец. 1975. 28 дек.

⁴⁵ Сибирская нефть / под ред. В.И. Муравленко, В.И. Кремнева. М., 1977. С. 201.

⁴⁶ См.: Новицкий, А.Г. Общественные призывы // Население и трудовые ресурсы. М., 1990. С. 191.

Наряду с орглабором широкое распространение с начала формирования ЗСНГК получил общественный призыв, обращенный прежде всего к молодежи. Значительные масштабы он приобретал после объявления в 1965 г. «комплекса работ по освоению нефтяных и газовых месторождений Тюменской области» Всесоюзной ударной стройкой. Если в 1964 г. в Тюменскую область по комсомольским путевкам приехало более 2 тысяч воинов, уволенных в запас, то в 1969-м число приехавших по общественному призыву достигло 15 тысяч. География прибывающих по комсомольским путевкам была разнообразна: Татария, Башкирия, Украина, Азербайджан, Москва, Иваново, Краснодар⁴⁷.

Третьим каналом формирования трудовых ресурсов районов освоения являлся вольный наем. Он был также одним из основных источников комплектования рабочих кадров, ИТР и служащих, как отраслей специализации региона, так и обслуживающих, включая систему образования, здравоохранения, культуры.

В 1960-е годы на севере Западной Сибири стал применяться вахтовый метод (уже при разработке Правдинского, Мамонтовского, Шаньского нефтяных месторождений), но значительное распространение он получил с середины 1970-х годов. Такие исследователи вахтового метода, как П. Чечин, Р. Мамлеев, В. Сторожев, считают, что вахтовый метод был заимствован у нефтяников Татарии и Башкирии⁴⁸. Если в 1960-е годы он занимал в нефтедобывающей промышленности незначительный удельный вес и использовался только внутри региона, то во второй половине 1970-х — 1980-е годы изменились не только его объемы, но и характер. Одной из проблем применения вахтового метода во второй половине 1960-х гг. являлась доставка рабочих к месту работы. Единственно возможным транспорт в тех условиях — авиа. Для решения этой проблемы Миннефтепром в приказе от 17 февраля 1966 г. № 96 начальнику Главтюменнефтегаза В.И. Муравленко приказывал разработать график и мероприятия, обеспечивавшие вахтовые перевозки рабочих в нефтяных и газовых районах Тюменской области⁴⁹.

Проблемы формирования кадров осложнились не только объективными, но и субъективными факторами. Вспоминал, затрагивая кадровую политику, Александр Николаевич Филимонов — бывший начальник объе-

⁴⁷ См.: Гаврилова, И.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). Тюмень, 2002. С. 43.

⁴⁸ См.: Чечин П., Мамлеев Р., Сторожев В. Вахтовым методом. Свердловск, 1978. С. 24.

⁴⁹ Нефть и газ Тюмени в документах. 1966–1970. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 31.

дления «Урайнефтегаз»⁵⁰: «У начальника главка был подход к подбору кадров только по деловым качествам, по была номенклатура горкома КПСС, окружкома, обкома и даже ЦК КПСС. За долгие годы работы первым руководителем убедился, что лучшие первые руководители были из тех, кто имел собственное мнение и умел его отстаивать. Но такие люди, независимые по характеру, часто приходились не ко двору партийной элите. Грамотнейшие специалисты нашего главка попали в когорту «беспредельщиков», обозначенную лично Богомяковым Г.П., первым секретарем обкома, мечтавшим добывать из тюменских недр 500 млн. т нефти в год. Естественно, расправа с неудобными не замедлилась»⁵¹.

На рубеже 1960–1970-х гг. основной приток рабочей силы поступал на Саяногорск, т.е. в Нижневартовск. Здесь требовались представители, по сути, всех профессий.

Анализ структуры рабочих кадров, проведенный демографами, как указывает Н.Ю. Гаврилова, показал, что среди работников нефтегазодобывающей промышленности наиболее значительную группу в конце 1960-х — начале 1970-х годов составляли лица со стажем работы от 5 до 10 лет. У 20–25% общий стаж работы был менее 5 лет. Весьма незначительна была группа лиц со стажем работы 20 лет. Удельный же вес лиц со стажем работы более 20 лет был в 2–3 раза ниже, чем в целом по РСФСР. По уровню урбанизации ХМАО вышел на первое место в Сибири и на одно из первых мест в стране⁵².

Для периода 1960-х гг. была характерна острая нехватка кадров для всех сфер экономической жизни. В документах Тюменского обкома КПСС отмечалось, что особенно плохо дело обстояло с подбором кадров для работы в ОРСах, ЛПХ и нефтегеологии⁵³. Обком партии ставил в вину руководителям предприятий на местах, что они плохо занимались подготовкой кадров, предпочитая их выписывать из других районов страны⁵⁴.

Для первоначального этапа освоения было характерно значительное движение рабочей силы — сложного социально-экономического и биологического процесса, в результате которого изменяются количественные и качественные характеристики рабочей силы⁵⁵. Движение рабочей силы

⁵⁰ См.: Нефтяная эпопея Западной Сибири. М., 1995. С. 246.

⁵¹ См.: Карпова, Е. Застоя здесь никогда не было // Нефтяник. 2000. 21 июня.

⁵² См.: Мархинин, В.В., Удалова, И.В. Этнос в ситуации выбора будущего. Новосибирск, 1993. С. 23.

⁵³ См.: ГАОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2113. Лл. 2–11.

⁵⁴ См.: Там же. Л. 160.

⁵⁵ См.: Население и трудовые ресурсы. М., 1990. С. 70.

тесно переплеталось с территориальной и социальной мобильностью. Суровые природно-климатические условия, катастрофическая нехватка жилья, плохое снабжение продуктами, бытовые трудности при недостаточном внимании к ним со стороны руководителей для многих становились непосильным испытанием⁵⁶.

Н.Ю. Гаврилова выяснила, что половина вновь прибывших уезжала в течение первого года. Даже те, кто прижился на новом месте, имел перспективную работу, со временем уезжали, предпочитая устроиться на постоянное жительство или на малой родине, или в южных районах Союза. Поэтому уже в 1964–1970 гг. миграция в Ханты-Мансийском автономном округе (суммарное число приехавших и уехавших) составила почти 2 млн. человек и позднее оставалась очень высокой — до 200 тыс. человек ежегодно, что формировало у многих приехавших в округ представление о временном их пребывании на этой земле⁵⁷.

Для 1960-х гг. был характерен в целом низкий уровень квалификации рабочих кадров, что подчеркивалось в различных партийных документах, следствием низкой квалификации являлись технологические ошибки и аварии. В справке о работе парторганизации Березовской комплексной геологоразведочной экспедиции указывалось, что в числе основных причин аварий в 1960 г. — низкая квалификация кадров, особенно дизелистов и буровиков, а также несогласованность служб и подразделений⁵⁸.

В таком положении находились все экспедиции, работавшие на севере Западной Сибири. Например, Шаимская нефтеразведочная экспедиция почти не имела жилого фонда, комплект по кадрам составлял в 1960 г. 200 человек. Люди не задерживались надолго из-за тяжелых условий труда и быта⁵⁹. Персонал нефтеразведочной экспедиции жил в палатках не только летом, но и зимой, рабочие с семьями ютились в тесных балках без удобств, а также в землянках. Случались перебои с хлебом, поскольку собственной пекарни не имелось. Из-за пьянки работников, имели место случаи простоя буровых и невыход на работу⁶⁰.

С самого начала нефтяного освоения было очевидно, что кадры следует готовить на месте — в бригаде, через краткосрочные курсы. Еже-

⁵⁶ См.: ГАОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2003. Л. 14.

⁵⁷ См.: Гаврилова, Н.Ю. Социальное развитие... С. 54–75.

⁵⁸ См.: ГАОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2003. Л. 9.

⁵⁹ См.: Там же. Л. 14.

⁶⁰ См.: Там же. Лл. 59–64.

годно менялась треть состава рабочих, в некоторых организациях текучесть была еще выше⁶¹.

Независимо от формы комплектования кадров в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири одним из ведущих лейтмотивов их привлечения была общественная значимость региона в экономике страны, а также уникальность и масштабность сибирских новостроек. Пропаганда Коммунистической партией и правительством важности освоения северных территорий Западной Сибири выполняла роль одного из стимулов привлечения, особенно на начальном этапе формирования комплекса.

---

⁶¹ См.: ГАИОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2003. Л. 59.

Вопросы геологоразведки в Западной Сибири в 1960-е гг. — в центре внимания специалистов. В 1960 г. в журнале «Геология» опубликована статья С. М. Цанарин «О состоянии геологоразведки в Западной Сибири в 1960 г.». В ней автор анализирует состояние геологоразведки в Западной Сибири в 1960 г. и предлагает меры по ее улучшению. В 1961 г. в журнале «Геология» опубликована статья С. М. Цанарин «О состоянии геологоразведки в Западной Сибири в 1961 г.». В ней автор анализирует состояние геологоразведки в Западной Сибири в 1961 г. и предлагает меры по ее улучшению.

С.М. Цанарин

Формирование материально-технической базы геологоразведочных предприятий Западной Сибири в 1960-е — середине 1970-х годов

Вполне продуктивная техника для поиска нефтегазовых месторождений существовала уже в 1930-е годы. Однако большая ее часть закупалась за рубежом. По этой причине сформировать материально-техническую базу для проведения региональных геологических исследований в Западной Сибири удалось лишь в 1950-е гг. Задачам поиска и разведки конкретных месторождений она не соответствовала. Требовалось полностью сменить технологию и технику геофизических исследований, дооснастить техническими средствами парк бурового оборудования, многократно его увеличить, практически с нуля приступить к созданию инфраструктуры. В результате можно констатировать, что с начала 1960-х гг. началось формирование материально-технической базы геологоразведочных предприятий, завершившееся в основном к середине 1970-х годов. Исторический опыт столь уникального организационно-технического мероприятия остается не изученным. Задача данной статьи — отчасти восполнить этот пробел на основе исследования деятельности геологоразведчиков в основном производстве — геофизике и бурении глубоких скважин.

К началу 1960-х гг. тюменские геологоразведчики, увлеченные бурением, недостаточно внимания уделяли геофизике. Эту ситуацию начальник Тюменского геологуправления Ю. Г. Эрвьс публично признал ошибкой¹. На активизацию геофизических исследований нацеливало геологоразведчиков и постановление Совета Министров СССР от 23 июля 1962 г. «О мерах по повышению технического уровня и эффективности геологоразведочных работ»². На первый взгляд, осуществление нового курса в технической полити-

¹ Государственный архив общественных и политических организаций Тюменской области (ГАОПОТО). Ф. 1724. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг.: сб. док.: в 5 т. М., 1967. Т. 5. С. 185.

ке трудностей не представляло, так как серийную геофизическую аппаратуру западносибирская геологоразведка всегда имела в достатке. В 1961 г. Тюменское геологоуправление использовало в работе только 74% от всех своих сейсмостанций, в 1974 г. — 87%, гравиметров, соответственно — 39% и 96%, каротажных станций — 79% и 85% и т.д.³ Планы внедрения новой техники регулярно выполнялись. В 1967–1970 гг. три западносибирских геологоуправления получили 39% всех сейсмостанций с магнитной записью, имеющихся на балансе Министерства геологии РСФСР⁴.

Казалось, и качество техники должно быть на высоте. В 1959–1963 гг. прошло техническое перевооружение отрасли, но позиции не радовали. Академик А.В. Сидоренко, посетивший США в 1964 г., докладывал коллегам о том, что вместо сейсмостанций с осциллографической записью американцы применяют станции с магнитной записью, а производительность американских каротажных станций в 3 раза выше, чем у советских⁵. Побывавший двумя годами позже в США член-корреспондент АН СССР В.В. Федьинский уверял со страниц отраслевого журнала, что американские геофизики в течение одного 1965 г. полностью перешли на цифровые сейсмостанции с последующей обработкой данных на ЭВМ. Это позволило им изучать недра на глубину до 5 тыс. метров⁶. В ходе дальнейшего повествования специальные термины и значение американских достижений станут понятны.

О закупках американской техники не могло быть и речи. Отрасль даже свои потребности в иностранной литературе удовлетворяла на 10%. Отечественные заводы массовый выпуск аппаратуры нового поколения наладили лишь к середине 1960-х гг. В 1961 г. в России внедрили первую сейсмостанцию с магнитной записью. В 1965 г. с помощью таких станций в Тюменском геологоуправлении выполнялось 49% работ, в Новосибирском — 29%⁷. Цифровые сейсмостанции находились в процессе

³ Подсчитано по данным: Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1903. Оп. 1. Д. 153. Лл. 126–129; Д. 1201. Лл. 356–357.

⁴ Подсчитано по данным: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 491. Оп. 6. Д. 412. Лл. 26; Д. 113. Лл. 3, 31; Д. 666. Лл. 22, 35, 53, 153; Д. 820. Лл. 1, 17, 102, 106; Д. 1181. Лл. 17.

⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8571. Оп. 8. Д. 270. Л. 16.

⁶ Федьинский, В.В. Что видели советские геофизики в США // Геология нефти и газа. 1966. № 5. С. 57–63.

⁷ Подсчитано по данным: ГАРФ. Ф. 491. Оп. 6. Д. 5. Лл. 9, 58; ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 400. Лл. 53; Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 1470. Оп. 1. Д. 701. Л. 105.

разработки. Никто не брался изготовить специальную ЭВМ для геологии или специальный транспорт для аппаратуры⁸. Такой технический «прогресс» в другой стране растянул бы «открытие века» на неопределенный срок, но только не в СССР 1960-х гг. и особенно не в сибирской его части.

Направление творческого поиска диктовали проблемы кадров и плохих дорог. В 1961 г. тюменские геофизики А.К. Шметев и А.Г. Краев выступили с идеей так называемого сухопутного бона. Ее осуществление позволяло устранить тяжелый физический труд на сейсмороботах и сократить до трети рабочих. Работа над устройством велась бесплатно, «за идею». Краев пожертвовал отпуском. Помочь было некому, так как ближайшее конструкторское бюро находилось в Саратове⁹. В 1962 г. изготовили опытный образец, а к полевому сезону 1963–1964 гг. уже появилась возможность оснастить новым устройством 20 сейсмоотрядов, но не нашлось элементарного троса¹⁰. Только весной 1965 г. разработку подготовили к внедрению¹¹. Ее серийное производство так и не было налажено.

В 1962 г. инженеры О.М. Нелепченко, Н.Т. Ишполитов и М.В. Ванкевич изготовили каротажную станцию. По весу она в 10 раз уступала 800-килограммовой серийной и превосходила по производительности последнюю в 7 раз. В 1964 г. Тюменское геологическое управление уже переоснастило новой станцией производство¹². Заводы здесь ни при чем. Они приняли станцию к серийному производству в 1971 году. Такая же участь постигла установку для бурения сейсмических скважин в условиях вечной мерзлоты, изобретенную ямальским механиком Падерным¹³, и прибор для ввода сейсмической информации в ЭВМ, изобретенный тюменцами совместно с учеными из Новосибирского электротехнического института¹⁴.

Обобщением изобретательского и организационно-технического опыта в министерствах никто не занимался, поэтому каждое геологическое управление однотипные проблемы решало в одиночку. В Новосибирском геологическом управлении инженер И.К. Торжевский изобрел сухопутный бон, ниче-

⁸ См.: Федынский, В.В. Научно-технический прогресс геофизических работ при поисках нефти и газа // Геология нефти и газа. 1971. № 5. С. 69.

⁹ ГАОПОТО. Ф. 1724. Оп. 1. Д. 8. Л. 90.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 8. Д. 52. Л. 45.

¹¹ Тюменский геолог. 1965. 13 мая.

¹² Там же. 1964. 15 июня.

¹³ Тюменская правда. 1965. 5 марта.

¹⁴ Тюменский геолог. 1964. 15 июня.

го не зная о разработке Шмелева и Краева, а инженер В. Стрельников повторил аналогичный опыт Нелепченко, но двумя годами позже¹⁵.

Несмотря на то, что большинство технических изобретений оказались невостребованными, производительность труда росла быстрыми темпами. Если в 1959 г. только 15% глубоких скважин являлись продуктивными, то в 1965 г. — 47%. В 1965 г. из 12 месторождений 11 были открыты первыми скважинами¹⁶. Производительность одного среднесписочного сейсмического отряда увеличилась на 52%. Лучшие отряды давали за сезон по два годовых плана. В беседах с журналистами причиной успеха передовики называли более совершенную организацию работ. О технике они предпочитали не говорить. Самый удачливый оператор И. Неизвестный все свои рекорды поставил на морально и физически устаревшей сейсмостанции¹⁷.

Всю восьмью пятилетку сибирские геофизические тресты внедрили сейсмостанции с магнитной записью, которые многократно повышали объем информации, но и требовали ее машинной обработки. В Томском геологуправлении в эти годы не появилось ни одной ЭВМ. В Тюмени организовали сбор данных с помощью телеграфных аппаратов, но вычислительная машина оказалась маломощной. Более совершенную ЭВМ «Минск-22» получили только в 1970 году¹⁸. Местная инженерная мысль здесь ничем помочь не могла и пошла окольными путями. В Томском геофизическом тресте и Тазовской геофизической экспедиции занялись исключительно механизацией ручных операций на вспомогательных работах. Так как средства механизации заводского изготовления напрочь отсутствовали, дело шло медленно. Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий геофизические тресты продолжали оттачивать организацию труда и достигли на этом направлении больших успехов. В 1968 г. Ханты-Мансийский трест по производительности труда в 3,3 раза превзошел общесоюзные показатели. В марте того же года на его базе прошла всесоюзная школа передового опыта¹⁹. Однако геофизики А.К. Шмелев и В.А. Андреев подсчитали и пришли к выводу, что преимущества от организации труда «съедает» тяжелая ручная работа²⁰.

¹⁵ См.: Новосибирское территориальное геологоразведочное управление на рубеже 50-летия Советского государства. Томск, 1967. С. 17; За томскую нефть и газ. 1966. 21 июня.

¹⁶ ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 482. Л. 5.

¹⁷ Тюменская правда. 1965. 5 марта.

¹⁸ ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 841. Л. 327.

¹⁹ Тюменская правда. 1968. 16 марта.

²⁰ Материалы по проблемам развития и размещения производительных сил Тюменской области. Тюмень, 1970. Т. 1. С. 68–74.

В мае 1971 г. журнал «Геология и геофизика» указывал на необходимость своевременного перехода в Западной Сибири к поиску залежей нетрадиционного типа²¹. Для решения новой задачи начали применять метод общей глубинной точки (ОГТ). Его внедрение сопровождалось многократным возрастанием информационных потоков, бурением большего числа сейсмических скважин, а значит, требовало внедрения цифровых сейсмостанций, ЭВМ, невзрывных источников возбуждения земных пластов, разнообразной аппаратуры для скважинной геофизики и геохимии. Но промышленность едва справлялась с обеспечением техникой традиционного метода отраженных волн (МОВ).

Только в 1971 г. закончилась разработка отечественной цифровой сейсмостанции, но для ее массового производства отсутствовали комплектующие части. Не было ЭВМ нужного класса и техники для невзрывного возбуждения сейсмических волн²². В США в 1972 г. с помощью цифровых станций проводилось 70% геофизических исследований посредством вибрационной техники — 40 процентов²³. Если учесть, что в СССР в 1975 г. при помощи цифровых станций удалось выполнить 7,4% работ²⁴, то тюменским геофизикам, можно сказать, повезло. К началу 1975 г. они имели из 49 станций 9 цифровых. Правда, станции были трех типов и имели разные параметры. Мощность вычислительного центра позволяла обрабатывать информацию лишь на 50 процентов²⁵. Начатые в Тазовской экспедиции работы по конструированию невзрывного устройства возбуждения недр в 1972 г. остановились²⁶.

В 1970-е гг. со стороны инженеров уже не наблюдалось того подвижничества, что имело место в начале 1960-х гг. Практически перестали поступать материалы о работе тюменских геологов на ВДНХ, хотя численность членов НТО среди них увеличилась в 1966–1975 гг. в 7 раз²⁷. Средств на экономическое стимулирование технического творчества, можно сказать, не существовало. За разработку уже упоминавшегося устройства для возбуждения сейсмических волн инженеры Ю.П. Беззенко и Ф.С. Тишинский получили премию в 49 рублей²⁸. Состояние материаль-

²¹ Геология и геофизика. 1971. № 5. С. 5.

²² РГАЗ. Ф. 9571. Оп. 8. Д. 2390. Лл. 34–35.

²³ Там же. Д. 2091. Л. 14.

²⁴ Борисова, А.И. Экономическая эффективность геолого-поисковых работ на нефть и газ. М.: Недра, 1979. С. 136.

²⁵ ГАОПОТО. Ф. 1724. Оп. 1. Д. 30. Л. 28.

²⁶ Красный Север (Салехард). 1972. 13 янв.

²⁷ Подсчитано по данным: ГАО. Ф. 1931. Оп. 1. Д. 59. Лл. 20–22; Д. 159. Л. 129.

²⁸ ГАО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 1126. Л. 3.

по-технической базы тюменской геофизики середины 1970-х гг. невольно оценил Ф.К. Салманов в 1985 году. По его словам, в середине 1980-х гг. удалось внедрить цифровые станции в полевую геофизику, по в скважинной геофизике их не применяли, невзрывные источники возбуждения пластов не использовали 11% сейсмических отрядов²⁹.

На томских предприятиях метод ОИТ внедрялся на основе старой техники. Первые цифровые станции и ЭВМ появились в 1975 году³⁰. В результате за девятую пятилетку производительность труда в рамках традиционного метода выросла по тюменским трестам на 23%, по Томскому тресту — на 61 процент. Работа новыми методами по производительности находилась на уровне 1960-х годов³¹.

В деле обеспечения глубокого бурения события развивались примерно по той же схеме. В начале 1960-х гг. со страниц газеты «Известия» и «Экономической газеты» буровики Азербайджана, Татарии и др. регионов характеризовали состояние техники как критическое и требовали ее качественного улучшения³². Нефтяное машиностроение переживало не лучшие времена, и не в состоянии было решить даже проблему количества. Заводы систематически срывали поставки³³. Отставание от США было удручающим. Уже в 1959 г. там имелись буровые установки, позволяющие проходить недра на глубину до 9 тыс. метров³⁴. Среднестатистическая американская буровая в 1959 г. весила в 1,6 раза меньше советской и на ее монтаж уходило в 4 раза меньше времени. Расход металла на метр проходки в США составлял 32 кг, тогда как в СССР — 58 кг, а расход химических реагентов, соответственно — 50 и 10 кг³⁵. В результате в 1959–1963 гг. проходка на долото в США возросла с 70 до 80 м, а в СССР снизилась с 22 до 19 метров. В 1963 г. производительное

²⁹ Салманов, Ф.К. Ускорение поиска. М., 1985. С. 13–17.

³⁰ Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 4717. Л. 7.

³¹ Подсчитано по данным: ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 1255. Л. 35; Д. 586. Л. 205; Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р1812. Оп. 1. Д. 67. Лл. 38–39; Тюменская правда. 1971. 24 янв.; Красное знамя (Томск). 1975. 13 сент.

³² См.: Известия. 1961. 4 марта; 21, 25 апр.; Экономическая газета. 1960. 22 мая; 8 июня.

³³ См.: ГАРФ. Ф. 403. Оп. 9. Д. 1014. Л. 41; Д. 7010. Лл. 10, 30.

³⁴ Производственно-экономическая газета. 1959. 20 марта.

³⁵ Галустов, С.Г. Состояние и проблемы бурения глубоких скважин в СССР // Объединенная сессия Уральского филиала АН СССР и СНХ Пермского экономического района: тез. докл. [В.м.]. [В.г.].

время в бурении у американцев составляло 90%, у нас — 69%³⁶. К многочисленным проблемам добавилась еще одна: советская буровая техника не выдерживала низких температур. Об этом предупреждал правительство в 1961 г. академик М.А. Лаврентьев³⁷.

Судя по сообщениям прессы, в СССР на рубеже 1950–1960-х гг. имелись вполне совершенные разработки бурового оборудования³⁸, но проходили они по линии различных государственных комитетов, а заводы подчинялись Министерству обороны СССР и совнархозам. В 1960 г. совнархозы России просили правительство исключить из планов 1300 мероприятий по производству новой техники³⁹. Слабая техническая основа глубокого бурения и острые проблемы в деле ее совершенствования не стали препятствием для развертывания крупномасштабных буровых работ в Западной Сибири. Молниеносно концентрировать огромные материальные ресурсы в штабах командной экономики умели, а сибирским инженерам, можно было доверять. Это они приспособили маломощные буровые установки для работы на больших глубинах и в 1958–1961 гг. снизили расход металла на метр пробуренных скважин с 77 кг до 41 кг⁴⁰. Вспомним американские показатели. И действительно, за количеством дело не стало. В 1961–1965 гг. парк буровых установок увеличился в Тюменском геологуправлении с 64 до 135 единиц, в Новосибирском — с 18 до 39⁴¹. За последующие годы их количество возросло незначительно. Тем не менее, это было больше, чем в Западной Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, взятыми вместе⁴². В Сибирь свозили все, что только могли поднять. Тут появились «ветераны» УЗТМ-1М, «Уралмаш-3Д» и «Уралмаш-5Д», скопированные конструкторами папающих экскаваторов с американских образцов в начале «холодной войны»⁴³, но мало пригодные для работы на исследуемых глубинах. Поступали более подходящие, но морально устаревшие БУ-75Бр волгоградского завода «Бар-

³⁶ РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 8. Д. 270. Лл. 10–11.

³⁷ Советская Сибирь (Новосибирск). 1961. 28 сент.

³⁸ См.: Уральский рабочий (Свердловск). 1961. 17 окт.; Экономическая газета. 1960. 26 июля.

³⁹ Экономическая газета. 1960. 16 июля.

⁴⁰ Эрвье, Ю.Г. Сибирские горизонты. Свердловск, 1968. С. 57.

⁴¹ Подсчитано по данным: ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 153. Лл. 126–129; Д. 487. Л. 127; Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 1754. Оп. 1. Д. 397. Лл. 440–442; Ф. 1470. Оп. 1. Д. 701. Л. 95.

⁴² Томашовский, Л.М. Нефть и газ: проблемы и прогнозы. М., 1975. С. 28.

⁴³ См.: Мешавкин, С.Ф. Тройной геокосмос. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. С. 64–66.

рикады», у которых насчитывалось 166 конструктивных недостатков⁴⁴. В 1960-е гг. экспедиции Тюменского геологоуправления приняли участие в испытании шести модернизированных машин. Из них прижилась одна и только потому, что с нее удалось снять тонны металлоконструкций без ущерба для дела⁴⁵. Совершенно разорил томищей и новосибирцев «повинка» Уралмашзавода БУ-125БД. Чтобы установить такую машину в условиях болот, требовалось вбить под ее основание 500–700 деревянных свай на глубину до 8 метров⁴⁶. Средства автоматизации с установки снимались, так как они не выдерживали 30-градусных морозов. В 1970-е гг. в Томском геологоуправлении старые и уже списанные, но более надежные, буровые установки составляли треть всего парка⁴⁷.

Плохо обстояло дело с оснащением буровых приборами и механизмами. На протяжении всего периода ощущался недостаток средств механизации спускоподъемных операций. Эти увесистые устройства бригады повсюду возили за собой. До середины 1960-х гг. не хватало забойных двигателей и до конца периода нужных их типов. Только в начале 1970-х гг. разработали долота из специальных сталей. Аналогичная ситуация складывалась с обеспечением цементирующими агрегатами, глубинными насосами, трубами, химическими реагентами и другими материалами⁴⁸.

Недостатки в оснащении буровой техникой оказали влияние, прежде всего, на такие виды работ как вышкостроение и бурение скважин. В вышкостроении на первых порах давал себя знать недостаток опыта. Одну буровую обычно строили больше месяца. Новосибирцы в 1962 г. даже установили своеобразный рекорд — 144 дня⁴⁹. Выходы из сложного положения нашли быстро. Во-первых, вытрыпы во времени давало строительство без проектов, с браком. Во-вторых, вышки собирали по упрощенной схеме: вместо пяти двигателей — три, вместо двух насосов — один. На таких установках можно было бурить, но только без претензий на рекорды. Последнее обстоятельство в прессе умалчивали⁵⁰. В-третьих,

⁴⁴ ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 150. Л. 22.

⁴⁵ Ленинское знамя (Нижевартовск). 1974. 12 февр.

⁴⁶ Молодость Сибири (Новосибирск). 1975. 4 мая.

⁴⁷ ГАТО. Ф. Р1812. Оп. 1. Д. 94. Л. 74.

⁴⁸ С.и.: Панарин, С.М. Научно-технический прогресс на геологоразведочных предприятиях Западной Сибири (1966–1975 гг.) // Социально-экономические проблемы научно-технического прогресса в сибирской индустрии (50–80-е гг.). Новосибирск: Наука, 1990. С. 202.

⁴⁹ Красное знамя. 1954. 3 янв.

⁵⁰ Тюменская правда. 1965. 1 апр.

переводили буровые с колес на баржи и полозья. К 1963 г. «на лыжи» встали все экспедиции Среднего Приобья⁵¹. В-четвертых, место рытья котлована и сооружения деревянного основания в 1965 г. в Сургутской нефтегазразведочной экспедиции (НРЭ) впервые применили крупноблочные металлические основания⁵². Новинка распространилась повсюду.

По известным причинам с 1968 г. поток техники в западносибирскую геологоразведку ослабел. Оснащенность вышкомонтажных бригад снизилась вдвое⁵³. В ямальских экспедициях вместо кранов стали использовать домкраты⁵⁴. Без кранов обходились в томских экспедициях⁵⁵. Однако все буровых установок увеличивался. Томские инженеры в 1971 г. пытались напрямую договориться с Уралмашем об изменении их конструкции. Главный конструктор завода В.В. Рудонекатель принял делегацию томичей, но отклонил претензии и предложил им совершить экскурсию в объединение «Куйбышевнефть». Но даже там неудобная для томичей установка монтировалась в среднем за 60 дней, тогда как аналогичная машина старой конструкции — за 13 дней. Дальнее путешествие при любом исходе ничего не меняло, так как деятельность КБ определял Гипронефтемаши, подчиненный Миннефтепрому СССР⁵⁶. Историки А.В. Бакунин и В.Э. Лебедев отмечают, что до конца 1950-х гг. Урал был лишен возможности самостоятельно разрабатывать новую тяжелую технику⁵⁷. Что касается нефтяного оборудования, то такой возможности он не имел и позже. В итоге продолжительность сборки буровых станков в 1970—1975 гг. увеличилась в Главтоменьгеологии на 85%, в Томском геологоуправлении — на 55%⁵⁸.

Активно внедрялась полая техника в буровых бригадах Среднего Приобья и Шаимского района в первой половине 1960-х гг. Правда, о той технике, что внедряли в одной бригаде, в другой даже не слышали, и наоборот. Бригада С.Н. Урусова преуспевала в оптимальном подборе

⁵¹ Подсчитано по данным: ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 250а. Л. 159; Красное знамя. 1964. 3 янв.

⁵² Тюменский геолог. 1965. 4 июля.

⁵³ Подсчитано по данным: ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 841. Л. 86; ГАТбО. Ф. Р1812. Оп. 1. Д. 66. Л. 85.

⁵⁴ Красный Север. 1972. 23 марта.

⁵⁵ Красное знамя. 1971. 30 янв.

⁵⁶ Там же. 1971. 9 сент.

⁵⁷ Бакунин, А.В., Лебедев, В.Э. Региональная научно-техническая политика: проблемы истории. Свердловск, 1991. С. 17.

⁵⁸ Подсчитано по данным: ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 946. Л. 131; Д. 1255. Л. 107; ГАТбО. Ф. Р1812. Оп. 1. Д. 66. Л. 84; Д. 233. Л. 77.

долот, в механизации подготовки бурового раствора⁵⁹. Бригады Березовской экспедиции механизировали спускоподъемные операции⁶⁰. Бригада В.П. Лагутина занималась внедрением малогабаритных турбобуров⁶¹.

Таблица 1

Технико-экономические показатели глубокого разведочного бурения в Западной Сибири в 1961–1975 годы⁶²

Годы	Коммерчес. скорость, м на станок в месяц	Механи- ческая скорость, м в час	Проходка на долото, м	Средняя глубина скважин, м	Производи- тельное время, %
Главтюменьгеология					
1961	665	6,9	57	1751	55,1
1965	1126	11,1	71	2028	62,1
1970	1151	9,6	67	2102	63,3
1975	1230	9,5	62	2643	77,9
Новосибирское геологуправление					
1961	271	3,4	19	—	54,5
1965	723	5,2	35	2448	70,3
1967	832	6,6	50	2341	75,6
Томское геологуправление					
1967*	1011	7,2	53	2300	74,5
1970	815	7,6	46	2610	60,5
1975	1051	9,2	47	2869	69,1

* Приводятся данные по предприятиям Новосибирского геологуправления, работавшим в Томской области.

Таблица 1 показывает, что во второй половине 1960-х гг. технико-экономические показатели в бурении резко замедлили темпы роста или

⁵⁹ Блокнот агитатора (Тюмень). 1964. № 14. С. 19.

⁶⁰ ГАОПОТО. Ф. 68. Оп. 100. Д. 5. Л. 27.

⁶¹ ГАОПОТО. Ф. 1113. Оп. 16. Д. 2. Л. 172.

⁶² Составлена по данным: ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 152. Лл. 102, 133, 150; Д. 400. Лл. 71, 74, 97, 116; Д. 841. Л. 100; Д. 946. Лл. 82, 89; Д. 1255. Лл. 63, 68, 77, 86, 90; ГАНЮ. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 436. Лл. 65–66; Ф. 1470. Оп. 1. Д. 701. Лл. 49, 79; Д. 721. Лл. 52, 73; РГАЭ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2683. Лл. 146 об., 242; ГАТОО. Ф. Р1812. Оп. 1. Д. 5. Лл. 1–2, 8, 13; Д. 66. Лл. 25, 43; Д. 233. Лл. 22, 31, 33.

пошли на спад. Еще в 1965 г. буровые мастера Ф. Сиротенко и А. Выви- кишко пытались доказать, что пока не техника играет решающую роль в бурении, а совершенствование организации труда и управления⁶³. Они оказа- лись правы. С ростом глубин бурения разовые технические решения пер- рестали срабатывать. Появилась потребность в едином техническом комп- лексе для разведочного бурения. Но заводы и НИИ навстречу геологам не шли. Мы уже описывали случай с Уралмашем. В более грубой форме в 1965 г. получил отказ от руководителей завода «Баррикады» главный инженер Шаймской НРЭ Г.А. Махалп⁶⁴. Западно-Сибирскому филиалу ВНИИнеф- темаша удалось установить контакты с этим заводом после многолетних попыток только в 1974 году⁶⁵. Не дождался никакого ответа от четырех азербайджанских заводов повосибирские инженеры⁶⁶. В годы восьмой и девятой пятилеток тюменцам удалось механизировать в комплексе лишь процесс очистки глинистого раствора. Вопрос об изготовлении комплекса механизмов по цементажу скважин, разработанного совместно с АЗИНма- шем, разрешить не удалось⁶⁷. Повсеместно шел процесс упрощения буровых установок второго поколения до уровня первого, переделки в механических мастерских забойного инструмента.

Впрочем, вопрос об уровне материально-технического обеспечения за- падносибирской геологоразведки не так прост. Видимо, значительную часть техники и материалов, в том числе из разряда дефицитных, геологи унич- тожали своими руками. Фактов на этот счет много и они поражают вооб- ражение. Березовская НРЭ, 1962 г.: берега рек засыпаны цементом, под водой можно найти все, от буровых труб до дорогостоящих турбобуров⁶⁸. Тазовская НРЭ, 1965 г.: турбобуры выбрасываются, разморожены два глубинных насоса, двигатели двух автомобилей и трактора⁶⁹. Сургутская НРЭ, 1969 г.: в тайге бросаются трубы, цемент, глинопорошок⁷⁰.

На темпы буровых работ серьезное влияние оказывала проблема техно- логического транспорта. В 1966–1975 гг. из-за его несовершенства простои буровых по предприятиям Главтюменьгеологии составили около 50% годо-

⁶³ Тюменская правда. 1965. 5, 23 февр.

⁶⁴ Там же. 13 янв.

⁶⁵ ГАОПОТО. Ф. 2634. Оп. 1. Д. 7. Л. 35.

⁶⁶ ГАНО. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 701. Л. 311.

⁶⁷ Материалы по проблемам развития и размещения производительных сил Тю- менской области. Тюмень, 1970. Т. 1. С. 46.

⁶⁸ ГАОПОТО. Ф. 3601. Оп. 1. Д. 6. Л. 93.

⁶⁹ Там же. Ф. 1724. Оп. 1. Д. 3. Л. 46.

⁷⁰ Там же. Ф. 2344. Оп. 1. Д. 71. Л. 17.

вого фонда календарного времени⁷¹. В 1950-е гг. геологи развезжали между буровыми на лошадях. Первая крупная партия техники пришла в Тюмень в 1961 году. В нее входили 90 тракторов и 98 тягачей, переоборудованных из танков и самоходных установок⁷². На такой армаде можно было восвать, но не работать. Более половины этого транспорта в 1963 г. уже стояло «под забором», а Министерство обороны обещало отремонтировать не более 5 процентов⁷³. В конечном счете, в Западной Сибири предпочли дешевый и неприхотливый транспортный трактор С-100. Машин этих постоянно не хватало. Бездорожье и плохой уход выводили их из строя за 2—3 года, хотя нормативом предусматривался срок в 8—9 лет. В качестве технологического транспорта пытались применять вертолеты, но их возможности оказались ограничены грузоподъемностью и высокой стоимостью. Новосибирское геологоуправление в 1963—1964 гг. поднимало вопрос о строительстве дирижаблей. По его расчетам только наличие одного аппарата грузоподъемностью в 50 т позволяло отказаться от половины транспорта, но авиастроители посчитали эту продукцию для себя непрофильной⁷⁴. Та же участь постигла идею транспорта на воздушной подушке⁷⁵.

В трудное для западосибирской геологоразведки время выдающихся результатов в области бурения достигла лишь одна Сургутская НРЭ. Все ее четыре бригады в девятую пятилетку ежегодно бурили по 20 тыс. м глубоких скважин. Такого результата добивались еще семь бригад, но только в отдельные годы. В результате комплексного внедрения технических средств в 1973 г. экспедиции удалось перейти на эффективные технологии. За это достижение она получила диплом второй степени ВДНХ⁷⁶. В годы девятой пятилетки технико-экономические показатели в целом по западосибирской геологоразведке улучшились незначительно, а по ряду направлений ухудшились. Техника не компенсировала рост глубин скважин (См. табл. 1). В результате проходка на среднеиспичную бригаду снизилась в 1975 г. по сравнению с 1967 г. в Главтюменгеологии на 17%, в Томском геологоуправлении на 6%⁷⁷.

⁷¹ Сулейманов, О.Б. Актуальные народнохозяйственные проблемы развития техники в северных районах Западной Сибири // Социально-экономические особенности комплексного освоения Севера Тюменской области. Тюмень, 1977. С. 123.

⁷² ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 150. Л. 22.

⁷³ РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 8. Д. 39. Л. 18.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 491. Оп. 5. Д. 7. Л. 42.

⁷⁵ ГАОПОТО. Ф. 2334. Оп. 1. Д. 7. Лл. 40—42.

⁷⁶ Там же. Ф. 113. Оп. 25. Д. 1. Л. 101.

⁷⁷ Подсчитано по данным: ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 586. Л. 373; Д. 1255. Л. 67; ГАТьО. Ф. Р1812. Оп. 1. Д. 5. Л. 56; Д. 233. Л. 21.

В заключение следует отметить, что за прошедший период геологоразведчикам удалось сформировать материально-техническую базу. Руководители высшего звена считали, что она вполне достаточна для поддержания достигнутого уровня ресурсного потенциала. Но анализ показывает несовершенство МТБ и порочность самого подхода к ее созданию.

Состояние технической базы геофизических работ в Западной Сибири следует оценить как не соответствующее реальным потребностям. Аппаратуру, в какой-то степени адекватную местным задачам, сибирские геофизики получали только во второй половине 1960-х годов. Заводы, подчиненные Минприбору СССР, не обращали внимания на технические повинки до окончания очередной пятилетки. За это время приборы, изначально далекие от идеала, успевали морально устареть. Весь период остро стояла проблема механизации вспомогательных операций. Часть разработок изготавливалась и внедрялась кустарным способом, но основная их масса оказалась невостребованной. Если в 1960-е гг. удавалось поддерживать высокую продуктивность сейсмических отрядов за счет организационных новаций и технической самостоятельности, то в первой половине 1970-х гг. эти резервы исчерпались.

Страна технически была не готова к широкомасштабному развертыванию разведочного бурения в Западной Сибири. Серийное оборудование и транспорт не соответствовали природно-климатическим и горно-геологическим условиям региона. Многочисленные попытки решить проблему на официальном уровне не увенчались успехом. По раз и навсегда заведенному порядку геологоразведка не входила в число ведущих отраслей, для которых проектировалась и изготавливалась техника. В итоге ничего не оставалось, как переделывать и подгонять серийную технику к местным условиям. Забойный инструмент, трубы, двигатели — все это рождалось на свет независимо друг от друга. Даже вышки не проходили контрольной сборки на заводах. Переделка техники в кустарных условиях могла идти только за счет упрощения конструкции.

Такой подход к созданию технической базы бурения мог привести к положительному результату при избыточных поставках технических средств и согласии исполнителей работ переложить часть машинных функций на собственные плечи. Названные условия в конце 1960-х гг. себя исчерпали. В результате темпы буровых работ замедлились, упала производительность труда. Отдельные трудовые коллективы добивались высоких результатов, но опыт их имел практически неповторимый характер, так как базировался на уникальной технической основе.

Б.А. Колобова

Летопись юннатского движения города Нижневартовска

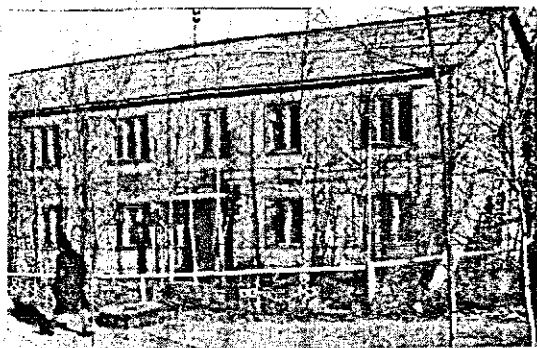
*Все — от старой сосны у забора
До большого темного бора
И от озера до пруда —
Окружающая среда.
А еще и медведь, и лось,
И котенок Васька небось?
Даже муха — вот это да! —
Окружающая среда.*

Л.Фадеева

Критерием сформированности ответственного отношения к окружающей среде является нравственная забота о будущих поколениях.

Воспитать в человеке любовь к природе с первых лет жизни — одна из самых важных задач семьи и школы, а поэтому не случайно в молодом сибирском городе Нижневартовске в *1983 году* была создана *станция юных натуралистов* (СЮН).

Наш первый адрес: улица Пионерская, дом 51 (ранее здесь располагались детская музыкальная школа, Дом пионеров).

На станции работало 10 кружков: юных цветоводов, кактусоводов, природы и фантазии, охраны природы, фенологии, зоологический, лесоводства, лекарственных растений, юных ботаников, овощеводства. Всего в кружках занималось 585 детей. Первыми педагогами были Т.В. Авдеева, З.И. Головчан, Л.И. Титаренко, Н.П. Куценко, С.В. Лапшина, Н.П. Брущук, Н.Г. Квятковская, директором станции был назначен *Евгений Борисович Дударев*.

Создается живой уголок, в котором содержатся кролики, домашние голуби, воробей, декоративная курица, дикая утка, австралийский полнистый попугайчик. Заложена небольшая тепличка в одной из комнат, где ведутся работы по выращиванию рассады культурных растений.

1984 год. Совместно с руководителями кружков юннаты оказывали помощь в оформлении школьных кабинетов биологии, проводили общегородские мероприятия: «Цветы — символы мира и дружбы», «Русская зима», провели смотр-конкурс творческих работ кружка «Природа и фантазия»; работало 11 отрядов «Голубого патруля», в которых принимало участие 186 человек. Они проводили рейды на водоемах совместно с сотрудниками Нижневартовской рыбоинспекции, занимаясь спасением молоди рыб, расчисткой завалов в ручьях.

1985 год. Директором станции назначена *Берта Алексеевна Коллобова*. Встал вопрос о подборе кадров, так как жизнь города требовала развития сети кружков природоохранного направления. На первых порах начали работу кружки юных растениеводов, юных ботаников, юных зоологов, юных аквариумистов, красведов, фотокружок.

Плохая материальная база, маленькие площади станции, отсутствие теплицы, площади под живой уголок требовали выбора новых форм работы.

Научить видеть прекрасное во всем, что окружает, развить творческие силы детей, творческую основу их души — главная задача воспитания. И, выполняя эту задачу, педагоги знакомили детей с природой родного края через развитие элементов творческого воображения на основе соотношения индивидуального и коллективного созидания.

Руководители кружков учили детей видеть отпечатки неповторимой северной природы и удивительного животного мира. Поэтому большое количество программ рождалось в *Копилке замыслов*: клубы «Любители природы», «Природа и фантазия», флористики, изобразительного искусства, красведения, фотокружок с годами функционировали и были направлены на формирование у детей образа малой родины и бережного отношения к ее богатствам. *Копилка замыслов* будет пополняться и реализовываться

с использованием комплекса взаимодополняющих методов исследования, адекватных цели, задачам и гипотезе осуществляемого теоретического и опытно-экспериментального поиска. Апробируются первые попытки работы в едином информационном пространстве города.

1986 год. Кадровый состав увеличивается до 18 человек, в связи с чем появилась возможность приблизить работу кружков натуралистического профиля ближе к месту жительства детей. Кружки стали функционировать на базе школ № 5, 17, 18; на базе фильмотеки, детских комнат «Факел», «Прометей», «Дружба», «Алый парус», «Олимпия», «Огонек», «Радуга», «Товарищ». Введена новая форма — клуб «Любители природы» на базе школ № 4, 5, 6, 10, 14, 19 (руководители Г.Г. Ромашук, В.А. Шулика, Б.А. Колобова, Р.В. Беляк), на базе детских комнат «Факел» (Б.А. Колобова), «Огонек» (Р.В. Беляк).

Клуб «Юный друг природы» начал работу для учащихся начальных классов школ № 5, 21, 6, 2. Были проведены занятия по темам: «Пушище золотого Сибири», «Мои четвероногие друзья», «Тайны хвойного леса».

Ярмарки проводятся во время проведения праздников, декад. На ярмарках организуется выставка-продажа работ кружковцев, рассады помидоров, огурцов, перца, комнатных цветов.

В октябре 1986 года проходил I городской слет юннатов, который будет традиционным и в последующие годы. В нем приняли участие команды школ № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 12, 17, 18, 19. В программе слета был конкурс стихов, конкурс рисунка «Береги природу», конкурс аппликаций «Природная мастерская» и другие.

В целях сохранения хвойного леса от порубщиков в предновогодние дни впервые была проведена природоохранная работа со школьниками по операции «Елочка», в которой приняли участие все кружковцы станции. При станции работал штаб «Зеленый патруль». Школам даны рекомендации по проведению операции «Елочка» и примерный план работы штаба «Зеленый патруль». Кружковцы изготовили листовки и развешивали их в подъездах домов, в автобусах, в подшефных организациях.

Вот текст одной из листовок:

Уважаемый товарищ!

Берегите лес,

Лес — это наши легкие,

Чистый и здоровый воздух.

Лес — это полноводные реки

И обильные урожаи.

1987 год. Улучшается работа со школами, заключаются договоры о совместной деятельности по природоохранной работе, включая *работу в теплицах* (школы № 3, 12). Хочется особенно отметить работу руководителя кружка *«Юный цветовод»* Лидии Серафимовны Васильевой. Благодаря энтузиазму и большой любви к делу кружковцы под ее руководством озеленили классные кабинеты и рекреации средней школы № 12. Ежегодно выращивалась рассада цветов и плодовоовощных культур для пришкольных участков, а также для жителей города.

I слет кружковцев станции натуралистов.

Прошли праздники *«Миру быть — цветам цвести!»*, *«По заповедникам Советского Союза»*, посвященные 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Во II городском слете юнатов принимают участие зампреда городского отдела ВООП Л.П. Шабанова, инструктор горкома комсомола Т.В. Бочинина. К слету команды школ готовили рапорт о проделанной работе за год. В программе также появились новые конкурсы: конкурс плакатов по охране природы, составление композиций из цветов, выставки творческих работ кружковцев и юнатов.

В слете приняли участие школы № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 20, 21, 22.

Операция «Елочка» проводилась с 15 по 30 декабря. Штаб «Зеленый патруль» рапортует: проведен конкурс листовок среди кружковцев, изготовлены 232 листовки, которые развешаны в общественных местах, проведено 18 рейдов по городу, патрулирование проведено согласно графику совместно с Обществом по охране природы с 27 по 30 декабря.

1988 год. Каждый год десятки мальчишек и девочек, веселых и грустных, озорных, неунывающих, приходят в этот дом, где их всегда ждут, им рады, им приветливо улыбаются добрые взрослые глаза. *Этот дом называется станцией юных натуралистов.*

Кружок «Природа и фантазия». Ребята овладевают многими навыками при работе с природным материалом. Кружок «Юный аквариумист» ведет *Е.П. Батухтина.*

Выставки поделок из природного материала привлекают посетителей своей оригинальностью. Так, кружковцы *Б.А. Колобовой* изготовили из скорлупы кедровых орешек персонажей сказки «Три медведя», ежика, которые были представлены на выставках Недели образования и в День театра.

Созданы юннатские кружки в начальном и среднем звене почти во всех школах города. *Природоохранные операции* «Ель», «Кормушка», «Экокорм», «Зеленая аптека» проходят с участием большого количества школьников. При *городском штабе «Зеленый патруль» организована учеба школьных отрядов.*

Работники станции юных натуралистов работают на базе теплиц при школах № 5, 11 (*Н.И. Холодаева, И.М. Насретдинова*). Теплицы школ № 5, 12 специализируются на выращивании комнатных цветов и превращаются в настоящий зимний сад.

III городской слет юннатов.

1989 год. Работает 110 кружков, в которых занимаются 1695 школьников. Кружки работают по профилям: «Юный натуралист», «Юный фенолог», «Юный зоолог», «Юный аквариумист», «Юный растениевод», «Юный цветовод», «Природа и фантазия». На базе школ и детских комнат работает 40 групп клуба «Любители природы». Еще две теплицы сдали в аренду станции (СШ № 20 и 25), и они превращаются в центры исследовательской работы школьников.

Так, кружковцы на базе теплицы школы № 25 вырастили за месяц 25 кг огурцов, ухаживали и продолжали наблюдения за ростом арбузов, заложили опыт по выращиванию дынь, *обсадили бегониями дорожку к Памятнику воинам-интернационалистам* на улице Мира.

III слет кружковцев станции юных натуралистов прошел 14 мая по адресу: улица Пионерская, дом 51, где каждый руководитель кружка представил команду из 5 человек.

Задачи слета: дальнейшее развитие и совершенствование деятельности юннатов, воспитание у школьников бережного отношения к природе на основе развития и углубления экологического подхода к проблеме природопользования.

Идет переключка всех прибывших на слет отрядов, сдача рапортов. Каждая команда имеет свой девиз и песню.

Девиз кружка

«Юный фенолог»:

Пусть над миром солнце светит,

Не погаснет никогда!

Человек за все в ответе —

Помнить будем мы всегда!

Девиз кружка

«Юный цветовод»:

Легче трудиться,

Легче дышать,

Если садами

Наш дом украшать!

Кружок «Юный растениевод» (руководитель *Ф.А. Курбанова*) рапортовал слету: вырастили и продали петрушки на 8 руб. 50 коп., лука — на 48 руб., вырастили 30 кг огурцов, рассаду томатов, перца, цветов, передали СШ № 11 комнатных цветов 160 штук, горono — 10 штук.

Ребята из кружка «Юный цветовод» (руководитель *Л.С. Васильева*) собрали на базе теплицы СШ № 12 за два года коллекцию комнатных цветов из 163 видов, работая в сотрудничестве с Томским ботаническим садом, вырастили 1773 шт. комнатных цветов и более 1000 шт. рассады цветов открытого грунта, помидоров, перца. Выручили 5000 рублей, которые были израсходованы на мебель и оборудование для теплицы. В этом кружке выросли хорошие инструкторы-цветоводы: *Алексей Кузнецов*, ученик СШ № 11, который затем окончил училище в г. Макеевка Донецкой области на цветовода-декоратора, *Ольга Возна* (СШ № 12), *Дилма Лазуточкин* (СШ № 12), *Таня Дроздовская* (СШ № 8).

Девиз кружка «Природа и фантазия» (руководитель *Л.А. Доцова*) — «От нас природа тайн своих не прячет, но учит быть внимательнее к ней» (*Н. Рыленков*). Ребята познали азы обработки природного материала, научились делать поделки из корней, веток, бересты, скорлупы и другого материала.

Лучшими были ребята из кружка «Юный цветовод», где руководители *Н.И. Холодаева*, *Л.С. Васильева*, *Е.Д. Семисынова*.

С итогами работы юннатов за 1988–1989 учебный год выступила директор СЮН *Б.А. Колобова*. Затем согласно программе слета прошли конкурсы «зеленых патрулей», зоологов, ботаников, конкурсы листовок по охране природы.

Работа станции продолжалась и в летний период. В летнем лагере при СЮН школьники совершали экскурсии к реке Обь, к озеру у д. Савкино, на молокозавод; проводили спортивные праздники, купались, загорали; проводили развлекательные и подвижные игры, заготавливали корм для обитателей живого уголка.

IV городской слет юннатов уже проходит на базе Дома культуры «Октябрь», что позволяет разнообразить программу и привлечь к участию большее количество школьников города.

Почти во всех кружках изучаются вопросы охраны редких и исчезающих видов растений и животных. В результате была создана рукописная *Красная книга* — список редких и находящихся под угрозой исчезновения видов растений и животных, аннотированный перечень видов с указанием прошлого и современного распространения, численности и

причин ее сокращения, особенностей воспроизводства, необходимых и уже принятых мер охраны.

Неоценима ее роль как средства воспитания, пропаганды разумного и бережного отношения к растениям вообще, и редким в частности. Она показывает, что не все обстоит благополучно в мире, где мы живем. Красная книга — это крик беды, призыв к активному действию в защиту растений. Крайне важно, чтобы с ее содержанием познакомилось как можно больше людей. Красная книга вселяет надежду и веру в успех борьбы за спасение растений.

Городской праздник «Встреча пернатых друзей» 7 мая открылся песней «Скворцы прилетели». После выступления «Охрана и привлечение птиц» силами кружковцев для гостей был показан спектакль, после которого начался карнавал птичьих масок (в танце кружились зяблики, стрижи, дятлы, соловьи, синицы, лебеди, скворцы, ласточки, иволги). В карнавале участвовали школьники из средних школ № 1, 4, 8, 9, 10, 17, 18, 21, 22. Руководителем кружка *Розой Лукишиной Осиповой* проведена викторина о птицах нашего края. Затем все присутствующие приняли участие в развешивании листовок «В защиту пернатых» по городу.

Каждый год в первые дни сентября проводился *День открытых дверей*. Учителя школ вместе со школьниками спешили ознакомиться с работой станции, с работой кружков, посетить живой уголок.

1990 год. Кружок «Природа и фантазия». Руководитель кружка *Л.А. Донцова* знакомит учащихся с различными видами аппликации из бересты, бумаги, ткани, кожи, косточек фруктов и орехов, семян дыни и подсолнечника. Начали осваивать плетение в технике макраме, чем в последующие годы и займется Людмила Александровна. Активисты кружка — *Мадина Аргунова, Наталия Сивачева, Наташа Деписова, Юлия Рафикина, Аня Дроздова, Наташа Трапезникова, Светлана Титова, Оля Шаталова, Наташа Тумапова.*

Руководитель кружка *Т.Е. Кайкова* обучает детей искусству составления аппликаций из засушенных трав, листьев, цветов. Многие работы кружковцев были подарены Н.Я. Крупиничным членам природоохранных обществ США.

В конце февраля 1990 г. станция переезжает в новое помещение: на Заводское, дом 7 (после ремонта в бывшем здании школы № 17). Хорошее помещение было выделено под живой уголок. Кружок «Юный зоолог» принимал гостей из детских дошкольных учреждений и школ города, а также детей из Ваты Нижневартовского района.

16 сентября — праздник юннатов. В работе *5 слета юннатов* принимали участие учащиеся 6–7 классов. Ребята пришли в парадной форме с эмблемами. Каждая команда имела своего экскурсовода по выставке «Дары самотлорского лета», а также юнната-исследователя, который защищал свою опытническую работу, предоставив дневники наблюдений, полевые журналы, гербарии, коллекции, схемы, диаграммы.

На выставке были представлены следующие экспонаты: снопы зерновых культур, букеты цветов, овощи — по 1–2 кг по каждому варианту.

До 10 сентября команды должны были представить материалы домашнего задания с прошлого слета: отчет о работе отряда «зеленых патрулей», об участии в операциях «Кормушка», «Экокорм», «Ель», листовку школьного дозора форматом 42х30, рисунок на тему «Люблю тебя, мой край родной».

На слете работали секции: овощеводов на базе теплицы школы № 13, цветоводов на базе теплицы школы № 12, флористов, зоологов, аквариумистов на базе станции юных натуралистов. В каждой секции кроме конкурсов были викторины, а также участники слета получили домашнее задание на год.

Звание «Лучший юный овощевод» получили:

1 место — Наташа Москвичева, ученица 7 класса СШ № 25;

2 место — Альбина Гизатуллина, ученица 7 класса СШ № 25, кружковец СЮН;

3 место — Лида Кротова, ученица 8 класса СШ № 25, кружковец СЮН.

Звание «Лучший юный цветовод» получили:

1 место — Татьяна Ташкова, ученица 7 класса СШ № 11;

2 место — Катя Молчашкина, ученица 7 класса СШ № 11.

Победителем конкурса поделок из природного материала «*Необыкновенное рядом*» стала Татьяна Гребень, ученица 7 класса СШ № 17.

5 декабря 1990 года — *открытие зимнего сада* на базе станции юных натуралистов по ул. Заводской. В организации зимнего сада участвовали кружки «Юный натуралист», «Юный цветовод», «Юный растениевод». Первыми «жителями» были представители из семейства гераниевых, бегониевых, лилейных, губоцветных. Ответственной за работу зимнего сада была назначена *Неля Ивановна Холодаева*.

1991 год. Кружок «Баян» — руководитель *В.Н. Воронцова*. С появлением этого руководителя интереснее стали проходить все мероприятия. На занятиях кружка руководитель учил ребят слушать музыку и рисовать ее. Постоянно действовала выставка рисунков «Мы рисуем музыку».

Начал работу кружок *«Конструирование и моделирование одежды»* — руководитель *И.В. Шкильнюк*. На занятиях кружка девушки изучали теоретический материал, закрепляли изученный материал пошивом для себя модных и повседневных нарядов, изготовлением мягкой игрушки.

Вместо слета юннатов стали проводить городской конкурс *«Знатоки природы»*, который прошел 25 марта в досуговом центре «Самолетор». Он состоял из письменного и устного туров. В программе конкурса — игры, шарады, концертные номера. В фойе выставка рисунков и поделок из природного материала.

20 апреля состоялся традиционный праздник *«Встреча пернатых друзей»* для учащихся 4–5 классов.

Ведущая праздника *О.В. Кормичикова* объявляет об открытии праздника. Ее помощники — сказочные герои Лепший и Кикимора, Берендей, сороки. Действие происходит на «лесной поляне». «Сороки» приглашают птиц в птичью столовую подкрепиться после дальней дороги. Затем викторина, конкурс плакатов и листовок в защиту птиц. Все участники получают задание по операции «Птицеград» на 1991–1992 учебный год.

Командам-победительницам и их учителям-наставникам вручены призы:

за 1 место — школе № 18;

за 2 место — школе № 24;

за 3 место — школе № 28;

поощрительный приз — школе № 8.

Разработана и апробирована программа *«Любители природы»*.

1992 год. Городской конкурс *«Знатоки природы»* прошел 15 февраля для учащихся 8–9 классов. Участники конкурса готовили домашнее задание, которое необходимо было сдать в жюри до 10 февраля:

а) составить один занимательный вопрос с ответом на тему «Животный и растительный мир нашего края»;

б) составить кроссворд на биологическую тему;

в) под девизом «Сохраним нашу Землю голубой и зеленой» школьной команде составить проект микрорайона школы или части его, где будет отражено решение одной из экологических проблем.

10.00 час. — Торжественное открытие конкурса.

Звучит музыка П.И. Чайковского «Времена года». Согласно сценарию участники конкурса совершают увлекательное путешествие по экологической тропе «Видим, слышим, чувствуем природу», куда вошли экзоты: «Лесные джунгли», «В мире комнатных растений» (экскурсия по

зимнему саду), включающий и письменный тур, «Лесная поляна», где в качестве разминки проходит и музыкальная переключка, «Лес» — «Культура поведения человека — атрибут не только городского быта», участники проходят по лесной тропе. Аукцион «Дары леса». Экопост № 5 — «Первоцветы», № 6 — «Фитобар».

Обед прошел в кафе «Медуница».

Участниками на защиту были предложены следующие экологические проекты: «Экологическая проблема двора, в котором я живу» — ученицы 9 класса СШ № 18 Натальи Стрелкиной; «Выращивание экологически чистой продукции на пришкольном участке» — ученицы 9 класса СШ № 18 Анастасии Гартвик; «Школа будущего с экологической направленностью» — учеников 9 класса СШ № 17 Сергея Шапоринко и Александра Лебедева.

Пока жюри подводило итоги, конкурсанты приняли участие в «Поле чудес».

Каждому участнику «Поля чудес» кружковцы вручили приз — подсвечник, сделанный своими руками в кружке «Художественная обработка древесины» — руководитель *М.А. Колобов*.

Особая программа была для болельщиков и учителей школ города.

Работала *выставка*, ее разделы: лесная скульптура, аппликация, композиции из различных материалов, поделки из природного материала, природа в рисунках детей, коллекции значков, марок, календарей о природе.

Встреча с кинологами и их питомцами порадовала всех присутствующих на конкурсе.

Декады. Для обмена опытом работы руководителей кружков согласно плану работ стали ежегодно проводиться декады отделов. *Одной из первых прошла декада «В царстве Берендея» (15–26 февраля)*.

Во время декады кружковцы посещали зимний лес и парк, состоялась встреча с флористом из школы искусств Нинной Андреевной. Проводились конкурсы лесных газет (победили учащиеся кружка «Юный цветовод» — рук. Л.С. Васильева), поделок из природного материала, композиций зимних букетов (победили учащиеся кружка «Юный цветовод» — рук. Н.И. Холодаева), конкурсе поделок из природного материала, конкурсе стихов «Лесное чудо». Закончилась декада праздником «В царстве Берендея», где юные флористы показали свой спектакль.

Педагогическим коллективом осуществляются привязка выделенных акций к определенным датам для ежегодного проведения; совместная с обучающимися разработка ведущих идей, вводимых в образовательно-воспита-

тельный процесс традиций, их символики и примерных церемониалов, предпочитаемых для традиционного проведения праздников и других торжественных мероприятий, знаменующих точки отчета в соответствующем развитии учреждения дополнительного образования и его воспитанников.

В сентябре 1992 года по приказу управления образования было создано новое учреждение *Детский эколого-биологический центр (ДЭБЦ) — новый тип учебного заведения дополнительного образования.*

Человек и природа... Вечная и всегда актуальная тема. Небрежное, а порой и жестокое отношение детей к природе объясняется отсутствием у них необходимых знаний. Гуманное отношение к природе, воспитание эстетических чувств являются необходимыми условиями экологического воспитания.

Представленная Концепция непрерывного экологического образования в Нижневарттовском регионе, разработанная совместно с учеными РАН (И.Т. Суравегиной), трактует экологическое образование как процесс наследования и расширенного воспроизводства человеком экологической культуры посредством обучения, воспитания и самообразования, а также в рамках трудовой и бытовой деятельности, а непрерывное экологическое образование — как обогащение экологической культуры человека на протяжении всей его жизни. Функционирование структур непрерывного экологического образования в северном регионе истолковывалось нами как зависимое от природно-биологических обстоятельств осуществление образовательно-воспитательной деятельности соответствующими организационно-педагогическими и программно-методическими материалами при программировании и осуществлении такой работы.

Работа по созданию системы дополнительного экологического образования в г. Нижневарттовске началась в 1992 году. При создании Детского эколого-биологического центра как учреждения нового типа и при осуществлении образовательно-воспитательной деятельности в нем исследовательский коллектив реализовывал принципы, цели и задачи непрерывного экологического образования детей, что потребовало создания и постоянной актуализации соответствующей структуры самого учреждения и осуществляемой им образовательно-воспитательной деятельности. Одним из условий успешной реализации эксперимента является объединение в четкую систему научно-теоретического и опытно-экспериментального обоснования с учетом условий северного региона.

Проводимая образовательно-воспитательная и научно-исследовательская работа, ориентированная на решение проблем экологического образования,

убедила нас в необходимости использовать идеи системного, деятельностного и личностного подходов в их единстве. Исходя из социоприродных и эколого-экономических особенностей (проблем) района и города, мы строим учебно-воспитательный процесс в Детском эколого-биологическом центре.

Основополагающими для совершенствования системы НДЭО детей и юношества в северном регионе у нас выступали дидактические принципы систематичности и последовательности учебно-воспитательной деятельности как самого Детского эколого-биологического центра, так и сотрудничающих с ним общеобразовательных учреждений города Нижневартовска.

Исключительное значение придавалось нами созданию и уместному задействованию условий практической реализации концепции, определяющей характер и содержание организации и развития системы непрерывного экологического образования (СНЭО). В рамках компетенции учреждения был осуществлен комплекс действий по совершенствованию СНЭО в регионе (разработка нормативно-правовой базы НЭО по развитию и функционированию СНЭО; кадровое обеспечение всех уровней и направлений НЭО; разработка и внедрение соответствующих образовательно-воспитательных программ; подготовка научно-методической и материально-технической базы; финансовое обеспечение создания, функционирования и развития СНДЭО; организация информационно-образовательного пространства, доступного для экологического всеобуча и воспитания экологической культуры населения с помощью средств массовой информации, объектов культуры и отдыха; туризма, заповедников и т.п.; пересмотр содержания образования с целью его экологизации и практической направленности, ориентированной на воспитание экологического сознания и ответственного по отношению к природе поведения человека; внедрение технологий и методов активного обучения, его развитого психолого-педагогического обеспечения).

Наиболее благоприятным для решения задач экологического воспитания является период детства. Из копилки замыслов удалось начать апробирование еще одного направления в работе — *работа с дошкольниками* на базе детских дошкольных учреждений города Нижневартовска. Первые занятия по экологии стали проводиться в дошкольном учреждении № 60 педагогами дополнительного образования *Б.А. Колобовой и М.А. Колобовыми*.

В течение двух лет на занятиях с детьми подготовительной к школе группы, построенных как путешествия, дети получали достаточно боль-

шой объем природоведческого материала, включающего элементы изобразительной деятельности — рисование и лепку. Такое начинание в экологическом воспитании и образовании получило в дальнейшем «зеленую улицу». Возникла необходимость в создании собственной программы по дошкольному экологическому воспитанию с учетом возрастных особенностей и преемственности.

Создание профилированного образовательно-воспитательного учреждения, которому официально вменялось в обязанность теоретическое углубление и практическое опредмечивание осуществляемой образовательными учреждениями экологической подготовки подрастающего поколения в социоприродной среде региона, приравненного к районам Крайнего Севера, с конструированием модели организационной структуры управления этим учреждением. *Центр работает в инновационном режиме.*

1993 год. Воспитание у детей любви к родному краю, бережного отношения к живой природе является одним из стержневых принципов в работе Детского эколого-биологического центра, вокруг которого строятся все образовательные программы различных форм деятельности центра.

Стартовым документом проблемно-исследовательской группы центра по улучшению экологического образования и воспитания был Закон Российской Федерации «Об образовании» (1992 г.) и последующие дополнения к нему; изучение соответствующих концепций экологического образования детей и молодежи на пороге третьего тысячелетия, а также программа «Экологическое образование населения Ханты-Мансийского автономного округа».

Экологическое образование отличается от любого другого вида предметного образования тем, что имеет целью формирование не столько знаний, умений и навыков, сколько рациональных отношений (точнее, взаимоотношений) подрастающего человека с окружающей средой, т.е. идет формирование экологического сознания и воспитание экологической культуры во имя выживания человечества.

Основное направление деятельности центра — целенаправленное систематическое развитие детей с целью дальнейшего экологического обучения, воспитания и саморазвития в учреждениях общего и дополнительного образования.

Составление программы и разработок факультативного курса «Природа вокруг нас» для старших дошкольников с учетом преемственности обучения в ДДУ и школы I ступени. Занятия по программе «Природа вокруг

нас» в СШ № 1, 6, 7, 8, 17, 27, 28, 32, 35 проводят *Е. П. Батухтина, Л. Я. Богомаз, Т. Е. Казакова, Н. В. Аксенова, Н. Н. Вдовина.*

Апробация программ «Природа вокруг нас» в старшей и подготовительной к школе группах прошла в ДДУ г. Нижневартовска № 1, 6, 15, 21, 30.

Осуществление связи общего экологического воспитания и образования с программами экологизации учебных предметов (русский язык и математика) в 1–3 классах, разработанными педагогами Детского эколого-биологического центра, идет на базе школ № 6 и 35.

Программа курса «Природа вокруг нас» в ДДУ и первом классе школы позволяет ввести детей в мир природы, удовлетворить интерес к ней, способствует формированию мировоззрения, зачатков экологической культуры, развивает наблюдательность, воспитывает гуманное отношение к окружающей природе, доброту, любовь ко всему живому.

Программа «Природа вокруг нас» для старшей группы ДДУ является начальным звеном в цепочке непрерывного экологического обучения и воспитания, охватывая детей старшего дошкольного возраста и младших школьников (первый класс).

Программа «Природа вокруг нас» для детей подготовительной к школе группы является вторым этапом экологического воспитания и обучения детей дошкольного возраста и тесно связана с программой, освоениями в старшей группе. При решении задач экологического воспитания и обучения в подготовительной к школе группе усложняется программное содержание занятий, изменяются методы и приемы обучения, так как у детей уже имеются умения и навыки, полученные на занятиях в старшей группе. Содержание работы в подготовительной группе направлено не только на ознакомление с новым материалом, но и на повторение, уточнение, систематизацию и закрепление уже имеющихся у них знаний, умений и навыков.

На занятиях в классе дети устанавливают взаимосвязи между условиями окружающей среды и приспособляемостью растений и животных к этим условиям, между образом жизни животных и их физическим состоянием.

Продолжительность занятий в ДДУ — 30 минут. В первом классе — по режиму школы. Основные формы и методы обучения — занятия, экскурсии, наблюдения, развивающие игры, элементарная поисковая деятельность.

Осуществлена диагностическая и аналитическая деятельность по результатам работы по программе «Природа вокруг нас» в ДДУ и школах города.

Совместно с кафедрой ПпМНО Нижегородского педагогического института проведен анализ литературы и подготовлены материалы для проведения психолого-педагогических исследований по выявлению степени самостоятельности и активности, качества усвоения знаний детьми в первом классе, познавательных способностей — с целью способствования формированию экологических основ личности с учетом региональной специфики. Выпустили пособие «Природа вокруг нас» для руководителей кружков и воспитателей ДДУ.

Конкурс «Знатоки природы», посвященный 65-летию округа, — яркое мероприятие, насыщенное богатым интеллектуальным и эмоциональным содержанием, объективно способствовавшее чувствительному повышению уровня экологической культуры воспитуемых, развитию и закреплению у детей позитивных мотивов опущения себя рачительными хозяевами и защитниками родной земли и природы.

Открытие кружка «Театр кукол», где вместе с репетициями спектаклей шло изготовление кукол — персонажей пьес. Этот кружок работал в базе детской компании.

1994 год. Кружок «Юный натуралист» работает по ул. Заводской, 7 для учащихся школы № 17, которая находится в старой части города. Наблюдать за растениями, животными, изменениями в природе любят все мальчики, а вот затем нарисовать это не все умеют. Этому их терпеливо обучает руководитель кружка *Т.В. Баженова*. Ко дню рождения своих родителей, братьев и сестер ребята уже могут изготовить подарки — поделки, выполненные объемной аппликацией.

Руководитель кружка «Природа и фантазия» *Т.Н. Пащенко* познакомила кружковцев с новым видом работы — изготовлении объемных аппликаций из ткани. Работа в этом кружке способствует формированию первых трудовых навыков, развивает фантазию.

Кружок «Юный овощевод» начал свою работу в сентябре 1994 г. Кружковцы под руководством *С.В. Спириной* занимались изучением теоретического материала, а также занимались практической деятельностью: вырастили на реализацию в зимнее время 10 кг зеленого лука, салатной капусты — 3 кг. Весной для горожан вырастили рассаду перца, лука-порея, сельдерея.

Ребята кружка «Баян» проводят музыкальные гостиные для кружковцев центра. Некоторые дети после занятий в кружке поступили в школу искусств по классу баяна (Гульнара Файрузова и Ильядар Сулейманов).

Согласно годовому плану работы в период подготовки городского конкурса «Знатоки природы» работниками центра были проведены отборочные туры по школам города № 1–33, а также отправлены задания заочного тура в некоторые школы Нижневартовского района. С 1 апреля по 6 мая на базе центра работали консультационные пункты по секциям «Флора», «Фауна», «Охрана природы», «Водосточники и водосемы» для участников городского конкурса.

Конкурс «Знатоки природы» состоялся 7 мая. В ходе конкурса его участники должны были показать свою готовность решать экологические проблемы города. Во время конкурса прошли соревнования по секциям, работал фрисбар, состоялся аукцион песен о природе; специалист клуба копек всем желающим давал консультации по теме «Мой котенок».

С огромным интересом и при активном участии всех присутствующих прошла экологическая гостиная «Встреча на планете людей». Чтобы попасть на планету «Монх младших братьев», участникам конкурса необходимо было выполнить домашнее задание по теме: «Животные города и человек». Лучшими стали команды СШ № 4, 23, 31, 19, 18.

Работали выставка «Неугасимая сказка флоры», выставка экологических плакатов, рисунков, листовок, выставка кошек. Работали выставочный зал центра и живой уголок.

Среди победителей 4-х секций был проведен «Звездный час» (Толя Пацак, Костя Башкиров, Эля Садыкова, Таля Богачева). Победителем стал Костя Башкиров, ученик СШ № 18.

В командном зачете места распределились следующим образом:

1 место — СШ № 19;

2 место — СШ № 18;

3 место — СШ № 2;

4 место — СШ № 4.

Победители конкурса ездили в Тюмень на областной конкурс.

В Детский экологический центр приходят молодые педагоги, выпускники Нижневартовского педколледжа Н.В. Брезгулевская и О.А. Гапонова, которые стали осуществлять идею предыдущих педагогов о проведении занятий по экологии в старших и подготовительных группах дошкольных учреждений № 15, 30, 60. В содержание занятий педагоги включают разнообразные игры. Игры и игровые моменты придавали занятиям эмоциональную окраску, делали их более интересными для детей.

С каждым годом современный дошкольный мир города пуждался в новом поколении педагогов дополнительного образования, так как ко-

личество желающих ДУ увеличивалось. На работу были приняты выпускники Нижневартовского педагогического института *Л.В. Голодова, А.В. Марданова, И.И. Ганеева*.

Бывшие студенты совместно с директором Детского экологического центра разрабатывают программу «Природа вокруг нас». Особенность этой программы в том, что в ней впервые делается попытка формирования систематических экологических знаний для детей дошкольного возраста. Начали создавать учебно-методические комплексы.

Кружок «Здоровье и окружающая среда» работал на базе СШ № 24 — руководитель *О.И. Пашина*.

Кружок «Юный цветовод» на базе теплицы школы № 25 начал свою работу 10 октября, и возглавили эту работу *Н.И. Холодаева и Г.В. Макарова*. Заменяли всю землю, украсили стеллажи комнатными растениями. Началась опытническая работа с растениями, а также в теплицах поселились и обитатели живого уголка — морские свинки, кролики, крысы, хомячки. Был заложен опыт по выращиванию ананаса в теплице северного региона. Лишь через четыре года на очередной конференции кружковцев центра участники не только увидели ананас, но и отведали его.

По просьбе биологов школ города была разработана программа *интегрированного курса «Экология города»*, одобренная институтом природопользования г. Нижневартовска, которая апробировалась работниками центра в СШ № 2, 4, 6, 7, 8.

В условиях существенного изменения социально-экономической обстановки и духовно-культурной ситуации исключительно важным направлением работы становится подготовка юношества к созданию собственной счастливой семьи и поддержанию в ней здорового нравственно-психологического климата.

На базе центра открываем *Светскую Академию для девушек*.

На занятиях в Светской Академии (САД) девушки (8–11 классов) получают практические навыки ведения домашнего хозяйства, овладевают системой нравственных норм, обучаются парикмахерскому делу, изобразительному искусству, музыке...

Программа САД направлена на сохранение здоровья подрастающего поколения, формирование культурного, духовного и нравственного потенциала, подготовку девушек к будущей семейной жизни.

С 1994 по 1999 г. Светскую Академию закончили 142 человека. Первыми студентами нашей академии были 22 девушки из вечерней школы № 1 г. Нижневартовска, которые обучались по программе, рас-

считанной на два учебных года и включающей 12 предметов («Кулинария и культура быта», «Косметология», «Этика и основы семейной жизни», «Человек и природа в ИЗО», «Вышивка» и другие). Первые преподаватели *Б.А. Колобова, Г.В. Макарова, Л.Я. Богомаз, Е.Б. Ишутина, Е.А. Шамашина, Т.Е. Кайкова, М.А. Колобов* и другие разрабатывали и апробировали программы. Кроме аудиторных занятий проходили заседания *клуба «Мастерицы»*.

Количество девушек, желающих обучаться у нас, растет, совершенствуются программы и их содержание, вводятся новые интегрированные предметы: «Экология души и тела», «Здоровье», «Психология общения», улучшается материальная база. На занятиях девушки учатся правильно следить за здоровьем, быть уверенными в себе, общаться со сверстниками. Организуется *клуб «Молодая семья»*, на занятиях которого проходят различные конкурсы, встречи с интересными людьми. Очень интересно прошли конкурсы «Мисс Само Совершенство», «Мисс Осень» и другие.

Занятия в светской академии привлекательны для многих девушек. Чем же? «Учеба в академии — это шанс приобрести хорошие манеры, научиться общаться с людьми, эффективно вести домашнее хозяйство», — так ответили участницы экспресс-опроса. Отрадно сознавать, что немало выпускниц САД продолжают учиться дальше: в педагогическом институте, в лесотехнической академии, в медицинском училище и других учебных заведениях. И мы счастливы, что они не забывают и любят своих наставников-«академиков»: «Милые и любимые наши учителя и директор Берта Алексеевна! Благодарим вас за знания и мудрость, которые вы дали нам. Низкий поклон вам. Желаем здоровья, любви, исполнения планов и желаний. Удачи и счастья вам!»

I городской слет экологических отрядов состоялся 5 октября. На слет приглашены члены экологических отрядов из школ № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 11, 17, 18, 19, 21, 26, 31, 32, 33, экологический отряд студентов пединститута, отряды ДЭБЦ. Слет прошел в форме коллективной творческой игры «Юный эколог».

1995 год. Одна из основных задач кружка «Юный зоолог» в данном учебном году — ведение наблюдений за обитателями живого уголка и ведение дневников наблюдений, уход за животными. У каждого из кружковцев был свой любимчик.

Памятным событием этого года было *открытие зимнего сада на базе начальной школы № 35*, где были представлены комнатные растения в количестве 91 экземпляра и декоративные птицы. У ребят

данного микрорайона появилась возможность заниматься в кружках «Юный цветовод» и «Юный натуралист», а у школы появилась возможность часть уроков по природоведению проводить на базе зимнего сада. Здесь работали руководители кружков *Г.В. Макарова* и *В.В. Гарюнова*.

Работы Натальи Аюшкиной и Розы Шиховой из кружка *«Конструирование и моделирование одежды»* получили единодушное признание зрителей и жюри на демонстрации моделей одежды.

20 апреля на базе детского дома «Листенок» прошел I конкурс «Юный эколог» для учащихся первых классов, который станет традиционным в городе. На конкурсе присутствовала профессор, доктор педагогических наук Ирина Трофимовна Суравегина. Конкурс проходил в форме *развлекательно-познавательной игры «Путешествие на корабле «Знайка»*. Капитаном корабля «Знайка» был кружковец из 5 «ж» класса СШ № 31 Андрей Гончаров. В конкурсе принимали участие команды по четыре человека от СШ № 6, 8, 17, 18, 19; начальных школ № 27 и 35, занимающиеся по программе «Природа вокруг нас», и команда детского дома «Листенок». Каждая команда должна была пройти следующие этапы конкурса: «Остров Невезения», «Остров Чудес», «Остров Экологов».

Победители: 1 место — экипаж СШ № 6: Алена Бородин, Коля Вологов, Витя Зенкунов, Егор Коваленко;

2 место — экипаж СШ № 8: Антон Носов, Лена Ванюрихина, Данил Самсонов, Максим Максимов;

3 место — экипаж СШ № 19: Марина Устинова, Сергей Яковин, Павлик Афанасьев, Ваня Васильев.

Лучший эколог — Лена Ванюрихина.

Ребята из кружка *«Театр кукол»* вместе с руководителем *Л.В. Дзюба* выступали на городском конкурсе «Юный эколог».

Городской конкурс «Знатоки природы».

Положение о городском конкурсе «Знатоки природы»

Городской конкурс «Знатоки природы» проводится ежегодно Детским эколого-биологическим центром.

Оргкомитет

Соснина Н.А., ведущий специалист управления образования по воспитательной работе;

Колобова Б.А., директор ДЭБЦ;

Пастухов Б.Г., зампредела регионального комитета по охране окружающей среды и природных ресурсов;

Гребенюк Г.Н., старший преподаватель пединститута;

Романчук Г.Г., замдиректора ДЭБЦ;

Батухтина Е.П., зав. орг.-массовым отделом ДЭБЦ;

Беляк Р.В., зав. отделом ДЭБЦ;

Богомаз Л.Я., зав. отделом ДЭБЦ;

Дзюба Л.В., методист ДЭБЦ.

Сценарий конкурса

Регистрация участников. Всем участникам выдаются эмблемы секций, в которых они будут принимать участие.

Оформление

Помещение празднично убрано, звучит музыка. В рекреациях и кабинетах оформлены выставки: творческих работ кружковцев и учащихся школ города, экологических плакатов, природоохранных листовок, экологических вестников. Актальный зал оформлен для работы экологической гостиной: высказывания о природе, на переднем плане — Красная книга, экран. Четыре кабинета оформлены для работы секций и экопостов.

10.00 — Начало конкурса.

Ведущая:

«Здравствуйте, уважаемые ребята, уважаемые учителя и наши гости!

Сегодня мы собрались для проведения традиционного городского конкурса «Знатоки природы». Спонсор конкурса — региональный комитет по охране окружающей среды и природных ресурсов, председатель Николай Яковлевич Крупинин.

Наш конкурс мы посвящаем 50-летию Великой Победы.

От имени администрации и коллектива ДЭБЦ, оргкомитета конкурса поздравляю вас с замечательным праздником, желаю здоровья, счастья, успехов в учебе, мира вам и вашим близким!»

Программа

10.00 — Открытие конкурса. Монтаж «У всех у нас есть мать одна по имени Природа».

10.25—11.15 — Работа конкурсантов по секциям: «Флора», «Фауна», «Охрана природы», «Водосточники и водоемы».

В это время для учителей школ проводится встреча с представителями городской детской библиотеки; игра «Счастливый случай»; просмотр видеофильма.

11.15—11.30 — Всех приглашает кафе «Калинка».

11.30—12.00 — Совместная творческая работа учителей и конкурсантов по оформлению рекламно-пропагандистских щитов экопостов: «Бе-

реза», «Лекарственные растения», «Красная книга», «Биоцит». Ребята поработали творчески. Вот некоторые листовки:

«Биоцит»

Если в лес словый
На пикник приехал ты,
Не забудь — костер ты яркий потуши.
Обозри поляну:
Если ты увидел банки и пакеты,
Бумажки, сигареты,
Не забудь убрать все,
Мимо не пройди.
Ведь другие люди
Будут отдыхать здесь,
Помоги ты лесу,
Человек Земли!

(А. Куприков, СШ № 15)

«Красная книга»

Красная книга от крови,
Крови невинных жертв.
Сколько животным боли
Смог причинить человек!

(Полина Груць, СШ № 11)

12.00 — Экологическая гостиная, где были представлены модели оформления экопостов и прошла их защита.

12.30 — Жюри объявляет о результатах конкурса и домашнего задания на тему: «Красная книга растений Тюменской области» (лучшими признаны работы СШ № 9 и 10).

12.45 — Экологический ринг, по итогам которого мы определили лучшего знатока природы.

Теоретическая модель содержания дополнительного экологического образования в г. Нижневартовске построена с учетом принципов доминантности, междисциплинарности и интеграции, что потребовало создания и постоянной актуализации соответствующей структуры самого учреждения и осуществляемой им образовательно-воспитательной деятельности. Соблюдение всех этих принципов позволяло преемственно — от одной возрастной группы к другой и на протяжении всех лет обучения — наращивать

потенциал личностной и экологической готовности ребенка к жизни в условиях рационального природопользования.

Летом начинаются первые попытки к созданию программы клубов для учащихся вторых классов по теме «Животные Красной книги Тюменской области» педагогом Т.А. Куть, которую апробировали на базе СШ № 1, 6, 7, 17, 27, 35. Педагогом Е.В. Григорьевой разрабатывается и внедряется программа клуба для учащихся третьих классов по теме «Растения Красной книги Тюменской области» на базе СШ № 17.

Главной целью этих программ становится ознакомление школьников с редкими и исчезающими растениями и животными Тюменской области, занесенными на страницы Красной книги, воспитание доброты, ответственности, внимания к окружающему миру, милосердие к слабым.

1996 год. Ключевым этапом в развитии дошкольного экологического образования явилось создание в центре *отдела «Экологическое воспитание дошкольников»*. В него вошли специалисты, влюбленные в свою профессию: Л.В. Голодова, И.И. Гапеева, А.В. Мардапова, Н.В. Брезгулевская, Н.С. Бикмухаметова, Л.Ф. Абжалилова, Л.И. Попельхова, Л.А. Карпенко. Возглавила работу отдела отличник народного образования Г.И. Брезгулевская, педагог с большим стажем работы с детьми дошкольного возраста.

Экологическое образование постепенно становится важнейшим направлением в дошкольных учреждениях города № 1, 21, 30, 47, 49, 60, 61, 67, 71, 76, 86, 87, где занятия ведут педагоги отдела. На занятиях педагоги используют разнообразный иллюстративно-наглядный материал, для снятия напряжения — валеологические упражнения. На занятиях по экологии используются различные игры, в процессе игр дети закрепляют, расширяют знания о предметах и явлениях природы.

Работу по формированию бережного отношения детей к природе проводили не только на занятиях, но и через различные познавательные игры: «В мире интересного», «На лесных тропинках», «Если ждет тебя жизнь Робинзона», «Счастливый случай», «Цветик-семицветик».

Еще одно направление работы оправдало себя, особенно в каникулярное время, — это *агитбригада*. *Агитбригада* кроме бесед проводила игры, что очень нравится дошкольникам и младшим школьникам.

И.И. Гапеева, А.В. Мардапова, Л.И. Попельхова, Л.А. Карпенко в каникулярные дни проводили познавательную игру «Домашние любимцы» в ДДУ города, где дети получали дополнительные знания о кошках и собаках, пели песни о любимцах.

В сентябре был сформирован *отдел «Любители природы»*, который возглавила *Т.В. Оскольская*. Идет паработка учебно-методических комплексов. По заявкам школ города педагогами *А.В. Мардановой, Н.С. Бикмухаметовой, Л.Ф. Абжалиловой* проводилось театрализованное представление «Мисс Кис-Кис» для учащихся первых—вторых классов. Цель этого мероприятия — не только развлекать ребят, но в игровой форме рассказать им об интересных фактах из жизни животных, воспитывать заботливое отношение к кошкам.

1996—1997 учебный год ДЭБЦ работал в инновационном режиме по теме «*Создание модели учреждения дополнительного образования с экологической направленностью и внедрение городской программы непрерывного экологического образования и воспитания*», а также модели единого информационного пространства экологического образования и воспитания в городе.

В основе работы по созданию модели единого информационного пространства экологического образования и воспитания в городе лежит развитие экологического сознания учащихся, формирование интереса к биологическим наукам, общей целостной картины мира, ответственного отношения к природе и своему здоровью. Ежегодно количество образовательных учреждений, в которых детский экологический центр внедряет городскую программу непрерывного экологического образования и воспитания, увеличивается.

Базой инновации являются воспитанники старших, подготовительных групп детских дошкольных учреждений, а также учащиеся первых—девятых классов общеобразовательных учреждений города.

Образовательная деятельность в 1996—1997 учебном году осуществляется по 36 направлениям, в основном на базе образовательных учреждений, согласно договорам о сотрудничестве.

Основными направлениями сотрудничества являются: непосредственное участие сотрудников центра в работе с детьми (как на базе ДДУ и школ, так и на собственных площадях); совместная методическая работа с целью улучшения урочной и внеурочной работы с детьми; предоставление материально-технической базы центра и средств для проведения занятий.

Эффективность сотрудничества связана с учетом партнерами взаимных потребностей, интересов и возможностей в развитии совместной деятельности.

В сотрудничестве с образовательными учреждениями мы открыли для себя следующие перспективные возможности:

— развивать систематическую совместную методическую и учебно-воспитательную деятельность, создавая тем самым новые условия для

развития личности, переносить значительные объемы учебно-воспитательной работы из центра в образовательные учреждения; открывать на их базе кружки, клубы, уголки живой природы;

— осуществлять отбор детей для дальнейшей работы с ними в кружках с целью увеличения контингента детей, изучающих природу родного края, проблемы экологии и их решения в меру своих возможностей.

С учетом этого выделяются основные направления будущей работы: осуществление лично-ориентированного подхода к обучению; совершенствование методики преподавания отдельных дисциплин; работа над дидактическим обеспечением инновационных программ.

«Экология и музыка» — так стал называться кружок «Баян».

Педагог много работает по выполнению заветов Д.Д. Шостаковича: «Любите и изучайте великое искусство музыки. Оно откроет вам целый мир высоких чувств, страстей, мыслей. Оно сделает вас духовно богаче, чище, совершеннее. Благодаря музыке вы найдете в себе новые, неведомые вам прежде силы. Вы увидите жизнь в новых тонах и красках».

В этом году состоялся первый выпуск, на котором присутствовали родители, дети из других кружков. На отчетном концерте были исполнены ария И.С. Баха, вальс Штрауса, народные песни. Очень понравились юные исполнители всем присутствующим.

Кружковцы-цветоводы продолжали закреплять практические навыки ухода за комнатными растениями, их разведения, составления композиций из живых цветов. Большое внимание уделялось и эстетическому воспитанию учащихся. Событием года, оставившим самые яркие впечатления, стал праздник «Цветы вокруг нас» и выставка композиций из живых цветов.

Кружковцы всех направлений работы принимали активное участие в экологических операциях «Экокорм», «Кормушка», «Ель» и других. Согласно программам все кружковцы совершали экскурсии на природу, с большим удовольствием принимали участие в познавательно-развлекательных играх.

Зимний сад, выращенный кружковцами-цветоводами, привлекал внимание школьников города и воспитанников дошкольных учреждений. *Проведение экскурсий в зимнем саду и живом уголке ДЭБЦ* — еще одно направление работы центра.

Ребята из кружка «Фитодизайн», где руководитель *Л.Г. Шпак*, приняли участие в областном семинаре для директоров и методистов станций юных натуралистов, а также в семинаре для учителей города. Они показали свое искусство в изготовлении искусственных цветов из ткани (10 видов полевых и садовых цветов).

1997 год. На начало учебного года создана программа «Природа вокруг нас» для детей средней группы. С выходом в свет постановления «Об экологическом воспитании дошкольников» заключили договоры о совместной работе по экологическому воспитанию с ДЭБЦ дошкольные учреждения № 7, 18, 62, 78, 81, 83.

Традиционными становятся конкурсы рисунков среди дошкольников старших и подготовительных групп.

Занятия по программе «Любители природы» во вторых—третьих классах проводятся в школах № 6, 7, 17, 21, 25, 27, 35, 40. Процесс формирования и углубления знаний, приобретения экологических умений и навыков очень длительный, поэтому педагогами отдела под руководством психолога *Н. И. Вдовиной* проводилась диагностика, целью которой было выявление практических умений и навыков детей, умение устанавливать связи между явлениями природы, объектами живой и неживой природы. Программа была переименована и дополнена и стала называться «Природа и мы», что позволяло ребенку воспринимать себя как часть природы, понимать необходимость бережного и заботливого отношения ко всему живому.

В октябре 1997 года на турбазе «Голубое озеро» состоялся *IV городской слет экологических отрядов*. Слет проходил в два этапа: теоретический, где дети смогли продемонстрировать свои знания, и практический, где участники слета соревновались в умении ориентироваться на местности.

Традиционными стали городские познавательно-развлекательные игры для учащихся пятых—восьмых классов.

1998 год. 26 марта на базе городской детской библиотеки прошел *I городской конкурс «Юный любитель природы»* для детей подготовительных групп. В нем приняли участие дети ДУ № 1, 18, 21, 30, 47, 49, 61, 67, 71, 76, 86, 87. Дети показали хорошие знания природы. Интерес в конкурсе поддерживался неожиданными игровыми ситуациями. Творческий подход к проведению конкурса, артистический дар каждого педагога и работника библиотеки сделали конкурс настоящим праздником для детей. (Телевидение вело съемки праздника, который показали по городскому каналу.)

19 мая состоялся традиционный городской конкурс «Знатоки природы», посвященный 80-летию юннатского движения России и 70-летию Ханты-Мансийского автономного округа. Конкурс проводился для учащихся седьмых—восьмых классов.

На торжественном открытии конкурса директору центра *Б.А. Колдобовой* представителем управления образования была вручена грамота Министерства просвещения России — за большой вклад в развитие юниатского движения в городе Нижневартовске.

Далее программой предусматривалась работа участников конкурса в 6 секциях: «Флора», «Фауна», «Картография», «Охрана природы», «Антропогенное воздействие», «Водосточники и водосмы» и на экостанциях: «Музыкальная поляна», «Лесоводы», «Звериная тропа», «Лесная аптека». Участники конкурса начинают свое движение по станциям в соответствии с личными маршрутными листами.

Ребята успешно справились с заданиями и проявили себя как истинные знатоки своего края. Радует то, что школьники небезразличны к проблемам окружающей среды и охране природы.

Во время перерыва участники конкурса активно принимают участие в спортивной и танцевально-развлекательной программах.

Во время подведения итогов членами жюри детям и гостям была предложена концертная программа силами кружковцев.

Особенно хочется отметить нашу совместную работу с шефами.

Большую помощь в улучшении материальной базы и проведении массовых мероприятий оказывали шефы: колбасный завод (*Н.С. Литвинова*, председатель профкома *Н.С. Симанова*, которая затем была директором), хлебокомбинат (директор *С.Ф. Довгель*, председатель профкома *В.Н. Курочкина*), хлебозавод (директор *В.Л. Лева*), птицефабрика (*Л.Н. Степанов*), нижневартовский совхоз, нижневартовский лесхоз (*М.В. Поляков*). Они — наши почетные гости на многих мероприятиях и их активные участники. До самой реорганизации продолжалась дружба с хлебокомбинатом, колбасным заводом, птицефабрикой и лесхозом.

Большая дружба и сотрудничество связывали нас с комитетом по охране природы и природных ресурсов во главе с председателем *Н.Я. Крупинным*. Это благодаря заботе комитета мы имели микроавтобус, технические средства обучения.

Кружковцы с большим удовольствием выезжали к шефам с концертами, с выставками-продажами поделок, рассады, комнатных цветов. Служебные помещения шефов озеленяли кружковцы.

На время летних каникул для кружковцев несколько лет подряд любовно предоставляли базу отдыха «Радуга» (Мегионнефтегаз — начальник *С.Е. Чайка*), где юннаты не только отдыхали, но и занимались санитарной очисткой леса, вели наблюдения за живыми объектами (бел-

кой, бурундуком). Дети могли ощутить всю прелесть северной природы, а самое главное — обучались правилам поведения на природе.

*Есть просто храм, есть храм науки,
А есть еще природы храм,
С лесами, тянущими руки
Навстречу солнцу и ветрам.
Он свят в любое время суток,
Открыт для нас в жару и стынь,
Входи сюда,
Будь сердцем чуток,
Не оскверняй ее святость!*

С. Смирнов

Актуальной проблеме современности — воспитанию у молодого поколения высокой экологической культуры, — решение которой послужит целям восстановления утраченного равновесия, гармонии в отношениях человека с природой, как раз и была посвящена деятельность нашего центра. Такая образовательно-воспитательная работа представляется исключительно значимой в социально-педагогическом плане, так как центр расположен на территории Тюменского Севера, страдающего от необоснованного и потому нерационального природопользования.

Подтверждена и эффективность наших усилий по совершенствованию системы дополнительного экологического образования детей в Детском эколого-биологическом центре, и как следствие — устойчивое число учреждений, заинтересованных во взаимовыгодном сотрудничестве, и положительная динамика роста количества детей, охваченных непрерывным экологическим образованием.

Мы считаем, что функционирующая программа развития непрерывного экологического образования детей в г. Нижневартовске решала совокупность актуальных задач: совершенствование преемственности в обучении и воспитании всех возрастных групп детей, создание благоприятных условий для развития индивидуальных способностей каждого ребенка, использование новых условий, методик и технологий развития детей, развитие педагогического творчества и другие.

В городе свыше 80 тысяч детей, обучающихся в дошкольных и основных образовательных учреждениях, а потому феноменом, заинтересовавшим нас в последние годы, стало организационно-педагогическое обеспечение принципа преемственности в функционировании всех уровней системы.

Нижневартковский МДЭБЦ — учреждение дополнительного образования с экологической направленностью, которое организует опытно-экспериментальную работу в виде дополнительного к школьному курсу непрерывного экологического образования детей, начиная со средней группы дошкольного учреждения и заканчивая стартеклассниками, выпускниками школ и работающей молодежью. В деятельности его коллектива учитывается, что экологическое образование детей — не просто одна из важнейших задач современного общества, а условие его дальнейшего выживания. Потому так важно содержание этого образования — тот научный багаж, фундамент знаний, который должен войти в мировоззрение нового поколения, стать основой его самостоятельной производственно-практической деятельности.

Нам учитывалось то немаловажное обстоятельство, что экологическое образование детей должно быть опережающим и, следовательно, должно отражать актуальное состояние науки, эволюционировать велед за развитием научных задач и программ, готовить новые поколения к эффективному решению очередных проблем общества.

Не случайно в 1995 году нашему центру присвоено звание «Лучшее внешкольное учреждение года».

Наши кружковцы были участниками Всероссийского совещания цветоводов в Москве, Всероссийской конференции, посвященной 200-летию Лесного департамента в Москве (*Кристина Мишагина*, СШ № 6), они — участники юннатской смены-слета в Артекс (*Ольга Возна*, СШ № 12, *Таня Дроздовская*, СШ № 8) и почти ежегодные участники областных конкурсов и акций.

Многие наши кружковцы в дальнейшем пошли учиться на естественно-географические факультеты в Санкт-Петербургскую лесную академию и другие учреждения. Часть кружковцев, закончив наш педагогический институт, трудится в школах, дошкольных учреждениях и в учреждениях дополнительного образования, продолжая юннатское движение.

Л.Л. Телегина

Дни славянской письменности и культуры в столице округа

Недавно я вернулась домой из столицы округа Ханты-Мансийска, где была на курсах для учителей «Воспитание на основе православия», проводимых Институтом повышения квалификации и развития регионального образования ХМАО—Югры совместно с Тобольской духовной семинарией. Проведение курсов совпало с празднованием Всероссийских дней славянской письменности и культуры, в программу которых входили: VI межрегиональные Кирилло-Мефодиевские образовательные чтения «Славянская культура в российской цивилизации», Международная конференция «Славянский мир: общность и многообразие», выставки российских народных промыслов «Святая Русь жива», презентация окружной коллекции старопечатных и рукописных книг XVII—XX вв., выставка «Апостолы нового времени: миссионерская деятельность Русской православной церкви», презентация антологии славянской поэзии из серии «Из века в век», творческая встреча с редколлегией и авторами окружного литературно-художественного альманаха писателей Югры «Эриптур» в Государственной окружной библиотеке, Дни славянского кино («В начале было слово», «Золотое слово Древней Руси», «Повесть о славянских письменах», «Друкарь Иван Москвитин», «Жизнь для книги»).

В центре искусств для одаренных детей Севера прошел праздничный концерт «Пасха красная», посвященный святым равноапостольным Кириллу и Мефодию и всем святым, в земле Сибирской просиявшим, в котором принимали участие учащиеся воскресных школ округа. Дети воскресной школы храма Рождества Христова нашего города показали театрализованное представление, посвященное священномученику Гермогену, епископу Тобольскому. Хор нашей воскресной школы исполнил духовные песнопения. Незабываемым осталось выступление хора Тобольской духовной семинарии под руководством иерея Игоря Хмелева.

Впечатления от празднования Всероссийских дней славянской письменности и культуры, конечно же, огромны. Ханты-Мансийск в эти дни

приковал к себе пристальный взгляд и внимание всей России. На торжественном открытии Международной конференции «Славянский мир: общность и многообразие», проходившем в концертно-театральном центре «Югра-Классик», митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий передал благословение Патриарха Московского и всея Руси Алексия II всем присутствующим в зале. В своем приветствии митрополит Ювеналий особо отметил непреходящее значение православия в деле духовного возрождения России. «Без духовного возрождения не может быть будущего у России. Сегодня само время помогает нам». Эта мысль нашла достойное продолжение в приветственном обращении министра культуры РФ А.С. Соколова, который говорил о значении единственного в России государственно-церковного праздника, неразрывно связанного с именами святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, создателями славянской азбуки, учителями, положившими начало просвещению славянских народов. «Чтя память святых равноапостольных Мефодия и Кирилла, мы должны не просто благодарить этих великих учителей славян за создание ими азбуки, но сами приобщиться к тому великому наследию, которое завещали нам эти учителя славян, — вере православной, вере Христовой, — подчеркнул владыка Димитрий в своем выступлении. — Именно поэтому так важно, чтобы День славянской письменности и культуры стал подлинно всенародным праздником пробуждения, праздником движения нашего народа к истокам, к вере в Бога, во Христа Спасителя, праздником духовного возрождения и нравственного возрастания».

Именно духовным возрождением для тысяч людей стало освящение площади Славянской письменности, памятников святым равноапостольным Кириллу и Мефодию, святителям Иоанну и Филофею, митрополитам тобольским, просвещавшим светом Христовой веры остяков, вогулов, самосдов — жителей Сибири. На площади гармонично расположены фонтаны, а на мраморных плитках высечены заповеди Божии... Здесь невольно и взор, и мысль обращены в вечность и ощущается связь времен. А напоминанием этому служат возвышающиеся на площади памятники людям, чьи имена на протяжении столетий живут в памяти благодарных потомков...

В главном храме на Обском Севере — храме в честь Воскресения Христова — в день памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 24 мая, впервые была отслужена Божественная литургия и совершено малое освящение храма. Службу вел митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий в сослужении еще пяти архиепископов и епископов: Тобольского и Тюменского Димитрия, Верейского Евгения, Том-

кого и Асиновского Ростислава, Ставропольского и Владикавказского Феофана, Барнаульского и Алтайского Максима, прибывших в Ханты-Мансийск специально на всероссийское празднование Дней славянской письменности и культуры. Священство, паломники, прихожане, учащиеся воскресных школ округа и православных гимназий — все в это время были как одно целое, единая молитва, устремленная к Всевышнему...

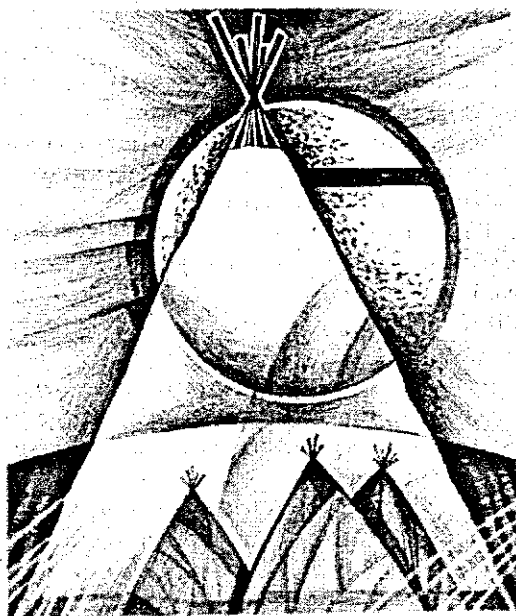
После Божественной литургии состоялся крестный ход участников праздника от храма в честь Воскресения Христова к Югорскому государственному университету. На площади у ЮГУ был отслужен молебен и состоялась торжественная передача Вечевого колокола, который привезли в Ханты-Мансийск из Ростова представители Донского войска казачьего. Удары Вечевого колокола напоминают всем нам, что жива вера православная, что небезразлична судьба России, ее будущее. Для этого и во имя этого и собрались в столице округа столько людей: представители РПЦ, митрополиты, архиепископы и епископы, священники и миряне, представители власти, правительства округа, министр культуры, губернатор округа, ученые и студенты, учащие и учащиеся, делегации из союзных республик и зарубежных стран, все, кто стремится к возрождению духовных ценностей на основе православия. «Сегодня россиянам жизненно необходимо обратиться к истокам своей духовной традиции, к православной вере для того, чтобы возродить нравственные основы жизни общества, возродить самое существо жизни народной, возродить язык — современный русский и праотеческий славянский — и в конечном итоге стать причастными к великой православной культуре наших отцов и дедов», — говорил владыка Димитрий на праздновании Дней славянской письменности и культуры.

О возрождении культуры наших отцов и дедов шла речь и на курсах для учителей «Воспитание на основе православия», где лекции читали преподаватели Тобольской духовной православной семинарии.

В лекциях перья Вадима Базылева, кандидата богословия, перья Димитрия Кириянова, кандидата богословия, перья Михаила Денисова освещались вопросы взаимодействия школы, семьи и средств массовой информации, основы православной культуры в системе образования, духовно-нравственной основы демографического развития России. В наше непростое время, когда идет переоценка ценностей и материальное довлеет над духовным, когда наблюдается распад семьи, актуальным был разговор о принципах христианского воспитания, которые осветил о. Михаил Денисов. «У народа духовный кризис от потери смысла жиз-

ни. Смертные грехи как эпидемия распространяются и создают тяжелую атмосферу общества, — говорил о. Михаил. — Целое поколение воспитано без веры. Для того чтобы воспитать ребенка, надо иметь веру. Нравственности без религии не существует». О. Димитрий Кирьянов: «Как нужно воспитывать: на основе религиозных ценностей или на основе атеистических ценностей? Это очень важно! Очень сильно влияют на поведение этические нормы, получаемые в школе. Отсюда проблема воспитания ценностей». Об этом необходимо помнить нам, педагогам, ведь то, что заложено в души детей в детстве, остается на всю жизнь. И процесс образования не есть процесс передачи определенной суммы знаний и информации по тому или иному предмету. «Образование есть процесс воспитания и обучения, причем воспитание стоит на первом месте, — говорил владыка Димитрий. — Нравственное воспитание невозможно без традиционной духовно-нравственной основы». Наверное, поэтому Ю. Реутов, ректор ЮГУ, открывая VI межрегиональные Кирилло-Мефодиевские образовательные чтения, говорил: «Мы стараемся, чтобы обучение сопровождалось духовностью». И вся работа на Кирилло-Мефодиевских чтениях была подчинена обсуждению важных вопросов, стоящих перед российским образованием по формированию духовности среди молодого поколения; формированию культуры и нравственности на основе православия.

**ДОКУМЕНТЫ
ПО ИСТОРИИ КРАЯ**

В.В. Цысь, Н.А. Стеколыщикова

Из истории организации монастырей в Сургутском уезде в начале XX в. (документы)

Приведенные ниже документы раскрывают один из аспектов истории православия на Севере Западной Сибири. Помешала замыслу, связанному с организацией мужского и женского монастырей на территории Сургутского уезда, Первая мировая и Гражданская войны. Последний раз, насколько нам известно, эта тема обсуждалась на заседании Тобольского комитета Русского Православного миссионерского общества незадолго до революции. Изысканы были средства для командирования землемера, который должен был отвести угодья. Как свидетельствовал протоиерей Тобольского кафедрального собора Г. Тутолмин, «Ввиду лишения большевистским правительством церкви всех прав юридического лица, мысль об обеспечении проектируемых в Сургутском крае монастырей земельными угодьями отпадает» (Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 16—17. С. 216).

Приговор

1912 г. Декабря 12 дня. Мы нижеподписавшиеся инородцы Ларьякской инородной управы, Сургутского уезда, юрт Охтеурьевских слушали словесное предложение Благочинного священника Иоанна Селихова относительно постройки с миссионерской целью обители на гору именуемой «Вантпай», в 3-х верстах от жительства и постановили сей приговор в том, что к занятию этой горы, покрытой преимущественно кедровым лесом (длиною около 9 верст) огибаемой рыболовной протокой «Урай» и с прилегающим местом препятствий не имеем.

Семен Александров. Георгий Никифоров (подписи).

Источник: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 29. Д. 2357.

Консистория просила Управление Земледелия и Государственных имуществ сделать распоряжение о нарезки земли с лесом и рыболовного озера около юрт Охтеурьевских и около г. Сургута для предположенных к открытию двух монастырей. Для исполнения этого необходимо знать точно местность, где именно предполагается постройка самого монастыря,

ближайший к нему лесной участок и рыболовного озера и иметь сведения не встретятся ли препятствий со стороны местного населения к занятию этих местностей. Доводя об изложенном до сведения консистории, прошу не отказать сделать распоряжение о собрании необходимых данных, как-вые с приложением чертежа от руки препроводить мне.

Заведующий лесничеством (подпись).

Источник: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 29. Д. 27.

Лл. 3-3 об.

В исполнение отношения одного Комитета от 19 ноября н.г. за № 1267 покорнейше имею честь представить два чертежа, — где предполагается постройка монастырей (с окрестностями) и два приговора местных жителей. Причем присовокупляю, что «Каменный мыс» около Сургута — за горной чертой, и границы казачьих владений — не установлены; земля здесь вообще считается государственной...

Вместо Каменного мыса можно указать и другое место, но не хотелось бы далеко от города, например, так называемый «Банный остров» (в 18—20 верстах от г. Сургута), обозначенный на чертеже (Каменный мыс — в 5-ти верстах).

Хорошо, если бы в юбилейный год (300-летия) избранные места были Высочайше подарены возникаемым монастырям с общепольной миссионерской целью.

Благочинный священник Иоанн Селихов (подпись).

Источник: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 29. Д. 27.

Лл. 7-7об.

Вследствие отношения от 11-го августа 1912 г. за № 12824 Управление Земледелия и Государственных имуществ уведомляет Тобольскую духовную консисторию, что к отводу законенной пропорции земли... для предполагаемых к открытию в Сургутском уезде мужского и женского монастырей, со стороны Управления Земледелия препятствий не встречается, и что одновременно с ним оно намерено войти с представлением в Лесной департамент об исходатайствовании на сей предмет надлежащего разрешения. При этом самый отвод предполагается произвести: для мужского монастыря — в местности под названием «Остров Банный», расположенный в 20-ти верстах от гор. Сургута, а для женского монастыря — гора «Вагтай», близ юрт Охтеурьевских.

Источник: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 29. Д. 27.

Л. 12.

Л. В. Алексеева

О политическом положении в Ямальском районе (1934 г.)

1934 год известен в истории Ямала как год антисоветского выступления аборигенов, которое сильно напугало партийную и советскую власть. Выступивших против мероприятий советской власти ненцев стали называть кулацкой группировкой. Для их усмирения были привлечены соответствующие правоохранительные силы.

Волнения на Ямале начались сразу же, как только власти начали форсирование социалистических мероприятий и стали принуждать аборигенов к их выполнению. Распространенным способом противодействия был отказ перевозить приезжих начальников по тундре. В результате активных антисоветских действий на Ямале ненцы сорвали перевыборы советов, ликвидировали Нейтинский, Тамбейский и Теутейский национальные советы. В тундре начался массовый убой оленей.

Основными требованиями жителей Ямальской тундры являлись следующие: «Отменить нормы отоваривания продуктами и промтоварами», «Покупать по потребности и на деньги», «Долой кулаков и бедняков — мы все одинаковы», «Восстановить в правах голоса кулаков и шаманов», «Не признаем советов и своих выборных», «Новые советы выбирать не будем», «Уберечь русских», «Мы против советских законов и выполнять их не будем», «Выдать всех ненцев с факторий и из советов», «Детей в школу отдавать не будем». Эти лозунги фактически являлись требованиями, по которым советская власть должна была отказаться от всего, что она делала в тундре.

В докладной записке «О политическом положении в Ямальском районе по состоянию на 15-е августа 1934 года» сообщается весьма подробно о событиях, развернувшихся в тундре.

Документ извлечен из Центра документации новейшей истории Омской области, является подлинным.

Документ приведен полностью с сохранением всей информации, формы, стиля и языка, исправлению подлежали грубые орфографические ошибки.

С. Секретно
Лично т. Фомину

Ямальскому ОК ВКП(б)
Обь-Иртышскому областному комитету партии,
Ямальскому окр. управлению НКВД

Докладная записка

*О политическом положении в Ямальском районе
по состоянию на 15 августа 1934 года*

Основным местом действий кулацкой группировки Ямала является Южно-Ямальский национальный совет. Южно-Ямальский кочевой национальный совет занимает территорию Среднего Ямала от п. Яр-Сале до Морды-Яги с количеством кочевого ненецкого населения до 400 хозяйств; постоянно кочующих на территории совета: зимой 270—300 чумов и летом 130—150 чумов.

Весной 1934 г. на эту площадь подошло из Приуральской тундры и Малого Ямала еще до 100 хозяйств. Кулацкая прослойка населения, систематически саботирующая проведение всех хозяйственно-политических мероприятий, в марте—апреле 1934 г., используя свою силу экономического воздействия над беднотой и середнячеством, допущенные перегибы, родовые взаимоотношения, организовавшись в группу, действуя в основном методом застрапывания отобрать оленей, роспуском всевозможных слухов и пр., стянуло вокруг себя до 80% ямальского населения, распространив свое влияние на население Приуральского района в направлении Еркаты Лучида и на население Северного Ямала, обслуживаемого кочевыми советами Теутейским, Нейтинским, Тамбейским. На 15-е августа положение с группой находится в следующем состоянии.

Группа с количеством мужчин до 600 человек, представляющих из себя жителей всех перечисленных районов и припедших из Надымского района, расположена на правой стороне реки Юрибея, начиная от его среднего течения до устья, разбившись стойбищами в 5—6 чумов, сгруппировавшихся вокруг одного кулацкого чума, с хорошо организованной связью между ними.

В июле текущего года через Мыс Каменный переселило Обь 26 хозяйств: Салиндер Нерчи, Вануйто Ябери, Ядне Пайдаво, Ядне Ядаку, Салиндер Папочи, Салиндер Мьяяне, Ядне Сюиз, Ядне Нешакучи, Ядне Тал, Ядне Ирику, Ядне Оле, Адер Небе, Адер Хасю, Адер Юю, Адер

Ерча, Адер Пидилума, Салиндер Лево, Салиндер Янгале, Вапуйто Апири, Вапуйто Тамник, Выло Аполи, Выло Хатчево, Ядне Пай-Айво, Вапуйто Лаву, Салиндер Няроайво, Салиндер Айволи.

Под руководством кулака Надымского района Вапуйто Ябери (один из организаторов Мало-Ямальской группировки 1932—33 гг.) и кулака из Туруханского края Ядне-Тэл. С приходом этой группы населения руководство группировкой Ямала возглавляется Вапуитами, Таи, Папума (кулаки Южно-Ямальского национального совета), Вапуйто, Ябери (кулак Надымского района), Ядне Тэл (кулак Енисея), Худи-Ерана (ямальский кулак), Худи Саут (кулак), Салиндер Епсута, Салиндер Яули (ямальские бедняки).

В количестве 600 человек участников группы имеется достаточно большая прослойка людей, насильно взятых в группу, вплоть до арестов, эта часть участников группы, не проявляя никакой активности в действиях кулачества, настроена из группы уйти и отходит под защиту нацсоветов. Как иллюстрацию этого положения привожу следующие беседы с немцами — участниками группировки.

Янвай-Пицолл (бедняк, член н/совета): Я не хотел идти к кулакам, а они приехали ко мне в чум с собаками и начали силой отбирать наших оленей, говоря, что, если вы с нами жить не будете, оленей ваших утопим к себе; будем ими кормить своих людей. Я думал, думал. Что делать? Жаловаться ехать в Щучье далеко, ну и дал им слово, что буду жить с ними. Раз вот вы сейчас приехали сюда с н/советом, я прикладываю свою тамгу за н/с. С кулаками я жить не могу вместе, я помаленьку от них уйду. Мое мнение такое: народу, который живет с кулаком, не давать на факториях ему хлеба, хотя бы и за пушнину, вот тогда они скоро от них отколются.

Тогали-Модай (середняк): Да, я состою в группировке, но меня насильно туда взяли. Приехали ко мне в первый раз пять человек и говорят: «Давай пойдем к нам жить, русские нас не стали совсем кормить». Я спрашиваю: «А кто меня будет кормить, если я к вам уйду?» — «Будешь есть своих оленей насколько хватит». Я отказался пойти в группировку. Дня через два приехало ко мне больше людей с собаками и говорят: «Ну как, надумал с нами жить?» — «Нет, не надумал». Ну, тогда они соскакивают и начинают угонять моих оленей. А я без оленей куда? Согласился пойти в группу. Я знаю, что сделал худое дело, дал им свое слово, все же с ними жить не буду. Сейчас вот думаю подкаслать ближе к совету, если там отберут оленей, то все же там недалеко будут нацсовет и фактория, как-нибудь прокормят меня.

Тогали-Енеута: Меня заставили пойти к кулаку, приехали ко мне люди и говорят: «Русские заморят нас голодом, а будем одни жить, тогда прокормимся лучше». Я им говорю: «У меня еще немного хлеба есть, я голодом не сижу, с вами жить не буду». Тогда соскакивает Худи-Нуди-Хасаво (кулак) и говорит: «Как не пойдешь с нами жить, ведь ты мне должен». — «Ну что же что должен, отдам потом». Он тогда поймал у меня быка хорошего и теленка и поехал. Остальные всех оленей заворачивают, ну, я и дал свое слово им. Тогда мне быка отдали, а теленка увезли и сейчас не отдают. С началом зимы пойду к совету, с кулаками жить не буду и даю вам свою тамгу.

Адер-Самба (бедняк): Приехало ко мне 50 нарт и говорят: «Ты будешь жить как: с нами или с н/советом?» Я говорю: «Конечно, с советом». Тогда Саратэтто Ямане кричит мне: «Раз ты не будешь с нами жить, отберем твоих оленей». Ну, я старик. Куда денусь без оленей? Дал им слово. Жить с ними не хочу. Полегоньку пойду к вам, к совету.

Велко-Петро (середняк): Ко мне приехало много нарт и говорят: «Русские нас не кормят, ребятишек всех отберут учиться, поэтому нам надо жить вместе». Я говорю: «Как же не кормят? Вот я хлеб ем и не режу все время оленей». Тогда они закричали и погнали моих оленей. Ну, дал им слово. Вот я сейчас в кулацкой группе. Но жить с ними не хочу, пойду к совету, и если дорогой отберут оленей моих, то на фабрику пойду пешком, там хлеба все же дадут. Для удостоверения своих слов прикладываю свою тамгу.

Худи-Люта (бедняк): Да, я с кулаками, и нельзя у них не быть. Силой заставили пойти к ним. Вообще, это дело нехорошее. Пришла ко мне большая группа людей, говорят: «Русские нас не кормят, хоть десять, хоть двадцать песцов сдай, хлеба все равно на все деньги не дают. Ребятишек берут, больших людей увозят с Ямала». Ну, я говорю: «А чем вы будете кормить нас всех?» — «Ну, кормить будем оленьями». Я говорю: «Не согласен жить с вами». Саратэтто Ямане и Неркагы Вара закричали: «Раз не хочешь жить с нами, отберем сейчас оленей, а тебя отправим пешком к русским». Ну, после этого я согласился жить с ними. Думаю так: пойду к совету, сознаюсь ему во всем, и совет сердиться за это на меня не будет, за мое худое дело, что я вместе с кулаками жил лето.

Ламду-Нисерема: Я состою в группировке. Не отпираюсь. Попал туда так: приехали ко мне 60 нарт и говорят: «Жить нам надо в куче с кулаками». Я спрашиваю: «Это что ж, вы кучей будете жить, колхозом промышленять, что ли, хотите?» — «Нет. Мы живем потому в группе, что русские нас обманывают, хлеба не дают за пушнину, за перевозки». —

«Я не пойду с вами жить». — «Ага, ты хочешь жить с русскими, отберем твоих оленей». — «Как отберете? Олени-то ведь мои!» Они кричат: «Ну что ж, раз ты хочешь жить с русскими, иди сам к русским, а олени твои — наши». Ну, дал им слово. Думаю так: оленей сохранию, а осенью все равно удеру от вас, и вот вы сейчас со мной разговариваете. Я говорю, что я не с кулаком, а с советской властью.

Езенги-Ямбу (член совета): Мы стояли: я, Езенги Пил, Худи-Нуси, Ягтик Тедачи, Янгай, приезжают к нам до 50 нарт, садятся около нас и говорят мне: «Ты выборное лицо?» — «Да, выборное». — «Так вот, как жить будешь?» — «Да, говорю, так же, как раньше жил». — «Нет, не так надо жить, вместе, вот видишь, как мы вместе ездим, всем пародом в одном месте». Я говорю: «Да, я и то смотрю, воевать, что ли, вы собрались или промышлять грудой будете? Оно это, конечно, не худо. Чем больше людей, промышлять лучше». — «Нет, мы живем в группе. Нас русские во всем обманывают, ничего не дают, отбирают оленей, чумы, нарты обыскивают. Вот и надо нам всем вместе защищать свои права. Хоть ты и выборный, а и до тебя доберутся». — «Как же вместе жить и что есть будем? Своих оленей я съем, а дальше что? Чужих будете давать? За них платить надо». — «Нет, платить не будем, оленей делить будем всех, насколько хватит». — «Я говорю вам как выборное лицо, что вас кто-то обманывает и так жить, как вы живете, не годится, и наше стойбище к вам не пойдет». Соскакивает Саратэтто Ямана, Нарокгы Вэра, Саратэтто Сероко, Худи Хансоли и др., ругаются: «Кончать с ними разговор, раз не понимают нас. Отобрать всех оленей от них, и пусть они куда хотят идут». Ну, дали мы слово, что будем жить с ними. Осенью мы от них отобьемся, мы все здесь бедняки, кулака ненавидим и прикладываем свою тамгу.

Худи-Порохол: От района мне поступила записка о вызове кулака Нолику Подеран Хасаво. Ну, раз вызывают наши выборные лица, кулак он сам законтраговался возить дрова, я поехал с этой бумагой к нему в чум, засхал в другие чумы дорогой, смотрю, народу много, спрашивают: «Ты куда едешь?» — «Я еду к кулаку с бумагой от выборных, вызывают его дрова возить». Народ кричит: «Какой он кулак, не надо его считать кулаком, теперь жизнь идет у нас иначе». Я говорю: «Как иначе, все равно, раз кулак, так кулак, и если ему делают худо сейчас, так и он бедноте раньше много худого делал, обирал ее, защищать потому его не надо». Закричали тут все: «Не смей возить ему эту бумагу». — «Нет, не могу, меня послал наш выборный состав, и я обязан вручить ему эту

бумагу». Как только сказал я это, соскочили много людей и закричали: «Связать его тогда, раз он не слушает нас». Схватили кто за руку, кто за ногу и привязали на нарту. Потом повезли меня за собой за одной нартой привязанного. Привезли в чум Худи Сылома и три дня меня держали там, уговаривали все, чтоб я согласился жить с ними. Я им все говорил: «Я вам все сказал, а вы меня связали, и я не согласен жить с вами». На третий день собираются ехать ко мне в чум. «Заберем твоих оленей, увезем твой чум, а жену и ребятшек там оставим, а тебя будем держать здесь». Но уже после этого мне пришлось дать слово быть с ними, и тогда они меня отпустили.

Саратэтто Хасаво: Нам четыре чума, мы стояли в вершине Порсе-*(далее неразборчиво)*. — Л.А.). Весь народ ушел оттуда, я слышал, что на Юрибее люди собираются, мы стали каслать туда, около Варганто оставил свои чумы, а сам легкой нартой пошел вперед. Приехал я в чум Вануйто Януге (бедняк), он увез меня до чума Худи-Хансеро (кулак). Хансеро свез меня в чум Саратэтто Нангы (кулак), дальше повезли к Саратэтто Вангу, возили и говорили, что скоро соберем собрание, на котором расскажем всем, зачем мы собрались и как жить будем. Послали меня еще дальше, а я смотрю: все кулаки да кулаки, и говорят мне, чтобы я свои чумы к ним ближе вел, раз ты наш человек, я ж дальше не поехал, а уехал к себе в чум, дал им слово, что с ними буду, но понял, что с ними мне делать нечего, и летом туда не пойду, и буду стоять здесь с вами.

Под давлением этой части населения в группе, с одной стороны, тяга кочевников на свои коренные, традиционные места летних стоянок, с другой — в июне группа заметно снизила свою активность, рассыпавшись на более широкой площади маленькими группами чумов. В каждой группе чумов находится один-два убежденных представителя кулачества, которые являются своего рода кулацкими организаторами в стойбищах. Эта активная, убежденная часть группы, являясь ее основным активом, держит себя по-иному. Для характеристик привожу несколько примеров:

Окотэтто Туилис — шаман. Руководит стойбищем в 5 чумов, заявил: «Я живу с кулаками, почему и как живем, с вами разговаривать не буду».

Худи-Хансали: «Да, живем с кулаком и в будущем будем жить, и вы мне не рассказывайте ни о чем, меня все равно не убедишь, а буду жить с кулаком. Вот зима покажет, если будет хорошо, разойдемся, а нет, будем стоять всю зиму». Не стал больше слушать и разговаривать. Сел на нарту и уехал.

Окозэтто Тидико разговаривает зло: «Я был и буду у кулака. Меня считают шаманом, а у меня 40 оленей и ни одного оленя не взял за шаманство. Меня даже сажали на один день, я поэтому злой на русских и советская власть не нужна».

Салиндер Яули — бедняк. Приехав в чум к зам. пред. РИКа, заявил: «Знайте, что мы зимой опять в одной группе стоять будем, советскую власть нам не надо, и не думайте, что мы обратно вернемся к вам».

С развертыванием работы национальным советом по отколу от кулачества бедноты и середняков кулачество начало активизировать свою деятельность, выразившуюся в посылке своих людей по чумам с предложением подойти ближе к кулацким стойбищам, повторной выдаче продуктов бедноте, выезде на собрания национального совета с целью их срыва или предъявления своих требований, роспуске всевозможных слухов, в частности, «если вы, беднота, будете отходить от нас, то вот тут стоит один чум с русскими на Юрибсе (Красный чум Южно-Ямального национального совета), они вас будут указывать, а сзади идут еще три чума с русскими, те вас будут отправлять в Обдорек в тюрьму». Или так: «Вот сейчас национальный совет собирает всех к себе, это он делает затем, чтобы, когда все соберутся, расстрелять всех, оставить на Ямале живыми только 30 человек, потому вы на собрания к нацсовету не ходите и свои тамги под его бумагами не ставьте. Тот, кто поставит свою тамгу под бумагами советской власти, того будут отправлять в солдаты».

Во время созыва собрания 23 июля ненцы-бедняки Салиндер (*дальше неразборчиво*. — Л.А.) и Салиндер Нассй отказались приехать на собрание и не стали ставить своей тамги под извещением совста, говоря: «Тамги своей ставить мы не будем, если их мы поставим, то нас осенью увезут в солдаты».

Национальный совет, несмотря на запрещение кулачеством в мае текущего года продвижению совету дальше Ярато, учитывая обстановку, реагируя на каждый слух, пущенный кулачеством, на каждое его действие, развертыванием массово-разъяснительной работы на 15-е августа смог организовать вокруг себя 107 бедняцко-средняцких хозяйств и продвинуться до устья Юрибел. Недопущенный весной к месту своей работы Тнутейский нацсовет сейчас находится вместе с нашим Южно-Ямальским нацсоветом. Настроение отходящих националов от кулацкой группы следующее:

Того Сююку: Я был у кулаков, меня вначале кормили, а летом не стали кормить, я у них просил, они говорят: «Ешь своих оленей». А я пошел к ним,

ничего на факториях не взял, хлеба у меня нет, и пришлось из своих 30 оленей заколоть на еду 7 голов. Тут я понял, что с кулаками вместе жить нам, бедноте, не надо, поэтому я и ухожу от них, я хочу жить с советской властью.

Вануйто Татамбуе: Весной меня обманули, сказали мне, что весь народ на Ямале собрался, на своих оленях увезли меня к кулакам, а потом кормить не стали. Я бедняк. У меня вместе с пещками 24 оленя, из них я съел три оленя. Вот сейчас пришел к вам в национальный совет, рассказываю вам все это и надеюсь, что вы меня судить за это не будете, т.к. весной меня обманули, а я буду всем рассказывать, как много кулак делает худого для бедняка.

Одновременно с имеющейся вышеуказанной группой бедноты, отходящей к нацсовету, имеется часть населения, которая еще под страхом расправы кулачества за ее отход не решается окончательно порвать с ним, заявляя:

Того Мосю (бедняк, бывший член нац. совета, активист кулацкой группировки): Я на собрании голосовал против советской власти потому, что боюсь, если узнают кулаки о моем переходе на сторону совета, то они, может, и убьют меня, оленей отберут.

Аналогичные разговоры ведут Саратэтто Аро, Салиндер Пикуля и др. Южно-Ямальский нацсовет думал продвинуться легким путем на устье Морды, т.к. там имеется группа населения, категорически отказывающаяся пойти в кулацкую группировку, об этом предполагаемом нами выходе узнало кулачество и через специально посланных людей, систематически следя за нашим продвижением, направил в чум Пойко (активист-национал) Салиндера Яули, который предупредил, ведя себя очень заносчиво, чтобы чум совета на ту сторону не переходил. Одновременно в каждом чуме говорят, что если Мейли (пред. нацсовета) и Пуйко с русскими пойдут на ту сторону, то однако место в Юрибе найдем, чтобы утопить их. 23-го июля на собрании, проводимом нацсоветом, приславший один из руководителей группы бедняк Салиндер Епсута предъявил категорические требования к совету:

1. Немедленно освободить всех арестованных людей на Ямале.
2. Отменить политику лишения кулачества избирательных прав, дачи кулачеству твердых заданий на пушнину.
3. Отменить целевое снабжение, продавать продукты всему народу только на деньги и всем одинаково, кто сколько хочет купить.
4. Совсем отменить контрактационные договора на заготовку пушнины, будем сдавать, сколько хотим сами.

5. Не вербовать наших людей в школу.

6. Русским не ездить по тундре».

При этом заявил: «Если вы не выполните этих наших требований, мы осенью снова соберемся в одну большую группу и посмотрим, что нам надо делать». После собрания в частных разговорах сказал: «Подходят ночи темные, и то, что мы не смогли сделать весной, однако будем делать сейчас, если не послушают нас». Голосовало за его предложение на собрании из 22 человек присутствующих — 4.

Учитывая это положение, мы пока остановились на устье Юрибея, не переходя на правую сторону. В связи с тем, что основная масса населения весной под действием кулацкой группы быстро уходила в глубь Ямала от факторий, не использовав постановления окружкома, окрисполкома о слажении кочевого населения на лето, уйдя, таким образом, на летовку неснабженной, поэтому положение с продовольствием у отходящего от кулачества населения чрезвычайно тяжелое и требует осуществления этого постановления осенью текущего года. Стада совхоза, колхозов и двух нацсоветов Южно-Ямального и Тунгусского находятся в хорошем состоянии и, за исключением стад советов, находятся в 150—200 километрах от места скопления кулачества.

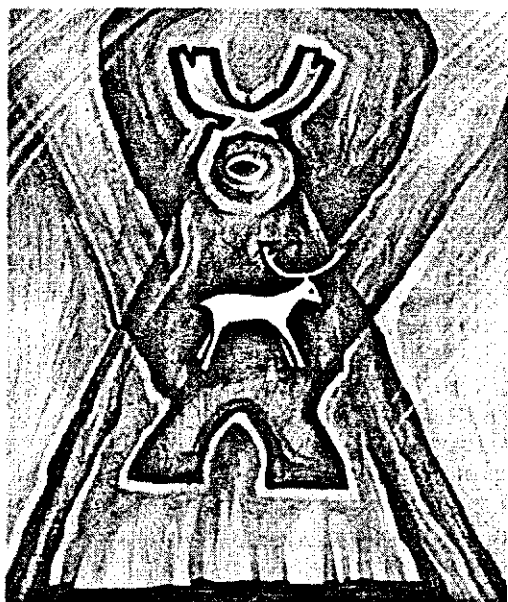
26 августа 1934 г.

Руководитель бригады ОК, Окрика
в Южно-Ямальском нацсовете Елфимов.

ЦДНИОО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 13. Лл. 234—236 об.

Подлинник

ЭТНОГРАФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

В.А. Мазин

Фольклорно-этнографическая практика как форма инкультурации (программные требования)

Инкультурация, т.е. вхождение в пласты культуры, творческое познание культурных форм, приобретение навыков адаптации в системе ценностей, может быть реализована в самых различных видах приобщения молодого поколения к огромному богатству материального и духовного наследия. Комплексно познавать народную культуру позволяет фольклорно-этнографическая практика как специфическая познавательная деятельность. Только при хорошей теоретической подготовке программа фольклорно-этнографической практики может быть выполнена и способна формировать умения собирать факты культурного бытия и формировать навыки анализа отдельных пластов народной культуры, их ретроспекцию и современное состояние, а также обобщать эмпирический материал при решении задач конкретного тематического исследования.

Целью фольклорно-этнографической практики является знакомство с бытующими формами народной культуры. В ходе практики происходит непосредственное знакомство с культурой и бытом населения региона, с этнографическими памятниками и объектами, а также с бытующими формами фольклора в его широком видовом и жанровом разнообразии.

Практика призвана показать разнообразие этнической культуры и полноценность культуры каждого народа, развить у молодежи познавательный интерес к фольклорным традициям и самобытным этническим формам бытия в полиэтническом пространстве региона.

Базовая и конечная цель фольклорно-этнографической практики заключается в достижении необходимого уровня способностей сознательно изучать, собирать фольклорно-этнографический материал, описывать его, сопоставлять разные формы, классифицировать и интерпретировать эмпирический материал.

Задачи фольклорно-этнографической практики:

— изучение современного состояния традиционных отраслей хозяйства и этнической культуры разнонационального населения;

— развитие умений сбора фольклорно-этнографического материала, способностей его фиксации;

— приобретение навыков первичной обработки собранных материалов;

— развитие способностей интерпретации эмпирических материалов;

— формирование умений «вписывать» собственные наблюдения в контекст существующих научных теорий.

Выездной характер практики требует особого обеспечения: выбор поселения, видов транспорта, размещение, возможности круглосуточного наблюдения и руководства жизнедеятельностью практикантов.

Целесообразно деление практики на 3 этапа:

— Этап подготовки. Обоснованное определение места практики (выбор поселения) с учетом ежегодной смены объекта исследования, тематического обновления конкретных задач (этнофольклористика русских, ханты, ненцев или полиэтничного поселения), материальных возможностей и по другим причинам. Задачи полевых исследований подробно разъясняются и дается первоначальная характеристика современной этнофольклорной ситуации в регионе.

— Этап сбора эмпирических данных — непосредственное прохождение практики в полевых условиях. Целостный характер исследований не предполагает механического деления этнографических и фольклорных исследований, в содержательном разделе программы это разделение имеет методологическую причину для соотнесения теории тематических курсов с эмпирической практикой. Полевой (выездной) этап практики начинается с введения в условия сбора эмпирического материала, далее он разделен на три тематических подэтапа, что соответствует трем разделам программы.

— Этап обработки собранных материалов и подготовки реферата по выбранной студентом теме. На заключительном этапе приводится в порядок вся необходимая для отчета и оцениваемая документация: полевые дневники, рисунки, схемы, статистические таблицы, фотодокументы, аудиозаписи и др. По итогам полевой работы на теоретической базе знаний по профильным дисциплинам участники практики могут написать рефераты, статьи, разработать экскурсионные маршруты для туристов.

Перед началом фольклорно-этнографической практики и по ее итогам проводятся установочная и итоговая конференции.

Введение в содержание фольклорно-этнографической практики

Характеристика базы практики (поселения)

Знакомство с административным руководством (органами власти) поселения, имеющимися предприятиями и учреждениями. Выявление основных направлений занятости населения. Работа в административных органах: выписки из похозяйственных книг или списков избирателей с целью выявления этнического состава населения, пофамильного состава, половозрастной структуры, занятости жителей. Обработка похозяйственных книг (или списков). Консультации с административными работниками и старожилыми. Первоначальный выбор информаторов (экспертов) по вопросам: история поселения, хозяйственные занятия населения, социальная организация (структура населения по возрасту, роду занятий и т.д.). Дается первоначальная общая характеристика материальной и духовной культуры поселения, духовной культуры населения.

Раздел I. Этнографические исследования

1. Конкретное описание поселения

Название (современное, старое, разговорное, перевод). Время существования. Этнический состав населения. Окружающий ландшафт (с названиями) — возвышенности, долины, берега, сопки, реки, озера и др. Площадь поселения. Количество хозяйств. Наличие транспортных путей и сельхозугодий. Торговые и административные центры. Месторасположение культовых сооружений (относительно селения, сторон света, расстояние, название). Кладбище (расположение и расстояние относительно селения, ориентация по сторонам света). Планировка поселения. Наличие дорог, водосмов. Расположение усадеб. Взаиморасположение сооружений (жилищно-хозяйственные постройки, жилище — культовое сооружение, жилище — уголь). Наличие клуба, библиотеки, музея.

Наличие произведений о родном крае, о селе (деревне, улице).

2. Жилище поселенцев

Название (возможные варианты: изба, хата, мазанка, дом, чум, землянка и проч.). Время постройки. Функциональное назначение. Форма. Размеры. Площадь. Конструктивно-архитектурные элементы. Основание жилища (наземное, углубленное, наличие фундамента). Стены: конструкция (срубная, шатровая, арочно-столбовая), количество (одинарное, двойное), материал, крепление, утепление, отделка. Перекрытие: форма, материал, размеры, украшения, потолок, чердак, опорные стол-

бы. Характеристика входа (месторасположение, размеры проема, оформление порога, дверь). Характеристика окон: количество, местонахождение, форма, размеры, оформление, материал, ориентация. Пол: покрытие, подпол. Камеры (помещения): количество, формы, размеры, способ разграничения, назначение помещения. Пристройки: число, виды (крыльцо, веранда, сени), размеры, форма, материалы. Интерьер жилища: вид очага, расположение, материал. Хозяйственное место. Мебель, расположение. Место сна. Сакральное место. Место для гостей. Место для хранения одежды. Хозяйственные постройки: вид, количество, расположение, расстояние от жилища, форма, материал, размеры, площадь. Количество жильцов. Состав семьи. Наличие местных сказителей, музыкантов, танцоров, частушечников, певцов.

3. Усадьба и надворные постройки

Вид усадьбы — открытая, закрытая (огорожена досками, жердями, кирпичной кладкой и т.п.), размеры ограды (высота, длина). Дворовые постройки, их описание. Вход во двор: ворота, калитка, их устройство. Водоснабжение: откуда берут воду для питья и хозяйственных целей. Где расположены водозаборы (колодцы, колонки и др.), их устройство. Помещение летнего типа (есть ли оно): летняя кухня, навес. Их устройство. Описание хозяйственных построек (хлев, конюшня, амбар, кладовые): назначение, где расположены, конструкция. Хранение дров (описание). Хранение сена (описание). Озеленение и украшение усадьбы. Огород: его размеры, расположение (план). Какие полевые, огородные культуры выращиваются. Рыболовные сооружения (места для лодки, сушилка для сетей): устройство, размеры. Затраты времени (чел.-часов, чел.-дней) и сырья на строительство того или иного сооружения. Время использования (функционального). Народные игры, связанные с надворными постройками.

4. Пища

Пищевой рацион (основные продукты, особенности питания: рацион). Время потребления пищи в течение дня. Режим потребления (в течение дня и года): в какой сезон какая пища преобладала раньше, преобладает теперь. Отношение сырого и вареного в остаточных мифологических представлениях и в современном пищевом рационе. Сочетание в рационе жареного, колченого, горячего, холодного. Заготовка продуктов впрок: консервация, вяление, варка, соление, квашение, маринование. Особенности рациона для детей, стариков. Пищевые запреты на продукты в отдельные периоды (посты). Национальные блюда, их названия, способы приготовления. Разновидности трапез: обычная (повседневная), праздничная, свадебная, поминальная и т.п.

Способы приготовления трапез. Кто готовит пищу для конкретной трапезы. Этикет (порядок поведения) во время трапезы. Рецепты народной кухни.

5. Орудия труда

Какие традиционные орудия труда используются (могут быть как самодельными, так и промышленного изготовления, недавно изготовленными по образцу или переданные к хозяевам по наследству). Способы изготовления орудий труда. Затраты на изготовление орудий труда: время, сырье. Названия и частота использования. Мужские железные орудия труда. Специальные орудия для детей и подростков. Как используются: принцип действия орудий рыболовства, охоты, аграрных работ, шитья, вязания и проч. Детские игрушки (описание вида, устройства, назначения). Когда и каким образом детей учили изготавливать и использовать орудия труда. Профанный (обыденный) и сакральный (священный) смыслы в назначении орудий труда. Игры с орудиями труда. Фольклорные образы традиционных орудий труда (в легендах, сказках, песнях).

6. Хозяйственные занятия. Рыболовство

Объекты рыбной ловли (какие виды рыб вылавливают). Сроки рыболовства. Наиболее интенсивный рыболовный период. Промысловая и любительская ловля рыбы. Способы и приемы рыбной ловли: по времени года и видам рыб (описание). Орудия рыбной ловли: сети, невода, плетеные ловушки, запоры, остроги, переметы, фитили, крючки и т.д. (описание, принцип действия). В какое время и на какую рыбу использовалось то или иное орудие. Изготовление рыболовного инвентаря: кто изготовлял, в какое время года, технология изготовления. Организация рыболовного промысла: коллективный и индивидуальный. Участие в промысле женщин, детей. Рыболовные артели: родственные или соседские. Распределение продукции. Места для рыболовства: их распределение (по семьям, по деревням). Были ли конфликты по поводу рыболовных угодий. Если да, то как их решали. Описание годового рыболовного цикла: в какое время года (месяц), где и как ловили. Реализация добытой рыбы. Способы хранения и переработки. Продуктивность рыболовного промысла: сколько добывали за один день, за сезон, за год.

Приемы, связанные с рыболовным промыслом, предания и былички рыбаков.

7. Хозяйственные занятия. Охота

Объекты охоты: звери и птицы. Сроки охоты (мясной, пушной, на отдельных видов животных). Промысловая и любительская охота. спосо-

бы добычи разных видов животных (птиц). Дать описание. Инвентарь для охоты и способы его применения: ружье, лук со стрелами, ловушки, капканы, елочки, ямы, пожи, дубинки и т.д. (описание размеров и особенностей устройства). Кто изготовлял охотничий инвентарь, в какое время года. Техника изготовления. Организация охотничьего промысла: коллективная и (или) индивидуальная. Участие в промысле женщины и детей. Артельная охота: участвовали родственники или соседи, с кем люди поселения считали предпочтительнее идти на охоту. Использование собак в охоте: когда и сколько. Специально ли обучали собаку? Охотничьи угодья и их распределение: семейные, общедеревенские, пичьи. Были ли конфликты по поводу угодий. Если да, то как их разрешали. Описание годового охотничьего цикла: в какое время (месяц) на каких животных (птиц) охотились. Наличие охотничьих избушек в тайге. Кто ими пользовался, когда. Реализация продукции охотничьего промысла: сколько добывали за один раз, за сезон. Удачная и неудачная охота. Охотничьи приметы на удачу и неудачу. Ритуальные и праздничные действия, связанные с охотой. Образы охотника, добычи, ландшафта в устном народном творчестве. Охотничьи побасенки (небылицы).

8. Хозяйственные занятия. Собирательство

Объекты сбора: ягоды, орехи, грибы, корни. Сроки сборов. Организация собирательства: по семьям для «домашнего потребления» и на продажу. Кто из членов семьи принимает участие в собирательстве. Орудия сбора кедрового ореха, ягод, грибов. Кто и когда их делал. Продуктивность собирательства. Переработка и хранение собранной продукции. Лес (тайга) как источник заготовки древесины. Древесный промысел. Использование леса в строительстве и прикладном творчестве. Характерные особенности заготовки строительного материала и дров. Приметы, связанные с собирательством. Образы собирательства в фольклоре. Жапы фольклора о тайге и лесе.

9. Земледелие и огородничество

Основные выращиваемые культуры. Сроки и способы обработки земли: копанье, вспахивание и т.п. Орудия обработки посевных площадей. Технология изготовления орудий земледелия и огородничества. Удобрения земли, прополка, сбор урожая: сроки, распределение труда. Хранение и переработка выращенной продукции. Связь земледельца с традиционной пищей: обыденной и сакральной. Аграрные ритуальные и праздничные действия. Земледельческая тематика в произведениях фольклора и прикладном творчестве.

10. Хозяйственные занятия. Животноводство

Количество скота в семьях. Виды домашнего скота. Способы выращивания молодняка и ухода за ним — содержание на подножном корму, стойловое содержание, выпас в покотиных, засеках. Заимки на местах выпаса. Уход за скотом зимой. Корм для скота. Сенокосные работы, их сроки и способы. Инвентарь. Пастбищные и сенокосные угодья, их распределение и расположение. Приметы, связанные с животноводством. Ритуальные и праздничные действия, связанные с животноводством. Фольклорные образы скотоводчества: пастушеские легенды, сказки, песни, частушки и др. жанры устного народного творчества, отразившие традиции животноводства.

11. Домашние занятия и промыслы

Обработка шерсти. Стрижка, мойка, чесание шерсти, время и место работы, инвентарь. Вязание из шерсти. Кто и что вязал. Инструменты и приемы вязания. Обработка кожи. Выделка кож на продажу и для дома. Способы выделывания кож (инструменты и способы работы). Пошивочное дело. Что шьют или шили раньше: одежду, шапки, рукавицы... Шитье для семьи и на продажу. Как организуется промысел пошивочной продукции. Занятия извозом. Были ли ямщики. Остаточные формы деятельности ямщиков (организация, сроки, заработки). Лесной промысел: порубка леса, заготовка стросвых бревен, дров, изготовление срубов на продажу и проч. Торговля. Возможности и способы организации торговли. Сырьевщики, лавочники, разъездные торговцы и т.п. Отношение к торговым людям. По отношению ко всем промыслам следует отметить: характер промысла (для своего хозяйства и сбыта), экономико-правовую организацию промысла, его зависимость от заготовки сырья, сезона, хранения и сбыта. Как относились разные социальные группы населения к промыслам (почтительно, пренебрежительно, с указанием выявленных причин, если возможно). Кто в семье занимался промыслом (разделение труда). Инвентарь промыслов (представить рисунки или фотографии орудий промыслов, их частей с указанием названий и функциональной нагрузки).

12. Культовые погребальные комплексы

Название погребального комплекса (кладбища). Географическая привязка. Период существования. Ограждение (естественное — реки, овраги, болота; искусственное — забор, ров и др.). Топографическая характеристика (на мысу, острове, гриве и т.п.). Расстояние до населенного пункта. Вход—выход, ориентация по сторонам света, оформление (воро-

та, калитка, деревья и т.п.). Характеристика могил: количество, вид (наземные, грунтовые). Надмогильные сооружения (размеры, формы). Ориентировки нахождения захоронений. Атрибутика захоронения (дерево — какое, крест, шест, памятник — какой). Ограждение могилы. Сопроводительный инвентарь. Кострище — размеры, расположения. Находки около кострищ. Обрядовые действия, связанные с посещением мест захоронений родственников. Причитания и плачи.

13. Культурные комплексы: святилища

Наименование святилища. Топографическая характеристика (в лесу, на мысу, на острове и т.д.). Расположение относительно населенного пункта. Ограждение культурного комплекса (естественное — какое, искусственное — какое). Характеристика входа—выхода. Ориентация по сторонам света, размеры, внешнее оформление (шесты, ворота, деревья или др.). Деревья на святилище: количество, порода деревьев, особые формы. Ритуальные сооружения — вид, размеры, материал изготовления (семантика, символика основных примет святилища). Культурный инвентарь (лодки, одежда, посуда). Наименование, функциональное назначение, форма, размер, материал. Время и традиционные формы посещения святилища, общения с сакральным космосом. Описание памятных поселенцам традиций священнодействий. Фольклорные образы святых мест.

Раздел II. Фольклорные исследования

1. Этнофольклорная характеристика поселения

Обобщение материала, собранного по рубрикам предыдущего раздела. Исходными положениями обобщения являются тезисные представления о сущности фольклора. Фольклор в широком понимании этого термина охватывает все многообразие анонимного народного творчества в устных формах эпики, лирики и драмы, в музыкальных и пластических (танцевальных) формах, а также в формах прикладного творчества (предметы женского и детского рукоделия, предметы мужских промыслов). Изначальное значение понятия «фольклор» — народная мудрость. Специфика фольклора в том, что в нем синкретично представлены многие виды и жанры художественного творчества, которые, в свою очередь, неразрывно связаны с хозяйством и бытом конкретного народа. Фольклор служит народу как «учебник жизни», передающий из поколения в поколение мудрость пращуров, житейскую философию, являясь средством воспитания характера, служит формированию лучших человеческих качеств: доброты, мужества, патриотизма, смелости, честности. Фольклор — это разновидная и разножанровая «энциклопедия» знаний наро-

да. Распределение ранее записанных (собранных) фольклорных материалов по рубрикам, тематически соотносимым с будущей теоретической работой студента (рефератом).

2. Технология фольклориста: фиксация произведения фольклора

Методика собирания фольклора в сочетании с этнографическими исследованиями отличается тем, что правила фиксации произведений устного народного творчества, музыкальных и танцевальных жанров приходится соотносить с фиксацией собственно этнографических особенностей жизни поселения. В то же время данное обстоятельство помогает исследователю сразу обозначить место фольклорного произведения в контексте этнокультуры. Важно соблюдать следующие правила: расспрашивать о фольклоре, бытующем в данной местности, с первых дней практики, узнавать талантливого исполнителя до момента фиксации исполняемого им произведения, быть вежливыми, показать свою заинтересованность в фольклоре, не злоупотреблять временем и физическими возможностями исполнителей, не следует отрывать носителей фольклора от повседневных дел, нужно договориться о времени, удобном для информатора; надо помнить, что долгие беседы утомляют людей преклонного возраста; хорошо знающих фольклор; следует поговорить на разные темы, войти в контакт, разговорить информатора, важно расположить собеседника, вызвать желание показать свое умение петь или рассказывать. Требуется несколько раз посещать носителя фольклорных традиций: хороший рассказчик или певец знает много больше того, что он вспомнил в двух-трех беседах. Вопросы должны быть понятны и могли бы подсказывать детали содержания или сферу бытования фольклорного произведения. Записывать фольклор надо только в момент исполнения. Используется диктофон. Нельзя прерывать информатора и вмешиваться в творческий акт. Все вопросы задаются после исполнения. Пробную запись не уничтожают, полезно сделать уточняющую запись и сравнить их. В дневнике графически фиксируются или обе записи, или лучшая.

3. Требования к оформлению фольклорной записи

Точная запись предполагает полную идентичность записанного текста тому, что услышал собиратель. Никакого домысливания, редактирования фольклорного произведения не допускается. Записи фольклорных произведений должны сохранять некоторые диалектические черты. Следует фиксировать ударения в диалектных словах. Точность фиксации междометий и частиц обязательна. Также необходимо отмечать ремарки и концовки. Записи фольклорных произведений должны оформляться в зависи-

мости от их жанровой и видовой принадлежности. Например, стихотворно-песенные жанры записываются с соблюдением членения текста на стихи, с выделением припевов, строф, а прозаические жанры — с выделением абзацев, диалогов, прямой речи.

Каждый текст строго паспортизируется. Паспортизация предполагает наличие следующих данных: 1) от кого записано произведение (имя, фамилия, отчество); 2) национальность исполнителя; 3) возраст исполнителя или год его рождения; 4) место рождения; 5) образование; 6) профессия; 7) место записи (название деревни, области или края); 8) кем записано произведение; 9) дата записи.

Обязательно зафиксировать запись графически, сохранить пленку диктофона с пометами, идентичными паспортным данным (можно указать № записи, при этом указать фамилию исполнителя и название произведения). Каждый записанный текст должен иметь комментарии (примечания), содержащие данные об определении жанровой принадлежности фольклорного произведения исполнителем (часто не совпадающим с научными), об отношении информанта к произведению. В каких бытовых условиях исполняется произведение, записано ли оно как воспоминание или активно бытует. Следует уточнить, от кого и где перенял информант свои произведения, оформить творческий портрет, биографию исполнителя. Использование анкеты для опроса носителей фольклорных традиций поможет в дальнейшей работе над интерпретацией собранного материала, ответы на вопросы помогут выяснить отношение к фольклору не только исполнителей, но и слушателей. Вопросы могут быть следующие: кто пел и поет в семье, когда поют и с кем, что предпочитают петь — старинные или современные песни, за что ценят пение и певцов, кто лучше всех поет в селе, какая песня самая любимая и т.д.

С учетом технологических правил следует приступить к обособленному сбору фольклорного материала.

4. Эпические картины народной жизни в фольклоре

Трудовые будни и песенный фольклор. Приметы, гадания, колдовство, заговоры и демонологические рассказы. Духи природы и домашние духи в народном сознании и фольклорных произведениях. Легендарные повествования о далеком прошлом. Предания о прародине, предках, межэтнических связях. Тема обретения малой родины в эпических повествованиях. Былинные герои в ныне существующем фольклоре. Предания как народный аналог исторических повествований. Варианты народных рассказов о путешествиях, о знакомстве с далекими краями. Исто-

рические песни, баллады о героическом прошлом, о подвигах, правдолюбии, великих примерах храбрости, самопожертвования, любви и верности на фоне серьезных социальных событий. Духовные лиро-эпические стихотворения.

5. Сказки

Дидактическая функция сказок. Сказки учат человека жить, утверждают веру в торжество добра и справедливости. В сказках общечеловеческие темы и идеи получают своеобразное национальное воплощение. В них показан быт народа, его нравственные понятия, идеалы. Обычно выделяют следующие тематические группы: 1) сказки о животных; 2) волшебные сказки; 3) бытовые (авантюрные, повелческие, социально-бытовые (сатирические), семейно-бытовые (комические). Основным жанровым признаком сказки является ее назначение: передать новому поколению опыт предков. Эстетическая функция обусловлена особым характером сказочного вымысла, что предполагало волнение чувств, возвышение духа слушающих. Воспитательная функция сказки выражается в торжестве нравственной и социальной правды.

6. Несказочная народная проза

Несказочная проза: предания, легенды, былички, сказы. Уровни ее достоверности в воспроизведении исторических фактов, различных образов: человек, природа, космос, духи, род, семья, необычайные явления в природе и обществе. Предания — устные прозаические рассказы, повествующие о фактах далекого прошлого и передающиеся из поколения в поколение. Важность не факта, но его оценки народом. Былички о мнимых столкновениях с нечистой силой — упырями, лешими, русалками, домовыми. Сказы как особый жанр народной прозы. В них рассказывается о разнообразных случаях из недавнего прошлого местной жизни. «Недавнее прошлое» — это то, что на памяти рассказчика или одного-двух предшествующих поколений. Герои — местные умельцы, правдоискатели, «странные люди».

7. Народная лирика

Календарные, семейные, личные песни. Характер обрядовых песен разного содержания: о смене времен года, свадебных, поминальных. Молитвенные песнопения на урожай и хорошую погоду, девичьи, рекрутские, вдовьи, колыбельные, разлучные, похоронные. Особые песни знахарей, дружек, воплений. Другие варианты бытующего песенного фольклора. Персонажи песен. Связь песен с музыкальными инструментами. Виды бытующих музыкальных инструментов. Песни и пляски. Лирические танцы: хороводы и попевки.

8. Малые фольклорные жанры

Пословицы и поговорки. Их тематические разновидности. Поговорка и пословица в контексте народной культуры. По какому поводу была сказана поговорка или пословица. Загадки. Их тематическая классификация. Отличие загадок детских от взрослых. Особый лиро-эпический жанр частушки. Женские, мужские, девичьи, молодецкие, детские частушки. Частушки и народные праздники (звучание коротких попевок на вечеринках, посиделках).

Раздел III. Комплексные этнофольклорные исследования

1. Обряд как источник фольклорных произведений

Связь обрядовых форм с трудовой деятельностью. Фольклорные жанры о зависимости человека от природы. Одушевление природных сил, персонафикация растений, птиц, животных. Фольклор о покровительстве и помощи природы. Анимистические верования. Духи-покровители. Тотемистические представления (вера в общее происхождение и кровную близость между родовой группой и каким-либо видом животных, растений, предметов или явлением природы). Культы живой природы и умерших предков. Черты определенной эпохи, быта, условий труда народа в обрядах, связанных с трудовой деятельностью крестьянства. Календарная обрядовая поэзия.

2. Семейные обряды. Свадьба

Свадьба. Желательное время проведения. Критерии выбора невесты (какие качества ценились при выборе будущей супруги). Сватовство: кто сватал, когда. Последовательное описание действий. Поведение молодых в период от сватовства до свадьбы. Подготовка к свадьбе. Девичник (*дівчишак*). Праздник в доме жениха. Кого приглашали. Поведение молодых, окружающих. Отъезд молодых. Праздник в доме невесты. Что делают гости, родители, молодые. Песни, частушки, присловья и другие формы освобожденного от обрядового действия фольклора.

3. Похороны

Похоронный обряд. Свидетельства приближающейся смерти, действия окружающих: как фиксировался момент смерти. Поведение окружающих. Действия людей в доме после смерти (хозяина, хозяйки, детей, других родственников). Обмывание покойного, его одожд. Место нахождения покойника. Когда и кто готовил гроб, копал могилу. Вынос тела. Похоронная процессия. Нормативы поведения на кладбище. Знаки траура, сроки его ношения. Песни и присловья, связанные с похоронами. Поминальные обрядовые действия. Поминальные песни, атрибутика поминальных застолий.

4. Календарные праздники

Какие календарные праздники отмечались и отмечаются в данной местности. Компоненты обрядности в календарных праздниках. Сроки их проведения. Указать все существующие названия праздников, выделить среди них священные (неразрывно связанные с традиционными обрядовыми действиями) и бытовые (пришедшие в новое время, зафиксированные как государственные или существующие по творческой инициативе поселенцев, трудовых коллективов, семей). Участники праздника, место проведения. Как называются отдельные персонажи праздника. Последовательное описание действия организаторов, персонажей и участников во время праздника. Песни, частушки, приуроченные к празднику.

Основные традиционные календарные праздники русских поселений: Масленица, Пасха, Троица, Егорьев день, Петров день, Ильин день, Семёнов день, Покров, Рождество, Крещение. Основные традиционные (и цовые) календарные праздники обско-угорских и самодийских поселений: Вороний день, праздник рыбаков, День охотника. Какие из перечисленных праздников проводятся. Специфика их организации, сценария. Праздничные костюмы. Семантика атрибутов и орнаментов мужского, женского, детского костюмов.

Итоговая конференция

Результаты практики могут быть оценены качеством проведения итоговой конференции, выставки дневников практики, разнообразных привезенных с практики материалов: фотографий, аудиозаписей и видеосфрагментов, рукописных записей устного народного творчества, экспонатов прикладного искусства и т.д.

Памятным результатом фольклорно-этнографической практики может быть публикация рефератов, статей в специальном сборнике, которая в дальнейшем послужит красведам, фольклористам, этнографам, явится фактом пропаганды народной культуры среди подростков и молодежи.

А.И. Прусс

Исторические аспекты правовых отношений в традиционном хозяйстве коренных малочисленных народов ХМАО

Согласно законам Российской империи верховным собственником всех сибирских земель, включая недра и воды, являлось государство, коренные народы владели землей с его разрешения при условии уплаты ясака. В этнологической литературе при характеристике норм землепользования аборигенного населения Приобья используется понятие «собственность», однако фактически под ним нужно понимать лишь право владения определенной территорией. У коренного населения Северного Приобья традиционно существовали общинные (коллективные) и семейные формы владения промысловыми угодьями. Местной администрацией земли закреплялись за отдельными селениями, т.е. общинами.

Территориальный ареал у коренных народов Севера не был четко ограничен, тем не менее границы были хорошо известны всем членам общины и соседних селений, нарушения их были редки и преследовались по нормам обычного права¹.

Право владения общинными угодьями, по существу, было коллективным. Никто из членов общины не мог выделить свою долю и распоряжаться ею по своему усмотрению. Для лиц, не входивших в общину, существовал запрет на пользование угодьями. Вопросы о порядке, способах, времени использования общинных угодий решались на общем собрании.

Наряду с общинной у коренного населения Северного Приобья существовала и семейная собственность на промысловые территории, которая основывалась на праве первого освоения и продолжительности фактического пользования. «Вотчина» передавалась по наследству. Точно очерченных границ наследственные промысловые угодья не имели, их замечали по каким-либо природным знакам: речкам, озерам, деревьям, камням и т.п. На семейные участки чужие не допускались, нарушения преследовались по нормам обычного

¹ Мартынова, Е.П., Пивнева, С.А. Традиционное природопользование народов Приобья. М., 2001. С. 59–60.

го права. Нужно отметить, что распределение охотничьих угодий производилось не везде. Часто не делились менее «продуктивные» территории, где совместно вели промысел жители одного поселения или даже нескольких соседних. Существовали и заповедные места, закрытые для любого вида промыслов. Согласно традиционным верованиям обских угров и лесных пенцев эти места считались владениями духов, поэтому на них людям запрещалось ведение какого-либо вида промысла и вообще длительное пребывание.

Промыслы у аборигенов регламентировались определенными правилами. На чужой вотчине нельзя было охотиться или рыбачить без разрешения, приспособления для лова не должны были мешать друг другу. У нарушивших «вотчинное право» добыча изымалась в пользу хозяина, а при повторном проступке изымалось и орудие промысла. Наследование угодий осуществлялось только между «вотчинниками», т.е. людьми, имеющими право на совместное пользование этими угодьями, которыми, согласно обычному праву, являлись или родственники, или однофамильцы. В правовых обычаях обских угров отмечается, что «наследование детьми после отца этих угодий является самостоятельным, т.к. они не могут выделить из вотчинного угодья своей части, если, конечно, оно не является семейным». Из-за высокой смертности среди аборигенов «вотчины» часто переходили из рук в руки, в результате чего нарушался генеалогический (родовой) принцип владения угодьями. Обычное право стояло на страже «родовой» собственности: «Если через какой-либо промежуток времени кто-нибудь предъявлял права на определенный участок и мог доказать их свидетельством посторонних людей, участок этот передавался в пользование просителю.

Некоренное население Северного Приобья могло пользоваться природными богатствами края только через аренду (кортом) — временное использование земельных участков на определенных условиях по договору с коренными жителями. Аренда охотничьих угодий широкого распространения не получила. Этого не допускало правительство, стремившееся сохранить одну из главных статей поступления в казну — ясак, который собирался с аборигенного населения пушинной, пользовавшейся большим спросом и на внутреннем, и на внешнем рынке. Учитывая это, власти всех уровней были заинтересованы в сохранении за «ясашными» их промысловых «вотчин». Так, указ 1731 г. гласил: «...где промышляют ясачные люди соболя и другого зверя, чтоб на тех местах вольным промышленникам не промышлять...». Аналогичной позиции придерживались и местные сибирские власти².

² Душин-Горкавич, А.А. Тобольский Север. М., 1995 (переиздание СПб., 1904). 3 том.

Позже, в XIX в., когда ясак уже не был главным средством пополнения государственной казны, правительство придерживалось принятого ранее курса в отношении сибирских народов. «Устав об инородцах» 1822 г., подготовленный М.М. Сперанским, закрепил за абorigенами земли, которыми они владели по праву первоначального заселения. Русское население не имело права без разрешения инородцев использовать земли для поселения и хозяйственных целей.

Поскольку аренда рыболовных угодий не затрагивала фискальных интересов, она была, по сути, узаконена властями. Рыболовные угодья могли сдаваться в аренду (кортом) с согласия всех совладельцев, а доходы от аренды делились поровну. Ранее других оказались втянутыми в арендные отношения обские группы ханты. В XIX в. «кортомные» отношения русских с коренными жителями еще более упрочились, стали обычным, распространенным явлением и приняли более широкие масштабы. В 1805 г. было разрешено брать «в кортом рыбные ловли» сроком на один год при наличии договора и согласия инородческих «князцов» и старшин. Реально сделки заключались на лето или на 3—4 года. Нередко арендаторы вели на «кортомных» угодьях промысел лишь летом, а осенью и зимой инородцы сами ловили рыбу на этих участках. Иногда коренные жители нанимались в работники к русским предпринимателям во время летнего рыбного промысла. Имели место случаи продажи рыболовных угодий купцам и промышленникам. Наряду с рыболовными распространение получила аренда мест для сбора ягод и кедровых орехов.

К концу XIX в. сложилась ситуация, не отвечающая интересам всего населения Северного Приобья. «Инородческие общества» — наследственные владельцы доходных рыболовных песков — сдавали их в аренду промышленникам, но сами попадали в зависимость от них. Реально владельцами доходных песков по Оби стали арендаторы (среди них крупнейшими были купцы Новицкие, Плотниковы, Тетюцкие, Наргымовы), поскольку на протяжении нескольких десятков лет они арендовали одни и те же участки. Арендная плата уже не платилась — рыбопромышленники выдавали хозяевам-инородцам ссуду деньгами, продуктами, порохом, неводами и т.п., обязывая их всю добытую рыбу сдавать арендаторам по установленной ими же цене. При расчете обычно оказывалось, что сами владельцы-инородцы должны арендаторам. Год за годом сумма долга росла, поэтому большая часть владельцев угодий оказалась в экономической зависимости от рыбопромышленников. В итоге абorigены края не богатели, а нищали. В то же время местные русские вынуждены были

арендовать места для рыбной ловли. Неоднократные просьбы русских крестьянских обществ наделить их угодьями за счет обширных и малоосвоенных инородческих земель оставались без удовлетворения. Министерство государственных имуществ мотивировало отказы опасениями за судьбу аборигенов, которые могли совсем лишиться хороших промыслов.

Описанные выше типы традиционного природопользования народов Северного Приобья функционировали примерно до 1920-х годов. Проводившиеся вскоре в районах проживания малочисленных народов Севера социально-экономические преобразования привели и к трансформации традиционных основ северных хозяйств.

С традиционной хозяйственной деятельностью самым тесным образом были связаны система расселения и образ жизни коренных народов Северного Приобья. Рассредоточенность и подвижный образ жизни аборигенного населения противоречили осуществлению советской государственной политики, направленной на коллективизацию хозяйств, на повышение уровня культуры и улучшение быта коренных народов. В русле этой политики во второй половине 1930-х годов в Ханты-Мансийском округе был утвержден переход коренного населения к оседлому образу жизни. Его осуществление сопровождалось переселением аборигенов из мелких населенных пунктов в укрупненные.

Этот процесс, прерванный войной, получил дальнейшее развитие в послевоенное время, особенно в 1950-х годах, когда по специальным правительственным решениям были отпущены крупные суммы на жилищное строительство на Севере. В результате по Ханты-Мансийскому округу население 650 мелких населенных пунктов было переведено в 60 крупных поселков.

В 1960–1970-х годах сложились хозяйства с многонациональным составом рабочих и служащих. В совхозах нередко объединялись представители различных традиционных хозяйственно-культурных типов — оленеводы, охотники, рыболовы. Уже в те годы в большинстве северных хозяйств и поселков насчитывалось 30–50% рабочих и служащих из числа приезжего населения.

Эти важнейшие преобразования совпали по времени с началом промышленного освоения региона, в частности с началом интенсивного развития нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири. (К 1979 г. нефтегазодобывающая промышленность Ханты-Мансийского округа давала 83% всей продукции округа.) В условиях бурного нефтегазового освоения северных территорий делались попытки перестроить сель-

ское и промысловое хозяйство на промышленной основе, превратить их в разновидность индустриального труда³.

Традиционные отрасли северного хозяйства испытали на себе определенное влияние технического прогресса. Вышеупомянутые и другие социалистические преобразования привели к трансформации традиционных основ хозяйственной деятельности народов Севера. Сселение аборигенов в укрупненные поселки нарушило принцип связи типа расселения с типом хозяйства. Новая система расселения была слабо ориентирована на традиционные территории природопользования. Некоторые из них перестали опромывливаться, были заброшены, другие изменили своих хозяев. Сам промысел стал организовываться по-иному: забросом авиацией на экспедиционный лов, долгосрочными выходами промысловиков на охотуодья. Коренные народы оказались отчужденными от своих рыболовных, охотничьих и пастбищных угодий, люди перестали осознавать себя хозяевами на своей земле, утратили чувство ответственности за состояние промысловых территорий.

Узкая специализация укрупненных колхозов нарушила комплексность традиционного природопользования — оленеводство, охота и рыболовство стали развиваться обособленно друг от друга.

Многие северные хозяйства вынуждены были переориентироваться на нетрадиционные отрасли — звероводство, животноводство, растениеводство, деревообработка и пр.

Рыболовство и отчасти охота приобрели в советское время промышленный характер, подверглись влиянию технического прогресса. Современные виды транспорта — авиация, речной и морской флот, автомобили, снегоходы — потеснили многие традиционные средства передвижения. В традиционных отраслях хозяйства наметился и углубился кризис воспроизводства трудовых ресурсов.

Таким образом, годы советского строительства существенно изменили хозяйственный уклад аборигенов. С одной стороны, традиционные отрасли были включены в систему государственного и общественного производства, подверглись модификации. Хозяйственная жизнь народов Севера стала частью всесоюзной экономической системы. С другой стороны, значительная часть коренных жителей оказалась оторванной от исконной среды обитания, что привело к потере навыков традиционного хозяйствования.

³ Мартынова, Е.П., Пивнева, С.А. Традиционное природопользование народов Приобья. М., 2001. С. 59–60.

Многие черты, присущие традиционной хозяйственной деятельности коренных народов Севера, отличаются от рыночных принципов. Их хозяйство было нацелено не на получение прибыли, а на удовлетворение собственных потребностей. Отношение к добываемой продукции определялось принципом «что достаточно, то достаточно». В мировоззрении аборигенов довольно четко прослеживается представление о том, что человек — часть природы, он должен бережно относиться к ее богатствам. Поэтому охотники и рыболовы никогда не стремились к получению «максимума», ограничиваясь необходимым для обеспечения семьи количеством зверя и рыбы.

Традиционная система распределения угодий основывалась не на праве собственности, а на праве пользования промысловыми и пастбищными угодьями. При этом у аборигенов сочетались коллективные (общинные) и лично-семейные формы использования тех или иных территорий. Особо следует отметить то обстоятельство, что никто из членов общины не мог выделить свою долю угодий и распоряжаться ею по своему усмотрению. Да и в наши дни большинство коренного населения выступает против частной собственности на землю. Даже владельцы родовых угодий считают, что посторонние могут рыбачить, охотиться, собирать ягоды, грибы, орехи в пределах их угодий при условии нанесения вреда природе⁴.

Ценность для человечества представляет их особая, самобытная культура, построенная на гармоничном сосуществовании с природой, окружающей средой.

Законы рынка будут неизбежно диктовать новые правила отношений с природой. В целях получения прибыли при коммерческой направленности промысловых отраслей возникнет необходимость расширения масштабов вылова рыбы, отстрела зверя и т.д., что не может быть беспредельным, так как ресурсы экологической ниши Севера имеют естественное ограничение. Неразумное вторжение новой технологии также может привести (и уже приводит) к серьезным последствиям для окружающей среды и традиционного природопользования. Уже сейчас мы имеем множество негативных примеров вмешательства человека в хрупкую северную природу, грозящих экологическим кризисом. Это и широкое использование наземного колесного и гусеничного транспорта, разрушающего ягельники, и замена растительных сетевых рыболовных

⁴ Сподина, В.И. Методическое пособие по этнографии коренных народов Западной Сибири. Мегнон. 1995.

материалов капроно-нейлоновыми, не способными биологически разлагаться, и добыча песка для активно ведущегося строительства методом гидронамыва, приводящего к замутиению рек и препятствующего заходу в них рыбы. Помимо всего прочего, процессе коммерциализации неизбежно будет сопровождаться вытеснением аборигенных народов с наиболее доходных мест приливым населением, т.к. аборигенные народы психологически не приспособлены к жесткой рыночной конкуренции. В целях дальнейшей реализации прав коренных малочисленных народов округа на защиту исконной среды обитания, возрождение традиционного хозяйствования, сохранение и развитие национальной культуры в 1992 году было утверждено Положение о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе. Впоследствии создается еще ряд нормативно-правовых актов и законов.

Л.Г. Скульмовская

О соотношении понятий «региональное развитие» и «региональная политика»

Понятие «региональная политика» является неотъемлемой составной частью политики государства, направленной на организацию территории страны в соответствии с принятой государственной стратегией развития. Под региональной политикой в Российской Федерации понимается система целей и задач органов государственной власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны, а также механизм их реализации. Такое определение региональной политики дается в «Основных положениях региональной политики в Российской Федерации», утвержденных Указом Президента РФ 3 июля 1996 г.

По мнению многих ученых, региональную политику следует рассматривать как особый вид государственной политики по регулированию экономического, социального, этнополитического, экологического развития страны в пространственном (региональном) аспекте. Для нас важен в первую очередь социологический анализ региональной политики, поскольку без социологических исследований невозможно решение ни одной политической или социально-экономической проблемы. С точки зрения социологического подхода региональная политика квалифицируется как инструмент стабилизации социальной жизни, регулирования взаимоотношений общества со средой его существования, как природной, так и социальной, снятия конфликтной напряженности в эколого-экономическом и социокультурном отношениях.

Региональная политика охватывает все сферы жизнедеятельности регионального социума, но среди ее компонентов в первую очередь выделяются:

- 1) социальные, направленные на социальную защиту и поддержку населения, развитие и поддержание в соответствующем состоянии объектов социальной инфраструктуры;
- 2) экономические, связанные с повышением эффективности регионального производства, с учетом его природно-ресурсного потенциала, финансо-

вых и материальных ресурсов, развитием и поддержкой мелкого и среднего бизнеса, экспорта, стимулированием инвестиционной политики и т.д.

Объективными предпосылками региональной политики в РФ выступает структурная неоднородность пространства страны в природно-географическом, ресурсном, экономическом, социальном, этническом, культурном и политическом аспектах. Подобная неоднородность вынуждает органы государственной власти принимать любые государственные решения с учетом интересов и особенностей конкретного региона.

По мнению Н.И. Лариной, при определении федеральной региональной политики необходимо учитывать ряд особенностей:

- 1) огромные размеры территории России (17 млн. кв. км);
- 2) сложные природные условия (11 млн. кв. км территории находится в зоне вечной мерзлоты);
- 3) неравномерность расселения ($\frac{3}{4}$ населения сосредоточено в европейской части, на долю которой приходится лишь $\frac{1}{4}$ территории);
- 4) неравномерность экономического развития регионов России: наличие высокоразвитых, многоотраслевых регионов наряду с депрессивными, узкоспециализированными; существенная разница в территориальных размерах и численности населения регионов.

К числу причин пространственного неравенства можно отнести такие, как:

- разные темпы экономических преобразований;
- предоставление отдельным субъектам Федерации больших экономических и социальных льгот по сравнению с другими;
- недоучет региональных последствий проведения федеральной макроэкономической политики;
- неравномерность в пространственном отношении.

Кроме того, при определении основ региональной политики необходимо учитывать, по мнению регионоведов, не только специфику регионов в структуре России, но и необходимость переноса основных направлений экономических реформ на региональный уровень, вопросы развития и совершенствования местного самоуправления, проблемы рационального природопользования, социальной сферы.

Если под политикой чаще всего понимаются цели и задачи, преследуемые и решаемые людьми в связи с их конкретными интересами, а также методы, средства, институты, с помощью которых интересы формулируются и защищаются, то региональная политика — это своеобразный компромисс между региональными интересами государства (т.е.

интересы государства в отношении регионов) и местными интересами самих регионов. В связи с этим Н.И. Ларина рассматривает региональную политику как средство государственного регулирования социально-экономических процессов в проблемных регионах (ареалах) страны и как средство снятия социальной и экономической напряженности¹.

Региональная политика направлена прежде всего на реализацию интересов и потребностей населения региона. К наиболее значимым индикаторам, отражающим в региональной политике социально-экономические интересы населения, относятся:

- соответствие уровня и образа жизни населения среднероссийским стандартам;

- наращивание региональной собственности и финансовых источников, обеспечивающих реализацию региональной социальной политики;

- формирование концептуальных возможностей региона для эффективного использования имеющихся ресурсов, рабочих мест, научного и образовательного уровня населения;

- состояние природно-ресурсного и экологического потенциала региона;

- уровень стабильности общественно-политической и национально-этнической ситуации в регионе.

Выделяют прямые и косвенные методы осуществления региональной политики. Первые предполагают непосредственное активное вмешательство органов государственной власти в те или иные сферы жизнедеятельности регионального сообщества (например, целенаправленное финансирование отдельных отраслей или предприятий регионального хозяйства). К числу прямых методов относят также разработку различных региональных программ, регулирующих экономическое, социальное, научно-техническое развитие путем выработки определенной стратегии решения приоритетных проблем (например, создание механизма эффективного использования ресурсов региона: природных, материальных, трудовых; социальная поддержка населения и т.д.).

Косвенные методы направлены на создание благоприятных условий в области социально-экономического развития с помощью финансовых или политико-правовых рычагов. Таким образом, понятие «региональная политика», означает, с одной стороны, политику, проводимую центральными органами государственной власти в отношении регионов; с другой — политику, проводимую субъектами РФ в отношении своих территорий.

¹ Ларина, Н.И. Мировой опыт региональной политики. Новосибирск, 1996. С. 3.

Второй термин, требующий изучения, — «региональное развитие», от которого напрямую зависит культурная политика региона. Именно региональная политика оказывает большое влияние на региональное развитие, под которым понимается такой режим изменения региональной системы, который ориентирован прежде всего на повышение уровня и качества жизни населения, обеспеченное устойчивым и сбалансированным воспроизводством социального, хозяйственного, ресурсного и экологического потенциалов региона.

Социальная доминанта регионального развития должна быть устойчиво сбалансированной с природными, экологическими и другими ресурсами региона, поэтому при его оценке необходимо учитывать связь его социальной ориентации с устойчивостью и сбалансированностью регионального развития. Последняя обнаруживается в длительном сохранении условий для воспроизводства социального, природно-ресурсного, экологического, хозяйственного и других потенциалов региона в режиме социальной ориентации. Поэтому, например, чрезмерная интенсивность изъятия природных ресурсов, дающая мощное разовое обогащение территорий, не укладывается в концепцию устойчивого регионального развития. Это касается, в первую очередь, такого региона, как Ханты-Мансийский автономный округ.

Выделяются следующие основные стратегии регионального социального развития: адаптивные, стабилизационные, опережающие, антикризисные. В настоящее время для большинства регионов России актуальными являются антикризисные и стабилизационные стратегии социально-экономического развития.

Можно выделить три методологические парадигмы, через которые за десятилетия своего развития прошла региональная политика:

1) самая ранняя — парадигма неотложной помощи кризисным регионам, это эмпирическая попытка обоснования действий центра обеспечить положение отдельных регионов, оказавшихся в глубоком кризисе;

2) в 60–70-е годы — парадигма межрегионального перераспределения экономического роста, ядро которой составляет теория несбалансированного роста, концепция «полюсов роста»;

3) с середины 70-х до конца 80-х — парадигма реструктуризации регионов, предполагающая максимальное использование внутреннего потенциала каждого региона, развитие инновационной инфраструктуры, образования и науки.

В начале 90-х годов начала складываться парадигма регионализма, более отвечающая принципам постиндустриального общества, — концепция регионального саморазвития, ориентированная на более полный учет технологического и ресурсного обеспечения регионов, интересов региональных сообществ и экономических элит, использование человеческого потенциала, опору на региональные инициативы. В настоящее время в мировой науке формируются новые направления исследований проблем регионализма на основе установок его социальной переориентации, экологической философии, общей теории систем, синергетики, прогнозтики.

Как мы уже говорили ранее, проблемы развития регионов представляют исследовательское поле и для зарубежных ученых. При определении основных направлений региональной политики западные регионалисты в первую очередь обращают внимание на состав и причины регионального неравенства. К ним чаще всего относятся такие вопросы:

- масштабы, качество и направления использования природно-ресурсного потенциала;
- периферийное положение региона, его отдаленность от основных центров производства и потребления;
- политические факторы, формы общей и региональной политики;
- социально-культурные факторы (степень образованности населения региона, наличие научных, учебных и культурных центров и т.д.);
- физические факторы размещения (наличие транспортных систем, аэропортов, телекоммуникационное обеспечение и др.).

Весь объем мероприятий региональной политики за рубежом направлен на создание условий, которые позволяют лучше, эффективнее приспособиться к ужесточению конкурентной борьбы в мире за рынки сырья и сбыта, сферы приложения капитала. Основами концепции региональной политики за рубежом являются:

- 1) децентрализация власти и экономики;
- 2) выработка совместных стратегий экономического развития страны и регионов;
- 3) выравнивание уровней экономического развития территорий;
- 4) координация долгосрочных региональных программ, стратегических целей региональной политики.

Региональная политика в развитых странах существенно отличается от региональной политики развивающихся стран. К характерным чертам региональной политики развитых стран относятся:

— освоение слаборазвитых («проблемных») регионов, а также реконструкция «депрессивных» регионов;

— децентрализация агломераций и территорий сверхконцентрации населения и промышленного производства;

— образование новых промышленных узлов за пределами городских поселений, не связанных с существующими центрами промышленного производства.

Одна из главных целей регионализма — минимизировать неравенство территорий. Однако зачастую, как это видно на примере современной России, неравенство не сокращается, а возрастает. Оно наблюдается при сопоставлении регионов, и особенно Центра и ряда сибирских территорий. По существу, такого рода региональная политика носит колониальный характер, порождает социальные конфликты. Как известно, на протяжении многих десятилетий, в 30–80-х годах, в бывшем СССР достаточно жестко осуществлялась догматическая политика «сдвига производительных сил на восток» — в районы с суровыми социальными и природными условиями. Проведения такой политики требовали прежде всего идеологические, военно-стратегические и военно-политические интересы тоталитарного государства. Они играли решающую роль и в территориально-экономическом (региональном) развитии, и им приносилось в жертву эффективное развитие экономики, и особенно социальной сферы.

Некоторые специалисты уже в 70–80-х годах поднимали вопрос о перенаселенности районов советского Севера. Но из-за расширения освоения ресурсов на экстенсивной основе и полного игнорирования закона стоимости продолжалось движение населения и производства на север и восток, создание там искусственно поддерживаемых, неконкурентоспособных предприятий и поселений при них с низким уровнем благоустройства. Естественно, что с переходом к рыночным отношениям в начале 90-х годов большинство этих предприятий, поселений и их жителей оказалось в крайне тяжелом положении. Однако есть исключения, относящиеся к регионам с развитой нефтегазовой и некоторыми другими приоритетными отраслями, например, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа Тюменской области или Камчатка. Они успешно конкурируют с наиболее развитыми регионами Европейской России по привлечению не только российских, но и иностранных инвестиций, прежде всего из США и Германии.

В качестве новых ориентиров регионального развития выступает перенесение центра тяжести регионального развития в России с районов нового

освоения на старопромышленные районы, которое отражает более реалистическую оценку стратегических задач и возможностей пространственного развития страны на современном этапе. Вот почему резко возрастает в последние годы ценность (для эффективной деятельности и в оценках населения) западных и южных районов России. Их преимущества в социальном, экономическом, демографическом и урбанистическом развитии, в природных условиях по сравнению с севером и востоком становятся важнейшим фактором регионального развития страны. С этим положением хотелось бы выразить свое несогласие. В отличие от Ю.Л. Пивоварова в трудах российских ученых, работающих над проблемами устойчивого развития, особенно ученых Сибирского отделения Российской академии наук, можно встретить утверждения о том, что в современной геополитике сибирский макрорегион занимает одно из важнейших мест.

Таким образом, региональный подход может быть реализован на общемировом уровне, где выделяются индустриально развитые и, наоборот, отсталые регионы. Региональный подход может быть реализован и внутри отдельных стран, причем административное деление далеко не всегда соответствует дифференциации страны на «природно-социальные комплексы». На примере Западно-Сибирского региона суть проблемы можно пояснить следующим образом: с одной стороны, региональный принцип как бы подталкивает решать проблему устойчивого развития дифференцированно по административным единицам, а с другой — реальная природно-социальная целостность Западной Сибири неотрывна от того, что можно представить как бассейн реки Обь. Именно Обь можно выделить как единое основание социоприродного цикла, в рамках которого реализуется хозяйственная и иная деятельность населения Западной Сибири.

Изданные указы и постановления об основах государственной региональной политики, о разработке прогнозов и программ социально-экономического развития регионов, развитие законодательства о местном самоуправлении, накопленный некоторыми регионами опыт создания собственных «моделей» антикризисного развития позволяют говорить о новой фазе в становлении регионализма, построении моделей реформ, более адекватно отражающих региональный «ландшафт» социума России.

ПРИРОДА.
ЭКОЛОГИЯ

Ф.Н. Рянский, Б.А. Середовских

Пути коэволюции общества и природы в Среднеобском регионе и его урало-сибирских окрестностях: естественные предпосылки и общественные последствия

Вопросу взаимосвязи или коэволюции человеческого общества и ландшафтной сферы Земли посвящены многочисленные публикации [4, 6, 12, 18].

Установлено, что за историческое время в бассейне Средней Оби закономерно происходили крупные биосферно-климатические перестройки, существенно менявшие условия выживания и развития проживающих здесь этносоциальных сообществ. Под воздействием кардинальных перемен природных условий продуцировались процессы адаптации, прогрессивные и регрессивные изменения и эволюция Среднеобской ойкумены. У современной истории природы и людей существуют свои закономерности. Извечно повторяющиеся циклические биосферно-климатические перестройки заставляли человека либо мигрировать в более привычные места, либо видоизменять или дополнять способы природопользования и хозяйствования, а иногда интегрироваться с более приспособленными пришельцами или аборигенами. Экономика сначала вступала в противоречие с меняющейся природной средой, а затем, когда климат стабилизировался, постепенно к нему адаптировалась, меняя весь хозяйственный уклад, а за ним и быт, и даже мировоззрение.

На наш взгляд, к числу процессов, имеющих существенное влияние на функционирование геосистем на региональном уровне, относятся естественные циклы смены состояний в истории Земли. Характерной особенностью протекания таких процессов является геофизический комплекс целого ряда природных периодических изменений, к которым относятся сменяющие друг друга резкие колебания сухости—влажности и тепла—холода, что проявлялось через экономически значимые засухи и наводнения. За основу принята таблица иерархии временных этапов [12]. Ритм в 12 лет является базовым — XIX ранга. Мы сделали попыт-

ку сопоставить ритмы и кульминации определенного ранга с этапами климато-ландшафтных перестроек и взаимосвязанных с ними изменений экономики и социума Среднего Приобья.

Сочетания климатических, экологических перестроек и взаимосвязанных с ними экономики и социума можно выделить в отдельные этапы. В результате синтезирующих историко-географических исследований авторами выделено для территории Среднего Приобья за историческое время семнадцать подобных этапов и перестроек. С конца XX века мы живем и будем жить весь XXI век в восемнадцатом [1].

Несомненная длительная устойчивость социальных и хозяйственных систем на севере Западной Сибири требует глубокого и всестороннего анализа, который во многом должен иметь как культурологическую, так и историко-географическую направленность.

Причем для всестороннего понимания механизма взаимодействия географической среды и человека в древности необходимо решение следующих задач: 1) дальнейшее всестороннее развитие палеодемографических исследований; 2) изучение палеоклимата в динамике; 3) рассмотрение влияния природных изменений на расселение населения и его хозяйственную деятельность; 4) рассмотрение влияния антропогенного фактора в древности и в настоящее время на динамику природных процессов.

В основу исследования хозяйства древнего населения Западной Сибири нами были положены следующие принципы, обозначенные в работах М.Ф. Косарева [8]:

1. Учет естественно-географического окружения и динамики природной среды, в которых происходит социально-экономическое развитие населения.

2. Анализ производительных сил общества (по археологическим материалам, во взаимной связи с палеогеографией, этнографией и экологией).

3. Исследование развития хозяйства не отдельных культурных комплексов, а широких этнокультурных ареалов.

Актуальность последнего принципа выражается в следующем. Если мы начнем устанавливать пространственные рамки территории исследования только в границах Среднего Приобья, то обнаружим, что географическая протяженность умпостижаемого поля исследования уходит далеко за пределы ХМАО и охватывает северное побережье Западной Сибири от Печоры до Таймыра, западные предгорья Урала, на востоке — бассейн Енисея, Алтай и Саяны, а на юге — всю степную и даже пустынную зону Средней Азии и Казахстана вплоть до Ирана и Монголии.

Причем в течение длительной и событийной истории заселения территории Западной Сибири «силовые линии» освоения менялись на диаметрально противоположные как в направлении «север—юг», так и в направлении «запад—восток».

Этническое разнообразие при различии хозяйственных систем и форм материальной культуры в разных ландшафтных зонах Западной Сибири и ее урало-сибирских окрестностях способствовало созданию оригинальных локальных культур. Начиная с глубокой древности практически на всей территории Западно-Сибирской равнины возникали и развивались различные варианты племенных и межплеменных археологических культур, которые фиксируют те или иные этнические взаимоотношения и дают нам ответ на вопрос — каким образом шло интенсивное освоение территории при относительно консервативном уровне техники и малом числе социальных структур.

В оценке особенностей этнокультурного и социально-экономического развития различных частей Западной Сибири на разных временных этапах, конечно же, необходимо учитывать нестабильность и изменчивость географической среды в связи с периодическими изменениями климатических условий. Крупные природно-климатические пароксизмы постепенно приводили к радикальной перестройке ландшафтной растительной зональности.

В разные исторические эпохи местное население по-разному приспосабливалось к меняющейся географической среде своего обитания, конечно же, в соответствии с уровнем развития производительных сил. Обычно это происходило путем увеличения удельного веса наиболее рациональных в конкретной ландшафтно-климатической ситуации отраслей хозяйства. При присваивающем натуральном хозяйстве конкретная территория может прокормить определенное количество людей, входящих в геобиоценоз как верхнее завершающее звено. Эта закономерность особенно характерна для лесоболотной зоны Среднего Приобья, где не так уж много сухих, хорошо дренированных участков, пригодных для проживания. Чрезмерный прирост населения в таком случае приводил к истощению природных ресурсов в округе, а попытки расселения на сопредельных территориях — к напряженности отношений и противостоянию, так как свободных угодий было мало.

За многотысячелетнюю историю племени, населяющего Западно-Сибирскую равнину и ее урало-сибирские окрестности, то объединялись в разных комбинациях, то дробились на реликтовые этносы, то исчезали полностью,

причем составляющие их люди вливались в состав других этносов и ассимилировались ими (так, например, из южных ханты и манси и тюркоязычных кимаков сформировался субэтнос сибирских татар). В первом случае подчиненное племя принимало на себя функции податного сословия, во втором — возникало состояние социального застоя, что в аспекте географии определяется термином «этноландшафтное равновесие».

Разнообразие природных условий Западной Сибири, выражающееся в наличии здесь нескольких разных ландшафтно-растительных и климатических зон, определило несходство хозяйственного уклада западносибирского населения, направляя его производственные возможности то в сторону охоты, рыболовства, то пастушества или земледелия, ускоряя либо замедляя усвоение новых технологий производства, способствуя или препятствуя увеличению плотности населения, и т. д.

Многообразие проявления материнской и духовной культуры народов Западной Сибири отражает устойчивость взаимоотношений с ландшафтами и во многом обусловлено природной средой, хотя эта связь, как правило, опосредованна, а ее корни уходят в далекое прошлое. Хозяйственные навыки, формы природопользования, образ жизни и культурные традиции, с одной стороны, являются результатом адаптации этноса в материнском ландшафте, а с другой стороны — приспособлением к условиям измененной, антропогенезированной среды. Рассмотрение различных аспектов традиционного природопользования — это прежде всего анализ исторического опыта приспособления этноса к окружающей среде.

На наш взгляд, можно выделить как наиболее существенные и значимые процессы коэволюционного развития, сосуществования соседствующих этносов, основанные на поисках компромисса, заимствованиях различных элементов быта, хозяйствования, образа жизни, выраженных впоследствии в языках [15]. Каждый этнос и суперэтнос в своем развитии занимает определенные ландшафты с четко ограниченными природными рубежами и отличается типом хозяйствования и природопользования. Однако этносы не глухо изолированы друг от друга, существуют, по терминологии Э.С. Кульпина [9], «коридоры» и «дыры», «форточки», «двери», «ворота», через которые осуществляются контакты, миграции, переселения. Для территории Западной Сибири таковыми являлись евразийский степной «коридор», река Обь с ее многочисленными притоками, берущими начало как из степной зоны, так и с Урала, и сам Уральский хребет.

С ландшафтных позиций непреодолимых преград для контактов не было. На территории Западной Сибири существовали различные этничес-

кие территориальные общности: как относительно обособленно живущие народы, основным средством выживания которых является собственно этническое природопользование, так и смешанные людские общности, например, этносы этноконтактных территорий или этноконтактных зон, несущих смешанную этнокультурную и этнохозяйственную многоликость. Здесь происходило длительное совместное хозяйственное освоение данных земель, в котором принимали участие ханты и манси, ненцы и селькупы, русские, сибирские (томские, тобольские, чулымские) татары и компзыряне. Этническая история есть процесс многофакторный, испытывающий разные воздействия, история продемонстрировала различные степени совместимости или несовместимости народов, вплоть до их взаимоуничтожения. Позволим себе не согласиться с Л.Н. Гумилевым [6], который утверждал, что «когда в зоне контакта появляется новый этнос, он поглощает, то есть уничтожает оба прежних». В Обь-Иртышской этноконтактной зоне образовался особый, «мирный» тип угро-тюрко-славянской интеграции, и, несмотря на период некоторого противостояния XVI–XVII веков, ни один этнос не был уничтожен. Базисом же этих отношений является этноприродное взаимодействие, меняющееся в результате природных и социально-экономических перестроек. Как же происходило это взаимодействие в историческое время?

В бореальном периоде дальнейшее улучшение климатических условий вызвало широкое распространение еловых, смешанных и сосновых лесов, которые образовали северную, среднюю и южную тайгу.

Начавшийся в Северной Евразии во второй половине 9 тысячелетия до н.э. значительный сдвиг на север температурных зон означал, что человеком могли быть заселены те регионы, которые ранее были для него недоступны. С изменением климата и появлением лесов Западно-Сибирская равнина стала пригодной для постоянного обитания человека. Исчезновение крупных мяскопитающих привело к появлению новых способов охоты, приспособлений и орудий труда, новой технологии их изготовления. Таким образом, заселение территории Северо-Западной Сибири совпало по времени с новым периодом в истории человечества — среднекаменным веком, или эпохой мезолита.

В ходе глобальных климатических изменений люди адаптировались к новым природным условиям, изменяя экономику, материальное производство и образ жизни. В этих условиях исторически необходимо было изобретение нового оружия охоты на животных, такое оружие было изобретено — в мезолите появились лук и стрелы. По сравнению с палеолитом

мезолитический человек полнее использовал окружавшие его природные ресурсы. Хотя присваивающий характер хозяйства в мезолите Западной Сибири сохранялся, наметилась специализация охоты и рыболовства. Обладая луком и стрелами, человек мог вести промысел в одиночку и добывать как крупного и мелкого лесного зверя, так и водоплавающую дичь. Широко стали применяться западни, ловушки и силки. Специализированная охота на стадных животных, характерная для верхнего палеолита, стала почти невозможной, за исключением самых северных областей, в которых сохранилась коллективная загонная охота на северного оленя. В связи с изменением природных условий в центре внимания мезолитических охотников оказались животные, жившие по одиночке или небольшими группами. Охота стала более сложной и менее успешной. Поэтому мезолитическое население вынуждено было обратиться к добыче иных пищевых ресурсов, в первую очередь это относится к рыбной ловле.

Таким образом, в эпоху мезолита возникли предпосылки для более полного освоения человеком природных богатств. В лесах умеренной зоны Северной Евразии, в том числе на территории таежного Обь-Иртышья, шло становление высокопродуктивного общинного хозяйства охотников и рыболовов. Благоприятные климатические условия последнего ледникового периода и увеличение количества добываемой пищи неизбежно вели к росту численности населения, которое здесь обитало.

Климат последующего атлантического периода (6—3 тыс. лет до н.э.), ставший не только более теплым, но и более засушливым, изменил облик лесостепей и степей на обширной территории юга Западной Сибири — от Приоболья до Прикаспия и Приаралья. Сокращение растительных ресурсов вызвало массовый отход промысловых животных на север, а вслед за ними началось и перемещение людей. В наиболее аридный (сухой) период в конце атлантического периода (около 4 тыс. лет до н.э.) в лесостепные и таежные районы Западной Сибири с территории Средней Азии мигрируют прауральские племена кельтеминарской культуры. Высохшие таежные болота позволили мигрантам продвигаться и дальше по Тоболу и Иртышу до Средней и Нижней Оби. Переселенцев было много, о чем говорит значительное количество их поселков. Первоначально они жили замкнутыми родовыми группами, не смешиваясь с аборигенами, но впоследствии пришедшие в Зауралье переселенцы постоянно смешивались с коренным населением, стали перенимать местные обычаи и традиции, в том числе в производстве посуды, орудий труда, строительстве жилищ и т.д.

Но все же при этнических контактах преобладала не конфронтация, а взаимопроникновение культур. Территория Западно-Сибирской равнины была почти не заселена, изобиловала рыбой, дичью, только удобных мест для устройства постоянных поселений было маловато. Основная масса выявленных поселков неолитического населения таежного края располагалась по берегам крупных рек, на хорошо продуваемых террасах с сосновыми борами и кедрачами, то есть в местах, богатых рыбой, дичью, ягодами и кедровыми орехами. А вот на мелких речонках, протекающих среди болот, темных ельников, и ныне бедных пищевыми ресурсами, древние становища встречались крайне редко или отсутствовали вообще. Так что пришельцам прауральцам и аборигенам приходилось зачастую соседствовать друг с другом. Об этом свидетельствуют археологические находки многочисленных стоянок одного возраста в районе Барсовой Горы под Сургутом и в бассейне Копды. В результате соприкосновения двух разных культур зачастую происходит поглощение одной культуры другой либо они развиваются параллельно, постепенно ассимилируясь, взаимопроникая друг в друга. Причем необязательно побеждает более развитая культура, все зависит от географических условий проживания, т.е. приспособления (адаптации) к ландшафтной среде. Переселенцы праутры перенимали у аборигенного населения навыки выживания в таежных условиях, передавая им свои навыки домостроительства, ремесла и, наконец, свой язык. Этот процесс ассимиляции был долгим и сложным.

И аборигенное, и пришлое прауральское население Оби-Иртышской лесотаетной зоны научилось использовать преимущества комплексного присваивающего хозяйства, включающего рыбную ловлю, охоту и собирательство. Это доказывается не только находками орудия и предметов труда, но и так называемым остеологическим материалом — костными остатками животных, птиц и рыб.

Комплексность этого хозяйства выражается в том, что весь год разбивался на отдельные сезоны, или хозяйственные периоды, в течение которых люди могли добывать наибольшее количество того или иного продукта (мяса, рыбы, орехов, ягод).

Так, при снижении в лесах численности диких животных человек занимался рыбной ловлей, а при исчезновении в реках и озерах после заморов рыбы он отдавал предпочтение охоте. При таком ведении хозяйства люди страховали себя от различных природных случайностей.

В неолитический период намечается и некоторая специализация хозяйства отдельных районов: так, жители низовий Оби занимались в

основном рыболовством, а обитатели верховий рек и предгорий Урала — охотой.

Неолитический человек Западной Сибири, оставаясь собирателем и охотником, вступил в союз с природой, используя технические усовершенствования «исолитизации», стремясь подчинить своей воле ее строптивый нрав. В неолите началось более интенсивное и широкое заселение обширных пространств Западно-Сибирской равнины, которому способствовал «климатический оптимум» атлантического периода.

Процессы коэволюции человека и природной среды на западносибирской территории стали особенно сложными и многогранными начиная с бронзового века. Именно в эту историческую эпоху в пределах Западно-Сибирской равнины окончательно оформились и приобрели достаточно четкую локализацию три больших хозяйственных арсала. На юге равнины в степной зоне сформировался ареал производящей экономики с развитым пастушеско-земледельческим хозяйством. В северной части равнины господствовал еще с эпохи неолита ареал присваивающей экономики, только в эпоху бронзы он значительно сократился. Хотя для этого арсала было издревле характерно комплексное промысловое хозяйство, сочетающее охоту, рыболовство и собирательство, в эпоху бронзы здесь уже достаточно четко выделяются четыре типа хозяйства. Эти типы различались между собой преимущественной ориентацией на определенный вид промысла:

- 1) В зоне тундры преобладала подвижная охота на северного оленя;
- 2) для лесного Зауралья господствующим видом была охота на лесных копытных при помощи стационарных заградительных устройств на путях их сезонных перекочевок;
- 3) в таежном Обь-Иртышье сложилось сбалансированное охотничье-рыболовческое хозяйство, в котором охотничий и рыболовческий промыслы находились в состоянии динамического равновесия и носили ярко выраженный сезонный характер; и наконец,
- 4) для Нижнего Притоболья главенствующим видом хозяйственной деятельности еще с эпохи энеолита стало оседлое рыболовство [8].

Следует иметь в виду, что между названными типами присваивающего хозяйства не было и не могло быть сколько-нибудь четких и стабильных географических и этнических границ. Акцент на тот или иной вид промысла мог меняться. Так, в плохие для рыболовства годы оседло-рыболовческое население пересориентировалось на преимущественно охотничий быт, а охотники при ухудшении условий промысла зверя могли перейти на преимущественно рыболовческий образ жизни и т.д.

Тем не менее в широкой территориально-хронологической перспективе названные четыре типа хозяйства и их тяготение к определенным географическим районам отражают реальные локальные тенденции в развитии присваивающей экономики таежной и тундровой зон. Эти типы хозяйства являлись в древности единственно возможными, наиболее рациональными вариантами адаптации аборигенного населения к экологическим условиям севера Западной Сибири.

Но, конечно же, эти процессы происходили неодинаково в сформировавшихся на значительной территории Западно-Сибирской равнины и прилегающих к ней регионах двух больших историко-географических зон — степной и лесостепной на юге и тундрово-таежной на севере. Не говоря уже о ландшафтно-климатических различиях, эти две зоны отличались условиями экономического и культурно-исторического развития настолько значительно, что в них сложились два различных культурно-исторических массива. В степях, начиная еще с энеолита, развивалось скотоводство и земледелие, а на обширной территории западносибирской тайги происходило формирование обь-иртышской культурно-исторической общности таежных рыболовов и охотников. Ученые Н.В. Федорова и А.П. Зыков [16] выделили в ней внутреннюю и пограничные зоны. Причем внутренняя зона, включающая территории Среднего и Нижнего Приобья, стала «основной территорией формирования и развития общности, где можно проследить непрерывную линию развития материальной культуры». Для этой культуры характерна достаточно стабильно выраженная консервативность и устойчивость на протяжении всех этапов исторического развития, начиная с эпохи заселения первыми насельцами. Определяется подобная устойчивость образом жизни таежных аборигенов, фундаментом которой служили традиционные формы хозяйствования.

На ранних этапах ведущими факторами коренных перемен в жизни таежного населения были крупные биосферные перестройки. Колебания температурного режима, изменения климата в сторону сухости или, наоборот, повышенного увлажнения видоизменяли уклад жизни людей и хозяйственную специализацию экономики. Позднее, в период средневековья, когда Югра оказалась вовлечена в мировую систему пушной торговли с включением края в состав Российского государства, определяющими стали экономические факторы.

В советский же период и экономика, и жизнь людей, и природные ресурсы оказались в подчиненном положении. Основными же факторами, изменившими коренным образом социально-экономическое развитие реги-

опа, стали политические потрясения: революция, Гражданская война, Западно-Сибирское восстание, но еще кардинальнее — советизация края и трансформация всех сторон жизни населения. Это повлекло за собой изменение традиционного уклада жизни и хозяйственного, появление новой социальной инфраструктуры, насаждение новой культурной среды.

Примечательно, что если в предыдущие этапы исторического развития миграции населения, изменение их хозяйственного уклада происходили в связи с природно-климатическими факторами, то в советский период эти процессы шли чаще всего «вопреки» природе. В это время процветал, как его назвал известный российский экономико-географ Н.Н. Баранский, «географический нигилизм», который был в целом характерен для советской эпохи, долгое время опирающейся на концепцию «покорения природы».

В Западной Сибири географический нигилизм проявился не только в эпоху «битвы за нефть и газ», но и в амбициозных, переализованных, слава богу, проектах создания Нижнеобской ГЭС и Обского моря, а также «поворота вспять сибирских рек» для спасения умирающего Арала.

Появление и расцвет промышленных цивилизаций способствовали кажущейся независимости человека от динамических естественных изменений биосферы и некоторой «паучной эйфории» по этому поводу. Во вторую половину XX века это фактически привело многие страны и регионы (в том числе и Среднеобской регион) на грань экологической катастрофы.

За три десятилетия в Среднем Приобье произошли уникальные экономические преобразования: практически на пустом месте возник гигантский топливно-энергетический комплекс мирового масштаба. Такого явления не знала ни одна территория бывшего Советского Союза. В то же время и нефтегазовая, и лесная промышленности округа имели преимущественно сырьевой характер, что придавало экономике округа монопрофильный характер, ведущий к зависимости края от поставок извне материалов, техники, оборудования и продовольствия.

Сегодня, оценивая ситуацию с высоты прошедших лет, становится очевидным, что при всех положительных последствиях «эпохи большой нефти» она вызвала в жизни и немало проблем. Среди них и резкое ухудшение экологической обстановки, депрессивные процессы в жизни коренных народов, отставание развития социальной инфраструктуры и многое другое.

Темпы и масштабы изменений, произошедших здесь на территории таежного Обь-Иртышья во второй половине XX века, были наиболее существенными за весь исторический период и уникальными не только

для нашей страны, но и для всего мира в целом. С одной стороны, в крае возник гигантский промышленный комплекс, произошел резкий рост численности населения, изменился его национальный состав, появилось большое число новых городов. Но, с другой стороны, игнорирование природных закономерностей, природосообразного уклада жизни коренного населения вызвало серьезные угрозы для людей и среды обитания. Организационные же и политические методы решения социальных проблем, возникавшие в результате этих изменений, не могли их разрешить, поскольку оставались в рамках советской системы, опиравшейся на догмы, а не на факты и закономерности. Осознание опасности этих негативных явлений стало приходить только в последние годы.

Вступление евроатлантической цивилизации на рубеже тысячелетий в «постиндустриальную эпоху» характеризовалось развитием процессов глобализации, а с другой стороны — регионализацией и локализацией экономики, тесной ее привязкой к потребностям и возможностям социальных и экологических мезо- и микросред. Все это, вместе с информатизацией общества, привело к возможности более тонкой настройки на циклические естественные изменения этапов развития ландшафтов и общества. На новом глобальном этапе актуальной задачей стало региональное прогнозирование долгосрочной динамики геосистем, коэволюции социума и ландшафтной среды для использования результатов в хозяйственной практике.

Заглянуть в будущее не может никто, но пристально всмотреться в него, опираясь на последние достижения научного познания, — дело реальное. Если мы хотим представить себе возможные ситуации развития рассматриваемого нами региона, то должны сначала идентифицировать центральные, долгосрочные и эффективные тенденции процессов развития, с которыми придется иметь дело в будущем. Существует такое, еще мало учитываемое хозяйственниками определение, как «омнипотентность», или «неизвестный потенциал для будущего». Последние десятилетия прогнозы развития Обь-Иртышского Севера связывались главным образом с вопросами о величине запасов нефти и газа и количестве лет, насколько их хватит.

Вместе с тем гигантские общественные изменения конца XX — начала XXI в., вызванные динамикой экономического и технологического развития, предъявляют заметно повышенные требования к способности не только страны, но и отдельно взятого региона проводить глубоко продуманную и изобретательную политику. По нашему твердому убеж-

дению, регионы ископно являются целостными поосферно-географическими динамично эволюционирующими образованиями. Каждый регион очень конкретен, различия могут быть настолько своеобразными, что требуется особый аппарат формализации, своя «система управлений», свои подходы. Прогнозы развития таких сложных интегральных систем, как регион, могут быть решены только как пучок возможных направлений развития, отбор наиболее вероятных сценариев.

Условия данной задачи требуют предельно полных, конкретных и в то же время предельно формализованных описаний. Причем объект нашего исследования — Средисобской регион — до сих пор еще не совсем полно описан, к тому же находится в постоянном изменении, являясь дифференцированной частью пространственной и временной иерархии беспрерывно меняющихся окружающих систем — мира, России, циркумполярного пояса.

По нашему мнению, используя для географического прогноза глобальной подход на мезоуровне, на уровне региона, края, провинции, можно определять возможные пути развития таких сложных динамичных территориальных систем — регионов — как интегральных целостностей, имеющих вероятностно-закономерный циклический характер развития [14].

На наш взгляд, в начале XXI столетия начали активно проявляться три наиболее важные и опосредованно связанные изменения, способные существенно повлиять на судьбу человечества в целом и ту его часть, которая проживает в циркумполярной зоне Северного полушария, в том числе в Среднем Приобье в частности. Это прежде всего глобальные изменения климата, уменьшение, а возможно, исчерпание запасов нефти и газа с последующим выходом на новые источники энергии, а также перемены в массовом сознании и мировоззрении миллионов людей на планете, ведущие к созданию нового, когнитивного типа общества.

В рамках этих изменений мы пытаемся определить место и роль нашего северного региона в развитии цивилизации, представить развернутую характеристику возможных сценариев будущего, чтобы придать импульс его качественному развитию. По прогнозам специалистов Обь-Иртышский Север с его мощным потенциалом топливно-энергетического комплекса вплоть до середины XXI столетия останется главной топливной базой страны, причем будет играть роль своеобразного «стартера» для запуска экономики новой России [3]. Однако уже несомненно, что процесс денефтефикации мировой экономики уже пошел. Что это принесет через 10, 20, 30 лет миру, России, Среднему Приобью? — для этого

необходимо конкретно спрогнозировать инвестиции накапливающихся в последние годы «нефтедолларов» в условиях благоприятной конъюнктуры мировых цен, создать фонд для будущего развития других, высокотехнологичных производств. Такая работа уже ведется. Перспективным направлением структурной перестройки монопрофильной экономики округа считается развитие нефте- и газопереработки, нефтехимии. В рамках программы «Топливо и энергия» в ХМАО намечено строительство нефтегазохимкомбинатов в Нягани, Сургуте, Нижневартовске. Другой важной экспортной отраслью для округа может стать электроэнергетика. Перспективным является создание новых энергогенерирующих мощностей за счет использования бурого угля на Приполярном Урале в западной части округа. Там же на базе дешевой энергии можно развивать верхние этажи лесохимии, в частности целлюлозно-бумажное производство.

Самым же грандиозным перспективным проектом для Югры может стать освоение восточных склонов Уральского хребта в рамках проекта «Урал промышленный — Урал Полярный». Освоение Приполярного Урала может сыграть важнейшую роль не только для Югры, но и для страны в целом. Уже сегодня специалисты оценивают богатства этой северной части округа в семь триллионов долларов. По комплексу полезных ископаемых этот регион идентичен промышленно развитым территориям Урала, и у Югры есть все возможности не просто сформировать новый промышленно-экономический узел, интегрированный с промышленным Уралом, но и создать вместе с ним и с Ямало-Ненецким АО единый мощный территориально-производственный комплекс, охватывающий весь Уральский хребет.

Пока же развитие этой территории сдерживается отсутствием инфраструктуры — транспортной и энергетической. В первую очередь необходимо строительство транспортного коридора Ивдель—Лабитнанги вдоль восточного склона Урала. Эта трасса уже запланирована, и ее реализация позволит скоординированно развивать единую транспортную систему региона, включая Северный морской путь, речные коммуникации Обь-Иртышского бассейна, а также будущие железнодорожные выходы Северо-Сибирской магистрали. Так что развитие приуральской части Обь-Иртышского Севера теснейшим образом связано с другим масштабным территориальным проектом — строительством через Среднее Приобье транспортных коридоров федерального и международного уровня. Наиболее близок к конкретным решениям коридор Томск—Пермь, правда, пока не в железнодорожном, а автомобильном варианте. Если же говорить о перспективах в рамках страны (прежде всего ее азиатской части), то речь

идет о континентальной транспортной решетке, связанной с транспортными сетями Китая, Кореи, Японии на востоке, Ираном — на юге и Европой — на западе [13]. Обжитая вдоль новых транспортных коридоров полоса на долгие десятилетия станет материальной и кадровой базой освоения Приполярного Севера. Она выполнит те функции, которые в свое время выполняла в XX веке зона обживания вдоль Транссиба.

Другое важное обстоятельство, которое, как мы уже упоминали, будет оказывать существенное влияние на дальнейшую судьбу человечества, в том числе и на территории Среднеобского региона, — это изменения в мировоззрении миллионов людей, ставшем важнейшим фактором экономики, политики и иных сторон социальной жизни.

Цивилизации и этносы, прежде разделенные расстояниями и границами, сегодня с легкостью соприкасаются и становятся взаимопроникаемыми, идет процесс перестройки социокультурного пространства. Этносы перестают быть отдаленными друг от друга, их самобытность пивелируется, переходит на уровень общемировых цивилизаций [17]. В условиях глобальной экономики происходит искусственное изменение ландшафтов, в которых традиционно развивались этносы, экономическая специализация задается в большей степени извне. Эти изменения, по мнению М.П. Карпенко [7], заставляют нас пересмотреть наши представления о факторах, определяющих развитие этносов. На современной стадии развития общества производственные мощности (нефтекачалки, компрессорные станции и т.п.) становятся неизбежно частью «кормящего ландшафта» и определяют развитие коренных этносов. Появилась новая парадигма развития: процветать будет тот этнос, кто в большей мере сохранит свой «кормящий ландшафт», природные условия своего местобитания. Общую тенденцию для такого будущего можно охарактеризовать как переход «кормящего ландшафта» в «кормящие технологии» [7]. Причем проявляется все большая независимость «кормящих технологий» от конкретных географических условий. А это означает, что границы между этносами все в большей степени будут определяться не географическими, а экономическими, технологическими и главное — юридическими факторами, т.е. ключевым условием целостности этноса, по мнению некоторых авторов [10], становится оформление его отдаленности от других этносов в форме системы договоренностей о взаимном сосуществовании. Это уже произошло с индейцами и эскимосами на Канадском Севере и Аляске. Зачатки подобного процесса начали проявляться и на Обь-Иртышском Севере.

Для этого нужно прежде всего пересмотреть утилитарное отношение к малочисленным народам Крайнего Севера как к каким-то реликтам, сохранение которых носит некое «музейное значение». В условиях угрозы глобального экологического кризиса становится актуальным и востребованным умение коренных народов жить в гармонии с природой. Рациональное природопользование в настоящее время представляется наиболее ценной стороной социального опыта коренных народов Севера.

Понятно, что в сегодняшнем состоянии северные этносы не только не могут выступать в качестве спасителей от экологической катастрофы человечества или хотя бы такого отдельного региона, как Среднее Приобье, но сами нуждаются в спасении. И здесь прежде всего необходима идея формирования позитивной этнической модели будущего. Нельзя вернуться в прошлое на основе реализации утопических проектов всеобщего «возрождения» традиционного способа хозяйствования и традиционной национальной культуры. В XX столетии кардинальным образом изменились условия жизни северных народов, существенно трансформирована среда их обитания, насильственно прерваны многие традиции прежнего образа жизни.

На наш взгляд, наиболее реальный путь возрождения коренных народов Среднего Приобья предполагает адаптацию к современным экономическим условиям, интеграцию в общие процессы развития региона, страны, мира. В то же время нужно разрабатывать и внедрять в жизнь реальные программы поддержки, а не изобретать искусственные схемы. Идею сохранения северных народов необходимо перевести «из области альтруизма в сферу экономической целесообразности» [10]. Проводимая на первых порах политика патернализма должна замениться протекционизмом, обеспечивающим приоритетность прав и интересов аборигенов, что приведет их к истинному равенству в отношениях с более мощными экономическими субъектами региона.

В рамках рассматриваемой здесь прогностической модели будущего Среднеобского региона мы исходим из того, что основы вырисовывающегося на горизонте общественного порядка и благополучия базируются на знании — это переход к так называемому «когнитивному обществу» и «когнитивной экономике» [2]. Подобный тип экономики будущего основан на научном и технологическом потенциале, инновациях, высоких технологиях и в тот же время является ресурсо- и средосберегающим. По нашему мнению, у северных регионов есть все возможности, используя накопленный инвестиционный фонд, осуществить переход к новому, когнитивному типу экономики. Собственно говоря, будущее региона надо просчитывать

не из количества леса, минералов и нефти, как это принято до сих пор, а из того уровня квалификации, который существует у населения. За годы «нефтяного бума» в ХМАО сложилось уникальное социальное сообщество людей — мультикультурное, образованное, технически грамотное. К тому же на уровне руководства округа собралась команда профессионалов, понимающих и правильно оценивающих будущее.

Так что, на наш взгляд, есть все предпосылки, чтобы вопреки прогнозам [11] построить в XXI в. когнитивный тип экономики не только в Европейской части России, но и на Обь-Иртышском Севере. По сути, в Югре уже вовсю ведется работа по построению «электронного региона» и созданию фундамента для будущих наукоградов, которыми могут стать Ханты-Мансийск, Сургут и Нижневартовск.

И наконец, исходя из выявленных нами тенденций [1], связанных, с одной стороны, с возможными, с высокой степенью вероятности, климатическими изменениями, а с другой стороны — с современными миграционными процессами, было бы рациональным выстроить верный тренд в контексте программируемых общественных последствий.

Отметим еще и то, что Север перестает быть чисто географическим понятием, он «превращается в полюс культуры, символизирующий как трагическую направленность конфликтного взаимодействия человека и природы» [5], так и одну из самых перспективных территорий для будущего развития человечества.

Мы не взяли на себя смелость утверждать, что подготовили верные и однозначные рецепты для будущего развития Об-Иртышского Севера, оставив за собой только постановку исследовательской проблемы. Нам представляется, что исследования прошлого, настоящего и будущего социумов на конкретных территориях не являются прерогативой исключительно исторической географии, но многих когнитивных наук с другими подходами и взглядами на одни и те же проблемы. Однако знания, добытые в ходе таких исследований, помогут нам лучше и точнее представить себе тот главный вызов, который бросает нам наше будущее с его тысячью неопределенностями.

Литература

1. Аятов, И.С., Гололобов, Е.И., Рясский, Ф.Н., Середовских, Б.А. Введение в историческую географию Среднего Приобья // *Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки / МУ «БИС»; ИГПИ; сост. Л.Ф. Семёнова. Тюмень: Маандр и К*, 2005. Вып. VII. 368 с.*

2. Баксанский, О.Е., Кучер, Е.И. Когнитивные науки: от познания к действию. М.: КомКнига, 2005. 184 с.
3. Быковский, В.А. Север Западной Сибири на рубеже третьего тысячелетия. Региональная экономика и социальная проблема. Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2002. 272 с.
4. Величко, А.А. Природный процесс в плейстоцене. М.: Наука, 1973. 257 с.
5. Гололобов, Е.И. Взаимодействие природы и человека на севере Западной Сибири // Тезисы докладов и сообщений XV Всероссийской научной конференции «Источниковедческая компаративистика и историческое построение». М., 2003. С. 25–28.
6. Гумилев, Л.П. Этносфера: история людей и история природы. М., 1993. 312 с.
7. Карпенко, М.И. Информационная революция и глобализация образования в свете учений В.И. Вернадского и Л.П. Гумилева // Вестник РАЕН. 2004. № 4. С. 42–45.
8. Косарев, М.Ф. Некоторые общие закономерности и региональные особенности социально-экономического развития Западной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 302–307.
9. Кульпин, Э.С. Социосущественная история: предмет, метод, концепция. М., Наука. 1992. 136 с.
10. Куриков, В.И. Хаиты-Мансийский автономный округ: с верой и надеждой — в третье тысячелетие. Екатеринбург: Изд. дом «Зевс», 2000. 192 с.
11. Черестегин, С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. 619 с.
12. Ряская, Э.М., Рясский, Ф.Н. Цивилизации, культуры, языки на севере Западной Сибири: дефиниции и реалии // Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия: материалы II Междун. научн. конфер. Нижневартовск: ООО «Полиграф Инвест-сервис», 2004. 402 с.
13. Рясский, Ф.Н. Новый территориальный проект для обживания Сибири: концепция возможности реализации транспортной решетки на Обском Севере // Северный регион: наука, образование, культура. Сургут, 2003. С. 120–125.
14. Рясский, Ф.Н. Смергетический и гуманистические принципы экологического районирования территории // Исследование закономерностей развития регионов как сложных интегральных систем. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН, 1994. С. 33–34.
15. Рясский, Ф.Н. Фрактальная теория пространственно-временных размерностей. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН, 1992. 52 с.
16. Федорова, Н.В., Зыков, А.П. Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 29–30.
17. Циплин, В.С. Странная цивилизация. М.: Астрель; АСТ, 2006. 640 с.
18. Шинтиков, А.В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // ЗГЮ. М., 1957. Т. 16. 112 с.

В.Б. Иванов, Я.П. Ковальчук, С.Т. Полищук

Многолетнее загрязнение почвы, водной и воздушной сред ХМАО—Югры продуктами нефтегазодобычи и поиск мер противодействия ему

1. Влияние природно-климатических и ряда других факторов на формирование экологической обстановки в ХМАО—Югре

Мы привыкли наслаждаться мыслью о необозримости просторов Российской Федерации. Действительно, страна у нас огромная! Ее территория 2227,6 млн. га. Но три четверти площади страны приходится на тундру, тайгу, пустыни, и только четверть — плодородные земли с качественным почвенным покровом. В почве, населенной мириадами организмов — от бактерий до млекопитающих включительно, процессы обмена столь многообразны и сложны, что мы еще только подходим к их пониманию. С этой точки зрения превратить пустыни в плодородные земли дело немислимое, но обратный процесс — превращения относительно благополучных таежных земель, пойменных сельскохозяйственных угодий, а также водных ресурсов в безжизненные пространства — вполне реален.

Потери почвенного покрова во всем мире велики. Общая площадь почв, разрушенных за всю историю человечества, достигла 20 млн. км², что составляет почти 9% такой огромной страны, как РФ, или превышает территорию Ханты-Мансийского национального округа в 37,5 раза. В результате застройки, производства горных работ, опустынивания и засоления почв мировое хозяйство ежегодно теряет около 50–70 тыс. км² территорий (Ю.И. Скурлатов, Г.Г. Дука, 1994).

Ханты-Мансийский автономный округ — Югра занимает площадь 534,8 тыс. км², или 3,06% территории России [56], численность населения составляет около 1,5 миллиона человек, или всего 0,8% населения РФ, но по своим природным богатствам и технико-экономическим показателям округ занимает лидирующие позиции в стране.

Площадь 113,76 тыс. км², или 21,27% территории ХМАО—Югры, занимает Нижневартовский район, где берут свои воды более 2 тыс. извилистых равнинных рек и ручьев и более 2,5 тыс. озер. 99% из общего количества озер имеют площадь зеркала менее 1 км², по вокруг почти каждого озера локализуются многократно большие по площади заболоченные территории. Ширина речных пойм достигает 12 км. Заболоченность некоторых речных и озерных бассейнов составляет 50–60% и более, а в среднем территория района покрыта болотами на 40% [56, 57, 58]. В Нижневартовском районе и в целом по ХМАО—Югре существует повышенная опасность загрязнения не только суходольных участков в непосредственной близости от мест попадания различных жидких загрязнителей на рельеф. Не меньшей опасности загрязнения теми же веществами подвержены и площади водосборов в зоне загрязнений, огромные припойменные и пойменные территории. Особенно быстрая и массовая миграция загрязнителей происходит в зоне естественного водосбора в непосредственной близости от водотоков. За период деятельности нефтегазового комплекса на месторождениях округа добыча нефти превысила 7,0 млрд. тонн, при этом на рельефах оказались десятки миллионов тонн нефти. Например, как сообщает газета «Россия» (2001. 7 авг.), «...площадь загрязнения нефтью земель в районе Смотлора, по оценкам экологов IWACO, составляет 6,5 тыс. гектаров, ежегодно, минуя трубопроводы, в почву разливается до 2 млн. тонн нефти, а концентрация нефтепродуктов превысила общероссийские стандарты в 50 раз. Для восстановления нарушенного биологического равновесия потребуется несколько столетий».

Известно, что в Западной Сибири под разработку одного месторождения углеводородов отводится в среднем около 50 тыс. га территории. Уровень антропогенной нагрузки на территориях земледельцев под разработку месторождений зависит от качества применяемых технологий, оборудования, материалов, а также от сознательности промышленного и управленческого персонала (человеческий фактор). Одной из главных экологических проблем Ханты-Мансийского автономного округа является высокая аварийность на предприятиях нефтегазодобывающего комплекса, в значительной степени обусловленная перечисленными выше факторами.

С начала освоения западносибирских месторождений массово и в настоящее время еще довольно широко применяются экологически грязные примитивные технологии, морально и физически устаревшие оборудование и материалы. В этом плане особенно тревожит состояние трубопроводных систем. Они ветхие и работают при высоких давлениях в

агрессивных средах при постоянной угрозе гидроударов и целого ряда других не менее опасных деструктивных явлений [2, 20].

В 80-е годы в округе ежегодно фиксировалось 150–260 аварий; в среднем 90-х годов — 1703–3137 случаев; в 1997 году произошло 2014 аварий, а в начале нового века количество одних только крупных порывов с изливом более 10 тыс. т (в пересчете на нефть) — около 300 в год. По данным [58], от 10 до 50% внутрипромысловых трубопроводных сетей района имеет повышенную аварийноопасность. Нефтеборные ссти одного Нижневартовского района при их общей протяженности более 11 тыс. км ежегодно «выдают» более 900 только официально зарегистрированных аварий со значительным выбросом нефти, растворов солей, кислот синтетических поверхностно-активных веществ (СПАВ) и других экологически опасных веществ. Аналогичная ситуация наблюдается и в других нефтегазодобывающих районах ХМАО—Югры. Химические реагенты, применяемые при бурении скважин, добыче и подготовке нефти, а также добываемые углеводороды и примеси к ним являются особо вредными веществами для растительного, животного мира и для человека [4–6, 10, 12, 34, 37, 38, 40, 44, 46, 48–50, 56, 58, 62–64].

Загрязнение территорий нефтью, минерализованными водами и химическими реагентами в такой степени оказало отрицательное воздействие на все компоненты природной среды, что вполне правомерно отнести Нижневартовского, Сургутского, Нефтеюганского районов к числу территорий экологического бедствия.

Из научной статистики известно, что случаи массовой гибели водоплавающих и околоводных птиц на территории ХМАО начинают приобретать стабильно массовый характер, и эта проблема неумолимо ускоряет свой смертоносный бег из года в год.

Полный экологический ущерб от миграции по руслу и пойменным зонам огромного количества нефти и сопутствующих веществ очень трудно доказывать, и этот ущерб многократно возрастает при повышенной интенсивности миграции [56, 58, 61]. Но в научных и других источниках такие территории практически не фигурируют или указаны не в меру «осторожные» цифры, которые явно нуждаются в уточнении.

В результате многократных поражений значительных территорий нефтью и различными химикатами нефтяного производства, уже давно потеряли свое хозяйственное значение многие реки, озера, болота, в несколько раз (а в последние годы и на порядки) сократился уровень улова рыбы, почти исчезли дичь, дикоросы, и все вместе взятое, включая воду, стало опасным для потребления в любом виде. По осторожным

оценкам экспертов, в начале нового века на территории округа в воде и на почве находилось около четырех миллионов тонн нефти [55, 58].

Если подходить к данному вопросу с реальными мерками, то с большой долей уверенности площадь поражения нефтепромышленными химикалиями можно приравнять к площадям водосбора и пойм водных объектов. Глядя на фактическое состояние водосборов и пойм ручьев, рек, озер, а также низинных заболоченных территорий, просто нет смысла придумывать новые варианты отговорок по поводу их массового поражения органическими и неорганическими веществами.

Ведь это всем очевидный факт, что десятилетиями комплекс опасных экологических токсикантов свободно рассредоточивается на огромных площадях, уходя с водой в пойменные озера и болота, реки, затем в океан. И везде, куда они попадают, все живое терпит настоящее бедствие: болеет, гибнет или просто мутирует, оставляя генетически неполноценное, уродливое и малочисленное потомство. Специалистам давно известно, что в пойменных водоемах *каждая третья рыба, взятая на анализ, носит признаки токсикоза и для употребления непригодна, но все больше и таких водоемов, где практически все живое сплошь пропитано опасными токсическими соединениями нефти, смол, асфальтенов, тяжелых металлов, кислот, солей*. Но в таких местах некоторые северяне продолжают рыбачить, собирать дикоросы, купаться и просто отдыхать, не придавая значения предупреждениям специалистов об опасности для здоровья таких рекреационных мест. По данным Нижневарттовского комитета охраны окружающей среды (Н.Я. Крупинин) [58], только с 1990 по 1992 г. промышленные уловы относительно неплохо оснащенного флота, поступающие на Нижневарттовский рыбзавод, сократились вдвое, а добыча рыбы ценных пород (осетра, стерляди, нельмы, муксуна) снизилась в 10–15 раз. Но если рассматривать динамику снижения уловов хотя бы с 1989 по 1992 г., то мы видим, что произошло падение общей добычи рыбы уже на порядок. И это все наблюдается в округе, который, по данным архивов, за четыре года Великой Отечественной войны отправил фронту 1120000 центнеров рыбы. А весь обской Север в то время, когда практически все мужичьи были на фронте, без необходимого технического оснащения дал родине 45% всей рыбы, выловленной в годы войны. Если все эти факты применить к региональным объемам добычи и показателям неизбежных разливов углеводородов и сопутствующих веществ, то получаются колоссальные, просто астрономические цифры, о которых сложно говорить на уровне экологической ответ-

ственности со стороны нефтегазодобывающего комплекса. Тем не менее что-то делать все равно необходимо, чтобы можно было вернуть данную ситуацию под контроль. Такие шансы появятся только в случае правильного понимания роли и учета всех факторов, которые привели всех нас на грань экологической катастрофы. Давайте хотя бы на короткое время перестанем торопиться и задумаемся — пока не набрал слишком высокой скорости процесс бесславного ухода с арены жизни на Земле. Это станет просто неизбежно, если не сможем понять, что не туда стремимся.

Итак, если образно представим все разнонаправленные факторы и самую экологическую проблему (нарушено равновесие множества связей, устоявшихся в течение миллионов лет) в виде некоего пространственного контура с множеством точек приложения этих факторов, то будет правомерным вопрос о нахождении центра вращения этой затейливой пространственной фигуры. Это необходимо хотя бы для того, чтобы иметь более полное представление, каковы ее размеры (стоимость решения) и способы возвращения в равновесное состояние (восстановление связей). Понятное дело, что такая модель слишком сложна для строгого математического описания, так как по большей части мало изучены многие ее компоненты. Но то, что слишком сложно для массового восприятия, обычно упрощают, иногда настолько, что теряется связь с исходной моделью. В повседневной практике некоторые черты экологической катастрофы просто не замечают или заменяют слишком примитивной моделью. На самом же деле модель современной экологической обстановки — это многоплановая и многомерная пространственная фигура (состояние почвы, водной, воздушной сред, фито- и зоофер) с мириадами (сильных и слабых, постоянных и временных) связей всей биосферы, которые невозможно даже перечислить, если бы они были все выявлены и изучены. Человечество пока лишь очень немного изучило только самые заметные и прочные из этих связей, и далеко не все они могут быть отрегулированы, даже при самом сильном желании. Лучшее, что может сделать в настоящее время человек-покоритель, это осознать и обуздать хотя бы самые беспардонные варианты своего вмешательства в эту невообразимо сложную и легко ранимую сеть взаимосвязей. Вся надежда остается только на большие возможности саморегулирования и самовосстановления этих связей у нашей ПРИРОДЫ. Но это реально лишь при безусловном прекращении грубейшего вмешательства со стороны самого человека. К сожалению, до настоящего времени человек, подстрекаемый безграничной алчностью, упрямо настаивал на неограниченных возможностях саморегуляции живой природы. В конце концов, может показаться, что

алчность и все, что с нею связано, важнее и значительнее самой природы. Но это только иллюзия, поскольку неумная жажда богатства вместо победы над природой приносит человеку угрозу самонстребления собственного вида — вместе с остальными пещадно уничтожаемыми биологическими видами. Другими словами, пришедшая экологическая катастрофа может быть квалифицирована как акт экологического суицида человеческого общества. Все же выбор окончательного исхода — за самим человеком! Оценим экологическое давление на окружающую природную среду, особенно на самую уязвимую ее часть — водные объекты.

Для лучшей ориентации в собственных проблемах важно знать и учитывать, что потери нефти в мире при ее добыче, транспорте и переработке превышают 45 млн. т в год, что составляет около 2% годовой добычи, а иногда эти потери могут доходить до 17% [34]. В то же время, только по официальной статистике, предприятия ТЭК ежегодно нарушают около 30 тыс. га земель, из них «рекультивируется» менее половины. Из этих земель 43%, или 12,9 тыс. га, приходится на долю нефтяной отрасли [34, 35]. Вследствие естественных процессов (испарение, биодеградация, соляризация ультрафиолетовой частью спектра, плесочное окисление и гравитационное расслоение) общее количество *нефтепродуктов* (НП) на поверхности почвы уменьшается на 40–50% в течение первых нескольких месяцев. Затем этот процесс заметно тормозится, и по истечении двух лет разлагается до 70% НП, после этого их естественная убыль замедляется еще больше [34, 56]. Но деградация и разложение еще не означают исчезновения вредных компонентов — они продолжают «работать» (включаются и передаются через пищевые цепи) еще десятки лет — все зависит от степени поражения территории. По мнению независимых иностранных экспертов, для полной нейтрализации НП природе в суровых северных условиях могут потребоваться многие десятки, возможно, и сотни лет... [72], если учитывать влияние устойчивых форм углеводородов и биосоединений тяжелых металлов, включенных в круговорот веществ. При подсчетах площадей загрязненных территорий учитываются преимущественно участки максимальной замасоченности, которые видны с любого расстояния, в том числе из космоса. Если к этому прибавить все загрязненные территории пойм по аналогии с принятыми в мире методиками [53, 59–61, 63–68], то общая площадь таких земель многократно возрастает.

Для выяснения масштабов загрязнения и анализа реально существующей ситуации с разливами нефти воспользуемся результатами интерпретации материалов космической съемки территории Самоллорского месторож-

дения [36] (опубликованы в Интернете в ноябре 2005 года). Съемка площади 3780 км² выполнена со спутника LANDSAT-7. Выработанная методика позволила определить, является ли разлив «старым» (более 3 лет после аварии), когда успели выветриться все легкие фракции, или «молодым» (1–2 года после аварии), на котором еще выделяется свободная поверхность нефти с частью легких фракций. В целом проведенная работа по анализу отснятой территории позволила создать точную общую карту нефтяных разливов на Самотлорском месторождении. Научная обработка полученных материалов показала, что площадь особо загрязненных нефтью территорий (где еще выделяется нефтяная поверхность) превышает 11 тыс. га, причем более 10% загрязненной территории приходится на относительно свежие разливы нефти, образовавшиеся в течение последних 2–3 лет. При этом на 1 га находится от 100 до 400 тонн только одной нефти, не говоря об остальных экологически опасных веществах, которые в этой методике не учитывались. Но если подойти к подсчетам экологического ущерба в соответствии с общеизвестными научными методиками и подходами [4–8, 12, 14, 44–48, 52, 53, 60, 61, 65–68], то получается слишком большая разница, многократно превышающая и эти данные, и данные официальной статистики нефтяных, сопутствующих и суммарных загрязнений.

Кроме того, при подсчетах экологических последствий выброса любых поллютантов следует учитывать, что, по оценке ряда специалистов [43, 48], только в течение *первых суток* с момента поступления нефти на водную поверхность в результате испарения (в зависимости от погодных условий и сезона) выводится из гидросферы от 50 до 80% углеводородных соединений бензиновой фракции нефти. Это значит, что загрязнению нефтью подвергаются не только суходол и водные объекты, но и воздушная среда. Сопоставимые цифры получены также Б.А. Бачуриным [52] при моделировании поведения систем «нефть—порода—вода»: потери нефти за более длительный период вследствие испарения составляли от 28% для тяжелой нефти (0,904 г/см³) до 48–61% для более легких нефтей (0,814 г/см³). Таким образом, если в летний период экспертиза по факту выброса поллютантов на рельеф происходит хотя бы через несколько суток, то на водно-суходольной поверхности можно зафиксировать только скромную долю от пролитого объема. Все же и остающиеся для экспертизы объемы нефтяных выбросов впечатляют. По данным научных исследований [56], не все компоненты нефти одинаково ядовиты, но обычно 20–40% по весу в нефти составляют наиболее опасные *ароматические углеводороды* (АУ). Еще более ядовиты *полициклические ароматические углеводороды* (ПАУ),

которые по весу составляют 1–4%. Среди ПАУ наиболее распространен сильный канцероген 3,4-бензпирен. Его количество в одном кг нефти колеблется от нескольких десятых грамма до нескольких граммов. Даже самые «безобидные» ароматические углеводороды в концентрации 1% в воде убивают все водные растения и угнетают высшие растения. *Смолы и асфальтены* (СА) имеют относительно большой вес по сравнению с остальными компонентами нефти и при свободной миграции по воде, постепенно опускаясь в толщу воды, оседают на дно. Достигая к весу нефти 10–40%, СА содержат значительное количество соединений тяжелых металлов (Co, Pb, Mn, Cu, Ni, Cr, Zn, V, Hg, Mo) которые при высоких концентрациях токсичны для биоцепозов [56, 69].

Некоторые особенности реакции на нефтезагрязнения природных геосистем Западной Сибири достаточно полно изучены [10, 12, 44–48, 52, 53, 60, 61, 65, 68, 72]. Например, установлено, что в аэробных условиях углеводородные соединения являются наименее стойкими компонентами нефтяного загрязнения. Разрушение данных структур при фазово-миграционных преобразованиях и биохимической деградации нефти сопровождается накоплением в донной части водных объектов смолисто-асфальтеновых фракций, которые в понятие ШП не входят. Но, по данным зарубежных исследователей [15, 16], *эти соединения обладают существенно большей токсичностью, чем нефтепродукты, так как содержат в концентрированном виде много тяжелых металлов и других ядовитых компонентов, устойчивых к разложению*. Процессы окисления и трансформации низкоуглеродистых в высокоуглеродистые углеводороды происходят и при так называемой «рекультивации». С учетом вышеприведенных примеров возникает вполне логичный вопрос, на который известен ответ: «Какой смысл в таких мероприятиях, если в результате в почве сохраняется и даже растет концентрация опасных веществ? Практически очень небольшой, чаще — никакого. Во многих отношениях вульгарная «рекультивация» больше похожа на мало оправданное зарывание денег, чем на осознанную и хорошо продуманную природоохранную работу».

На территории любого из многих тысяч кустов и за их пределами в менее заметной форме может разливаться не только нефть со многими ее очень агрессивными компонентами, но и подтоварная вода и другие не менее опасные водорастворимые вещества (кислоты, соли, соединения тяжелых металлов, СПАВ и др.) [10, 11, 34, 58]. В результате каждой весной и летом практически вокруг любого куста значительная территория дополнительно загрязняется нефтепродуктами и сопутствующими веществами.

подавляющая часть разлитой нефти в половодье и с ливневыми водами через водотоки попадает в различные замкнутые водоемы (болота и озера), ручьи и реки. Там легкие фракции относительно быстро выветриваются, а тяжелые фракции нефти опускаются в толщу воды и на дно, где в условиях дефицита кислорода остаются на длительное время, подвергаясь чрезвычайно медленному биоразложению.

Примерно к таким же последствиям приводит неграмотная либо намеренно упрощенная «рекультивация» (в извращенном понимании этого термина) загрязненных нефтью земель и шламовых амбаров, при которой загрязненные нефтью земли и амбары, содержащие нефть и другие не менее агрессивные вещества (не исключено, что и радиоактивные), попросту засыпаются грунтом, что так же, как и опускание на дно, ограничивает доступ кислорода и растягивает процесс разложения НП на десятилетия. Таким образом, затонувшая и/или погребенная в насыпях грунта и болотах нефть совместно с другими агрессивностями становится постоянным источником загрязнения грунтовых и поверхностных вод на многие годы. Битумоиды почво-грунтов, особенно торфяники и донные отложения, характеризуются значительной окисленностью: содержание смолисто-асфальтеновой фракции колеблется в пределах 52–90%, а доля нефтепродуктов не превышает 10–14%. В составе битумоидов отмечается преобладание высокомолекулярных n-алканов C_{24-34} — 55–93% (в отдельных пробах торфа на углеводороды C_{30} , C_{32} приходится до 69% n-алканов) [12]. Подобный состав битумоидов обусловлен интенсивной микробиологической трансформацией органических соединений, в том числе и нефтяного типа, в поверхностных условиях приводящей к *окислению низкомолекулярных соединений и их преобразованию в серию высших углеводородов* [12, 48]. С этими же процессами связано повышенное содержание наиболее опасной полициклической ароматики в почво-грунтах на местах старых разливов нефти. Например, превышение ПДК по 3,4-бензпирену (20 мкг/кг) отмечено в 37% исследованных проб [12]. Контакт с нефтями неизбежно приводит к сверхнормативному загрязнению вод полициклической ароматикой (содержание 3,4-бензпирена в водных вытяжках — 0,006–0,02 мкг/л) и фенолами (0,03–0,04 мг/л) [10]. Через месяц контакта нефти с водой загрязнение вод нефтепродуктами составляет 0,07–0,85 мг/л, а содержание аквабитумоидов — 1,7–7,3 мг/л. При этом следует учесть, что низкомолекулярные соединения легко выветриваются, искажая результаты проб.

На рис. 1 приведена схема первичного разделения фракций нефтяных поллютантов и их миграции на рельефе, в грунте и в водах.

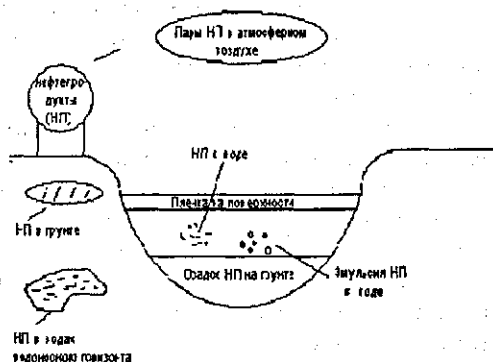

Рис. 1. Схема миграции нефтяных и сопутствующих поллютантов

Приведем другие примеры трансформации нефтяных и других загрязнений. Проведенные ВНИЦ «Экология» (г. Тюмень) исследования химического состава и токсичности бурового шлама (БШ) амбаров показали, что:

1. По мере удлинения срока нахождения БШ в нерекультивированных буровых амбарах обнаруживается тенденция увеличения в БШ содержания бициклических и полициклических ароматических углеводородов. В жидкой (водной) фазе (ЖФ) исследованных буровых шламов содержание нефтепродуктов (по сумме ароматических углеводородов) превышает ПДК для рыбохозяйственных водоемов в 50–150 раз, биаренов — в 40–120 раз, полициклических ароматических углеводородов (ПАУ) — в 2000–6000 раз; в твердой фазе (ТФ) би- и полициклических углеводородов (УВ) — на 2 порядка выше ПДК.

2. Твердая фаза БШ является постоянным источником токсических, мутагенных и канцерогенных углеводородов, которые, растворяясь в ЖФ, являются потенциальным источником загрязнения поверхностных и грунтовых вод [10, 52]. Подтверждением реальной опасности шламовых амбаров является приближение химического состава вод малых рек на территории Нижневартовского района к химическому составу жидкой фазы бурового шлама.

3. По мере нахождения БШ в амбарах возрастает их токсичность, о чем свидетельствуют результаты биотестирования ЖФ и

ТФ ВШ с помощью стандартных тест-объектов. ВШ вызывает гибель водных беспозвоночных, угнетение жизнедеятельности и гибель части рыб. *Токсические и канцерогенные компоненты ВШ накапливаются в тканях дичи, рыб, грибах, ягодах* и т.д. На фоне этих исследований не очень убедительно выглядит так называемая «рекултивация», в ходе которой наряду с другими процессами происходят и процессы перехода менее токсичных низкомолекулярных соединений в более токсичные — высокомолекулярные [12, 15, 16].

В аспекте приведенных примеров (их можно приводить десятками и сотнями по каждому варианту загрязнений) наиболее опасны те формы экологических загрязнений, которые обладают большей подвижностью, поэтому и более высокой степенью своего влияния на природную среду. По совокупному уровню вредности выделяется нефть со всеми ее компонентами и сопутствующими веществами. К данной категории загрязнений в первую очередь относятся многочисленные порывы промысловых трубопроводов различного назначения с выбросом на рельеф больших объемов высокотоксичных полотангов. Их миграция, оседание на дно и быстрое расширение зоны поражения имеет особо серьезные последствия для флоры и фауны [62, 65] и *требует безотлагательных мер противодействия всеми доступными средствами*. При этом решающее значение имеет скорость, полнота локализации и сбора указанных полотангов. Их длительное пребывание на рельефе приводит к выветриванию, погружению и частичной трансформации низкомолекулярных НП в стойкие высокомолекулярные формы, которые, так же, как и исходные формы, не являются благом для всего живого.

Включение свободно мигрирующих на большие расстояния устойчивых малоподвижных продуктов трансформации нефти в циклы идет через их депонирование в органо-минеральные комплексы сингенетичного (генетически сродного) органического вещества геосистем, что обусловлено принципиальной схожестью основных углеродных скелетов биомолекул матрицы и биофильности молекул нефти. Экологические последствия гумификации смолисто-асфальтеновых нефтяных комплексов неоднородны из-за повышенного содержания в них токсичных высокомолекулярных соединений и многих тяжелых металлов. Научные наблюдения за большим числом разливов нефти показали, что с учетом депонирования биомассой соединений тяжелых металлов и ПАУ полная регенерация биоценозов (микрофлора, микро- и мезофауна, высшая растительность) достигается не ранее чем через 25–30 лет после попадания нефти на ландшафт [34, 46, 62]. По большому счету, полное восстановление

малореально и требует многих десятилетий недобавления новых загрязнителей. Но как их избежать в рамках традиционных проектов разработки, где основной упор делается на применение самых простых технологий, ориентированных на постоянное участие человека во всех процессах. В сочетании с не самыми лучшими проявлениями «человеческого фактора» такая простота приводит к вечно аварийным системам нефтесбора, ППД, массовым утечкам из амбаров, кустов, агрегатов, автоцистерн, скважин при их ремонте и эксплуатации и т.д. и т.п.

Как было показано на примерах, некоторые вещества, образующиеся в результате превращения (окисление, биоразложение, соляризация) нефтепродуктов, а также некоторые реагенты намного более опасны для природы, чем сама нефть. Зеленые растения, грибы и микроорганизмы, развивающиеся в грунтах и донных отложениях водоемов, содержащих даже следы токсикантов, накапливают и концентрируют в своих тканях генетически яды, тяжелые металлы, радионуклиды, канцерогенные вещества и с соответствующими последствиями передают их по пищевой цепи высшим организмам. Поэтому не стоит радоваться буйным всходам злаков, специально подсеваемых для наглядности на некогда «замазученных» участках и затем «рекультивированных». Вряд ли авторы и сторонники данной «технологии» с учетом здесь изложенного рискнут попытаться тем, что имеет отношение к так называемым «рекультивированным» территориям.

Посмотрим, как санитарные врачи смотрят на химический состав воды, поступающей в наши квартиры. Избыток (впрочем, как и регулярный недостаток, если питьевую воду фильтровать через современные бытовые водоочистители) того или иного химического элемента с необыкновенной легкостью может превращать друга-воду в заклятого врага. Вот примеры:

√ **Избыток хлористого натрия** (свыше 1 г/л), говорящего о минерализации воды, влияет на повышенную реактивность сосудов и некоторые отклонения водно-солевого обмена человеческого организма.

√ **Последствия избытка других макро- и микроэлементов** не менее опасны: повышенная концентрация меди вызывает поражение слизистых оболочек, почек и печени; никеля — поражение кожи; цинка — заболевание почек.

√ **Хром, свинец и кадмий**, накапливаясь, способствуют развитию онкологических заболеваний и расстройству нервной системы.

√ **А потребление воды с высоким природно-обусловленным содержанием бора, брома** приводит к росту заболеваний органов пищеварения (Шадринск).

√ И жесткость воды, которую до последнего времени никто из медиков всерьез не воспринимал, теперь усиленно привлекает к себе внимание в связи с выявленной обратной зависимостью между жесткостью воды и смертностью от сердечно-сосудистых заболеваний.

√ Вынужденное использование населением степных зон и отдельных районов Поволжья (около 5%) воды с высокой концентрацией хлоридов и сульфатов (превышение нормативов в 3–5 раз) без соответствующей водоподготовки определяет повышенный уровень заболеваемости желчно- и мочекаменной болезнями, патологиями сердечно-сосудистой системы.

√ Риск заболеваний хроническими нефритами и гепатитами, более высокая мертворождаемость, токсемии беременности, врожденные аномалии развития — питьевая вода загрязнена азотсодержащими и хлорорганическими соединениями.

При выборе методов и средств борьбы с экологическими загрязнениями бывает очень опасное заблуждение, что общая токсичность нефти относительно невысока. Но это трудносовместимо с тем, что отдельные компоненты нефти и продуктов ее биоразложения (преимущественно ароматические и полициклические соединения) отличаются высокой мутагенностью, сильным канцерогенным действием и тератогенностью (склонность к уродствам). А последствия их воздействия на живые организмы, в том числе и на человека, могут проявляться через многие годы и в *десятках* последующих поколений! Проявления этого воздействия весьма многообразны и могут выражаться в снижении иммунитета, развитии аллергий и раковых опухолей, повышении частоты появления врожденных уродств и т.п. Примеров таких проявлений в мировой литературе более чем достаточно — это тысячи источников отечественных и зарубежных авторов [34–41, 56–58].

Отдаленные последствия влияния таких веществ реализуются в форме иммунодепрессивного, мутагенного и других специфических (тератогенного, blastomagenного и т.д.) эффектов. Мутации могут приводить к появлению морфологических и функциональных нарушений, снижающих выживаемость или способность адаптироваться к условиям среды. Наибольшую опасность при этом представляют генетические нарушения, способные в корне видоизменить весь комплекс внутривидовых и межвидовых связей живой природы. Это означает ее постепенную, мучительную гибель. Нельзя забывать, что и человек подвержен всем этим опасностям в той же мере (если не более), что и остальные виды живых существ. Как можно спокойно относиться к тому, что Вах и почти все его приголки несут свою воду с территорий, где по устаревшим технологиям разрабатывается множество нефтяных

месторождений. А Нижневартовский водозабор расположен в низовьях реки Вах, которая имеет очень развитую сеть притоков, гидрологически связанных с территориями месторождений. В этой связи сотням тысяч нижевартовцев остается только надеяться, что на запланированных к освоению месторождениях и на недавно введенных в эксплуатацию участках месторождений не повторяется та же история с окружающей природной средой, что и при прежней системе охраны окружающей среды, опиравшейся на неуклюжее экологическое законодательство. Об его уровне эффективности можно судить по тому, до какого состояния доведена природа на уже освоенных месторождениях и далеко за их пределами. Практически все территории уже освоенных месторождений Западной Сибири находятся в состоянии *экологического коллапса* (лат. *collapsus* — ослабевший, упавший) [1, 3–6, 8, 10, 11, 55–59].

Стабилизация объема экологических загрязнений на современном уровне или даже некоторое их снижение уже не спасает положения, так как в природной среде аккумулировано слишком много высокотоксичных веществ. Вследствие инерционности экологических процессов нельзя получить достаточно быстрое улучшение экологической ситуации. Реальная миграция экологических токсикантов во время паводков и ливней продолжается, и пока есть только надежда, что этот чрезвычайно опасный процесс в скором времени можно будет взять под надежный контроль. Для этого всю лавину токсикантов необходимо останавливать в самом начале пути (еще до их трансформации с приобретением дополнительных вредных свойств), затем максимально быстро изымать, не допуская дальнейшей миграции вдоль водосборов и пойм. Одним из массовых и многолетних вариантов вредных воздействий на природную среду являются шламовые амбары.

Доказано, что наиболее опасными являются подвижные формы химических веществ, которые определяют степень токсичности и опасности бурового шлама. Они устанавливаются в *ацетатно-аммонийном буферном экстракте* ($pH = 4,8$). В качестве примера в табл. 1 представлены результаты исследований водного и буферного экстрактов бурового шлама (БШ) из скважины № П-1 Южно-Песцовского газоконденсатного месторождения Тюменской области, проведенных в НИИ экологии человека и гигиены окружающей среды РАМН им. А.Н. Сысина [63]. Установлено, что в буферных экстрактах имеется значительное превышение предельно допустимой концентрации для почвы по основным металлам: хрому — в 71 раз, марганцу — в 33, кобальту — в 3, никелю — в 11, меди — в 14, цинку — в 84, свинца — в 122 раза.

Табл. 1

**Количественный элементный анализ водного и буферного
экстрактов бурового шлама [63]**

Элемент	Содержание в экстракте (мкг/мл):	
	в водном	в буферном
Алюминий	10,0	1397
Барий	2,1	2473
Бериллий	—	0,45
Бор	—	90,4
Ванадий	< 0,02	< 3
Висмут	—	0,03
Вольфрам	—	0,60
Железо	15,0	8387
Кадмий	< 0,002	1,8
Калий	—	25181
Кальций	—	168861
Кобальт	—	17,6
Кремний	—	12846
Литий	—	29,5
Магний	—	14539
Марганец	0,3	2005
Медь	0,3	41,5
Молибден	< 0,05	30,9
Мышьяк	—	6,3
Натрий	—	258267
Никель	—	46,1
Олово	< 0,1	< 0,1
Ртуть	< 0,001	1,3
Рубидий	—	56,6
Свинец	5,1	3904
Селен	—	< 3
Серебро	—	5,3
Стронций	0,18	2264
Сурьма	< 0,5	7,2
Таллий	—	0,65
Теллур	—	< 3
Титан	—	5,4
Торий	—	0,21
Уран	—	0,52
Хром	0,8	430
Цезий	—	1,9
Цинк	0,4	1925

В табл. 2 представлены результаты исследования содержания подвижных форм тяжелых металлов в БШ нефтяных месторождений Нижневартовского района Тюменской области по данным [64]. Были изучены образцы шлама, захороненного в шламовых амбарах в 1970–1995 и 1996–1999 годах. Как видно из данных таблицы, содержание подвижных форм тяжелых металлов (Спф) превышает предельно допустимую концентрацию для водосмов рыбо-хозяйственного назначения (ПДК р.х.). **Важно отметить, что содержание тяжелых металлов в БШ 1970–1995 годов выше, чем в более позднем (1996–1999 гг.).** Это свидетельствует о том, что происходит вымывание из шлама подвижных форм веществ и буровой шлам является источником вторичного загрязнения вод. Помимо тяжелых металлов в исследованных образцах БШ содержались нефтепродукты — 10600–147400 мг/кг в образцах 1970–1995 годов и 77–5950 мг/кг в образцах 1996–1999 годов.

Табл. 2

Содержание подвижных форм тяжелых металлов в БШ нефтяных месторождений Нижневартовского района Тюменской области [64]

Компонент БШ	Образцы БШ 1970–1995 гг.		Образцы БШ 1996–1999 гг.	
	Спф (мг/кг)	Спф/ПДК р.х.	Спф (мг/кг)	Спф/ПДК р.х.
Ванадий	12–100	12000–100000	—	—
Кобальт	5–12	500–1200	1,1–6	220–1200
Свинец	10–80	1667–13333	2,3–326	383–54333
Кадмий	1–11	200–2200	0,1–0,8	20–160
Марганец	200–600	20000–60000	10–513	1000–51300
Никель	15–58	1500–5800	2,3–28	230–2800
Хром	20–120	1000–6000	0,9–23	45–1150
Цинк	50–80	5000–8000	5,8–34	580–3400
Медь	10–60	10000–60000	3,9–11,4	3900–11400
Барий	264–1000	357–1351	не определяли	не определяли

Многие из растворимых в воде токсических веществ, сопутствующих нефтяному производству, выявляются в недопустимых концентрациях в пробах воды и грунта любого водного объекта, в зонах водостоков с территории любых нефтепромыслов. За пределами обваловки кустов и буровых амбаров показатели загрязненности почвы мало отличаются от таких же показателей на большинстве кустов, где из-за использования давно уста-

ревных технологий и ветхого оборудования слишком часто проливаются различные экологически опасные вещества. Откровенные недостатки технологий вряд ли возможно компенсировать одним ужесточением требовательности к промышленному персоналу. От инструкций мало проку, если они недостаточно хорошо подкреплены технико-технологическим оснащением. Несмотря на «удобство и экономичность» традиционных решений в проекты разработки месторождений необходимо закладывать действительно надежные технологии и средства экологической защиты от разлива и растекания полотантов с территории кустов. А если их пока недостаточно, то необходимо бить тревогу на всех уровнях, объявлять конкурсы, учреждать гранты, премии, льготы — пока не появится достаточное количество принципиально новых экологически надежных технологий и технических средств для их реализации и пока не будут исправлены все упущения старой системы разработки месторождений.

На месторождениях Западной Сибири можно насчитать многие тысячи кустов, шламовых амбаров, промышленных площадок, трубопроводов и т.д., где едва удается (а часто и нет!) сводить концы с концами в экологическом плане, поэтому и масштабы экологического ущерба — колоссальны. В связи с этим требуется срочная научно обоснованная *государственная сертификация всех применяемых технологий и средств экологической защиты.*

Нелишним будет дополнение этого процесса эффективным общественным контролем. Гражданское общество является наиболее заинтересованной стороной. Оно же может найти наиболее разумные варианты решения данной проблемы. Но недостатки устаревших технологий — лишь часть многогранной экологической проблемы.

При существующем в настоящее время уровне технико-технологической обеспеченности нефтепромыслов еще достаточно длительное время будет нереально надеяться на полное отсутствие утечек на кустах и за их пределами — на трубопроводах, насосных станциях, пунктах подготовки солевого раствора, технологическом транспорте и т.д. Из этого перечня наиболее опасными являются аварийные разливы токсических жидкостей на рельеф. Например, при авариях трубопроводов, транспортирующих добытую из скважин жидкость, содержащую в настоящее время до 95% высокоминерализованной (до 45 г/л) воды, в большинстве случаев происходит засоление земель, приводящее к гибели всей растительности и невозможности ее возобновления до вымывания солей ливневыми и вешними водами. А смывание этих солей в различные водные объекты приводит к

их интенсивному засолению, в результате чего минерализация вод в малых реках, ручьях, озерах возрастает в *тысячи раз*.

Известно [34–36], что подтоварная вода хотя и мало заметна на ландшафте, но она *еще более опасна для всего живого, чем сама нефть*. Поэтому необходимо в срочном порядке заменить коррозионноопасные трубы промысловых водоводов трубами из коррозионноустойчивых материалов. Это потребует немалых средств и времени. Но другие подходы означают лишь углубление и без того крупной проблемы, поскольку со временем может резко снизиться рентабельность нефтяного производства. Тогда любые, в том числе экологические, проблемы будут решаться на порядки сложнее.

Из повседневной практики и научных источников [34, 35] известно, что последствия экологических процессов, действуя по инерции, могут негативно сказываться на состоянии окружающей природной среды еще многие годы после полного прекращения новых экологических загрязнений. Поэтому нельзя откладывать срочные, неважно — корпоративные, индивидуальные или *совместные, любые конструктивные усилия* в направлении решения данной проблемы.

Интенсивное нефтяное загрязнение природных сред создает угрозу здоровью и благополучию флоры и фауны, включая и население региона. И не случайно у жителей Нижневартовска, *по осторожным оценкам государственной системы «Среда—здоровье», наблюдается превышение среднероссийских показателей заболеваемости злокачественными новообразованиями в 2–3 раза*. И как после этого, игнорируя реальную угрозу жизни сотен тысяч людей, можно добиваться «максимальной экономии производства»? Как видим из отдельных примеров, складывается действительно *серьезная ситуация*. Она не очень согласуется с оптимистичными заявлениями некоторых представителей НК по поводу их экологических «достижений» и наград.

Выводы:

I. В поймах рек Обского бассейна, имеющих гидрологическую связь с разливами нефти, все живое десятилетиями бедствует, выводятся из строя огромные рыбные и охотничьи угодья, большие сельскохозяйственные площади. Все это не может не иметь далеко идущих последствий для большинства населения Западно-Сибирского региона, а сама проблема миграции жидких высокотоксичных веществ имеет наибольший удельный вес в ряду самых серьезных проблем современной экологии [6, 11, 13–16, 49, 50, 71].

2. В настоящее время очень мало эффективных, адекватных реальным ситуациям средств, которые можно было бы применить для фиксации и экспертной оценки размеров загрязнений, *своевременного их перехвата и сбора в реально существующих «серьезных» объемах.* Назрела острая необходимость ускоренной разработки и быстрого внедрения новых эффективных методов и средств, способных стать надежными и рентабельными барьерами на путях миграции «ландшафтной» нефти. Использование данного подхода к экологической защите необходимо потому, что пока нет реальных возможностей исключить массовые выбросы нефтепродуктов на рельеф, так как ни одна из современных технологий добычи и транспорта нефти не гарантирует этого. Это известная мировая проблема [34], пока далекая от своего окончательного решения.

3. Своевременный сбор нефтепродуктов с поверхности ручьев (в том числе искусственных) и углубленных участков мелких рек и ручьев в непосредственной близости от мест первичного загрязнения — оправданная во всех отношениях экологическая цель. В случае ее успешного достижения огромное количество нефтепродуктов на минимальных расстояниях от мест попадания на ландшафт прекратит свое пагубное распространение по обширной территории Обского бассейна и северным морям. Своевременное прекращение массовой миграции разлитой нефти могло бы стать стратегически значимым и высокоэффективным шагом в предотвращении дальнейшего развития экологической катастрофы в бассейне Оби и северных морей. Каждый килограмм ядовитых веществ, своевременно убранный из ландшафта, — это дополнительный шанс на выживание всего живого.

4. Профессиональный подход и активное участие в решении проблемы миграции по воде больших масс «экологической» нефти являются экзаменом на зрелость. По сути, это пробный камень для проверки качества специалистов любого профиля, политиков и коммерсантов любого уровня. Возникает вопрос: что же конкретно можно сделать в давно сложившейся реально угрожающей обстановке?

2. Предложения по организации природоохранной деятельности в условиях развивающейся экологической катастрофы

Для начала необходимо коллективными усилиями в экстренном порядке разработать и огласить, затем по возможности быстро реализовать «Долгосрочную региональную (возможно, и межрегиональную) программу снижения техногенного прессинга на окружающую природную среду»

(ДРП СТП на ОПС). С этой целью необходимо определить структуру и наметить основные направления действий проблемно-координационного центра (ПКЦ), который должен обеспечить выполнение организационной работы по разработке и реализации ДРП. Его создание положит начало разработке и немедленному воплощению в природоохранную практику программ-минимум (ПМ) по ограниченному числу наиболее важных экологических направлений, с подключением к данному процессу достаточных сил и средств, необходимых для успешного завершения каждой из них.

Вот примерный план действий ПКЦ:

1) привлечь к составлению и выполнению узконаправленных программ-минимум экологические и другие научные учреждения, отдельных специалистов требуемых профилей, конструкторские бюро и индивидуальных разработчиков;

2) после завершения (или параллельно) стадии научного обоснования ПМ по каждому направлению приступить к стадии технического проектирования и разработки экспериментальных образцов, на основе которых будут приняты будущие типовые решения, необходимые для полного закрытия наиболее значимых экологических проблем;

3) провести обеспеченные всем необходимым серии испытаний и по их результатам разработать «Программы освоения серийного выпуска» и развернуть массовое внедрение наиболее удачных конструкторско-технологических решений;

4) по недостающим и недостаточно эффективным решениям разработать и объявить через СМИ дополнительные конкурсные программы, обеспеченные достаточным финансированием и информационным освещением;

5) по итогам конкурсов (тендеров, научно-практических конференций) выделить соответствующие средства для воплощения в жизнь лучших находок данной волны и подготовить условия для следующей волны внедрений...

Но обязательно каждая волна (этап) должна завершаться реальным воплощением в природоохранную практику новых методик, приборов, технологий, оборудования или строительно-монтажных объектов непосредственно в тех местах, где в соответствии с оценками в рамках ДРП это больше всего необходимо. И так волна за волной, этап за этапом можно относительно быстро решить все основные экологические проблемы, пока позволяет очень благоприятная конъюнктура мирового рынка нефти. Принимая за разработку и внедрение ДРП и ее этапов, необходимо не

упускать из виду, что конъюнктура нефтяного рынка не вечно будет так благоприятна, как в настоящее время. Поэтому в ближайшие годы необходимо вложить в решение экологической проблемы максимум усилий и средств, чтобы в случае снижения уровня финансовых возможностей остались еще хорошие шансы закончить начатое при более скромных условиях. Имея в распоряжении описанный выше или другой план действий, все равно проблемно составить четкую ДРП СТП на ОПС. Более высокую эффективность этой работе могут придать коллективные усилия законодательной, исполнительной, информационной ветвей власти при широкой поддержке общественности региона. ДРП будет иметь большую экологическую эффективность, если будет опираться на новые законодательные нормы, которые, в свою очередь, можно ускоренно принять с учетом уже существующих и будущих научно-технических предложений, отражающих современное состояние ОПС. То, что не будет своевременно убрано, — в полноводье начнет свой «путь» по водосборам и водотокам. Трудно согласиться, что это имеет право на существование в цивилизованном обществе.

3. Некоторые аспекты общей экологической проблемы

Проблемно-ориентированное информационное поле

Чтобы можно было добиться значительного улучшения сложнейшей экологической обстановки на огромных территориях Западной Сибири, всем заинтересованным в этом необходима *точная и полная научная информация об истинном состоянии дел* в данной сфере. Наличие качественной информационной базы повышает шансы на успех в любом деле и может послужить катализатором в решении очень сложной во всех отношениях экологической проблемы.

Кому доступны сбор, обработка и умелое использование такой информации? Кто в ней заинтересован, а кто и нет? Как этой информацией общество намерено воспользоваться в целях устранения угрозы углубления экологической катастрофы? Что случится со всеми нами, если проспим свою удачу, и окажется, что «никому», «никто» и «никак»? Неужели общество согласно с тем, что узкокорпоративные интересы важнее коренных интересов его самого?

Думая о будущем, планируя развитие экономики района, округа, области, стоит обратить внимание на такие «мелочи» и все-таки повести надлежащий порядок в экологически ориентированной информационной

сфере. Прежде всего это означает налаживание систематического сбора, накопления и доступного содержания объективной информации по вопросам экологии муниципальных и территориальных образований. Обязательными атрибутами этого процесса должны быть: научная систематизация и своевременное предоставление целиком в *проблемно-ориентированную базу данных* (ПО БД), включая:

√ законы и нормативные материалы РФ, области, округа по вопросам экологии;

√ научные монографии, доклады, статьи, газетные материалы и хронике событий и фактов (в печатной, электронной, художественной или любой иной форме);

√ географические карты с экологической информацией, отражающей динамику, в том числе получаемые из космоса и дополненные специальными (уточняющими) аэросъемками загрязненных территорий в период паводка и непосредственно после него (пока загрязнения НП не прикрыты уцелевшей зеленью по краям пятен);

√ наземные фото- и видеоматериалы, касающиеся состояния окружающей природной среды (участки замаскированности, факты уродства, мутации, заболеваний животных и растений и т.д.);

√ статистические материалы по экологической, медицинской тематике в динамике, квалифицированные библиометрические исследования всей информации, интересные формы и достижения в просветительской работе в высших и средних учебных заведениях, школах, дошкольных заведениях, клубах и т.д.;

√ данные многопрофильного экологического мониторинга по достаточно большому количеству точек замера и взятия проб, которые необходимы для объективной оценки экологической ситуации.

Необходимо, чтобы любые объективные сведения из ПО БД обязательно были *открытыми, бесплатными и доступными* всем желающим получать их при первой потребности через публичные библиотеки, сайты, порталы. О поддержке в постоянной готовности ПО БД кто-то должен постоянно заботиться, и должны выделяться средства в бюджетах всех уровней. В популяризацию и целенаправленное освещение этого важного дела должна активнее, чем в настоящее время, включиться «четвертая власть» — электронные и печатные СМИ.

Только в этом случае информация сможет стать эффективным катализатором и мощным двигателем прогресса в решении любых экологических задач.

Профилактические меры

В плане профилактики экологических нарушений одной из первоочередных задач должна стать регулярная диагностика состояния трубопроводов. Известно, что большая часть аварий с нанесением крупного экологического ущерба происходит именно на тех трубопроводах, где диагностика проводится нерегулярно, некачественно или вообще не проводится.

На территории Нижневартовского района в сфере диагностики работают десятки организаций, не несущих достаточной ответственности за результаты своих обследований. Они получают лицензии на данный вид деятельности в других городах, но не все имеют достаточный материально-технический и кадровый потенциал для работы в сложных условиях Севера. Достоверность их обследований невысока из-за сложной структуры трубопроводов, сурового климата, отсутствия доступа и ряда других объективных сложностей. Большую неопределенность в результаты диагностики могут вносить разнородные диаметры, толщины, условия залегания, материалы труб, качество их сварки, сроки службы, режимы эксплуатации, наведенные токи и длинный ряд других факторов, способных коренным образом повлиять на заключения по результатам обследований. Необходимо добиваться создания на территории района и округа мощной системы мониторинговых служб и сервисных организаций, способных квалифицированно, быстро и адекватно реагировать на изменение экологической ситуации, хорошо оснащенных, укомплектованных квалифицированными кадрами и реально независимых. Только при этих условиях результатам их деятельности могли бы доверять любые заинтересованные стороны.

В этой связи необходимо паспортизировать все без исключения трубопроводы систем нефтесбора и ППД всех месторождений. Особенно быстро и четко это необходимо проделать на подводных переходах и участках трубопроводов, расположенных в водоохраных зонах. К ним должны быть приравнены трубопроводы в зонах интенсивных и средних временных (периодических) водостоков. Для этого необходимо организовать гидролого-экологический мониторинг наиболее уязвимых территорий [1, 3–8, 11–16, 42, 44, 47, 49]. Коррозионно-ресурсный мониторинг любых трубопроводов и технологий их эксплуатации [2, 32, 43] должен дополнять первый и давать исчерпывающую информацию для полного исключения наиболее опасной ручейковой коррозии и не менее опасных гидроударов, волновых процессов в трубопроводах, электрохимической коррозии в местах влияния ЛЭП [2, 20] и т.д. Для этого

постоянному отслеживанию должны подвергаться не только сами трубопроводы, построенные из труб общего назначения, но и текущее состояние всей технологии их эксплуатации и технического обслуживания.

Комплексный мониторинг трубопроводов и технологий их использования должен охватывать:

√ контроль эффективности всех видов защиты трубопроводов от коррозии и выработку информации по ее оперативному наращиванию;

√ сплошную и постоянную дефектоскопию труб, арматуры с использованием современных достижений науки и техники. При этом каждый трубопровод должен иметь паспорт с указанием остаточной толщины стенки трубы, текущей скорости коррозионного разрушения и расчетного ресурса безаварийной работы. Наличие таких паспортов позволит эффективно планировать работу по текущему и капитальному ремонту трубопроводов, своевременной замене аварийно-опасных участков труб, не дожидаясь аварий, как это обычно бывает;

√ для каждого подводного перехода дополнительно должны быть приведены данные водолазного обследования;

√ в организационном плане должны быть четко определены структуры и их руководители, несущие персональную и полную ответственность за диагностику, профилактику аварий и ликвидацию последствий свежих и предыдущих массовых утечек.

Экономический блок и стратегия развития

В конечном итоге, начав ответственную работу в данном направлении, можно прийти к пересмотру устаревших проектов разработки с целью их переориентации с «максимальной прибыли любой ценой» на гарантию экологической безопасности. Такой подход должен стать одним из обязательных критериев оценки любых НК на полноту их экологической состоятельности при лицензировании разработки старых и особенно новых месторождений. Иначе до предела обострившаяся ситуация вокруг охраны окружающей среды (медико-биологические, социальные, демографические проблемы и т.д.) и дальше будет продолжать осложняться в быстром темпе. Со временем этот узел крупных проблем современности может утратить последние возможности своего разрешения. Но где найти средства для такой объемной и дорогостоящей работы? Их можно найти только на пути примирения экологии с экономикой. В конце концов, если внимательнее рассмотреть эту пару аспектов современной жизни, то можно увидеть некоторые их взаимосвязи, из чего

прорисовывается картина их взаимоотношений. Пора осознать, что *состояние дел в экологии может быть благополучным только в единственно возможном разумном случае — когда она не будет рассматриваться как досадный балласт экономики.*

Некоторые предложения по совершенствованию этих взаимоотношений:

■ На окружном и федеральных уровнях должен быть проведен анализ эффективности действующих налогов и налоговых льгот и, возможно, должны быть установлены дополнительные налоговые и другие стимулы тем предприятиям ТЭК, которые ведут действительно эффективную (а не «экономную») природоохранительную деятельность.

■ Для этого должны быть разработаны и приняты упрощенные для применения, но однозначные и понятные критерии для оценки результативности природоохранной деятельности предприятий ТЭК и должна быть выработана система ее стимулирования. Например, в виде престижных рейтингов, существенных льгот в налогообложении или льгот (отсрочек, отклонений и т.д.) при получении новых и дополнительных лицензий на разработку старых и новых месторождений и т.д., если полностью выполняются (не выполняются) все природоохранные требования на территориях производственной деятельности подразделений НК.

■ Но при этом должны быть более жесткими и платяжи за экологические нарушения и существенно упрощена процедура доказательства виновности предприятий, например, независимая международная научная оценка загрязнений с космоса, которую в большей степени должны оплачивать те, на чьей территории выявлено больше загрязнений.

■ Целесообразно также выделять больше бюджетных средств на: оплату и стимулирование экологических, научно-практических и конструкторских разработок; создание экспресс-методик для оценки и анализа экологических нарушений и любых других средств для выявления утечек; мониторинговый контроль и устранение загрязнений, а также любые другие формы эффективной природоохранной деятельности, не исключая *введение дополнительных налоговых льгот за ведение эффективной экологической деятельности:*

√ необходим дифференцированный подход и переориентация налогов на имущество и др. в сторону расширения льгот, усиливающих результативность природоохранной деятельности производственных предприятий, фирм, учреждений, учебных заведений;

√ должен стать дифференцированным подход и к суммам налогов на доказанные капитальные затраты, используемые на качественную диагно-

стику и замену устаревших материалов и технологий внутрипромыслового сбора продукции скважин на современные, более надежные материалы и технологии, которые уже сейчас в изобилии предлагаются рынком. В интересах общества, чтобы данный сектор экономики был хорошо развит и стал одним из приоритетов в решении проблем региональной экологии;

√ требует пересмотра и дифференцированного подхода налогообложение капитальных ремонтов и укомплектация современными технологиями скважин с *заколонными межпластовыми перетоками*. Последние резко отрицательно отражаются на добычном потенциале многопластовых месторождений и приводят к полному разрушению принципиально важного положения о раздельной эксплуатации пластов. С массовым внедрением жестких и жестоких технологий (например, средние и крупнотоннажные ГРП при отсутствии гарантии герметичности заколонного пространства) воздействия на пласты нарушение принципа раздельной эксплуатации пластов все чаще можно встретить на любых месторождениях. Межпластовые перетоки и вызванные ими отрицательные явления могут происходить (и достаточно часто происходят, например, резко участились солеотложения) и при заколонной негерметичности (некачественный заколонный цемент, его раздробление в результате высокофугасного вторичного вскрытия пласта и т.д.) и при некорректном вскрытии нескольких пластов (совместная нераздельная эксплуатация), и при негерметичности стенок обсадных колонн по разным причинам.

Таким образом, учитывая реально существующие особенности современной нефтедобычи, за счет налоговых льгот, направленных на увеличение статей для финансирования экологических нужд, можно повлиять на формирование существенных целевых прибавок к статьям бюджетов отдельных НК. Аналогичным образом можно сформировать, а затем и проконтролировать расходование средств из бюджетных статей муниципальных образований, районов, округов, области. Наряду с другими источниками финансирования экологических нужд указанные бюджетные прибавки должны быть *строго целевыми* и могут расходоваться только *для финансирования первоочередных экологических работ*.

Есть смысл хорошо поработать законодателям при разработке поправок к законам, чтобы процедура формирования целевых прибавок для экологических нужд была простой в реализации и прозрачной для эффективного контроля. Весь экономический блок законов должен позволять формировать целевые экологические средства в бюджетах любых уровней. Одновременно должна быть прописана и процедура их расходования —

исключительно для улучшения поверхностной экологической обстановки и оздоровления мало озабоченной в широких кругах, но также основательно запущенной ситуации с охраной недр. Причем внутри данной льготной группы каждый регион должен иметь законодательно определенную возможность самостоятельно регулировать приоритеты с учетом остроты проблем этих двух важнейших направлений современной экономики.

Здесь перечислены далеко не все реально существующие резервы в вопросах организации максимально корректной нефтедобычи в современных условиях. Это отдельные примеры, но и с их внедрением в законодательную и промышленную практику есть уверенные шансы на устойчивую стабилизацию экологической ситуации.

В свою очередь, значительное продолжение периода высокорентабельной разработки сложнопостроенных месторождений позволит экономически контролировать ситуацию и благополучно выполнить *гуманизацию* нефтедобычи.

Это не пафос и не преувеличение, а трезвая оценка ситуации. Как раз отсутствие должного здравомыслия иногда провоцирует на получение максимальных прибылей в кратчайшие сроки. При этом практически игнорируются коренные экологические интересы, а о требованиях охраны недр и не вспоминают, растет напряженность отношений, взвинчивается уровень техногенного прессинга на недра, чем в совокупности накопится трудно исправимый (иногда и непоправимый) ущерб настоящим и будущим интересам общества. На этом фоне сверхсложно решать любые проблемные вопросы, поскольку все жестко ориентировано только на получение быстрой максимальной прибыли любыми путями. Голландские эксперты IWACO считают, что Россия должна больше внимания уделять не добыче нефти, а экологичности ее транспортировки. По их подсчетам, сейчас более 800 тысяч гектаров земель Сибири загрязнены нефтью, пролившейся из трубопроводов. Эта территория в семь раз превышает площадь российской столицы [72].

Литература

1. Бобов, В.И., Ташев, С.Н., Казанцева, М.Н., Пауличев, Е.А. Опыт наземного обследования и паспортизации нефтезагрязненных земель // Леса и лесное хозяйство Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1998. Вып. 6. С. 172–178.
2. Завьялов, В.В. Проблемы эксплуатационной надежности трубопроводов на поздней стадии разработки месторождений, Москва: ОАО «ВНИИОЭНГ», 2005. С. 15.

3. Болота Западной Сибири, их строение и гидрологический режим. Л.: Гидрометеиздат, 1976. 446 с.
4. Гашев, С.Н., Казанцева, М.Н., Рыбин, А.В., Соромотин, А.В. Методика оценки фитоприспособности нефтезагрязненных территорий (с рекомендациями к рекультивационным работам) // Тюменская ЛОС ВНИИЛМ. Тюмень, 1992. 13 с.
5. Гашева, М.Н., Гашев, С.Н., Соромотин, А.В. Состояние растительности как критерий нарушенности лесных биоценозов при нефтяном загрязнении // Экология. 1990. № 2. С. 77–78.
6. Лапина, Е.Д., Блойсн, В. Типы нарушений и естественное восстановление растительности олиготрофных болот на нефтяных месторождениях Томской области // Сибирский ботанический журнал (Krylovia). 1999. Т. 1, № 1. С. 129–140.
7. Растительный покров Западно-Сибирской равнины. Новосибирск: Наука, 1985. 250 с.
8. Соромотин, А.В., Гашев, С.Н., Гашева, М.Н., Быкова, Е.А. Влияние нефтяного загрязнения на лесные биогеоценозы // Экология нефтегазового комплекса: материалы I Всесоюз. конф. М., 1989. Вып. 1, ч. 2. С. 180–191.
9. Чижов, Б.Е. Рекультивация нефтезагрязненных земель Ханты-Мансийского автономного округа (практические рекомендации). Тюмень: Изд. ТюмГУ, 2000. 52 с.
10. Бачурин, Б.А., Авербух, Л.М., Одинцова, Т.А. Особенности нефтезагрязнения природных геосистем Западной Сибири. // Экология. 1990. № 2. С. 79–85.
11. Казанцева, М.Н., Казанцев, А.П., Гашев, С.Н. Характеристика нефтяного загрязнения территории Мамонтовского месторождения нефти.
12. Петров, А.А., Арефьев, О.А. Биомаркеры и геохимия процессов нефтеобразования // Геохимия. 1990. № 5. С. 704–714.
13. Унифицированные методы исследования качества вод. М.: СЭВ, 1977. Ч. 1. С. 818–822.
14. Фомин, Г.Г. Вода, контроль химической, бактериальной и радиационной безопасности по международным стандартам. М.: Протектор, 1995. С. 367–371.
15. Edwards, N.T. Polycyclic aromatic hydrocarbons (PAH's) in the terrestrial environment a review // J. of Environmental analyty. 1983. Vol. 12, № 4. P. 427–441.
16. Hubbard, E.H. Fate and effects of oil onland and fresh waters // Oil spills on land and water. 9th World Petroleum Congress. P. 289–296.
17. Карлберг, Конрад. Бизнес-анализ с помощью Excel. К.: Диалектика, 1997.
18. Орвис, Вильям Дж. Excel для ученых, инженеров и студентов. К.: Юниор, 1999.
19. Воронцов, В.Н. Открытые горные выработки в подготовительных работах при обустройстве нефтегазовых месторождений Среднего Приобья. Сургут, 1999.
20. Полигон по утилизации и переработке отходов бурения и нефтедобычи: принципиальные технологические решения. Сургут, 1996. Кн. 3. Разработка принципиальных технологических решений по обезвреживанию и утилизации буровых шламов и нефтезагрязненных песков.
21. Танатаров, М.А. и др. Опыт утилизации нефтешламов ЛПДС «Черкаassy» // Промышленные и бытовые отходы. Проблемы и решения: мат. конф. Уфа, 1996. Ч. 1.

22. Елашева, О.М., Баландин, Л.Н. Асфальто-смолистые парафиновые отложения нефтедобывающих регионов России — альтернативное сырье для производства парафино-резиновых композиций и битумов // Промышленные и бытовые отходы. Проблемы и решения: мат. конф. Уфа, 1996. Ч. 1.
23. Бадыштова, К.М. и др. Альтернативное сырье для производства парафино-резиновой композиции // Химия и технология топлив и масел. 1996. № 3.
24. Полигон по утилизации и переработке отходов бурения и нефтедобычи: принципиальные технологические решения. Сургут, 1996. Кн. 2. Разработка принципиальных технологических решений по обезвреживанию шламовых амбаров и нефтезагрязненного грунта.
25. Полигон по утилизации и переработке отходов бурения и нефтедобычи: принципиальные технологические решения. Сургут, 1996. Кн. 1. Разработка принципиальных технологических процессов разделения нефтешламов.
26. Баширов, В.В. и др. Техника и технология поэтапного удаления и переработки амбарных шламов. М., 1992.
27. Сметанин, В.Л., Казначеева, З.В. Обработка нефтешламов: тез. докл. 27 науч.-техн. конф. Пермского политехнического института. Пермь, 1991. Ч. 2.
28. Применение ультрадисперсных оксидных адсорбентов для очистки нефтесодержащих сточных вод / Е.Е. Сироткина, В.Г. Иванов, Е.А. Глазкова и др. / Нефтехимия. 1998. Т. 38, № 2.
29. Поднышев, Г.Н., Сергеева, Л.М. Извлечение нефти из замазученных грунтов: тез. докл. Всесоюзной конф. по проблемам комплексного освоения природных битумов и высоковязких нефтей. Казань, 1991.
30. Обоснование инвестиций в строительство полигона утилизации и переработки отходов бурения и нефтедобычи АО «ЛУКОЙЛ—Когалымнефтегаз». Сургут, 1996. Т. 1. Общая пояснительная записка.
31. Шорникова, Е.А. Некоторые возможные способы утилизации отходов бурения и нефтедобычи: интернет-сборник докладов научно-практической конференции 2001 г.
32. Технологические основы обеспечения эксплуатационной надежности промышленных трубопроводов: учебн. пособие / под ред. В.Д. Макаренко. М.: Недра, 2001.
33. Трубопроводный транспорт нефти: учебн. пособие / под ред. С. Вайнштока. М.: Недра, 2002. Т. 1—2.
34. Федина, О.В. Экология нефтегазовых комплексов // Нефтяной магнат: электр. справочник. Томск: ТПИ, 2001.
35. Материалы <http://www.ecoport.ru>
36. Материалы <http://www.1941.ru>
37. Государственный доклад о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1994; 1995; 1996 г. // Здоровоохранение Рос. Федерации. 1996. № 4. С. 9—21; № 6. С. 3—9; 1997. № 4. С. 11—23; 1998. № 4. С. 3—16.
38. Долгинцев, В.И., Овчаров, Е.А., Мамонов, Ю.П., Вебер, О.А., Московкин, П.Т., Степанцева, Л.Н. Разработка социально-гигиенических рекомендаций по охране здоровья работающих в нефтегазодобывающей промышлен-

- ленности в условиях Обского Севера // Научно-технический прогресс и приполярная медицина: тез. докл. IV Международного симпозиума по приполярной медицине. Новосибирск, 1978. Т. 2. С. 117–118.
39. Долгинцев, В.И., Овчаров, Е.А. Об охране здоровья населения, работающего в нефтегазодобывающей промышленности Нижневартовского территориально-промышленного комплекса // Советское здравоохранение. 1980. № 3. С. 77–79.
  40. Куценко, Г.И., Тишук, Е.А., Мисюлин, С.С. и др. Современные проблемы охраны здоровья населения нефтегазодобывающих районов Тюменской области // Пробл. соц. гиг. и история медицины. 1996. № 6. С. 6–10.
  41. Овчаров, Е.А., Долгинцев, В.И., Мамонов, Ю.П., Борш, Е.Е. Многофакторная модель заболеваемости с временной утратой трудоспособности — основа первичной профилактики нефтяников Западной Сибири // Научно-технический прогресс и приполярная медицина: тез. докл. IV Международного симпозиума по приполярной медицине. Новосибирск, 1978. Т. 2. С. 119–120.
  42. Глебовская, Е.Н. Применение ИК-спектроскопии в нефтяной геохимии. Л., 1971. 140 с.
  43. Гумеров, Р.С., Абзалов, Р.З., Мамлеев, Р.А. Борьба с нефтяными загрязнениями окружающей среды: обзорная информация // Нефтяная промышленность. Борьба с коррозией и защита окружающей среды. М.: ВНИИОЭНГ, 1987. Вып.6. 55 с.
  44. Дмитриев, М.Т., Казанина, Н.И., Пиннигина, И.А. Санитарно-химический анализ загрязняющих веществ в окружающей среде. М.: Химия, 1989. 368 с.
  45. Крайнов, С.Р., Швец, В.М. Геохимия подземных вод хозяйственно-питьевого назначения. М.: Недра, 1987. 237 с.
  46. Скурлатов, Ю.И., Дука, Г.Г., Мизити, А. Введение в экологическую химию. М.: Высшая школа, 1994. 400 с.
  47. Унифицированные методы исследования качества вод. М.: СЭВ, 1987. Ч. 1. С. 359–388.
  48. Химия окружающей среды / пер. с англ.; под ред. А.П. Цыганкова. М.: Химия, 1982. 682 с.
  49. Adlard, E.R. A Review of the Methods for the Identification of Persistent Hydrocarbon Pollutants on Sias and Beaches // Journal of the Institute of Petroleum. 1972. Vol. 58, № 560. P. 63–74.
  50. Edwards, N.T. Polycyclic aromatic hydrocarbons (PAH's) in the terrestrial environment a review // J. of Environmental anality. 1983. Vol. 12, № 4. P. 427–441.
  51. Hubbard, E.H. Fate and effects of oil onland and fresh waters // Oil spills on land and water: 9th World Petroleum Congress. P. 289–296.
  52. Бачурин, Б.А. Идентификация нефтяной составляющей органического загрязнения гидросферы // www
  53. Бикбулатов, Э.С., Еришов, Ю.В., Бикбулатова, Е.М., Степанова, И.Э. Методологические и методические проблемы оценки нефтяного загрязнения в природных водах // www

54. Фахрутдинов, А.И., Алексин, В.Г., Малышкина, Л.А. Результаты рекультивации нефтезагрязненных территорий с применением бактериального препарата / Кафедра биологии СУрГУ; АО «Сургутнефтегаз» // [www](#)
55. Воздействие отраслей экономики на окружающую природную среду Ханты-Мансийского автономного округа. 1998–2000 гг. // [www](#)
56. Экология Ханты-Мансийского автономного округа / под ред. В.В. Плотникова. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 288 с.
57. Состояние окружающей среды и природных ресурсов в Нижневартовском районе в 2000–2003 гг.: обзор / ХМАО РАЕН. Нижневартовск, 2003.
58. Пути и средства достижения сбалансированного эколого-экономического развития в нефтяных регионах Западной Сибири / Труды NDI. Вып. I.
59. Андреев, Н. А. Определение миграции нефтепродуктов с мест разливов на Самотлорском и Белозерном месторождениях: отчет по целевому заданию ИЭРиЖ УрО РАН. Тюмень, 1983. 45 с.
60. Устинов, М.Т., Казанцев, В.А., Елизарова, Т.Н., Магаева, Л.А., Якутин, М.В. Мониторинг территорий нефтегазовых промыслов методом почвотестирования // [www](#)
61. Черп, О.М., Виниченко, В.Н., Хотулева, М.В., Молчанова, Я.П., Дайман, С.Ю. Экологическая оценка и экологическая экспертиза // [www](#)
62. Сорочетин, А.В. Влияние нефтяного загрязнения на почвенных беспозвоночных (мезофауны) в таежных лесах Среднего Приобья // Сибирский экологический журнал. 1995. № 6. С. 549–552.
63. Балаба, В.И., Колесов, А.И., Коновалов, Е.А. Проблемы экологической безопасности использования веществ и материалов в бурении. М.: ИРЦ Газпром, 2001.
64. Михайлова, Л.В., Рыбина, Г.Е., Акатьева, Т. Г. Экологическая опасность отходов бурения в нефтедобывающих районах Тюменской области // Охрана водных биоресурсов в условиях интенсивного освоения нефтегазовых месторождений на шельфе и внутренних водных объектах Российской Федерации: сб. материалов международного семинара. М.: Экономика и информатика, 2000.
65. Попков, В.К., Воробьев, Д.С., Лукьянцева, Л.В., Рузанова, А.И. Особенности оценки экологического состояния рек в нефтепромысловых районах // Материалы международной научно-практической конф. «Экологические, гуманитарные и спортивные аспекты подводной деятельности». Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. С. 106–109.
66. Глазовская, М.А. Почвенно-геохимическое картографирование для оценки экологической устойчивости среды // Почвоведение. 1992. № 6. С. 5–14.
67. Устинов, М.Т. Бассейновый принцип мелноративной оценки почвенного покрова (на примере р. Карасук): автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 1990. 23 с.
68. Положение о водоохранных зонах водных объектов и их прибрежных защитных полосах. Утверждено Постановлением Правительства РФ от 23 ноября 1996 года за № 1404.
69. Кабата-Пендиас, А., Пендиас, Х. Микроэлементы в почвах и растениях. М.: Мир, 1989.

70. Чижов, Б.Е. Лес и нефть Ханты-Мансийского автономного округа. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1998. 144 с.
71. Рыкова, В.В. Проблемы экологии и охраны природы в районах добычи нефти и газа Западной Сибири: библиометрический анализ документопотока.
72. Малаховский, Леонид. На сибирских нефтепромыслах дохнут даже бактерии // Россия. 2001. 7 авг.

С.Е. Коркин, Е.А. Коркина

Аномальные климатические проявления на локальном уровне в пределах территории Среднего Приобья

Климат — один из факторов, обуславливающих пространственно-временную закономерность формирования природных условий, где возможны отклонения от нормы, и связано это с метеорологическими показателями. Понятие «аномалия» раскрывается с эколого-географических позиций в работе В.В. Козина и В.А. Петровских (2005).

Аномальные климатические проявления на локальном уровне в пределах территории Среднего Приобья нами были выявлены при анализе метеорологических показателей за последние 8 лет (См. табл.).

Таблица

Температура воздуха за 8 лет по данным
Нижевартовской метеостанции

	температура воздуха, °С								
	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	средн. значен. за 8 лет
январь	-19,8	-23,7	-25,3	-28,7	-18,1	-17,3	-17,9	-17,0	-21,0
декабрь	-13,6	-12,4	-24,7	-17,3	-24,8	-13,1	-24,3	-17,2	-18,4
июль	19,2	18,2	15,9	15,2	17,0	16,4	17,5	19,2	17,3
август	16,0	13,4	15,2	16,0	12,4	18,1	12,0	14,3	15,0
ср. год.	-3,9	-2,5	-1,0	-2,2	-1,8	-0,9	-2,3	-0,1	-1,8

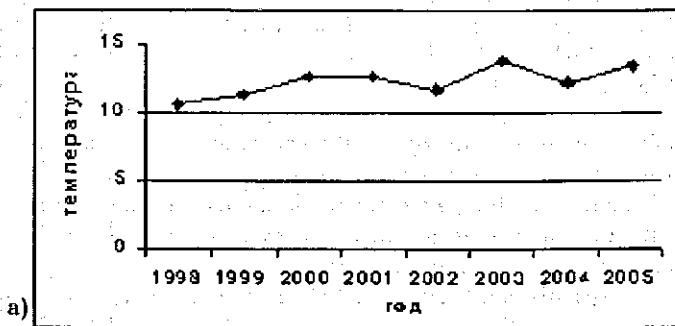
Наиболее низкая среднемесячная температура, по данным Нижевартовской авиационной метеорологической станции, фиксировалась в январе 1982 года, она составила $-29,5^{\circ}\text{C}$, а средняя за 26 лет — $-21,4^{\circ}\text{C}$. В январе 2006 года температура зафиксирована показателем $-34,9^{\circ}\text{C}$, из имеющегося ряда данных наблюдений для города Нижевартовска это самый низкий показатель.

В зимние сезоны 2002–2003 и 2004–2005 годов самым холодным месяцем явился декабрь с температурой $-24,8^{\circ}\text{C}$ и $-24,3^{\circ}\text{C}$, а пе

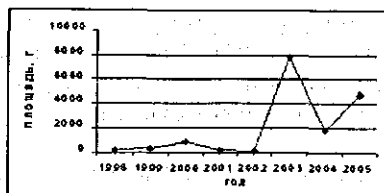

январь, как это свойственно рассматриваемой территории. Высокая положительная среднемесячная температура по многолетним данным фиксируется в июле до $+26,7^{\circ}\text{C}$, а средняя за 26 лет составляет $+18,1^{\circ}\text{C}$, за период с 1998 по 2004 год данный показатель составил $+17,1^{\circ}\text{C}$. Летний сезон 2003 года характеризовался аномальностью, связанной с тем, что самым теплым стал месяц август со среднемесячной температурой $+18,1^{\circ}\text{C}$, а самым холодным летним месяцем — июль. Среднегодовая температура воздуха в долине Оби с 1998 по 2004 год составляла $-2,3^{\circ}\text{C}$, а из-за аномально теплого 2005 года, где среднегодовая температура соответствует показателю $-0,1^{\circ}\text{C}$, за 8 лет среднегодовая температура воздуха составляет $-1,8^{\circ}\text{C}$, но, по нашему мнению, 2006 год расставит все на свои места. Относительная влажность воздуха, характеризующая степень насыщения воздуха водяным паром, в течение года в районе исследований изменяется от 59% до 78%. Годовой ход осадков относится к континентальному типу, годовая сумма для г. Нижневартовска изменяется от 225 до 722 мм. За период с 1998 по 2005 год средняя сумма осадков составила 442 мм, а за 23-летний период имеющихся данных показатель составил 499 мм. Минимальное количество осадков характерно для марта-апреля. Начиная с мая месячные суммы интенсивно увеличиваются и к июлю-августу достигают пика. За последние 10 лет прослеживается преобладание максимального количества осадков в августе, за исключением 2002, 2003 и 2005 гг., и мы опять имеем дело с аномальностью метеорологического характера.

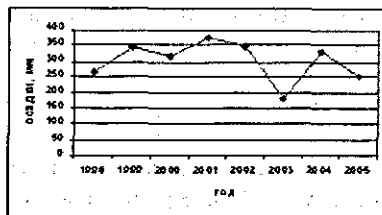
В связи с изменением климатических параметров связан вопрос о возникновении и проявлении лесных пожаров (Рис.).

б)

б

в)

Рис. Связь климатических показателей с площадью, пройденной огнем лесных пожаров: а) — средние температурные показатели за пять месяцев теплого периода; б) — площади, пройденные лесными пожарами, на примере Нижневартовского лесхоза; в) — сумма осадков за пять месяцев теплого периода (по данным Нижневартовской метеостанции)

Слежение за лесопожарной обстановкой в настоящее время проводится воздушными и наземными патрулями, а также наземными наблюдательными пунктами. В последние годы эффективность авианаблюдений за лесами в России постоянно снижается из-за резкого сокращения кратности авиатрулирования в связи с подорожанием авиационных услуг. Слежение за лесными пожарами с помощью космических аппаратов является достаточно дорогим и не всегда эффективным. Например, данные по пожарам в пределах территории природного парка «Сибирские Увалы» поступали в августе 2005 г. с опозданием, что привело к потере времени на локализацию очага возгорания. Исходя из вышеуказанных проблем, мы предлагаем применить географический анализ уровня пожароопасности лесных насаждений на ландшафтно-экологической основе.

В качестве примера важности рассматриваемой проблематики приводим данные, относящиеся к некоторым регионам Западной Сибири. За весь пожароопасный период 2003 года на юге Тюменской области случилось 563 лесных пожара, а в Ханты-Мансийском автономном окру-

ге за пожароопасный период 2004 года было зарегистрировано 1054 лесных пожара (в 2003 году — 905) общей площадью более 71,3 тыс. га (22,9 тыс. га). Суммарный ущерб от лесных пожаров составил 4 млрд. 94 млн. рублей, чистый ущерб (от сгоревших деревьев) — 597 млн. 222 тыс. рублей.

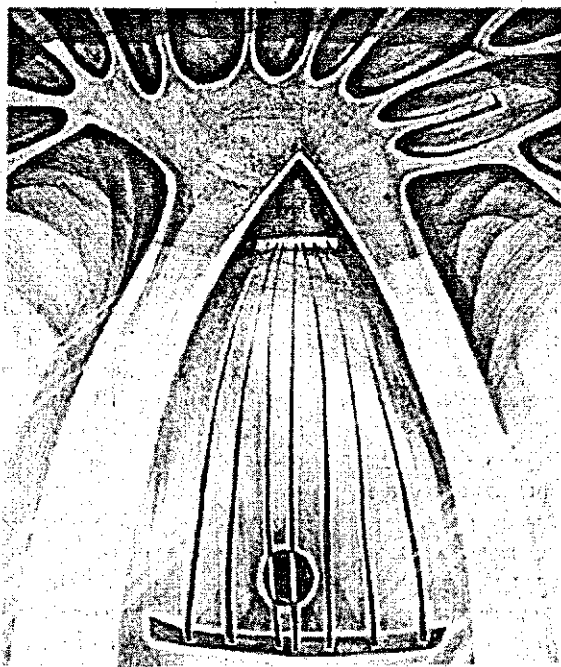
Ущерб от лесных пожаров в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре в 2005 году составил 23 млрд. рублей. С начала пожароопасного периода 2005 года в округе выгорело 95 тыс. га леса и был зафиксирован 861 пожар. Больше всего пострадали леса на территории Березовского и Нижневартовского лесхозов.

В качестве вывода можно выделить то, что климат оказывает влияние на природные процессы и на жизнедеятельность человека, в связи с этим очень важным является фиксация климатических изменений как на локальном, так и глобальном уровне с построением верных прогнозов.

Литература

1. Геоэкология и природопользование: понятийно-терминологический словарь / авт.-сост. В.В. Козин, В.А. Петровский. Смоленск: Ойкумена, 2005. 576 с.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ТОПОНИМИКА

О.В. Баракова

Таможенные книги: лингвонтологический аспект

Одним из первых обратил внимание на таможенные книги как на лингвистический источник С.И. Котков¹. К достоинствам данного типа источников С.И. Котков относит их «довольно внушительный объем»; обширные тексты таможенных книг при более или менее однородном повторяющемся содержании записей особенно надежны, вследствие их массовости, материалы для исследователей². Заслуживает внимания утверждение исследователя о том, что «таможенные записи обличают в лицах людей местного происхождения» и позволяют воссоздать «в первую очередь язык деловой письменности, и не только как некое целое, но и в его локальных разновидностях»².

Книги содержат обширную коллекцию функционирующих и вышедших из употребления лексических элементов, характеризующих определенные стороны быта, его материал, культуру. Таковы названия: 1) различных тканей, 2) кож, 3) мехов, 4) одежды, 5) обуви, 6) головных уборов, 7) украшений, 8) разнообразных предметов домашнего обихода, 9) съестных припасов, 10) строительных материалов, 11) красок, 12) металлических заготовок, 13) изделий из металла и т.д. С точки зрения изучения бытовой лексики в ее историческом развитии данный круг источников имеет исключительное значение.

Таможенные книги имеют большое значение для «построения не гадательной, а реальной исторической диалектографии», изучения метрологической лексики, изучения исторической морфологии (имен прилагательных, имен существительных) для описания «семантической эволюции слов».

В 1973 году появилась статья А.Н. Качалкина «Таможенные документы XVII в. как источник исторической лексикологии». По мнению автора, изучать историю лексики следует с опорой на письменные памятники про-

¹ Котков, С.И. Таможенные книги камер-коллегии — источники по истории русского языка // Русское и славянское языкознание. М., 1972. С. 135—143.

² Там же. С. 136.

шлых эпох и живые диалекты. Для обсуждения лексики в плане исторической географии могут быть особенно полезны памятники одного жанра (однотипные документы), написанные местными людьми в разных областях Русского государства³. «Цель данной статьи — привлечь внимание лингвистов к еще неразработанному жанру местных деловых памятников — таможенным книгам»⁴. Автор считает, что не было попыток учесть разные типы таможенных документов, таможенные книги сохранились по разным территориям лучше многих других жанров тогдашнего делопроизводства, но все же представлены неравномерно. Полностью отсутствуют (или не обнаружены) таможенные документы по таким крупным центрам, как Архангельск, Новгород, Ярославль, Вологда, Нижнее Поволжье, Астрахань. В благоприятном положении города Северного Поморья (издал Яковлев).

А.Н. Качалкин представляет «типы» таможенных документов: «Росписные списки» таможенных голов (прежний таможенный голова передавал новому «роспис» таможенной избы со всеми ее «снастями»); «Счетные списки», в которых таможенный голова объяснял «недоразумения, возникавшие при сборе таможенных пошлин»; «Расходные книги», в которых фиксировались денежные затраты на «избу»; «Товарные ценовые росписи», в которых сообщались цены на товар в данном году; «Относительные или отдаточные книги», «Росписи таможенных книг» — сугубо канцелярские отчетные документы⁵. «Самый распространенный тип таможенных документов — таможенные или явные книги»⁶.

Ценно указание, что ТК содержат лексику, почти не встречающуюся в других документах, — это разнообразные наименования пошлин. Однако, по мнению А.Н. Качалкина, «ТК имеют существенный недостаток — крайнюю ограниченность контекста». ТК — ценный источник по исторической лингвогеографии⁷.

А.Н. Качалкин в другой своей фундаментальной работе «Жанры русского документа допетровской эпохи» дает общие сведения об административно-финансовом учреждении — таможенной избе, перечисляет состав чиновников (таможенный голова, целовальник, подьячие, дяки), круг документов таможни (грамоты, указы, выписи, книги: таможенные за-

³ Качалкин, А.Н. Таможенные документы XVII в. как источник исторической лексикологии / ред. К.В. Горшкова и А.Г. Широкова // Славянская филология: сб. статей М., 1973. Вып. 9. С. 18.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Там же. С. 20–21.

⁶ Там же. С. 20.

⁷ Там же. С. 24.

писные, «уточняющие факт регистрации пошлыны в виде отдельной записи в книге»; таможенные годовые, домовые, сборные книги⁸.

В статье Н.С. Котковой «Некоторые сведения о таможенных книгах XVII в.» находим самые общие характеристики таможенного дела этого периода: отражение в данных источниках деятельности таможен, функций головы, целовальников, подьячих, лингвистической содержательности, информативности этого типа источников⁹. Интересны выводы Н.С. Котковой о том, что «по данным московских таможенных книг можно было бы исследовать некоторые нормы московской речи XVII в. Черновые записи в таможенных книгах других городов (Устюга Великого, Тихвина, Смоленска) также могут дать интересные сведения о взаимодействии местных языковых норм как с нормами общерусскими, так и с диалектными». По мнению Н.С. Котковой, «таможенные книги представляют собой... датированные и локализованные источники, заключающие обширный лексический и фонетико-морфологический материал для исследования русского языка в пределах почти всей территории Русского государства»¹⁰.

Неисчерпаемы лингвистическая содержательность и информативность таможенных книг. Эти книги привлекли внимание многих лингвистов, главным образом лексикологов и ономастов, антропонимистов. Материалы этого типа источников позволили С.И. Зинину рассмотреть вопрос о русских «некалендарных» личных именах в Московском государстве XVII века (ученым использовались материалы ТКМГ)¹¹, Ю.И. Чайкиной — дать классификацию профессионально-должностных фамилий Вологды (на материале ТКМГ)¹², А.Н. Мирославской — показать различие древнерусских имен, прозвищ и прозваний (на материале ТКУВ сбора таможенных пошлин с устюжан, посадских людей и с волостных крестьян Устюжского уезда 1634 г. и 1676–1677 гг.)¹³.

⁸ Качалкин, А.Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. М., 1988. С. 25–28.

⁹ Коткова, Н.С. Некоторые сведения о таможенных книгах XVII в. // Источники по истории русского языка. М., 1976. С. 25–28.

¹⁰ Там же. С. 50.

¹¹ Зинин, С.И. Русские «некалендарные» личные имена в «Таможенных книгах Московского государства XVII в.» // Научные труды Ташкент. ун-та. Ташкент, 1967. Вып. 317. С. 25–28.

¹² Чайкина, Ю.И. История профессионально-должностных фамилий Вологды (на материале деловой письменности XVII — первой половины XVIII в.) // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984. С. 127–148.

¹³ Мирославская, А.Н. О древнерусских именах, прозвищах, прозваниях // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С. 202–213.

Лексика ТК охватывает широкий круг тематических и лексико-семантических групп. Предназначенные для регистрации пошлины с товаров ТК широко отразили сложную систему таможенных сборов, торгово-экономическую лексику. С опорой на рассматриваемый круг источников Н.В. Мандрык сделала выводы о специфике торгово-экономической лексики в Московском государстве XVII в. Поскольку сборами облагались предметы купли-продажи, в ТК обнаруживаются многочисленные названия товаров, характеризующие определенные стороны быта, материальную культуру. Таковы названия тканей, мехов, одежды и обуви, головных уборов, кож, предметов домашнего обихода, съестных припасов и т.п. Прав С.И. Котков, что «с точки зрения изучения бытовой лексики в ее историческом развитии данный круг источников имеет исключительное значение»¹⁴. С.И. Котков, описывая лексику южновеликорусской письменности XVI—XVII вв., использовал данные таможенных книг.

Г.В. Судаков с опорой на данные рассматриваемых источников (ТКМГ и ТКВ) исследовал особенности наименования одежды, обуви, посуды в XVI—XVII вв.¹⁵ «Таможенные книги, — считает Г.В. Судаков, — содержат достоверную информацию о семантике и географии слов, причем одна запись свидетельствует о бытовании слов в двух, а то и в трех пунктах одновременно»¹⁶. Наименования посуды и другой хозяйственной утвари, названия одежды, обуви на территории Смоленского края описывает Е.Н. Борисова, привлекая данные ТКМГ¹⁷.

Материалы ТК Тотьмы, Устюга Великого, Сольвычегодска использовались З.А. Носковой при описании наименований тканей в древнерусском языке XI—XIV вв.¹⁸ Гиппологическая лексика описана Г.Ф. Одинцовым также с использованием данных ТКМГ¹⁹. ТКМГ и ТК Вологды явились источниками основного материала для Н.И. Мандебуры, описавшей лексику домашнего обихода в русской письменности XVII в. (наименования

¹⁴ Котков, С.И. Таможенные книги камер-коллегии — источники по истории русского языка // Русское и славянское языкознание. М., 1972. С. 137.

¹⁵ Судаков, Г.В. Лексикология старорусского языка (предметно-бытовая лексика): учебн. пособие по спецкурсу. М., 1983. С. 25.

¹⁶ Судаков, Г.В. Русская бытовая лексика XVI—XVII вв. в динамическом и функциональном аспектах: дис. ... докт. филол. наук. Вологда, 1985. С. 44.

¹⁷ Борисова, Е.Н. Лексика Смоленского края (по памятникам письменности). Смоленск, 1974. С. 155.

¹⁸ Носкова, З.А. История наименований тканей в древнерусском языке XI—XIV вв.: дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. С. 205.

¹⁹ Одинцов, В.В. Стилистика текста. М., 1980.

убранств жилых помещений, мебели, средств освещения)²⁰, М.Н. Махониной, занимавшейся изучением названий мехов в памятниках деловой письменности XVII—XVIII вв.²¹ М.Н. Махонина указывает: «Выбор таможенных книг в качестве одного из основных материалов исследования определяется тем, что меха как... товар находили самое подробное описание именно в таможенном делопроизводстве... В этих книгах представлен специфический «сибирский» товар, в том числе меха в большом количестве с подробными описаниями, поскольку через эти города шла практически вся «мягкая рухлядь» в центральные области государства»²².

В ТК нашла отражение разнообразная, весьма сложная метрология эпохи. Историк А.Ц. Мерзон, исследовавший устюжские ТК, указывает: «В ряде записей масло измеряется черепами, мед — бураками, воск — безменами, хмель — кипами, мясо — полтями и тушами, рыба — ведрами, бочками, кадями, сухая рыба — беременами, ягоды — пестерями, уголь — клетями, сено — копнами, лен — кирпями, конопля — повесами, лыки — пленками и пучками, холст и сукно — концами, прядию сытное — пасмами и т.п.»²³. Диалектные слова, бесспорно, *беремя, пестерь, кирпь, повесмо, пасма*. Сложная метрология эпохи, отраженная в наших источниках, привлекла внимание О.Н. Новоселовой и позволила ей сделать важные выводы о специфике данного пласта лексики. Данные источники имеют важное значение и для лексикографии. Так, материалы ТКМГ используются как иллюстрационные авторами СлРЯ XI—XVII вв.

ТК включают богатые данные по исторической морфологии. Это позволило, в частности, Ю.С. Азарх сделать выводы о словообразовании и формировании имен существительных в истории русского языка²⁴. Товары в ТК обязательно характеризовались, поэтому в ТК содержится богатейший материал для изучения лексико-семантических возможностей прилагательных. Определенно-характеристики указывали на цвет, размер, форму, материал, из которого изготовлен товар, способ обработки, место изготовления и т.п.

²⁰ Мандебура, Н.И. Лексика домашнего обихода в русской письменности XVII в. (наименования убранных жилых помещений, мебели, средств освещения): дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1990.

²¹ Махонина, М.Н. Название мехов в памятниках деловой письменности XVII—XVIII вв.: дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.

²² Там же. С. 9–10.

²³ Мерзон, А.Ц. Устюжские таможенные книги XVII в. // Проблемы источниковедения. М., 1958. С. 102–103.

²⁴ Азарх, Ю.С. Словообразование и формирование существительных в истории русского языка. М., 1984.

Особо скажем об изучении сибирских таможенных книг. В частности, их исследованием занималась К.Д. Глушкова. На обширном материале Илимской таможенной книги 1649 года К.Д. Глушковой сделаны выводы о специфике структурно-семантического анализа терминов веса и меры²⁵.

В.В. Палагина на обширном фактическом материале томских таможенных книг сделала ряд интересных выводов. Так, в статье «О языке таможенных книг г. Томска» автор, анализируя пять таможенных книг, написанных на 132 листах в 1624, 1625 и 1627 гг., приходит к выводу, что это документы «того периода, для которого характерны неупорядоченность и пестрота языковых средств в различных стилях литературного языка, отражение в памятниках просторечия и диалектных особенностей»²⁶. Автор делает вывод о «безыскусственности, непринужденности языка» ТК, об отсутствии в них книжно-архаических конструкций²⁷. В.В. Палагина считает разговорной особенностью лексики томских таможенных книг обилие имен собственных с уменьшительно-уничижительными суффиксами: Первушка, Семейка, Никитка и т.п.²⁷ Интересен вывод исследователя о том, что «диалектная лексика слабо представлена в томских таможенных книгах, что, несомненно, обусловлено их содержанием»²⁸.

В.В. Палагина в статье «К вопросу о локальности русских антропонимов конца XVI—XVII вв.», характеризуя 48 различных структурных типов антропонимов, считает, что «отсутствие многочленных структур в таможенных книгах... объясняется характером памятников, их содержанием, а не местом создания»²⁹, локальность проявлялась в составе наименований, в степени их употребительности, в словообразовательных моделях, в фонетическом оформлении. В.В. Палагина также рассмотрела томские таможенные книги как источник реконструкции лексики разговорной речи первой половины XVII века, составила «Частотный словарь таможенных книг 1624—1627 гг.», показала важность работы по созданию сопоставительных частотных словарей местной деловой письменности (на материале таможенных книг г. Томска и таможенных книг г. Устюга Великого).

²⁵ Глушкова, К.Д. О принципах лексического анализа (на материале Илимской таможенной книги 1649 г.) // Труды Иркутского ун-та. Иркутск, 1965. Вып. 2. С. 75—91.

²⁶ Палагина, В.В. О языке таможенных книг г. Томска // Учен. зап. Томского ун-та. Томск, 1965. № 57. С. 50.

²⁷ Там же. С. 51.

²⁸ Там же. С. 54.

²⁹ Палагина, В.В. К вопросу о локальности русских антропонимов конца XVI—XVII вв. // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968. С. 86.

Н.А. Цомакнон для иллюстрации словарных статей «Словаря языка мангазейских памятников XVII — первой половины XVIII в.» использовала данные Государственного архива Красноярского края, в частности Ф. 11: Мангазейская воеводская канцелярия. В словаре представлены многочисленные материалы из таможенных книг.

Однако ни в словаре Н.А. Цомакнон, ни в работах Л.Г. Паняна, ни в рассмотренных работах лингвистов тюменские таможенные книги, ТК Сургута, Тары, исследуемые нами, не нашли отражения.

В последние годы появились работы, в которых таможенные книги рассматриваются как объект лингвистического источниковедения и исторической лексикологии. Так, И.А. Малышева в 1997 году защитила докторскую диссертацию на тему «Материалы таможенного делопроизводства XVIII века как объект лингвистического источниковедения». Таможенные документы анализируются автором в комплексе; впервые становится вопрос о взаимозависимости таможенных документов (например, статьи в таможенной книге и выписи статей в книгах разных типов и др.), устанавливается зависимость разных видов и типов таможенных документов друг от друга и определяется степень обусловленности лексического состава текста процессом создания одних документов на основе других. Наличие комплексов таможенных документов, содержащих взаимозависимые тексты, повторяющиеся в своей основной части — перечне товаров, позволило применить к исследованию актовых памятников методы текстологического анализа: более надежным и перспективным становится изучение лексики таможенных материалов в цепочке текстов, последовательно создававшихся один на основе другого³⁰.

В исследовании на обширном фактическом материале охарактеризована деятельность внутренних таможен XVIII в., ведение их делопроизводства, состав и языковое наполнение таможенных документов. Автор считает, что «Система сбора внутренних таможенных пошлин первой четверти XVIII в. почти полностью основывалась на сложившейся таможенной системе предыдущего поколения»³¹. Документы внутренних таможен первой половины XVIII в. представлены несколькими видами: книги, выписи, ярлыки, росписные списки³².

И.А. Малышева классифицирует таможенные книги на несколько групп:

³⁰ Малышева, И.А. Материалы таможенного делопроизводства XVIII в. как объект лингвистического источниковедения: дис. ... докт. филол. наук. М., 1997. С. 31.

³¹ Там же. С. 13.

³² Там же. С. 15.

1. Книги одного типа, содержащие записи одного какого-либо типа таможенных операций: явчие, выписные, отпускные, расходные и др. Такие книги характерны в большинстве своем для крупных таможен.

2. Общие книги, содержащие записи разных таможенных процедур (характеристики, прежде всего для небольших таможен), имеют обобщенные названия (типа «Книга записи таможенных пошлин» и т.д.).

3. Книги сложного состава (том), в которых находятся несколько собственно таможенных книг как самостоятельных документов. Каждая часть тома имеет свой заголовок, который называется книгой.

4. Географические книги, например, «вологодские», «устюжские» и т.д. Такие книги вели с целью дифференциации взятых пошлин с местных и иногородних торговцев.

Наблюдения И.А. Мальшевой над статьей как единицей документа сводятся к следующему: «Разнообразие формулярных составляющих таможенной статьи, варьирование языковых средств, использованных в них, дает возможность исследовать функционирование актового языка в еще одной делопроизводственной сфере, установить меру его стабильности и степень зависимости от живого языкового употребления. Кроме того, начальный и конечный протоколы таможенных документов содержат разнообразную лексику административно-делового характера, которая также нуждается в обстоятельном исследовании»³³.

Итак, XVII век, как мы уже говорили, — время расцвета торговли и ремесла в Московском государстве. Таможенные книги этого периода являются, бесспорно, бесценными письменными памятниками, которые содержат богатейший словарь эпохи и отражают процессы развития русского языка в целом. Практически все лингвисты, занимающиеся историей русской лексики, в той или иной мере обращались к данному типу источников. Таможенные книги Московского государства — это своего рода хранилище слов. С помощью его лексикологи могут выявить слово, не отмеченное в академических словарях, установить или уточнить географию ряда слов, показать принадлежность их к словарному составу того или иного письменно-областного центра. Таможенные книги XVII века — неиссякаемый источник изучения лексико-семантической системы древнерусского, старорусского, а также национального русского языка в начальной стадии его развития.

В настоящее время расширяется фонд вводимых в научный оборот региональных таможенных книг. В исследовании документов наблюдается

³³ Мальшева, И.А. Цит. изд. С. 22.

тенденция — рассматривать особенности функционирования единиц деловой речи в структуре текста. Считаю, что такой подход весьма перспективен, так как позволит определить эволюцию деловых текстов определенных жанров в разные исторические периоды. Справедливо замечание И.А. Мальшиевой о том, что «формуляр таможенных документов может стать объектом специального лингвистического исследования»³⁴. По-прежнему таможенные книги остаются важнейшими источниками изучения русского языка, но «источник сложный, требующий внимательного и разноаспектного изучения»³⁵. Материалы таможенных книг продолжают интересовать лингвистов. Так, М.В. Мордкович в 2000 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Типы лексических замен в Архангельской таможенной книге 1719 года». Целью данного исследования является «раскрытие текстологической и лексикологической значимости лексических замен в памятнике делового письма первой половины XVIII века — Архангельской таможенной книге 1719 года, — определение роли этих замен в отражении становления языковых норм деловой письменности, свойственных началу XVIII века»³⁶. Анализ фактического материала Архангельской таможенной книги 1719 года документально подтверждает исходное утверждение о том, что для языка деловой письменности начала XVIII века было свойственно обилие лексических и словообразовательных вариантов как для номинации товаров и их качеств, так и для наименования единиц измерения и взвешивания этих товаров; это же распространялось и на средства доставки товаров к месту торгов. Вместе с тем в большинстве случаев характер однонаправленных замен в явках и досмотрах свидетельствует о формировании уже ясно осознающихся тенденций к вытеснению бытовых, территориально ограниченных наименований и несогласованных определений наименованиями и синтаксическими конструкциями, приобретающими характер языковой нормы и штампов делового языка: рамка — рама, наметка — фата, пестреть средняя — пестреть средней руки, сукон чирков — сукон чирковых, железо болт — железо болтовое и др., а также о наличии общезыковых тенденций, отражающих семантическую дифференциацию прежде недифференцированных наименований: кафтан — шуба, хвостовый — хвостатый³⁷.

Таким образом, таможенные книги по-прежнему остаются объектом лингвистического исследования.

³⁴ Мальшиева, И.А. Цит. изд. С. 31.

³⁵ Мордкович, О.В. Типы лексических замен в Архангельской таможенной книге 1719 года: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. С. 16.

³⁶ Там же. С. 4.

³⁷ Там же. С. 15.

А.М. Кошкарёва

Диалектологический очерк Обь-Иртышского междуречья

К говорам Обь-Иртышского междуречья мы относим говоры северных районов Тюменской области: Вагайского, Тобольского, Уватского, Хаиты-Мансийского, Октябрьского, Березовского, Сургутского, Нижневартовского. Данные говоры в языковом отношении являются вторичными по отношению к говорам «материнской основы», или первичным говорам, которыми являются говоры северных регионов Европейской части России и носителями которых были первые переселенцы. Устройство слобод с чисто русским населением на берегах Иртыша относится к 30-м годам XVII столетия.

П.Н. Буцинский, исследовавший заселение семи уездов Тобольской губернии, в том числе Тобольского и Тюменского, со времени завоевания Сибири до 1645 года, пришел к такому выводу об этнографическом составе сибирского населения к половине XVII века: «...оно, помимо туземцев, представляло пеструю, разношерстную массу; оно состояло из немцев австрийских и ливонских, шведов, поляков, литовцев, латышской, мордвы, черемис, русских и даже французов; эта пестрота особенно заметна в Тобольске. Но, само собою понятно, что значительное большинство этой массы принадлежало к русскому народу и преимущественно к жителям северных губерний. В списках служилых, посадских людей и крестьян чрезвычайно редко можно встретить «калужанина», «путивльца», да и то большею частью из ссыльных, а остальные насельники переведены или перешли из так называемых поморских городов: Устюга Великого, Сольвычегодска, Каргополя, Холмогор, Вятки. Гулящие люди в Сибири были исключительно из этих городов, например, из 617 человек, присягнувших в Верхотурье царю Алексею Михайловичу, половина была родом «устюжан», значительная часть «сольвычегодцев» и «пинсжан», а другие были «вятчане», «соликамцы», «кайгородцы», «важснине», «вычегжане»¹. На севернорусское происхождение первоначальных жителей Сибири указывают и сведения, находящиеся в работе П.А. Слоцова, давшего в своем «Истори-

ческом обозрении Сибири» картину быта и некоторые наблюдения над языком за все время до проведения Московского тракта (1765 год) и за несколько лет после проведения его: «Сибирский говор есть говор устюжский, подражатель повгородского. Сибирь обыскана, добыта, населена, обстроена, образована все устюжанами и их собратней, говорившею тем же наречием. Устюжане дали нам земледельцев, ямщиков, посадских, соорудили нам храмы и колокольни, завели ярмарки...»².

В «Объяснительной записке к составлению Tobольской врачебной управы карт рыбных промыслов в Tobольской губернии по рекам Оби и Иртышу»³ (конец XVIII века) население Tobольского Севера представлялось таким образом: «От Tobольска до устья Иртыша, за исключением некоторых притоков (например, Конды) и низовьев Иртыша, живут русские и татары, по Конде и близ устья население сменяется вогулами⁴ и остяками⁵, далее от устьев Иртыша до границ Томской губернии вверх по Оби живут остяки, они же населяют и весь низовой бассейн реки Оби до Обской губы, где им на смену являются самоеды»⁶. На 1432418 человек, населявших Tobольскую губернию в 1894 году, приходилось собственно русских 93%, татар и бухарцев — 4,1%, остяков, самоедов, вогулов — 1,2%, поляков — 1,15%, немцев и финнов — 0,38%, евреев — 0,16%, цыган — 0,1%.

Язык и культура первых переселенцев испытали влияние иноязычного и инодиалектного окружения. В результате в диалектах Западно-Сибирского региона сложился своеобразный языковой комплекс, в котором, во-первых, сохранились языковые черты «материнской основы», т.е. черты севернорусского наречия, и, во-вторых, черты, возникшие под влиянием языков коренных жителей исследуемых регионов.

Черты севернорусского характера преобладают на разных уровнях языка: в области ударного вокализма, консонантизма, грамматики и лексики.

Фонетические особенности

Гласные

1. В ударном положении:

1) произношение Е в соответствии с литературным А в ограниченном круге слов: зеть — негде взеть (Лит.)⁷. Преников вот упеть постряпала (Тоб.). Завтра упеть праздник (Кут.). Заговение было, дак не ели молосно, в разговорне упеть ели (Байк.) Грезь-то обомни, вишь присохла (Трош.). Дождь заредил опеть на весь день. После дождей гресь по всему селу (Уват.). Мед-то разной, который жпже, который грезной

(Абал.). В колхозе, когда за скотиной ходили, на полсводстве, петь коней запретали (Алымка);

2) произношение И или Е в соответствии со старым (арханчным) е (ять): Сивер, Сиверко дует (Анг.). Сивер — это северный холодный ветер, зимой чаще дует (Тоб.). Рамки весной ставили, они же (пчелы) голодные зимой, им ись надо, вот рамки с медом и ставим (Абал.). Давай уху будем ись (Кут.). Коня-то вспотил, куда гонишь. В лес заехал — дуга вылетела, а потом кольцом назад переправил и доехал, но коня вспотил (Шипк.). Пойдем, плисень нарвешь (Уват.). Лен родицца — сямя-то околотись (Бык.). Поговореть-то че не знаю. Он поговореть-то все знат. Он говорел, что писят рублей надо. Сестра говорела, что на платке купила (Кут.);

3) произношение А вместо Е или Ё: Потом выюк начинают трепать, потом тербялками чешут его, волокно-то и вычасывали. Дом содырживают, как на их переписали. Сяли мы в кошеву (Бык.). Ниша сяла и заплакала (Овсян.). Отец был, дак если он надеялся, то пил горьку траву (Детяр.). Воду возила водовозка, поддярживала все-таки. Дудка не выдярживат колосся (Защ.). Она пристала, отдыхать видно лягла (Кут.). Одну сторону шпангоута обтясываешь (Берез.). Отец у меня был колясник, мама вела свое хозяйство (Полуян.). Ране ись-то нече было, дак крапиву нахлябывали (Защ.);

4) более широкий, в сравнении с литературным языком, результат перехода Е в О под ударением: купальнисы, они, если у кого жолчный пузырь не в порядке, то помогают (Тоб.). Лен чошешь, потом куделя получацца, ее надо на питки прясь (Бык.). Робетнишок у ей четвёро было. Раньше-то дефиёнки холщёву одёжу носили (Кут.). У лодки сперва бока отёшут, потом начинают середину выбирать теслом да тюкавкой. Тёмно стаёт уже, идти надо (Бык.). Блэсны в магазине охотничьем продают, в Тобольском (Серг.). Дожжина-то опеть и хлэшшет. Когда курис подёржнись (Защ.). Кака-то дружба, попереённа пила была (Уват.). Всю вёсну ткала (Байк.). Окунь хорошо на блэспу имаеця и щука (Шипк.). В лукошке муку дёржат (Анг.). Кедровый бор недалёко (Ваг.).

2: В безударном положении:

1) полное оканье, О и А различаются последовательно во всех безударных слогах: Летом в колхозе робили, стога вершили, за скотом ходила (Уват.). Сено когда ставили на покосах, дак на волокушах возила (Осин.). У нас есть каток и валёк, белье катали раньше (Анг.). Белье колотнись да сүшнись, да каташь на катке с вальком, утюгов не было (Шипк.). Две нитки свдережит, на моток намотат и носки вяжет (Б. Атл.);

2) уканье (произношение более лабиализованного У вместо О): Лом падо было, сусед взял уташшыл и топерь не отдает (Байк.). Колунок — хищный лесной зверек (Горн. Слинк.). Есь зайцы, лисицы, лоси, медведи, выдры, белка, суслик, горносталя, колунок. Волки были, пытче не слышать: тайга больна (Бык.). В лесу голубиса, черниса, мурошка, смуродина (Ушар.). У нас смуродина тоже близко (Серг.). Упеть пришел поздно с работы (о муже) (Серг.). В лес люблю ходить: там голубиса, черниса, мурошка (Шинк.). У нас у суседки, у мальчика, ухо бежало, смотрим — там черви в ухе-то, мухи наплевали (Б. Атл.);

3) в безударном вокализме после мягких согласных наблюдается существование двух поденств: екающей и ёкающей:

Еканье (совпадение Е, О, А в одном варианте — Е):

Ладно хлеб-то гледит дак, только редковаты хлебы-то (Займка). С арте-лью дедка ловил рыбу, сети ставил, ези ловились (Байк.). Мята — запах хороший, как трехнешь, дак по всей избе запах. Я кросна поставила: восемь стен на десеть аршин (Бык.). Два сеноуборщика приехали сено и погрузили (Кр. Яр.). Изба треслась. Я уснуть не могу никак (Атам.). Я случайно взглянул в сторону и увидек: заец сидит на пне. Все взяла, а стакан забыла (Овси.). Меско у ишукки хорошо, не костисто (Черноярк.). Пижама цветет как ребина, на верхушке цветок, как горошегы желтого цвета (Шинк.). Также есь земляника. Ждать надо около пети дней. Все взяла, а стакан забыла (Уват.). Мерёжки из конопки, вечером предем (Байк.). Сначала лопотину сошьют, потом в чутуну с дубом напсхают, окрасища там (Альмка). У нас 75 дворов было, запрэгалось лошадей 100 (Кут.).

Екающее произношение является доминирующим и распространяется на И:

Вот Натолей, некогда не запыливай вного. Сбруя — это удела, поводя, седёлко выездное, маленькое. Надо еще распаривать, в чутунку налезать горячей воды (Кут.).

Еканье (совпадение Е, О, А в общем варианте [О]-Ё):

Шабур — верхнёе из сукна, волнистоё, когда в гости едут, поверх плаття в моде было (Зольн.). Лен вырвёшь, потом свешашь на седла (Бык.). До этого не обращал вниманиё. Заходил на базар в воскресниё. Тут ложкой не снимёшь. Вон дрова привезли старыё. Давай уху будём пёс. Все дети красивые, хорошиё. Туца огнища как треснёт, одним ударом троих убило (Кут.). Полё все покрыто сорняком (Уват.). Шерсь будёт, дак на сновалине направишь столько стен, сколько надо. Отреп-лёшь горсь льна, свернешь — то кукла (Шинк.).

То же после шипящих:

Сперва леп вырвут, на вешала сушить вешают, потом околачивают, стелёшь на землю потом, улежит — треплёшь, чешошь (Байк.). Там гибало есть специально: кто вперед вытешот полоз, сразу па гибало гнуть. Я прошлый год тридцать две степы выткала, татаркам ткать тяжело, робятишок много. Лен-от в таки куколки свяжошь (Бык.). Щас тожо неводят в шлюбке, в лодке (Куг.). Нам вот ране-то не до беготни было: привяжошь куделю, да и прядёшь, а ноне у детушок никакой заботы, только бегать да нсь (Шипк.).

Согласные

1. В говорах северных районов Тюменской области функционирует взрывная фонема Г, которая в слабой позиции выступает в разновидности К, в соответствии с литературной нормой:

стога — сто[к], дорога — доро[к], друга — дру[к] (повсеместно).

2. Остатки мягкого цоканья (совпадение Ч и Ц в варианте Ц' или Ч):

Насыплешь, выц'ередишь, потом толкёшь его, пока шкура не нац'нет слазить, потом отварнишь горяч'ой водой, потом варишь, как пше-ниц'у — ц'иста да хороша кутья получатса (Аксурка). Карчевали не как ц'ниц'ас, тракторами, а вручну все (Зап.). В лес люблю ходить, там голубиса, черничка, мурошка (Ушар.).

Следы цоканья: Вее'ером соберемса, рукавие'ки везали, сумки (Байкал.). С'ереседельником (чересседельником) оглобли поднимают (Уват.). Ране с'ерки (черки), бродни носили (Куг.). С'аю с прание'камн попей (Новос.).

3. Повсеместно произносится долгий твердый Ш в соответствии с долгим мягким Ш' в литературном языке:

Ишшо прихва была где-то, я бы выперла вам, на пряжу пришивали. Соломку, лен расстилают, дожжы его мочат. У тебя зять рыбака, будет карышей добывать, карыш — у его хряшык-то эвот такой, трубочкой (Бык.). Прихваты на вожжах бывают, зацеплять удила (Ваг.). Орехи выташшишь, зима подойдет, будешь шшолкать (Займка). Я ишшо сажу пятнасаць соток картошки (Зап.). У меня сегодня был матерушный колот, шшпка хорошо шла (Карым.). Шшаглы у рыбы есь, она имн дышит (Кор.). Федор Гаврилович подношшыком был. Даже на верблюдах в Ирбит купсы съезжались. Картошки ешшо светут: Луку ешшо нашшыпать надо. Сторожок — на которых вожжы лежат (Куг.). Кужиру снимешь с шшпки, орехи и выташшышь (Тоб.). Раньше сталок был для тех, кто шшыбал шшпки: за ручку колесо вертинь, шшпки давишь. Ешшо

были железны шшоки — щеть такая, лен чесать (Уват.). Меско-то у шшуки хороню, не костисто (Черноярка). Вечером рыбу варят, калташину, а карасишшы вот такие, а уха-та бела наварится, как молоко (Овсян.). Он (старик) худушшой, про рыбалку, про охоту все знат (Шишк.).

4. Говорам свойственна утрата нигтервокального йота и образование стяженных форм прилагательных, местоимений, порядковых числительных и глаголов:

больша семья, перво число, така роскошь, знашь, знат, знам.

5. Повсеместно наблюдается упрощение групп ЗН, ЗД и З'Д', СТ и С'Т' в абсолютном конце слова:

Лодки на четыре гребя и на две есь (Альмыка). Мос ниче не придас (Защ.). На поглядочек надо же так напрядь. Куделя у меня есь и прятлица есь (Долг.). Такой гладкой холье ткут и все (Анг.). Толста да неровна нитка выйдет, если прядь не умеешь. Эта болесь опять отпрыгнула. Набирашь горесь льна и мнешь. Вчера шесь стогов наметали (Бык.). Колчака прогнали, потом совещка влась стала (Байк.). Пушь сидит уж, его хоропо намошдла. Робила за свою жись копохом. Тюменска область гужевым транспортом жила (Кут.). Шерьь хороша, избита, серсе радуется (Серг.). Легку-то жись не искала. Задают напрядь простень (Тахт.). У меня шерьь туто была. Болесь не красит: ишь как спала с тела-то. Скорось у него была меньше. Гвось был ржавый (Уват.). Он ворожил много, шерьь собирал (Упар.). Литовку отбивать есь молоток. Там на реке-то перетяжной мос, на луга сзят (Шишк.).

6. Отмечена полная ассимиляция в сочетаниях ДН и БМ:

До ночи робили, серпами-то трушно жать (Полуян.). Занятье у нас было ране онно: рыбашили, шшуку, сырка добывали, приходилось и в башлыках ходить (Сотн.). Ланю, бабушка, пойдём, посмотрим поросенка (Кут.). Лен вырвешь, потом свешашь на седала, оммолотить — вот это куглина (Бык.). Все нимы оммарала (Серг.). Омманом все жись не проживешь (Тоб.).

7. В ограниченном круге слов наблюдается диссимилиция в сочетаниях ВН:

Дамно нет свету-то. В Атамановой два двора осталось, было сорок дворов — и списана деремня (Атам.). Три деремни, а их веть много по свету-то. Петько был, брат, недамно умер (Кут.). Она уже старенька, миуки есь и прамничка одна (Серг.).

8. Распространена полная ассимиляция йота предшествующему согласному, чаще в группе собирательных существительных и притяжательных прилагательных:

В огороде само полотте начинацца с июня (Ант.). Пчелы с вербы первой берут себе на пропитание (Абал.). Сваття — кто поженитца, то родители — сват да сваття. Теперь уж в воскресенье газвики продукты привезут. А это ухваття, клюка, лопата, сковородник подхватывать сковороду. Куда-то на обознание возили, како имя, фамилие спрашивали (Атам.). Плаття длинны носили (Защ.). Ситсов-то не было, все холщово носили, матерей-то не было, изделия из холста делали (Дубровн.). Дудка не выдирживат колоеса. Копылья — упора, чтобы крепче было, не расходились сани (Бык.). Осенню из Бакалды воду кашали. Стары-то полозья надо на дрова пустить. За Анатолия пастушпг. Друзья у меня где-то угнали в Иштмапы (Новос.). Я наладила белле стирать (Кор.). Девшонки, шас ободлем вас водой. По заболотгто татара живут. Павел — двоюродный брат, двоюродны браття. У саней полозья, копылья, вязья, головка обогнута вязьями (Кут.). Платте у меня было белое, кремовое. Совхоз получил название — «Мир» (Тахт.). Начигала шишок, а свиини все съели (Уват.). Лентой, большой дорогой, ездилн, а такая дорога комковата еще, вязья оборвешь. Копылья скрепляют полоз с нащепами (Шшнк.). Носили его (шабур) осенню, весной, потому что из одной овечей сукманпы (Шабрь).

9. Полная ассимиляция на шипящий плюс свистящий в глаголах 2-го лица единственного числа:

Который раз бы зашел, да боися. Заготскотов не было: мяо разрубишь на куски и рядисся (Кут.). Копыля, на который садисся (Троп.). Лодкой-то проедешь, а мотором-то не сильно прогребесся (Уват.). Летом ездим на бате — долбленной лодке, сделанной из дерева. Один человек в ей, а двое-то уже вывернесся (Х.-Манс.). Мне говорят: «Не боися лентой (большой дорогой) ездить?» (Шшнк.).

10. Архаичное древнерусское начальное РО-, соответствующее начальному РА- в литературном языке (старославянский элемент):

Телснка держали, ростили. Робили, а нече не заробили (Защ.). Нюрка на конюшнне робила (Байк.). Воронец местами к болоту растет, тоже лечебна трава. Надо туда идти, в бор, там растет мать-мачеха (Бык.). Тысячелистник на песчаном месте растет (Новос.). Только в колхоз вступила, конюшила, селяла, везде робила (Курья). А ромашка растет, ее тоже собирают. Брусницы на бору растут. Нельзя таким расти (Уват.). Мы допоздна робили (Ушар.). В войну робили одни бабы (Тахт.). Коровяшка от воспаления легких, коровяк зовут, она длинна, а наверху у ей така шишечка, в лесу растет (Шшнк.).

11. Отмечены колебания в употреблении твердого и мягкого Р в ограниченном круге слов:

Давеча меня грип схватил (Бык.). У нас тут грибы, грузди, всего достаточно (Елань). Мы ходили за грибами, маринад сварила, грибы сама вари (Атам.). Крынки были стекляшны и глиняны (Кр. Яр.). Раз поехали, острову не видать в тумане, только слышно — полозья скрипят (Овсянник.). Ягод и грибов было больше, а чичас всей этой химией-то повывтравливали (Кор.). Грип лечат багульником (Спас.). Молоковнику надерьгала, лен дерьгали, слали, сушили в бане, ставили в риги. В седелке дужечка, продерьгиватца седельник не хребет лошади (Кут.). Осот выдерьгивают вместе с корнем (Овсян.).

12. Сохранилась частично прогрессивная ассимиляция на заднеязычные согласные Г, К, Х под влиянием предшествующего мягкого согласного, свойственная вологодским говорам севернорусского наречия:

Я имя скольк'о поткомутников накатала, тренькаю, тренькаю (Серг.). Поехали в Тобольск'о на метеоре. Надо за деньг'ами сходить. Наверьх'у, на горе домишко у ей стоит (Уват.).

13. Замена К и Ф (заимствованного звука) на Х:

Четыре хитля да две сетки стояли у меня (Атам.). Хрестьянством занимались, скотину дёржали. Кто нуждацца в хвартере, дак говорите нам (Байк.). Хрестины, когда ребенка крестят (Н.-Варт.):

Морфологические особенности

Существительное

1. Широко представлен разряд собирательных существительных:

Наладили карты из бумаги, *кружовья* везали (Байк.). *Лопуха* мы кочки зовем, кочки ели, а теперь не едим (Бык.). *Пенья* выкорчевывали, а потом спашивали в кучу (Кр. Яр.). А отцы наши-то *груза* ямщиной везли на Север (Кут.). *Лубья* — боковые стенки саней (Кулар.). В *кузовья* шишки снимают, шишек так навалитца — ступить некуда (Новос.). В деревнях Смирновой и Мезенской ...плетут *коробья* из тальника (Скалозубов, 71). Трубица надевацца на *пальса*, как кривули посадишь (Шишк.). Туес один, а много, дак *туяся* (Уват.).

2. Наблюдается несоответствие а) рода и б) числа существительных:

а) На *кедру* залезут ребятишки с крючком, ломают шишки. Отак сядешь, кудельку привяжешь и прядель, *веретешку* возьмешь (Бык.). Жаровые кедры — вид кедры, высокая, без сучьев внизу (Носки). Робила *свиарком*, *овчарком*, копыхом, а коров-то не доила (Полуян.). У меня *кедро* растет в огороде (Санник.). Пшеница в сусеке лежит, *сусека* — это в амбаре перегорodka (Серг.). Едут на своих машинах и нарушают

кедру (Тоб.). *Конопле* селли, потом вырывали из его посконь, *конопле* — в ем семя есь, а у поскони нет — серая головка (Уват.). *Кедра* — хвойное дерево, дающее шишки, кедровые орехи (Экт.);

б) Надо у телушки бы убрать на *носилку* да вытаппить (Куг.). *Брусшцы* на бору растут (Уват.). Пирог с *малинам* ели (Тоб.). *Мякны* убрать с грядок надо. *Опилку-ту* сюда подесть (Тоб.).

3. У существительных женского рода с нулевым окончанием в дательном — предложном падежах выступает в ударном положении флексия -Е вместо -И в литературном языке (влияние I склонения на III):

Работала в промартеле, на почте (Байк.). Раньше на пече и спали. Вымена у коров в грязе (Куг.). Колчак хотел задупить советску власть в Сибири (Полуян.). В рыбацкой артеле робыла (Уват.). Когда выгкут двадцать аршин, белят: золу варят в пече, холст залевают (Шинк.).

4. Существительные мужского рода с суффиксами -УШК-, -ИШК-, -К- склоняются по типу существительных среднего рода на О (II склонение):

С артелью *дедко* ловил рыбу (Байк.). *Рыжко* — конь рыжей масти и кличка такая — *Рыжко* (Винокур.). Любят *Серка* за обычай: хоть не везёт, зато громко ржёт (Ивановский, 15). *Савраско*, *Серко*, *Пеганко*, если жеребец, *Саврасуха*, *Пегуха*, *Серуха* — дак кобыла (Куг.). *С дедушкой* был в лесу (Уват.). *Дедушко-то* мой захворал (Полуян.). *Валерко* — парнишко спокойной (Трош.). У *дедушка* две лошади было, потом в колхоз сдал (Тахт.) *Тянько* в Шакасм отправлял с *Савраском*, а я робить любила (Тоб.). *Чалко*, *Карько*, *Каурко*, *Воронко*, *Мухорко*, *Савраско*, *Рыжко* — каки еще клички лошади; кака масть, так и зовут. У *Чалка* — серая, с примесью другой шерсти; у *Рыжка* — рыжая масть, у *Пеганка* — пятнистая, пегая (Шинк.).

5. Широко распространена флексия -У в родительном и предложном падежах:

Они (ячелы) морозу не боятся, боятся голоду (Абал.). Из трактору-то вышла, к самолету не подступиться — горит. Дампо нет свету-то: электрик не приходит (Атам.). Шлюпки железны, много народу в ей садицца (Биз.). Черна трава от испугу (Бык.). Молоковнику надерьгала. Страшней голоду ниче нет на свете (Защ.). Из согры, из урману течёт речка щёрная (Новос.). Туца не без грому, дом не без содому. Доходу не было, прибыль от ямщика не было (Овсян.). Против Томкиного дому. Раз поехали, острову не видать в тумане, только слышно — полозя скрипят (Тоб.). Я по прутичку возила: 300 кустов смородины, 570 — малипы, крыжовнику, лакстану немного. Наверно, баушка, ты грому не

бонься (Куг.). Сколько отреней перепряли, сколько льну перепряли (Шишк.). Чёрна трава хорошо: она от испугу и сон лучше (Уват.). Дочь-то в отпуску с июня (Тоб.). На Сиверу, сказывають; как-то юрят рыбу-то, большими партиями ловят (Черноярк.).

6. Совпадение форм дательного и творительного падежей множественного числа:

Воронец местам к болоту растёт, тоже лечебна трава. Станок стоит у одной женщины, всё это деревянное, так ногам работаешь, рукам переставляешь. Сначала лён посеют, вырвут рукам из земли и в снопы связывают (Бык.). Мы все здесь езевкам ловим, караси, шука попадацца, их шурогайкам которы зовут (Куг.). Дом-от с постройкам помессем у нас называтца, само-то место — усадьба (Надцы). Дорожки ткала, шила кулям (Тоб.). Раньше лён сеяли не как чичас, не тракторам, а вручну (Уват.). На Сиверу, сказывають, как-то юрят рыбу-то, большим партиями ловят (Черноярк.). Хлеб жнёшь серпам, потом вяжешь в снопы, потом ставят в суслоны (Шишк.).

Местоимение

1. Широко распространена форма личного местоимения ОНЕ и ОДНЕ во множественном числе именительного падежа; в дательном и творительном падежах оно выступает в формах: ИМЯ, К ИМЯ', С ИМЯ'.

Саладушки выпнушу, *оне* скусные (Аксурка). Ладно хлеб-то гледит дак, только редковаты хлебы-то. Топерь-то *оне* подымутса, отсвели уж (Занька). Вчера по муку ездили *оне*, приедёт дак сам торгуёт. Сбруя, *оне* (ямщика) называють снась. *Оне* давець мимо проехали, подбираются *оне* все в одну бригаду (Куг.). *Оне* с Надькой на совещанне уехали (Кор.). У нас плохую дорогу кто как зовёт: раздорожница *одне*, другие — бездорожница (Алымка). Ране трав засушишь, висят, кто пшкко хорошо в этом понимал, у того много их: и ломоту снимают, и боль головну, и раны заживляють огромны, а топерь все лекарства *одне*; Пестерь — по ягоды ходили с *имя* (Шабры). Сходи с *имя* (детьмп) на речку (Тоб.).

2. Регулярно употребляются личные местоимения ОН, ОНА, ОНО в косвенных падежах без начального Н:

На порховку наступишь, из *её* как бы дым, пыль желтая летит (Ант.). Берёзовый остров богат клюквой, на *ём* есь кедрач и есь шишка (Занька). Кузов из береста, из фанеры можно сделать, ягоды не мнуцца в *ём*. Смеряла мозги у *ей* (соседки), они у *ей* все в лбу. Я поладрила, оно у *ей* исправилось (Бык.). Надсадна трава от надсады, желтенький свет у *её*. Польнь в тряпки завязать, заварить и полскаать на *ей*, хорошо лечит от радикулита (Куг.).

Туюски были, квас носили в *их*, ягоды брали (Тоб.). Из берёста делают коробушки, с коробушками ходят по ягоды, хранят в *их* ябса (Гагар.).

3. Употребляются стяженные формы местоимений:

Куда-то на обознаннэ возили, *како* имя, фамиллэ спрашивали. Есть *которо* тело приманчиво для комаров (Атам.). Завозня — *котора* прирублена к анбару. У нас в ограде *всяка* трава есть (Бык.). Симё бело *како-то* в их (о шиповнике) (Запмка). Шипца хотъ *каку* траву бери (Защ.). *Како* движениё сейчас по дороге. Голубиса есть, *всяки* грибы (Куг.). Сейчас *каку-то* траву сеют, дак скотина залезет и всю съест (Овсян.). У косы *каки* части: полотню, лезвиё, востриё, обух, носок, пятка. Коровяшка от воспаления легких, коровяк зовут, она длинна, а наверху у ей *така* шишечка, в лесу растёт (Шипк.). А потом есь *така* сповальня, на ей спуют (Осин.).

4. Употребляются формы личных и возвратного местоимений с флексией -А в винительном и родительном падежах единственного числа в соответствии с литературной нормой.

Прилагательное

1. Широко распространены стяженные формы качественных и относительных прилагательных в предикативной и атрибутивной функциях: Колтака прогнали, потом *советска* власть стала (Байк.). *Толста* да *неровна* пятка выйдет, если прясъ не умешь (Бык.). *Горька* трава, дак *желудочны* капли из нее делают. Тайга у нас *больша*. Лодки *моторны* и *гребова* есь лодка (Атам.). Плаття *дланны* послали (Зап.). *Стары-то* полозя надо на дрова пустить. *Осени*, *зимни* бродни есь. Все дети *красивы*, хорошиё. *Безредна* старуха была. Купсы *малмалны* были (Куг.). Ветошь дереу, *давношны* тряпки, дерёшь да ткёшь половики (Кр. Яр.). На подушках были пакциалки *белы* вязаны (Сет.). Всю *рыбарду* работу вручну тогда делали (Сотн.). Пересохшую почву называют *суха*, а излишне сыру — *сыра* (Супра). У самоходки мотор хороший все-таки, вон *каки больши* дак (Шабры). *Стара* матка вылетает, *нова* появляцца. Подорожник пью да *репейны* корпи ем (Шипк.). Раньше *деревячны* делали табуретки *здоровы*, а сейчас *блестячы* из пержавейки (Ваг.). А этта ныргн-то полно было. Уха-то *хороша*, а рыбу-то жуй да плюй: *мелка*, ерпшики, окупишки да чебачки всё (Овсян.). Сею *неедко* будет (Ушак.). Лето *худо* ныгче: сепогной идет (Елань).

2. Продуктивная форма сравнительной степени прилагательных и наречий с суффиксом -ЕН:

А топерь вот я *старе* стала (Байк.). Колеса-то делать *трудне*, тащить все руками. Окущивать-ту два щаса не *боле*. *Рине* серки (чер-

ки), бродни носили (Куг.). Дак *ране*-то пазбишпа были, как-то *удобне* было. *Ране* околотки были — простыни с кружевами (Серг.).

3. Распространено характерное для окающих говоров окончание -ОЙ в соответствии с литературным -ИЙ, в именительном падеже единственного числа в сочетании с существительным мужского рода:

Толстой и тонкий холс бывает (Анг.). Лен хорошей ране-то был (Байк.). Чулок белой, дак носок черной. Мед-то разной: который жиже, который грезной (Абал.). Старинной целовск. Закармливать поросенка не надо: он длинной, легкой будёт. Он (колун) не вострой. Парснь ядреной, отес легко-ватой, парнишко спокойной. Смирной конь, к другому-то бы не подошел (Куг.). Дома-то разны бывают: петистенной, крестовой, бывает одна изба (Надцы). Цвет у ей, у княженицы, вишнёвой, малиновой (Тоб.).

То же в местоимениях и причастиях:

Которой раз бы зашел, да боися. Всякой холс, тонкий и толстой. Оставь чайник включёной. Шабур тканой из шерсти, нитки лянны, корищевы (Куг.).

Глагол

1. Сохраняется основа на заднебный согласный в спрягаемых формах глагола:

Я одно платте не могу *стрижи* (Бык.). Болсю шибко, *моги* не буду, дак не знаю чё буду делать. (Байк.). Во время цветения с хозяйкой *насекём*, нарубим несколько мешков багульника. (Ваг.). *Лягши*, бывало, на сеновал летом, так хорошо спитса (Зап.). Мы себе-то свой хлеб *пекём* (Куг.).

2. В окончаниях 3-го лица единственного и множественного числа глаголов настоящего и будущего времени конечный Т — твердый:

Скатают холст в трубицы, кроят сарафаны, кому надо, чембары широки шьют, больша, чтобы на валенки залегли, по снегу в них ходить (Бык.). Станок, на котором ткут, зовут кросно (Полуян.). На подушки вяжут накиданки (Сет.). Шишки сваливают в кучу, чтобы она отогре-ла, когда отогреет, лучше чистить (Тоб.). Чем болет, кто его знат (Ов-сян.). Ржаву рыба не берет, играет блесна-то, вот рыба и хватат (Перш.).

3. Широко распространены стяженные формы спрягаемых глаголов:

а) 1-е лицо множественного числа:

Ткем так: переступам и челнок бросам в зев-то, потом снова пере-ступам и прихлопывам нитку бёрдом (Альмка). Седня живем, завтра не знам (Зап.). Нитки мотам на вьюху (Бык.). Молотим деревянным палкам, к ним сепи привязывам, а там гужик ремённый был (Подрез.). Шишки каки посымам, местность-то красива была, а теперича все изло-

мали (Сапшик.). Затем золой эту пряжу всю перевалям, потом в печь бросаю, золой (Уват.).

б) 2-е лицо единственного числа:

Ниченками зев делаешь для челпока, основу че ешь, то и сделаешь, пачеси сделаешь — тоже хорошо (Ант.). Специально балу делаю: лесинку срубашь, потом обрабатывашь, чтобы загнуть можно было (Винокур.). Это ране пойдешь в лес — полно земляники: хваташь, хваташь каждой день, а все по ведру (Ашлык.). Знашь, кака ругань там. Холст колотишь да сушишь, да каташь вальком, утюгов не было (Куг.). Че шопотом разговаривашь. Что наработаешь, то и оденешь (Уват.). После этого начинаешь делать копылля. Повешашь на кол, дак не рвѣцца портяна-то юбка (Шишк.).

в) 3-е лицо единственного числа:

У меня парень закидунки бросат — всяко попадат: и ерши, и чебаки. Дак человек, который сбиват шишку, называется шишкарь (Бык.). Ихна организаыя нас не трогат. Дожжык-то мешат косить. Немтой проклятой треттий год не с кем не разговариват (Куг.). Пневмония — это воспаление легких: у коров, у свиней бывает и у человека бывает тоже (Полуян.). Щелкунчик — трава, она на меже растет, мало. Ее кипятком заваривают и привязывают, когда рука шишкат. Сетку-то хто наикдой, хто ботушкой называют (Шишк.).

4. В возвратных формах утрата интервокального йота и стяжение гласных сопровождается ассимиляцией согласных:

Который раз бы зашел, да боисся. Загоскотов пе было, мясо разрубишь на куски и радисся (Куг.); Копыла — на которы садисся (Трош.). Лодкой-то проедешь, а мотором-то не сильно проскребесся (Уват.). Летом ездим на бате — долблепой лодке, сделанной из дерева. Один человек в ей, а двое-то уже вывернесся (Х.-Манс.). Мне говорят: «Не боисся легкой (большой дорогой) ездить?» (Шишк.).

5. Дialeктно оформлена залоговая частица -СЯ возвратных глаголов:

Ругалися — чистить неохота шишки (Бык.). Родилася в Тавде, далеко. Там уже неково пет, все нарушилося, не домов нет, ничего (Байк.). Бывало, иван-чай заварить — обопьюся (Санник.). Ну, Марфа, недосуг мне с тобой говорить, поливаться пора (Перш.). Ты мне погляпулася. Наряжалися на праздники (Тахт.). Она и свалилася в речку (Уват.). Жаловалася на пещень (Куг.).

Частицы

1. Регулярно употребляется постпозитивная частица -ТО в различных модификациях (-ОТ, -ТО, -ТА, -ТУ):

Шишаник-от вот цветет (Займка). Эвот *кочии-то*, шишки от кочней от простуды, а *лист-ту* крутят от жолудка (Бык.). В *лесу-от* у нас иерница бывает, малина, брусничка, голубица (Кр. Яр.). *Оклицивать-ту* два щаса, не боле. У нас *Балуиха-то* в подполье залазить боится. *Снег-та*, *падера-то*, самолет упал. *Зимой-то* мало идет елка, а *осеню-ту* ладно. Не лезь в *лужу-ту*. Дваццать *рублей-ту* надо. Ее из *большисы-ты* привезли, завтра хоронить уж падо. *Девчонка-та* совсем от рук отбилася. Карасишпы вот такие, а *уха-та* беда паварится, как молоко (Овси.). А и *лук-от*, и *тот-то* пынче спилл (Серг.). *Снег-то* до гужей (Тахт.).

Синтаксис

1. Предлог ПО употребляется с целевым значением:

Куда пошли ребяташки-то, по кочения? (Бул.). По кедрач пойдет, дак и брюхо непочем. По траву ходили для себя, подорожник пью. Полина пошла по клюкву (Бык.). Из береста делают коробушки, с коробушками ходят по ягоды, хранят в их яйса (Гагар.). Раньше по горяче ездили. Вицера по муку ездили оне; приедет дак сам торгует (Куг.). Летом в лес ходили по саранки, по пучки (Тоб.). Ходили по морошку, спела она, а черника начинат только буреть (Ушак.). С туесками мы по грибы по ягоды ходили (Уват.).

2. Довольно широко распространено согласование «по смыслу» сказуемого с подлежащим, выраженным существительным или местоимением собирательным по значению:

У нас плохую дорогу кто как звали: раздорожица одне, други — бездорожица (Альмка). Магазин-то сѣдни не торгуют (Куг.). Молодежка вон на мотоциклах сдут (Атам.). Сын с семьей чичас в городе живут (Полуян.). А щас молодежь по любви сходются (Серг.). Отес-то бедно жили: одна коровушка, одна лошадка (Ушар.).

3. В составе сказуемого отмечены конструкции с полным страдательным причастием:

Оставь чайник включёной (Абал.). Каюк был крытой (Уват.). Шабур тканой из шерсти (Куг.). Картошки увезёные в город (Новос.).

Лексические особенности

В лексическом плане говоры северных районов Тюменской области представляют огромный интерес для диалектологов. Диалектная лексика отражает все стороны жизнедеятельности сельского жителя: животноводство, хлебопашество, промыслы и ремесла, быт. О богатстве диалект-

ной лексики в старожильческих говорах можно судить на примере наблюдений над лексикой одного сибирского говора. Наблюдения производились в деревне Сергеевка Уватского района Тюменской области, расположенной в 130 км от г. Тобольска по старому Уватскому тракту.

Впервые название деревни встречается у П.Н. Будинского⁸, возникновение его относится к первой половине XVII в.

Основными занятиями населения⁹ были земледелие и извоз. По данным Х. Лопарева¹⁰, в 1635 году по указу Михаила Романова в низовья Иртыша и Оби из России, из ряда уездов Вологодской и Пермской губерний, было направлено сто ямщиков с женами и детьми, так как по мере освоения края и роста его экономики водные пути, имеющие сезонный характер, не стали удовлетворять растущие экономические связи; значительную роль начинает играть ямская служба.

Фонетическая и морфологическая системы говора д. Сергеевки в основе своей являются севернорусскими. Говор имеет много общего в первую очередь с вологодскими говорами, точнее, с южными говорами территории вологодской группы говоров¹¹, по данным новой классификации.

Наблюдая за лексикой говора, мы сочли возможным обратиться к словарю личности диалектоносителя, т.к. нашли действительно интересный объект. Носительница диалекта М.Ф. Буянова сохранила архаичный говор (Буянова М.Ф., 75 лет, неграмотная, одинокая). Анализ лексических особенностей речи носительницы диалекта (нами записан и проанализирован сплошной текст в 1400 слов, исключая незначительные слова) показал, что 65% лексических единиц (910 слов) составляют слова, совпадающие с общерусскими по фонемному составу и по значению (город, лес, голова, земля и т.д.). 31% (440 слов) — слова с общерусскими корнями, отличающиеся от общерусской лексики отдельными фонетическими и словообразовательными элементами (анбár, Маргалида, бел'л'ó, нимо, мұхта, шипшишик, пихтáрь, ручина, шерстянка, холстял'ой, картóвь, морзливый).

Незначительное место занимают слова «переходного»¹² характера (0,1%) и интердиалектная лексика¹³ (0,4%). Региональная лексика (42 слова — 3%) по своему характеру тоже неоднородна:

1. Диалектные слова, широко распространенные, являются общими по фонемному составу и значению для говоров северновеликорусского и южно-великорусского наречий, зафиксированы в диалектных словарях различных территорий. Например, слова: *повéть* — помещение под кровлей нежилой постройки для хранения инвентаря. // Сарáj был / повéть' настилáют / на повéте сéпо // (СДР¹⁴, КЯС, МАС отражают это значение); *кузов* — бере-

етяной коробок для ягод и грибов на лямках, который носят за плечами. // Кузов был у дедушка / каких грибов набер'от полный кузов // СД, МАС, СДР, СУС; казёнка — кладовка; чулан. // Чулан / кто каз'онкой зов'от // СД, СДР, СУС, КЯС, СКК; помстить — показаться, померещиться. // Она может угорела / помстило можот // СД, СДР, КЯС, СКК; портянбй — холщовый, изготовленный из грубого толстого холста. // Залб'жыш портянбй мешышко и каташ, каташ // СД, СДР, СКК.

2. Диалектные слова, локально ограниченные, в частности, севернорусские слова; помещены в словарь северных территорий, в сводные словари с пометами северного характера. Например, слова: гоить — чистить, готовить к чему-либо, чаще всего о зерне. // Род'атся бобы / горбх / семенá какн снимáшь / гоит' надо // Дбма перебираш // СД, СФ (Вят., Нижегород., Перм., Свердл., Тоб., Волог., Челяб.); закурáть — зашить, починить на скорую руку. // Дббры пимы оммарáла / стáры уш / как небут' закурáю самá // СД, СФ (Пермск., Вятск., Владимирск., Вологодск., Новосибирск., Казанск., Сиб.); тишуть — укусить. СД (Вологодск., Вятск.); шáньга употреблено в переносном значении. Основное значение — род ватрушки с творогом, картофелем, морковью. // По деревне сейчáс ходят шáн'ги / лоботр'асы // СД, МАС, СКК; гóлбец — полка между печью и полатами. // За пéчкóй пóлка / дак рáп'ше назывáли гóлбец // СД, МАС, СФ, КЯС, СКК; лóпоть — одежда, чаще всего верхняя, рабочая. // Лопат'онки-то нет / тепér' слáу бóх / ёс' чо одёт' // СД, СУС, КЯС, СКК; кáлега — брюква. // Кáлегу сáд'ат / сэм'а нет у нас // СД, СУС, КЯС; могутнбй — сильный, здоровый. // Былá здорбá / могутнá // СД, МАС, СУС, СКК.

3. Диалектные слова, характерные для говоров Сибири (в сводных диалектных словарях с пометой «сиб.», в словарях уральско-сибирских). Например, слова: испбдка — vareжка, рукавица. // Старинна одéжда / испбтки / шмы / кокбшник // СД; тусс — небольшой короб из бересты. / / Кузовá плет'оны / а тусс не слово бер'бста // СД, СКК, МАС; мохнáтки — сибирские меховые рукавицы. // На собáчнн мохнáтки похóжо / на знáм ковб вез'ом / собáку или вóлка // СД, СУС, СКК; ряи — моховое болото с ельником. // На н'пстом мéсте не рoдица / холодá / в рему тóл'ко // (о ягодах). СД; литóвка — коса. // Рáньше литóфкам косили / а топér' кустá-то распустили // СД, СУС, СКК; калтáшиха — большая миска, чаще всего из чугуна (чугунная). // Дуп настáвлили ф калтáшыхн // СД.

4. Узкорегionalная лексика (предположительно). Слова отсутствуют в просмотренных нами диалектных словарях и словарях литератур-

ного языка, от общерусской лексики отличаются семантикой или фонемным составом.

1) Слова, отличающиеся фонемным составом: *шущка́ться* — хлопотать по хозяйству. // *До́ма шущка́юс' / ...уста́ю /*; *помя́кать* — поколотить, побить, долго бить. // *Уш я јэвэ пом'а́кала / он рас мен'а стукнул //*; *выго́лнить* — выручить деньги на чем-либо. // *Куждо полэпо ф копéжку / на карто́шках выго́лила //*; *уи́рудить* — заставлять работать в принудительном порядке. // *Их потом на лесозаготу́пки уи́рудили //*; *разна́стовать* — разобрать, распилить, разломать на что-либо. // *Сушы́лку жа́лко / разна́стовали на дрова́ / така́ хоро́ша супы́лка была́ / крыга //*; *по́летить* — скатывать, катать, валять, копать. // *На холсти́пу попрыска́ю малéсен'ко и по́лиц'у / по́лиц'у //*; *ку́лгать* — месить что-либо, в частности, тесто. // *Руко́ј мэси́ш тэсто / ку́лташ јэво' / ку́лташ //*; *пону́жать* — бить, хлестать, погоняя. // *Конéј ма́јэм... / Р'а́дом бежы́ш / понужа́ш //*.

2) Слова, общие по фонемному составу с общерусской лексикой, но отличающиеся семантикой: *мести* — тратить, расходовать (о деньгах): // *Упéт' гул'а́ют / дён'ги мету́т //*; *трéнькать* — выполнять большую долговременную однообразную работу. // *Ја им'а ско́л'ко потхо́мүтничкоф наката́ла / трéп'ка́ю / трéп'ка́ю //*; *бурóвить* — постоянно выполнять трудную работу. // *Фе'б дётко са́м бурóвит //*; *избитый* — хорошо обработанный. // *Ше́рс' бе́ла / избита / се́рес раду́этца //*.

Таким образом, лексика носителя архаичного слоя диалекта д. Сергеевки Уватского района Тюменской области: 1) неоднородна по отношению к общерусской лексике по степени территориальной распространенности; 2) по преимуществу в количественном отношении совпадает с общерусской; 3) составляет незначительную часть говора одного лица; 4) содержит диалектные слова, неоднородные (по сравнению с лексикой других диалектов) по степени территориальной распространенности. Можно предположить, что такое соотношение характерно не только для речи одного диалектоносителя, оно характеризует лексику говора в целом.

Кроме языковых особенностей, свойственных всем севернорусским говорам, в диалектах северных районов Тюменской области есть специфические языковые черты, сформировавшиеся (А) под влиянием языка коренных жителей региона, (Б) особенности южнорусского наречия, сохранившиеся в лексикализованном виде.

А. Специфические особенности, сформировавшиеся под влиянием языка коренных жителей региона:

В говоре дд. Новоселовой и Зольниковой (один говор, так как совпадают все фонетические и морфологические особенности, лексика исследуемых промыслов; расстояние между двумя деревнями не превышает 1,5 км), кроме упрощенных аффрикат (реп'ка, старип'ок, улиса, сарь), паблюдаются следы архаичного мягкого цоканья, свойственного новгородским говорам (уситса, пее'ка, с'орна [«Черная» — название речки]). Когда-то в говоре не различались аффрикаты Ц и Ч, потом под иноязычным влиянием¹⁵, а именно угорским¹⁶, аффрикаты упростились. Наличие в консонантизме русских говоров по нижнему Иртышу и Оби особенностей, свойственных угорским диалектам, находит себе объяснение в этнографических условиях формирования данных говоров¹⁷.

Благодаря смешанным бракам обрусевшие ханты вливались в русское старожильческое население Денциковской, Самаровской и других волостей. «По Иртышу... многие ясачные остяки, — указывает Н.М. Ядринцев, — вследствие смешения с великорусскими крестьянами, первыми колонистами, совершенно обрусели и вошли в состав великорусского населения»¹⁸. Воздействие же обрусевших ханты и манси¹⁹, которые в русской речи передавали Ч и Ц фрикативными Ш и С (С')²⁰, послужило развитию данного явления в исследуемых говорах:

Аффриката Ц: *Солой пух* вся земля, камуника некакого нет. (Занмка). *Курису держи* — сотню лис отдай. Валенки катали сами, специально пимокат ходил. Как крестьянинна не *сешили*, так и не *сесят*. На *Троисе* гадали, гуляли на Рожество, *масленису* (Защ.). Звробой — желтый *свет* у его (Елань). *Мокриса* от ремотизьма. Свадьба бежит — *колокольсы* на тринадцать лошадах (Бык.). *Голубиса* есь, всяки грибы. Завтра *пятниса* уж. *Сэла* семья едет. *Продавсы* сказали, что последний *месяс* вином торгуют. Календарь *сэрковной* купил, магазинчики были *часны*. Петух *курису* садит, гнездит. *Сыган* сидит с кпуютом (Куг.). *Пишаниса* — местное звучание слова (Супра). *Кузнисы* мало-мальны были (Тоб.). А изо льна делали *полотенса*, рубашки, шали (Уват.). Там наш концерт всем поправился (Ушар.).

Аффриката Ч: Рыбалка сгубила: *рыбачить* люблю по Тайме (Атам.). Пошел собирать *кощны*, они были невкусны, от них зубы *щерны*, я морщился, но ел. К *щерту* мне тот скворешник (Защ.). В лесу-от *щерниса* бывает, малина, брусничка, голубица (Кр. Яр.). *Знащит* Ваня пропал. *Девщонку* всю комары изъели. Туеса были из бересты, квас таскали, сверху *крышешка* с *рушкой*. Неграмотный был *старищок*. Я Нипкипу руку не разберу, Нипкин *пощерж*. *Вицера* взяла *ящико*. *Ныщце* у нас

самолет упал. *Поцему* в бога не веришь. *Щулок* белой, дак носок *щорной*. Шабур тканой из шерети, нитки лянны *корищевы* (Куг.). Раньше старик *щебащцу* ставил, *щебаков* ловил, а карыши не шибко ловяцца (Солян.). Из сыры, из дурману течет *рещка щерная* (Черпая) (Новос.): *Нитоцки* на *пальщик* одевашь и слушашь рыбку (Осип.). Лен *щесали*, волокно пряли, ткали. Клубки намоташь, в *щугунку замоощь*, потом скешь (Тоб.). Были *щасты* берда, ткань ткать, тако-то бердо не пойдет, надо *щасто* (Уват.). *Снащала* пряли, а потом ткали на станке (Ушар.).

Следы цоканья: *Весером* соберемься, *руковиськи* везали, сумки (Байк.). Ране *серки* (черки), бродни носили (Куг.). Сереседельником (чересседельником) оглобли поднимают (Уват.): *Сесяс пеську* (печку) напоялю, дак тепло будет. *Списьки*-то в *опесек* класть надо, прибирать от греха подальше. *Весером сэй* будем пить, *пряниськов* облевных купила (Новос.).

Территориальное соседство русских с коренным населением Тюменской области (татарами, ненцами, селькупами, ханты и манси), их экономические, культурные, а также бытовые и семейные отношения создавали благоприятные условия для взаимодействия русского и национального языков.

Русские пользовались элементами культуры северных народов, как более приспособленных к местным условиям: одежда и обувь ямщиков, предметы промысла рыбаков и охотников. Поэтому в русском языке, особенно в сибирских диалектах, много слов из татарского языка, из языков ханты и манси (*башлык* — руководитель рыболовецкой артели, *чарым* — наст, *гусь* — теплая зимняя одежда, *саип* — сеть, *ахан* — ловушка для рыбы, *неплой* — шкура молодого олененка и много других слов). Некоторые слова «обрусели», то есть вошли в русскую словообразовательную систему, изменили фонетический облик. Например, слово «базиповка» — вид лодки, от хант. «базьян» (название деревни, в которой делались на продажу большие тесовые лодки — базьяновки), слово «колганка» — вид лодки, устаревшее «кольдандка» — лодка, предназначенная для ловли рыбы кольдандом — примитивным сетным орудием лова.

Б. Лексикализованные специфические особенности южного наречия в одном говоре. Для говоров Уватского района (дд. Сергеевки, Альмыки, Трошиной и Увата) характерна прогрессивная ассимиляция, распространенная на заднеязычные К, Г, Х (на вер'х'у, пет'к'а, за ден'г'ами), свойственная вологодским говорам севернорусского наречия. В д. Кутаевой наблюдается лексикализованное яканье при характерном для говора севернорусском полном оканье: м'ашок, см'атана, п'ашком, п'атух, в'ар'офка — до 30 слов на

250 страниц сплошного текста в диалектной транскрипции (по материалам диалектологической практики 1978 года в д. Кутаевой (Тобольский пединститут), что находит свое объяснение в истории возникновения села. Постой, я трое *забару*. Васька, мы како-то возьмем, я потом на *жаво* уду надегу. *Яму* (копы) само тяжело щас, тяни до ямы. Вот *оаревкой* тут. Два шагу тут. С *сястрой* робила здесь, у нас. Да мы такой *бяды* не видели, *бязредна* старуха была. Она молода, а я меня уж все готово, *узлок* направлен. Много бы спял *смяпаны* (Кут.). От *сястры* родной племянник. *Шлавок* — не муха. А мы реучи обе с *сястрой* (Атам.).

Эти факты говорят о том, что нельзя совершенно исключить в процессе становления сибирских языковых особенностей участия средне- и южноурских говоров.

Примечания

- ¹ Буцинский, П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1898. С. 231.
- ² Словцов, П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. С. 78—79.
- ³ Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1896. Вып. VI, ч. III. С. 3.
- ⁴ Финно-угорская народность манси, исконное население Западной Сибири.
- ⁵ «Финно-угорская народность ханты на Оби и Иртыше в бывшей Тобольской и Томской губернии, селькупы на Оби и притоках; кеты, палеоазиатская народность на Енисее; название части вогулов-манси, особенно на Сосьве, Лозьве, Конде. Впервые остяки в значении «ханты» в 1572 г., Иван Грозный». (См. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. СПб.: Лазбука, 1996. Т. III. С. 167.
- ⁶ Самоседы — старое название нещев, эщев, иганасан, селькупов на севере Сибири.
- ⁷ Здесь и далее см.: Список обследованных населенных пунктов и их условные обозначения:

Березовский район
 Березов. — г. Березово
 Вагайский район
 Аксурка — с. Аксурка
 Ашлык — с. Ашлык
 Бык. — д. Быкова
 Вагай — с. Вагай
 Гагар. — п. Гагарино
 Долг. — д. Долгих
 Дубровн. — с. Дубровное
 Займка — с. Займка
 Курья — п. Курья
 Супра — с. Супра
 Черн. — с. Черное

Черноярк. — с. Черноярка
 Шинк. — д. Шинкина
 Экет. — д. Эсетерь
 Ишимский район
 Бор. — с. Боровое
 Гагар. — с. Гагарино
 Кондинский район
 Карым — с. Карым
 Октябрьский район
 Б. Атл. — с. Большой Атлым
 Тобольский район
 Абал. — с. Абалак
 Ант. — д. Антипина
 Атам. — д. Атаманова

Байк. — с. Байкалово
 Биз. — д. Бизина
 Буд. — д. Будоллина
 Бул. — с. Булашово
 Винокур. — д. Винокурова
 Дегтяр. — с. Дегтярево
 Елань — д. Елань
 Защ. — д. Заштитина
 Золн. — д. Зольникова
 Кор. — д. Корицова
 Куг. — д. Кугаева
 Кулар. — с. Куларово
 Нацы — п. Нацы
 Новос. — д. Новоселова
 Носки — д. Носки
 Овсян. — д. Овсянникова
 Подуян. — д. Подуянова
 Подрез. — д. Подрезова
 Санник. — с. Санниково
 Сет. — п. Сетово
 Солян. — д. Соляная

Спас. — д. Спасовка
 Тахт. — с. Тахтаир
 Тоб. — г. Тобольск
 Ушак. — д. Ушакова
 Тюменский район
 Каменск. — с. Каменское
 Кулиг. — с. Кулига
 Молчан. — д. Молчацова
 Онох. — с. Онохино
 Уватский район
 Алымка — с. Алымка
 Кр. Яр. — с. Красный Яр
 Осип. — с. Осипчик
 Перш. — п. Першино
 Серг. — д. Сергеевка
 Трош. — д. Трошина
 Уват — с. Уват
 Ушар. — д. Ушарова
 Ханты-Мансийский район
 Горн. Слнпк. — п. Горно-Слнпкино
 Сотп. — д. Сотник
 X-Манс. — г. Ханты-Мансийск

- ⁸ Буцинский, П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889.
- ⁹ «Население уезда состоит из русских, татар, бухарцев, остяков, вогулов... вогулы обитают в волостях Меньшекондинской и Кондинской, а остяки в отдельных селениях волостей Самаровской, Демьянской, Юровской и Уватской. — Государственный архив Тюменской области. Ф. 417. Д. 519.
- ¹⁰ См.: Лопарев, Хр.М. Самарово (село Тобольской губернии и округа). Хрошика, воспоминания и материалы о его прошлом. СПб., 1896.
- ¹¹ См.: Захарова, К.Ф., Орлова, В.Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970.
- ¹² Под «переходными» мы разумеем слова, имеющие непоследовательные пометы в словарях литературного языка. Так, слово «пимы» не имеет территориальных помет в «Словаре русского языка» (в 4-х томах. М.: АН СССР, 1957); в словаре под ред. Ожегова слово «пимы» определяется как диалектное; в словаре под ред. Ушакова помета «обл.» (областное). Слово «голик» не имеет территориальных помет в выше названном академическом словаре, в словаре Ожегова помечено с пометой «разг.» (разговорное), в словаре Ушакова с пометой «обл.» и т.д.
- ¹³ Термин «интердиалект» введен чешскими учеными (Гавранек Б. О функциональном расслоении литературного языка. Пражский лингвистический кружок. М., 1967). В русской лингвистической литературе это понятие обозначается рядом терминов, разграничивающих разные аспекты: просторечие, койне, наддиалектные формы... В нашей работе — просторечие (корить, хаять, потчевать, ядренный, шибко и т.д.).

¹⁴ Здесь и далее см. сокращенные названия словарей:

КЯС — Краткий ярославский областной словарь / Г.Г. Мельниченко. Ярославль, 1961.

МАС — Словарь русского языка. М.: АН СССР, 1957.

СДР — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. Оссоветского. М.: Наука, 1969.

СФ — Словарь русских народных говоров / сост. Ф.П. Филин. М.; Л.: АН СССР, 1950–1954.

СУС — Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1971.

СД — Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. М., 1955.

СКК — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968.

¹⁵ Селищев, А.М. Диалектический очерк Сибири // Селищев, А.М. Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. С. 344.

¹⁶ По документам ГУТО ГА в г. Тобольске (Ф. 417. Д. 519. Л. 46) население (Тобольского) уезда состоит из русских, татар, бухарцев, остяков, вогулов, которое в данной местности полностью ассимилировалось с русскими.

¹⁷ Романова, М.А. Русские говоры Ханты-Мансийского района Тюменской области (консонантизм) // Говоры Урала и Западной Сибири. Н. Тагил, 1972. С. 28.

¹⁸ Ядринцев, Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1982. С. 94.

¹⁹ Во многих диалектах хантыйского и мансийского языков аффрикаты Ц и Ч отсутствуют (См.: Штейнц, В.К. Хантыйский (остяцкий) язык. С. 202. Чернецов, В.Н. Мансийский (вогульский) язык. С. 24 // Язык и письменность народов Севера. Л., 1937. Ч. 1); Животиков, П.К. Очерк грамматики хантыйского языка: среднеобский диалект. Ханты-Мансийск, 1942. С. 21.

²⁰ «В южном диалекте хантыйского языка (иртышском) известна мена Ч и Ш, С и Ц в одном и том же слове» (См.: Кастрен, А. Опыт перевода остяцкой грамматики с кратким словарем. Тобольск, 1902. С. 29).

К вопросу о формировании гидронимов Югры

Следы деятельности человека остаются не только в вещественном, материальном, но и в духовном: в названиях местностей, озер, рек.

Первым, кто занимался региональной топонимикой, считают М.А. Кастрена, который раскрывал топонимические этимологии с финно-угорских, самодийских, тунгусо-маньчжурских и тюркских языков.

Большинство югорских гидронимов образовалось из двух слов, одно из которых, чаще всего конечное, имеет значение «река», «вода». У манси, например, река обозначалась словом *я*. Так, левый приток реки Северная Сосьва *Волья* в переводе с мансийского языка «Плесовая река» (*воль* — «плес» + *я* — «река»).

Ворья — «Лесная река» (*вор* — «лес» + *я* — «река»).

Лопсия — «Река, заваленная лесом» (*лопси* — «лесной завал на реке» + *я* — «река»).

Толья — «Река из талой воды» (*тол* — «талый», «талое место» + *я* — «река»).

Яльынзья — «Святая река», (*яльынз* — «святой, священный» + *я* — «река»).

Евтынзья — «Луковая река» (*евт* — «лук» (оружие), *евтынз* — «луковый» + *я* — «река»). Очевидно, название дано по лукам-самострелам, которые манси ставили на мелкого и крупного зверя.

Щекурья — «Рыбная река» или «Река, в которой водится щекур» (*сукыр*, *сукр* — «щекур» (вид рыбы) (щукур, по «Материалам для областного словаря» А.М. Кошкаревой) + *я* — «река»). На мансийском языке эта река называется Сукырья, в трудах путешественников XIX века — Сукерья, Сукерья, Суккерья.

Курья — «Бывшая (большая) река» (*кур* — «бывшая» + *я* — «река»). Название, предположительно, произошло из нарицательного «курья», имеющего следующее значение: 1) Небольшой залив. Курья — отвод от большой реки; 2) Старое русло реки, широкое и глубокое. «Курья — залив реки; бывший залив реки или пролив, затем высохший». «Курья

— залив с отлогим берегом, имеющий стрелку, которая постепенно смы-
вается водой». «Курья — это залив»¹.

Манья — «Малая река» (*мань* — «малый» + *я* — «река»). Такое название имеет большое количество рек Западной Сибири. Наиболее известны левый приток реки Северная Сосьва и правый приток реки Ляпин.

Встречаются названия рек, которые отходят от указанной формулы образования. К таким, например, относятся гидронимы Ляпин, Сосьва, Обь и др.

Ляпин — по-мансийски эта река называется Сакв. Русские, наряду с названиями Ляпина и Ляпин, называли ее Сыгва. В «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера написано: «...оттуда на Сыгву, или Ляпину». Название реки возникло путем переноса по смежности. Ляпином назывался городок обских утров, который находился на этой реке и был взят русскими в 1499 году. По Г.Ф. Миллеру, городок Ляпин назывался «по-вогульски» Лопынг-ун, в более поздних записях Б. Мункачи — Лопынг-ус (мансийское *ус* — «город») или Ломпус. Русские вполне могли превратить Лопынг в Ляпин, может быть, не без влияния со стороны имени восводи Степана Ляпы, который в 1364 году «восваща по Обе реке до моря»².

Сосьва — левый приток реки Обь и Сосьва в Свердловской области. Оба названия рек до начала XX века писались без мягкого знака — Сосва. Поскольку окончание *-ва* («вода») характерно для гидронимов коми, то основу *сос* — «рукав» возможно также объяснить происхождением из коми языка, т.е. «Рукавная вода» или «Рукав — вода». Достаточно вспомнить русское выражение «рукав реки», чтобы допустить возможность такого переноса значения и в коми языке. Эти реки также одинаково называются и в языке манси: Тагт и Ось Тагт (дословно — «Узкая Сосьва» или «Узкий Тагт»). Манси не переводят название Тагт на русский язык, но напрашивается предположение, что перед нами архаическая форма мансийского слова со значением «рукав», которое звучит как *тайн*. Это кажется правдоподобным, так как в мансийском языке [z] произносится как слабый щелевой звук, чередующийся с [ʒ]. Очевидно, коми перевели мансийское название на свой язык, добавив традиционное *ва*, а затем передали это название русским. Впрочем, может

¹ Кошкарева, А.М. Материалы для областного словаря (Специальная лексика северных районов Тюменской области): в 4-х ч. Ч. 1. Лексика рыболовства. Нижневартовск: Изд-во НГПИ, 1993. С. 68.

² Миллер, Г.Ф. История Сибири. М., 1937. Т. 1; М., 1941. Т. 2.

быть, что формант *-ва* не добавлен, а переведен, так как манси иногда говорят не Тагт, а Тагтя, то есть «Река Тагт». По А.К. Матвееву, если мансийские слова Тагт и *тайт* не связаны друг с другом, то это означает, что коми перевели мансийское Тагт при помощи созвучного *тайт* — «рукав», а следовательно, это один из интереснейших случаев народной этимологии. Но следует также иметь в виду, что зауральские коми иногда объясняют гидроним Сосьва словом из коми языка *сис* — «печистый», «мутный», как «Мутная вода»³.

Много гипотез существует о происхождении названия реки Обь: от русского слова *обе* или *объять*, от иранского *аб*, *об* — «вода», от коми-зырянских слов *обаа* — «тетка», «бабушка» и *обаа* — «снежная вода». И.А. Воробьева в своей книге «Язык земли. О местных географических названиях Западной Сибири» утверждает, что нельзя объяснять происхождение названия Обь от русских слов, т.к. в Сибири нет сколько-нибудь значительных рек, названных русскими именами. Известно, что впервые русские упомянули Обь в Новгородской летописи в 1364 году, назвав ее Обдорой. В это время еще ничего не было известно об истоке реки (из двух рек — Бии и Катуги). В то же время гидроним Обь распространен только среди русских: живущие на ее берегах малые народы называют ее по-другому: ханты — Ас, тюрки — Умар, кеты — Ю, Чу.

Некоторые ученые связывают слово Обь с иранским *аб* — «вода», «река». Это не противоречит общему направлению в названиях рек, но тогда русские должны были узнать Обь в ее верхнем течении, где в названиях рек встречается иранское *аб*. Судя же по летописи, впервые с этой рекой познакомились новгородцы, ходящие в Югру, а это значит, что они встретились с Обью в ее нижнем течении. Проводниками новгородцев были коми, поэтому можно предположить, что и название Оби новгородцы услышали от коми. В этом особенно убеждает связь слова Обь со словом *дор*, которое в языке коми означает «местность».

Относительно происхождения данного гидронима от слова *об*, едва ли можно думать, что такую большую реку коми называли словом *обаа* — «тетка, бабушка». М. Фасмер утверждает, что «происхождение из коми... невероятно, потому что территория коми-зырянского языка лежит далеко на западе»⁴.

³ Матвеев, А.К. Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь. Свердловск, 1987. С. 158.

⁴ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 2003. Т. 3. С. 112.

На наш взгляд, правы те, кто связывает топоним Обь с *обва* в значении «снежная вода». Эта этимология согласуется и с географическими особенностями реки, особенно в ее нижнем течении.

Но эта река имела и другое название у жителей Среднего Приобья — *Ас*, что приблизительно переводится как «большая вода». И сейчас есть слова, происходящие от этого названия. Так, известная протока Баграс, на берегу которой забил первый фонтан нижевартовской нефти, правильно должна называться *Погорас*, что в переводе на русский язык означает «Старый Ас» (в хантыйском языке слово *погор* означает «старик, старый»).

Река *Вах*, пойма которой целиком входит в Нижневартовский район, по-хантыйски будет Ваг. Почти однозвучное этому слову в хантыйском языке есть слово *ваг*, что означает «деньги», «металл». Можно предположить, что название реки произошло от слова «деньги», поскольку обменивать пушнину на деньги ханты могли только на берегу этой реки, у Ларьяка, где ежегодно проходила ярмарка.

Название реки *Мега* происходит от хантыйского «река, делающая крупный поворот и огибающая место, землю, образуя мыс».

Названия многих протоков, еганов (речек), озер при произношении в русской транскрипции претерпели такие искажения, что сейчас достаточно трудно, а иногда просто невозможно найти истинное звучание топонима. Так, до сих пор нет правильного объяснения известного всему миру озера *Самотлор*. На хантыйском языке сложные слова произносятся и пишутся без соединительной гласной, поэтому правильно произносить следовало бы *Самлор*, а еще правильнее — *Самлар*, так как в хантыйском словаре нет слова *лор*, а есть слово *лар*, то есть *сор* (низкое, затопляемое во время паводка место)⁵.

Некоторые считают, что озеро надо называть *Самлар*. В хантыйском языке есть слова *са* (сердце) и *сэ* (чешуя). Если взять эти два варианта названия озера, то первое в переводе на русский будет называться «Сердце сора», а второе — «Чешуйчатый сор». До прихода нефтяников, вернее геологов, местные жители всегда называли озеро *Самлар* (разговорное — *Самотлар*).

Большинство рассмотренных гидронимов относятся, в соответствии с классификацией А.В. Суперапской, к топонимам-описаниям⁶. Признаки поминания могут быть мотивированными и немотивированными, кос-

⁵ Ситников, П. Чтобы не исчезло из памяти // Югра. 1993. № 1. С. 56.

⁶ Суперапская, А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1984.

венными. В основу мотивированных наименований положены, как правило, или свойства самого предмета, или свойства другой реальности, с которой сопоставляется именуемый предмет. Мотивированные наименования характеризуют свойства именуемых реалий и несут наибольшую информацию о предмете.

Западная Сибирь приняла на своей территории большое количество самых разнообразных народов, что отразилось на ее топонимии, по преобладают названия из языков ханты и манси. Также встречаются названия, установить этническую принадлежность которых пока затруднительно. Этот самый древний слой географических названий относят к палеосибирскому или даже палеоазиатскому слою.

Д. Митрофанова

Особенности диалектной и заимствованной лексики в хантыйском языке

Язык — уникальная ценность и неотъемлемый признак нации. Каждый народ имеет право на сохранение и развитие своей культуры, традиций и языка, в частности народ ханты, численность которого, согласно переписи 2002 года, составляет 26694 чел., а число владеющих родным языком — 13568.

Хантыйский язык — язык аборигенов севера Западной Сибири, живущих по бассейнам притоков Оби и Иртыша и по самой Оби в ее среднем и нижнем течении.

Язык ханты относится к угорской группе финно-угорских языков. Он имеет много диалектов, которые подразделяются на южные, северные и восточные. По новейшей классификации (Хонти, 1995) к восточным диалектам относятся ваховский, васюганский, верхнеказымский, вартовский, трюмьеганский, юганский, нимекский и говоры: ликрисовский, аганский и малоюганский. Салымский диалект считают переходным между восточными и южными. Южные диалекты — верхнедемьянский, нижнедемьянский, кондинский, красноярский, цингалинский; коупинский и атлымский говоры являются переходными к северным.

Северные диалекты — среднеобский (имеет признаки южнохантыйского) с низямским и шеркальским говорами, казымский, березовский с вариантами шурьшкареким и сынским, говор пос. Мужик; самый северный — приуральский (он распространен близ Салехарда).

Первые хантыйские слова (в основном личные имена, названия и некоторые термины) фиксируются в русских летописях и грамотах XVI—XVII вв. В XVIII веке были составлены словники по отдельным диалектам. В конце XIX века священник И. Егоров издал первый букварь. В 1920-х гг. появился рукописный букварь Н. Афанасьева, а в 1930 г. — букварь П.Е. Хатапсева, отпечатанный в типографии. В 20—30-х гг. XX

века начинается издание учебников, переводной литературы. Ввиду резко выраженной диалектной раздробленности письменность была создана для четырех диалектов, наиболее многочисленных, — ваховского, сургутского, казымского и шурьшкарского. С 1930 по 1937 г. использовался латинский алфавит, затем русский. Однако в настоящее время роль родного языка для ханты постепенно теряет свое значение. По переписи 1989 года, хантыйский язык считало родным 60,8% представителей народа¹.

Несмотря на это, этот язык представляет огромный интерес для ученых-лингвистов ввиду своей необычайной диалектальной раздробленности².

В продолжение XX в. многие диалекты (например, прииртышские) в основном уже исчезли. О количестве диалектов хантыйского языка споры не прекращаются до сих пор.

К восточной группе хантыйских диалектов (каптыкским) относится ваховско-васюганский диалект наряду с сургутским и салымским. В свою очередь ваховско-васюганский диалект распадается на ваховский и васюганский говоры. Ученые (Н.И. Терепкин, В.И. Сподина, составители хантыйско-русского словаря) установили несомненные различия между этими говорами, в связи с чем их нередко считают самостоятельными диалектами.

Одним из таких различий является употребление в определенных позициях *l* в ваховском диалекте и *j* в васюганском, например; лог-ех (круг), явят (или) «семь» — ярк (или) «ерп», лул (или йул) «рот» и т.д. В салымском же диалекте на месте *l* звучит *t*: «семь» — «рот» — тут. Различия заключены в фонетической структуре слов.

Различия также видны при лексико-семантическом анализе некоторых слов, употребляемых жителями разных местностей, т.е. носителями разных диалектов. Например, слово БЛЕСНА, обозначающее модель рыбки, прикрепленной на леску вместо наживки при ужении рыбы, произносится так: жителями п. Первомайский Вагайского района — БЛЕСКА, с. Алымка Уватского района — БЛЕСКА, д. Будоллина Тобольского

¹ Малая энциклопедия народов Тюменской области: краткий словарь-справочник. Тюмень, 2005. С. 277.

² Вольфганг Штейниц — финно-угровед, исследователь хантыйского языка. К 100-летию со дня рождения. Ханты-Мансийск, 2005; Кошкарева, А.М. Лексика ямского промысла северных районов Тюменской области // Западная Сибирь: история и современность: Красаведческие записки. Тюмень, 2003. Вып. V. С. 238–250; Она же. Сибиризмы в говорах северных районов Тюменской области // Там же. 2004. Вып. VI. С. 290–302.

района — БЛЕСТНЯ. Первое же произношение, БЛЕСНА, характерно для населения Сургутского, Армизонского, Ханты-Мансийского районов.

ВЕНТЕЛЬ — это рыболовная снасть типа фитиля уменьшенных размеров в произношении жителей Ишима, а на севере Тюменской области говорят ВЕНТЕРЬ — рыболовная снасть, плетеная особым способом из ивы, сетчатый кошель на обручах с крыльями.

РЯЖ — редкая сеть с очень крупной ячейей. Так говорят жители д. Корикова Тобольского района, а в д. Быково Вагайского района — РЯЖАК, в Ишиме и Нижней Тавде — РЯЖОВКА.

Носители ваховского диалекта годовалого медведя называют «чычым».

Из приведенных примеров видно, что география употребления данных слов очень обширна. Они обозначают один и тот же предмет, различие состоит в морфемной структуре. В последнее время особое внимание уделяется исследованиям межъязыковых контактов, культурных традиций и национальных стереотипов, нашедших свое отражение в языке. Объектами исследования служат семантика слова, фразеологизмы, фольклор. Изучение региональной лексики открывает перспективы исследования особенностей языков народов, населяющих общую территорию.

Формы воздействия друг на друга этнических сообществ севера Западной Сибири лучше всего отражаются во взаимных изменениях в языках этих народов. Как недавно заметила Э.М. Ряская, «исследователи конца XIX и первой трети XX века указывают на использование ряда русских слов, связанное с появлением в промысловой деятельности аборигенов новых видов орудия или способов добычи, заимствованных у русских: «пистончат», «дробь», «пушкан», «самолов», «мерка», «сито», «капкан»³. По наблюдениям А. Алквиста, отмечены слова, относящиеся к названиям одежды и обуви разной эпохи, также русского происхождения: кафтан (накидка), сапоки (сапоги), пальто (женское пальто), пурка (бурка). Другой пример межэтнических отношений — взаимные заимствования. Места, на которых ведется добыча рыбы, имели два названия: «песок» и «сор». Первое пришло из русского языка и обозначало, что ловля ведется на песчаных берегах. Слово «сор» — хантыйского происхождения, служит для обозначения мелкой, богатой травой бухты⁴.

³ Ряская, Э.М. Подходы и перспективы языковых регионализмов//Мира не узнаешь, не зная края своего: материалы IX краеведческих чтений 28 апреля 2005 г. Нижневартовск, 2005. С. 107.

⁴ Алквист, А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки/пер. с нем. Н.В. Лукиной. Томск, 1999. С. 95.

В процессе заимствования некоторых навыков быта и появления новых традиций в новых социальных условиях появились такие слова, как пирок / пийрок (пирог), ярмынька (ярмарка), саккар (сахар), сул (соль), курпка (кружка), шайпут (чайник), леккар / тохтар (врач, доктор).

«В свою очередь, — отмечает профессор Э.М. Рянская, — в русский язык давно вошли и воспринимаются исконными такие названия, как морошка (от остяцкого морох), мукеун (название рыбы) и т.д. Из хантыйского, на взгляд ряда ученых, пришло название Сибири (Сабирь), отсюда и встречающееся иногда название русских — «сабирку», т.е. сибирский человек»⁵. Заимствованные слова появились в хантыйском и из других языков. Вот примеры; *вадига* — глубокое тихое место реки (из коми-зырянского), *едама* — небольшая гора, возвышенность (из фин. — дальняя земля), *лайда* — стоячее озеро (из фин. — край берега), *лыва* — лужа (карел. — тина, грязь), *лыша* — ил, илистое дно, низкое сырое место (коми-зыряп. «пальа» — ил, грязь), *тултицй* — топор-колуп (якут. — старинный топор), *торбаса* — меховые сапоги из шкуры оленых ног (в якут. — всякая обувь), *угах* — место около печки, где хранится кухонная утварь (в якут. — кладовка внутри юрты или в левой половине дома).

Интересно происхождение слова «шаман». Первые сведения о финно-уграх Западной Сибири появились в XVII веке. Термин «шаман» проник в международную научную лексику из письменных сообщений русских казаков, служивших в Сибири. Они заимствовали это слово в XVII веке у тунгусов, где оно звучало «саман», что значит «исступленный», восторженный. У тюрков такой человек назывался «кам», поэтому шаманское действие получило название «камлание».

Примечательной особенностью хантыйского языка является лексика цветообозначения. «Если в русском языке можно выделить обозначения ягод по цвету (голубника, черника) и обратные наименования (малиновый цвет), то в хантыйском языке обозначение цвета чаще связано с оттенками реальных объектов: «илый» от слова брусника, «красный» — от слова кровь, «светло-зеленый» — «цвета свежего сена», «темно-голубой» — «спинка белка», «светло-желтый» — «цвет глины» и т.д.»⁶.

⁵ Рянская, Э.М. Цит. изд. С. 108. Интересная точка зрения на происхождение слова «Сибирь» представлена Н.Н. Зинченко (См.: Зинченко, Н.Н. Этнографическое наследие С.К. Натканова и происхождение слова «Сибирь» // Тезисы докладов и сообщений V региональной научно-практической краеведческой конференции «Русские в Сибири». Нижневартовск, 2003. С. 72–76).

⁶ Рянская, Э.М. Цит. изд. С. 110.

Ссылаясь на данные В.Н. Соловар, нижевартовская исследовательница пишет: «Тесная связь мира человека с окружающей средой просматривается во флористической лексике». В основе хантыйских названий растений лежат такие признаки, как цвет, место произрастания, характер поверхности, способ применения, названия животных и птиц, которые питаются растением. Эти признаки придают флористической лексике яркую образность: черника ассоциируется с цветом золы, рожь буквально означает «*черной хлебной муки трава*», клюква — «*ягода кочки*», голубика означает буквально «*голубая ягода*» или, в другом диалекте, «*ягода гагары*», подорожник — «*трава двора деревни*», малина — «*чайное дерево*», т.е. для чаепития⁷.

В настоящее время формируются образные представления детей (особенно аборигенов) о произведениях декоративно-прикладного искусства обских угров. В процессе изучения, например, женского национального костюма и его орнаментации большое внимание уделяется активизации словаря специальной терминологией. Так, в книге В.Т. Кудрявцева и Р.Г. Решетниковой «Ребенок и декоративно-прикладное искусство обских угров» сказано: «В речь детей постепенно вводились слова и словосочетания, обозначающие названия деталей костюма, головных уборов, украшений, на хантыйском и мансийском языках, в зависимости от рассматриваемой этнической принадлежности изделия: «*ернас*» — рубаха, платье, «*щижкаисас*» — халат, «*саталак*» — воротник, «*лытов*» — рукав. Дети отмечают характерное своеобразие обско-угорской пародной игрушки, видят те выразительные средства, с помощью которых мастер передает характер образа человека, животного»⁸. Дети свободно определяют, из какого региона данная кукла. Например, у куклы «*акань*» — разноцветные полоски на голове, а у куклы «*пакы*» халат одет по талии.

В произведениях устного народного творчества мы также обнаружили точки соприкосновения русского и хантыйского языков. Русская поговорка «Не потопасешь — не полопасишь» в языке народов Севера звучит так: «Не пойдешь — не пожуешь».

Сюжет русской пародной сказки «Машенька и медведь» тесно переплетается с сюжетом хантыйской сказки «*Шуши-нэ*», в которых живот-

⁷ Ряская, Э.М. Цит. изд. С. 111.

⁸ Кудрявцев, В.Т., Решетникова, Р.Г. Ребенок и декоративно-прикладное искусство обских угров. М., 2003. С. 153.

ные помогают людям. Сходство в поведении героев, в композиционном строении наблюдается и в сказках «Морозко» и «Ленивая дочь», осуждающих леность героев.

Очень похожи и загадки, например, загадки о веретене. В русском фольклоре «Чем больше я верчусь, тем толще становлюсь», в хантыйском — «Кукла с быстрыми ногами, с ловкими руками, идет то в передний угол, то к дверям».

В произведениях устного народного творчества и русского, и хантыйского народов раскрывается история, быт их представителей. Но в целом в каждом из них ставятся важные нравственные проблемы: о необходимости трудиться, уважать старших, беречь природу. Все это свидетельствует о взаимном обогащении русского и хантыйского языков.

Итак, этнический состав Тюменской области многообразен, ведь в давние времена здесь последовательно сменяли и вытесняли друг друга многие племена и племенные союзы скотоводов и земледельцев.

Предками современных венгров, ханты и манси (носителей угорских языков) являются древние угры. На культуру, язык, обычаи жителей тюменского Зауралья оказали влияние русские, татары, чувашки, казахи, а также русские казаки (в XVI–XVIII вв.).

Каждая группа переселенцев очень быстро усваивала наиболее значимые элементы материальной и духовной культуры, в свою очередь внося определенные изменения в быт и нравы местного этноса. Так появились заимствованные слова в хантыйском языке, при этом сохранилась и диалектная лексика.

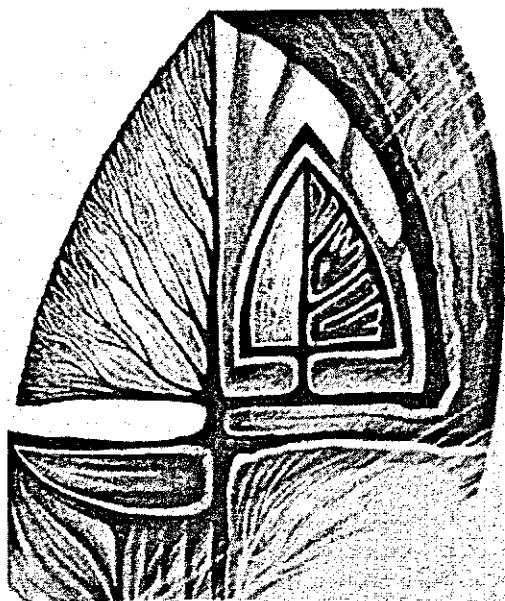
Несмотря на то, что в настоящее время хантыйский язык (см. Приложение) находится под угрозой исчезновения, проблема изучения его является очень актуальной, т.к. изучение языка — это восстановление всех сторон быта народов Севера, их истории. Как отмечает А.Г. Хуршудов в статье «Трудные пути развития коренных народов Севера», «Сохранение малых этносов необходимо, в первую очередь, для того, чтобы не утратить навеки самобытные черты этих народов: язык, культуру, промысловые навыки и, наконец, физиологические и психологические особенности»⁹.

⁹ Хуршудов, А.Г. Трудные пути развития коренных народов Севера. Нижневартовск, 2000.

Приложение

Язык	Число владеющих (согласно Всероссийской переписи населения 2002 г.)	Степень угрозы исчезновения	Территория распространения
Угорские языки			
Хантыйский	13568	Под угрозой	Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО; Томская обл.
Мансийский	2746	Под серьезной угрозой	Ханты-Мансийский АО; Свердловская обл.
Венгерский	14500000	Вне опасности	Венгрия, Румыния, Словакия, Австрия, Украина, Хорватия

**ЛИТЕРАТУРНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ**

Н. П. Смирнов

Анемия

Страницы из новой документальной книги

Теперь я понимаю пропню отца, то, как бросал по адресу намеренно деловых напешских дамочек на каблуках-«копытцах», горделиво поспешавших в райцентр, либо стужак с внушительными портфелями для бумаг и всякого рода далеких от реальности уполномоченных толкачей: «Ангилго... Уп-правители...». Находил в критицизме окружающего способ протеста и самозащиты от абсурдов жизни, кстати, длящихся по сей день.

Он осваивал дерновину в лесах еще с первыми столыпинскими самоходами, потом и кровью добывал благополучие семье и доброе имя своему хлебоделному роду, терпеливо нес бремя беспаспортного, бесправного существования: мол, терпение и труд все перемелют, будет праздник. Ничего не обретая взамен за каторгу, еще отдавал непосильные налоги за подворье, вбивавшее усилий не меньше, чем колхоз. Что-то продавал, что-то перекупал, одним словом, выворачивался наизнапку, но усердием все же гордился. И когда наработывал пустых трудодней-«палочек» больше других, удовлетворенно резюмировал: «Знай наших! Смирновская фамилия нигде не пропадет».

Может, именно это общее свойство моих земляков и спасало до поры от полного краха, сохраняло надежду на лучшее, а из новейших подростков в это же самое время бестолково-упрямо питамповали «ангилго» и «уп-правителей», не оставляя замены уходящим.

В 1960-м, помнится, по области безудержно славили в «районке» классного руководителя, спровадившего весь свой выпускной десятый из Викулово на Братскую ГЭС вместо прилежащих колхозов, где пустовали дворы. И не в сельхозартель имени Чапаева с председателем 25-тысячником из индустриально-литейного Челябинска, рабочим-металлистом Николаем Токаревым, реальным воплощением шолоховского Давыдова. Своих юных — на престижные стройки, подальше от родных мест, сельхозпроизводством пусть руководят рабочие-металлисты. ГЭС — это

все, местная пространственность — ничто, так вытекало из славословий Людмилы Яворской. Посланцы Викулово вскоре разбежались с громкой стройки, сумрачные, растерянные, сбитые с толку радателями подвигов.

Людмила Яворская в Викулово была залетной птахой, вскоре упорхнула с дружкой в Заполярье, на газовый Ямал, за крутыми рублями, но и там, по слухам, не задержалась, гутарят, будто с другом Брониславом Ташкевичем осела в Одессе, совершенно забыв про питомцев, ею мастерски перебаламученных. Она себе нашла где благодатней. Влолье. Подобных ей, необязательных вдохновителей, в ту пору развернутого строительства коммунизма развелось несть числа, люмпенов души и тела, перебивающихся одним днем, без памяти и родства. Само государство потакало: наш адрес — Советский Союз, а не дом и не улица.

В семидесятые, нефтяного сибирского бума годы на семинаре очеркистов в подмосковном Доме творчества писателей «Переделкино» известный документалист настойчиво убеждал собравшихся со всей необъятной страны во временности неперспективных деревень. Зачем, мол, хутора и отруба, подавай кирпичные многоэтажки и коттеджи, доведем укрупнение сел до поселков городского коммунистического типа и добьемся повсюду победы новейшего труда. Нес утопию-несусветицу.

Стольлишцы-первопоселелцы вполне обходились и без городского сервиса, лемех торовато направляли по дерновине, набивали закрома провизией с приглядкой на будущую посевию, являли образец правильной экономики. Ленинцев-сталинцев не спасли ни теплые нужники, ни прочные коттеджи с мансардами, да и где на всех наберешься, начерпашь, если сами хозяйства сдыхают. И тут есть над чем поразмыслить, что проанализировать и какие сделать выводы о безголовости и упрямейшей тупости, царствующей поныне, да так, что сами тепленькими отдаемся всяким проханже-печенегам забугорным, не поднявши навстречу меча и щита.

Теперь трудно сказать, с кого повелось уничтожение самого понятия «деревня». Помню, во времена нефтяного бума первый секретарь обкома Б. Щербина объявил, что основные вложения будут делаться в нефть и газ, в разработку месторождений. Тогда-то и погасили сельские производства Среднего Приобья, где собирали приличные урожаи зерновых и овощей, изготавливали приличную мясо-молочную продукцию, привесы молодняка не только для внутренних нужд имели, но отправляли по зимникам обозами в Томск и совсем неблизкий Омск. Ничего этого не стало.

В перестройку никчемную не стало сельскохозяйственного производства и на юге Тюменской области. Расправились. Теперь многое съестное

везут из-за тридцати земель, удорожая транспортными расходами и поборами мафии, теряя в дальнем пути на качестве продукции.

С давности предпочитаем быть слабее других. Заглянем, кетати, в историю. Фельдмаршал Барклай-де-Толли. Ему-то бы чего, фельдмаршалу, до сохи и борон, до того, что: «Нужна совершенная свобода действий в своем хозяйстве, где земледелец не подвержен никаким стеснениям в распоряжении временем как для сельскохозяйственных работ, так и для занятий и дозволенных промыслов, где повинности, на него возложенные, не превышают сил и способностей его и где, наконец, есть полная уверенность, что оседлость и приобретенное трудом имущество останется непременно потомственным наследством не в ином, а его роду, и никакое самовластье не может лишить поселянина этих прав».

Большевистское — лишило! Перестроечное — доуничтожило! Бурьяны на хлебных пивах.

Искинцы в коллективизацию входили с доверием-иллюзией: раз надо, значит, готовы. Телеграмма-резолюция деревенского схода 25 декабря 1919 года, в областном краеведческом музее мною обнаруженная, свидетельствует:

«Мы, граждане деревни Иска Велижанской волости Тюменского уезда, выражаем полное доверие Советской власти, приветствуем доблестную Красную армию в лице с ее руководителями и выражаем также полное доверие и общую поддержку как освободительнице от узурпаторских и грабительских банд Колчака». Явно, что с голоса горлодеровактивистов накуролесили, себе же в убыток. В счет будущей анемии.

Колхозов в Иске вначале образовалось два: кокушанский и заручейский «Искра революции», посреди деревни разграниченные земляным мостом. В заручейском председательствовал небольшого роста торопкий Степан Яковлевич Сивоусый. На тугих нестриженных вихрах едва держалась засаленная от частого употребления кепка, на ногах тяготели заскорузлые, спосившиеся сапожата из яловой кожи. В них ипогда и спал, оглохший от митингов и собраний, измаянный суетой и бестолковницей разнородных эмоций, громких посулов, низвержений и всевозможных споминутностей.

Должно быть, наощупку вколупывался в коллективизацию, безропотно и безоглядно отдавал всего себя на заклятие «обществу» — и скончался в плетеном ходке-таратайке на проселке между Салтановым логом и Белой от сердечной недостаточности. Последним его желанием было выпастись вдоволь. Умирал, он думал, что засыпает, а умирал навсегда.

оставляя жену Татьяну, совсем нестарую, с тремя детьми. Сердце замедлилось, и перехватило дыхание. Напрасно тужился разорвать скотгвинный его обруч. Понял, что это конец, что колхоз без него, пожалуй, не пропадет, а ему следует напоследок хорошо выспаться и потом тихо отойти в иной мир, на Велижанский погост возле церкви, с которой осенью 23-го вместе с другими охотниками сбрасывал он колокола, приспособив храм под клуб. «Бог наказал! Скопунствовал, вот и отхожу к Всевышнему на суд заоблачный», — озарило вдруг душу вспышкой.

Большинство заручейцев поддались искушению МТС и техники, государственного уклада. Не поддались из заручейских в основном женщины. На машинно-тракторной станции — работа с длительными сезонными езками по району, да и не всякой приглядно железо с мазутом, хотя, конечно, находились энтузиастки и на промасленные спецдки комбипезонного типа. Ефросинья Шансикина, например, слесарила, токарила, сверлила, затачивала, вальцевала, фрезеровала, занималась ремонтом круглый год. А жила с дочерью Катей незаметно, как и многие, как тот же Степан Яковлев, угасала в трудах праведных, малоденежных, убежденная, что прожила именно так, по совести, как следовало одиножды прожить.

После Степана Яковлева председателей, уже на укрупненную общедеревенскую «Искру революции», завозили со стороны, будто своих смекалистых не имелось. Таких привозили, чтоб послушные были указаниям, непременно «партийные». Их представляли на общем собрании уполномоченные из района и всячески поуждали считать своими, голосовать и переголосовывать «за». Уполномоченные же занимались раскулачиванием и высылкой в тмутаракань наиболее крепких, зажиточных мужиков с домохадцами, при полной экспроприации собственности. Сошлили со всем семейством в Хлибины добывать минерал апатит Прокопия Микова. У него была своя молотилка, в страду нанимал работников, значит, эксплуататор, вредный элемент. В просторном доме поселили сельсовет, ограду порушили на дрова, будто в насмешку оставив одни голые ворота. Так по всей деревне. Так и в соседних Велижанах.

Основательно оциланный крестьянский слой свели сначала в коммуны, от которой вскоре ничего не осталось, кроме ироничных припевок. В перестройку не стало и колхозов.

В войну «Искрой революции» верховодил благообразный, как Иисус, чахоточный Иван Иванович Респетников, компанейский, доступный. Держался на равных с колхозниками. По случаю бывал у нас в пятистенке на берегу. Однажды по его просьбе я спел затверженное с патефона о

геройском Николае Щорсе: «...голова обвязана, кровь на рукаве, след кровавый стелется по сырой траве».

Расчувствовавшийся Иван Иванович подарил мне перочинный ножик с блестящими лезвиями. В порыве благодарности, не менее расчувствовавшийся, я впритопку с частушечным «Сергий-поп, Сергий-поп! Сергий за уши нас сгреб, уши Сергий нам надрал и проклясть обещал» сбавал.

В действительности колхозом управляла властная своенравная супруга Ивана Ивановича Васса Николаевна, обожавшая почитание и дары. Однажды ей принесли свежайший пчелиный мед в большом эмалированном блюде. Надменно-взыскующе испробовав, она отмахнулась: «Разве это мед?!». Ей через некоторое время принесли тот же самый мед, в том же самом блюде, она с удовлетворением резюмировала: «Вот это мед!»

Успокоившегося на кладбище за приспособленной под клуб церковью на бугрине сменил страдающий астмой Ноговицын. За ним последовали ну просто гоголевские персонажи, один другого круче. Вырожденцы, да и только. Некий во цвете лет собрал дань с колхоза сырым и вареным и благополучно отбыл в теплые края, загодя отгрохав у моря особняк с верандами и пристройками. Другой допился до того, что во хмелю зарезал лучшего заведующего производственным участком. Тот с трибуны пожурил председателя за огрехи, и возмездие последовало. Ничего иного молодец-удалец не нашел в ответ на критику, кроме ножа. Совершил убийство.

Третий попался с поличным в момент передачи ему кругленькой суммы шабашниками-южанами. Взяткодатели, что-то созидющие в колхозе, сами же и навели милицию, возмущенные аппетитом берущего.

Подобно предшественникам, очередной персонаж был со стороны, бог весть откуда. В первую встречу он вызвал у меня расположение — чернявый, ладный, радостельный, в Сибири почти половину жизни, с конца шестидесятых. Председателем с 1983-го. Перед «коронацией», по его собственному уведомлению, власти благосклонно обещали поддержку: не дадут-де пропасть. Они и не дали. Всплыл снова после отсидки за растрату во времена перестройки.

Самое безотрадное — равнодушие самих селян к агротехнике, товарности молока и мяса, урожаям зерна и овощей, самой земле. Гори все синим пламенем! Но находились все-таки строптивцы, вызывали прицельный огонь на себя.

Одно время всюду бил тревогу главный агроном. Его уволили. Суд после долгих мытарств восстановил на том основании, что решение пред-

седатель принял единолично, без общего собрания колхозников. Справедливость временно восторжествовала.

Относительное исключение в веренице временщиков-дилетантов составил Андрей Агапович Багуркин. Впервые он принял артель после войны, к тому времени в хозяйстве имелось четыре каурки, восемнадцать отопчальных быков да заовсюженные пашни: Намолоты упали до четырех центнеров с гектара. Колхозники нищие.

Для взбодрения Андрей Агапович выдал на трудодни зерна и по пять рублей «живыми» деньгами. Его зауважали, стали именовать просто Агаповичем. Чуть-чуть воспрянули. Собирали с гектара уже шестнадцать-восемнадцать центнеров, технику у МТС выкупили без государственных займов, отказались и от ремонтов извне, завели свои мастерские. Механизаторству обучали непосредственно в колхозе.

Дело подпортило присоединение к «Пути к коммунизму» соседней «Родины» с центром в Тандашке. В стороне от большака некогда состоятельная артель «поникла гордой головой», ставшая теперь всего-навсего бригадой-участком, в просторечии обобщенно-безлично — «той зоной». Подразумевалось: дальней, в двенадцати верстах от Иски, приписанной тандашской территории.

Именно в Тандашке когда-то осели родители матери — Василий и Федосья Бариповы. Кроме хлебопашества занимались голчарным и ткацким ремеслами, плетением корзин, тачанием обуви и кройкой одежды из льна. Сами себя обеспечивали всем необходимым, и таких домовитых было много. Видно было и по расписным ставням, многооконным, на добротных фундаментах избам. Советское бестолковое обессочило Тандашку, жители разбежались кто куда, повымерли. Молодежь не спешила закрепиться здесь. Деревня захирела. Не хотели «кулаков», обрели запустение. Надежд на возрождение никаких, и по принципу большевистского «громадя» «ту зону» ассимилировали.

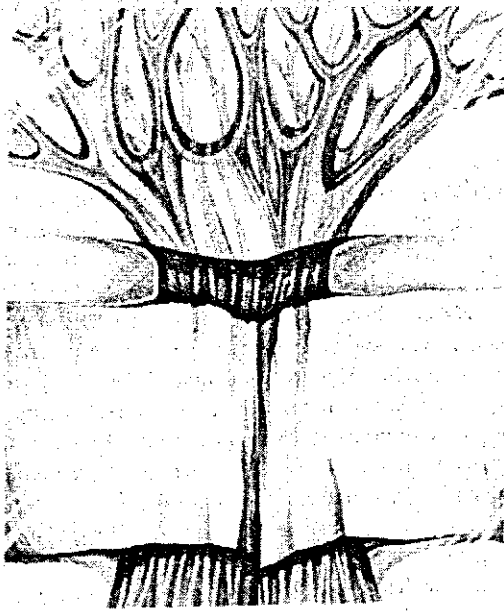
Напрасные потуги. Умиравшего глюкозой не спасешь. А пытались спасти. «Путь к коммунизму» погасил кое-какие долги «Родины», засеял пахотные земли сортовыми семенами. Багуркин сам постоянно мотался туда, но что он мог при всеобщей апемии. Он уже разуверился, надломился. Самая яркая индивидуальность пасовала перед системой. Не простила система щедрот колхозникам по итогам года, замела сусеки под метелку (ах, богатесть!), и вот тогда-то Андрей Агапович синк, запил втихую. Он понял, что не позволят личной зажиточности, не воздадут должное за труды. Из председателей уйдет в замы, с

помощью брата-фронтовика переберется в Тюмень и вскоре умрет от инфаркта.

... В середине восьмидесятых разыскал Андрея Агаповича в областном центре, ему в ту пору перевалило за семьдесят, он окончательно отдалился от деревни, но живо интересовался делами колхоза, готового перелицеваться в кооператив — пригородное подсобное хозяйство. Остро реагировал на издержки руководителей-временщиков, поддержал уволенного главного агронома, помог восстановиться на работе и вернуть себе доброе имя.

Часто вспоминал отчетно-выборное собрание, на котором чувствительно отоварил трудовень, вызвав гнев, в первую очередь, главного бухгалтера, наострившегося ставить в графе «оплата» прочерк и козырять рентабельностью за счет людей. Лишь бы отчитаться. Сам он был на окладе и не зависел от привесов, надоев и урожайности. «Эконома» Багуркин выдворил на пенсию, но систему разрулить не смог, предпочла издыхать сама. Аренда и бригадный подряд отдельных звеньев, запоздалая денежная оплата не спасли, требовалась пермена курса, которая заключалась в том, чтобы позволить достойно жить производителям материальных благ. В этом смысл любой деятельности. Этим не озадачивались, не озадачиваются и сейчас, разнополярность состоятельности устрашающая, и финал очевиден: крушение ельцино-чубайсовских намерений. Это произойдет. Есть факт, будут и последствия.

БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО

Л.А. Шаймарданова

**Дневник молодого специалиста
(Нижневартовская библиотечная система в начале 80-х годов)**

Публицистическое эссе

«...за туманом и за запахом тайги».

В 1982 г. я окончила Московский государственный институт культуры и стала счастливым обладателем свободного распределения — мечты студентов советского времени. У меня не было обязательств отработать три года на определенном вузовском месте, а была свобода выбора. Из Красноярска, Нижневартовска, Норильска, Якутска и о. Диксон, откуда пришел на мои запросы вызов, я выбрала Нижневартовск. Вроде место вполне подходящее для романтиков и в то же время не столь отдаленное от родных краев, всего каких-то четыре часа лета. Мне представлялось «белое безмолвие», обветренные лица, суровый быт — почти все как по Дж. Лондону.

Но город с повсюду строящимися московскими шестнадцатиэтажками напоминал мне крайнюю точку Москвы, да и жители его внешне немногим отличались от столичных. Единственное, что меня поразило, это их необычайное гостеприимство, радушие и приветливость. Именно так меня и встретили в Центральной городской библиотеке г. Нижневартовска ее директор Тамара Александровна Тихопова и методист Людмила Ивановна Климова.

На фоне виденных мною центральных библиотек эта показалась мне очень маленькой, скромно обустроенной, но зато чувствовался в ней какой-то свой особенный ритм и веселый нрав. Может, потому, что коллектив ее был исключительно молодежный. А может, из-за постоянно прибывающих сюда посылок с книгами. Они летели на Самолтор — комсомольскую ударную стройку — со всей страны. И в отделе комплектования и обработки стоял вечный аврал. Посылки там распаковывались почти каждую неделю, и все сотрудники библиотеки сбегались посмотреть, что пришло новенького.

Для меня события в этой библиотеке развивались так же стремительно. Уже через месяц получила должность заведующей детским отделом Центральной городской библиотеки с одновременным выполнением обязанностей заместителя директора по работе с детьми. Одной из моих функций было оказание методической помощи библиотекам ЦБС, обслуживающим детей, открытие новых детских библиотек.

Связанные одной целью

Нижневартовская ЦБС тогда представляла собой систему, объединяющую библиотеки города и района, обслуживающие взрослое и детское население. В архивных документах я нашла решение исполкома Ханты-Мансийского окружного Совета депутатов трудящихся во исполнение постановления ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» создать с 1 января 1978 г. смешанную централизованную библиотечную систему Нижневартовска и Нижневартовского района.

Одним из пунктов этого решения было ходатайство перед Министерством культуры РСФСР о первоочередном обеспечении ЦБС библиобусом, ротатором и счетной машинкой. На момент моего появления в Нижневартовске все эти жизненно важные предметы уже имелись в наличии и очень активно эксплуатировались.

Библиотечный «уазик», постоянно подпрыгивая на ухабах, колесил по территории, включающей город и поселки, до которых можно было доехать, — это Лангелас, Покачи, Мегюн и Радужный. В его маршрутном листе были не только библиотеки, но и нефтяные месторождения, вахтовые поселки, куда время от времени высаживался библиотечный десант для обслуживания книгами по бригадному абонементу и для проведения мероприятий.

То, что называлось в ходатайстве ротатором, совершенно меня потрясло. Этот механизм для распечатки каталожных карточек составлял главную гордость и одновременно заморочку отдела комплектования. Прежде чем тиражировать одну карточку, надо было отбить на пишущей машинке без лентги прямо на восковку библиографическое описание. Затем валик на ротаторе мазали специальной краской, накладывали на валик восковку и... выпускали 25 печатных карточек, как раз столько библиотек-филиалов числилось в 1982 году в Нижневартовской ЦБС.

Оценить по достоинству счетную машинку — калькулятор с большими клавишами — пришлось при подготовке моего первого отчета. Методичес-

кий отдел представлял собой в это время район стихийного бедствия. Сюда стекались сводки городских, сельских, профсоюзных и школьных библиотек. Методисты лихорадочно клацали на счетах, сбиваясь и пересчитывая, и когда подходила твоя очередь на счетную машинку — это было спасение!

Моей задачей было сведение текстовых отчетов по работе с детьми. Изучив предыдущие творения, поняла одно — отчет должен быть очень толстым. Сроки сжатые. Ситуация еще осложнялась и тем, что приходилось писать сначала от руки, а потом печатать, т.к. единственная пишущая машинка была у секретаря. Острота испытываемых мною ощущений была сравнима с первой сессией в институте. От большой нагрузки на глаза начался жуткий конъюнктивит. Так я и отправила в округ свой первый профессиональный отчет в крайнем измождении и с пиратской повязкой на лице.

Централизация приносила свои плоды. Она давала возможность, например, проводить крупные библиотечные акции. Чтобы заявить о себе, подняв в глазах школьной общественности авторитет детского библиотекаря, мы задумали провести солидное мероприятие в нескольких школах города. Тема была выбрана актуальная для социализма — жизнь и деятельность В.И. Ленина. Название мощное и яркое — «Жизнь, не подвластная времени». Форма емкая — час библиографии. К подготовке и проведению были привлечены лучшие силы детских библиотек.

Говоря сегодняшним языком, организовали отличную рекламную кампанию. Так что нас встречали в актовом зале, до предела заполненном школьниками. Городской отдел народного образования отметил высокий уровень библиотечного мероприятия и большой массовый охват. Для нас же главным результатом было самоутверждение.

Нам под силу была теперь организация книжных праздников даже городского масштаба. Стало традицией открывать весенние кашкикулы слетом юных книголюбков, посвященным Неделе детской книги. Горком комсомола выделял для этого самый большой по тем временам городской дворец культуры «Октябрь».

Нас, библиотекарей, переполняла гордость, когда шли на праздник в парадной форме, с горнами, флагами отряды лучших книголюбков со всех школ города. Зал, в котором не было свободных мест, взрывался аплодисментами, когда вручали грамоты и подарки лучшим книголюбкам.

В фойе каждая детская библиотека представляла свою развернутую выставку. Книжные магазины устраивали торговлю, а работники дворца помогали библиотекарям проводить театрализованные викторины по книгам.

Первая командировка

Территория Нижневартовского района меня просто потрясла — на ней запросто могли уместиться несколько европейских государств. Все библиотеки района были закреплены за специалистами центральной библиотеки с целью оказания методической помощи. Мне досталась самая дальняя — в поселке Корлики, за которым начинался уже Крайний Север. Долететь до Корликов удалось лишь с третьей попытки. Каждый раз мешал боковой ветер, и Ан-2 приземлялся в поселке Ларьяк, где приходилось коротать ночь на местном аэровокзале — деревянной избе с лавками, а наутро возвращаться в Нижневартовск. Когда же наконец самолет долетел до назначенного пункта, я поняла, к чему так стремилась моя романтически настроенная душа.

Бескрайний белый простор. Огромное небо — в городе такого не увидишь. Бегущие к самолету ханты — они в самом деле, как дети, и радуются так же. Почтение и внимание, которое было оказано мне, такому маленькому начальнику и совсем еще девочке, тогда поразило больше всего. Неожиданностью для меня стала и местная библиотека. Просторная, многие городские филиалы могли позавидовать таким площадям; очень чистая, уютная, с большим книжным фондом. Сразу было видно, что это место притяжения всех поселян. А библиотекарь здесь наряду с учителем был самым уважаемым человеком. Поскольку библиотекарь проводила большую работу с учащимися школы-интерната, меня пригласили и туда. Дети ханты оказались мне очень непосредственными, умными и воспитанными. Широко улыбаясь, они читали мне стихи. Вечером была в гостях в хантыйском жилище. Пила душистый травяной чай, качала в берестяной люльке тугоспеленутого малыша и слушала тихую, напевную речь хозяев. Мне явился тогда совсем иной мир: открытый, несуетный, чистый. Это было самое яркое впечатление моего первого года жизни в Нижневартовске.

Место действия — поселок Радужный

Восьмидесятые годы были временем стремительного развития библиотечного дела в городе Нижневартовске и районе. В 1984 г. Нижневартовскую библиотечную систему возглавила Валентина Ивановна Калашникова, человек очень деятельный, напористый. Почти каждый год тогда открывалась новая библиотека.

К восьмьдесят четвертому году в связи с освоением новых нефтяных месторождений началось бурное строительство поселка Радужный. Мне было поручено курировать там открытие детской библиотеки. В поселке жили в основном нефтяники. Людей же, имеющих отношение к культуре, а тем более к библиотечному делу, днем с огнем не сыщешь. Поэтому большой удачей показалась мне тогда находка в одном из детских садов воспитателя с библиотечной профессией. Это была Сурая Магеррамовна Махмудова. Она приехала с мужем в Радужный из Баку. Жили в маленькой комнатке в детском саду, в котором Сурая работала. На предложение работать в библиотеке согласилась с радостью. Да и мне она сразу показалась очень подходящей для детской библиотеки. Большие по-детски распахнутые глаза, очень открытая, эмоциональная, добродушная.

Под библиотеку выделили две квартиры — двухкомнатную и трехкомнатную. Их надо было соединить, сделать перепланировку и оборудовать. Так как в то время специальное библиотечное оборудование найти было крайне сложно, его надо было изготавливать в местных условиях. Все это требовалось делать в темпе, т.к. первая школа уже работала, и дети очень пуждались в литературе. За работу Сурая взялась со свойственным ей южным пылом и темпераментом. О каждом своем достижении или неудаче сообщала мне в письмах. Я их храню до сих пор. Они очень трогательные, со смешными ошибками, с подробным изложением диалогов Сурай с председателем исполкома, которого она постоянно одолевала и даже иногда раздражала своей настойчивостью. «Пусть он мне не помогает. Я день и ночь буду работать, лишь бы побыстрее открывать библиотеку. И обязательно открою без его помощи». Целое письмо было посвящено ее бурной радости, когда удалось через знакомых мужа выйти на управляющего Пермьсибжилстроем, и он взялся делать для библиотеки книжные полки.

Одно из писем было очень тревожное. Сурая попала в больницу. У нее чуть не отняли ноги после сильного отморожения, когда она в очередной раз долго стояла в ожидании транспорта, чтобы добраться до строительной организации, выполняющей заказ для библиотеки. У Сурай не было теплой одежды. И осенью, и зимой помню ее в одном и том же драповом пальто с капюшоном, обмотанным длинным шерстяным шарфом. Денег не хватало, чтобы купить что-то зимнее. Большую половину заработанных денег они с мужем высылали своим родным, испытывающим большие затруднения.

В один из своих приездов в Радужный я тоже оказалась в экстремальной ситуации. Грянул сильный мороз, и половину домов разморозило, людей эвакуировали из поселка. В гостинице, в которой меня поселили, батареи едва грели. Мне выдали 5 одеял и электрический чайник. Как я вообще проснулась утром, не знаю. В морозном воздухе комнаты поднимался пар от моего дыхания, а все лицо было покрыто инеем.

После открытия детской библиотеки я перестала бывать в Радужном и о дальнейшей судьбе Сурай знала лишь понаслышке. Она родила ребенка, о котором так мечтала. Жилья не было, и семье их было позволено жить при библиотеке. Сурая уже сразу после родов помогала обслуживать читателей. А когда ребенок плакал, убегала в соседнюю комнату, чтобы его покормить. Из-за частых болезней ребенка ей все-таки потом пришлось уехать к себе на родину.

Сейчас Радужный — благоустроенный, перспективный город с интенсивно развивающейся библиотечной системой, у которой уже есть своя славная история. Мне бы очень хотелось, чтобы в нее, хотя бы скромной строкой, было вписано имя первого библиотекаря детской библиотеки — Сурай Магеррамовны Махмудовой.

Послесловие

Три года в качестве молодого специалиста пролетели стремительно и ярко. Для меня это было время утверждения в профессии, обретения друзей, влюбленности в Север. Для истории библиотек это было время становления централизации, пика интереса к книгам, чтению и библиотекам, работы на энтузиазме во имя высоких идеалов. Приближался 1986 год, а вместе с ним первые шаги перестройки. Мы оказались на пороге перемен...

Литература

1. Библиотекарь. — 1987. — № 1. — С. 12.
2. Библиотекарь. — 1986. — № 8. — С. 16.
3. Библиотекарь. — 1987. — № 3. — С. 17.
4. Ленин. знамя. — 1985. — 28 марта.
5. Ленин. правда. — 1983. — № 26.
6. Ленин. знамя. — 1987. — 31 марта.
7. Ленин. знамя. — 1984. — 19 сент.
8. Ленин. знамя. — 1986. — 11 июня.

Н. И. Деева, Л. Е. Ковалева

Ровесница города: из истории детской библиотеки № 2

Публицистическое эссе

Приступая к работе над историей Нижневартовской детской библиотеки № 2, авторы оказались перед трудноразрешимой проблемой: как вместить в заданный объем столь богатую биографию библиотеки? Пробовали и так, и этак — биография не желала вмещаться в отведенное количество страниц, и даже наоборот — распухала, обрастала подробностями, именами, датами и адресами и грозила вылиться в многотомное издание. И тогда авторы железной рукой установили прочные временные рамки, ограничившись первыми десятилетиями жизни библиотеки и города, ровесницей которого она является. Ведь именно в первые годы закладываются главные черты характера не только человека, которые ярко проявятся позже — в зрелые годы. Итак, первые десять из тридцати четырех лет жизни замечательной библиотеки.

1972 год

В городе и вокруг

В начале 70-х в поселке Нижневартовский работает три массовых библиотеки: районная (открыта в 1959 г.), городская № 1 (открыта в 1966 г. как поселковая) и детская № 1 (открыта в 1969 г.). Население поселка к 1972 году превысило 26 тыс. человек, средний возраст жителей — 26 лет. 9 марта 1972 года рабочему поселку Нижневартовский Указом Президиума Верховного Совета РСФСР присвоен статус города окружного подчинения Нижневартоск. А 17 марта этого же года исполком еще районного Совета депутатов трудящихся принимает решение об открытии районной детской библиотеки с 1 сентября 1972 года, будущей детской библиотеки № 2¹.

¹ Архивная выписка из протокола № 4 заседания исполнительного комитета Нижневартоского районного Совета депутатов трудящихся от 17.03.72 // Решение об открытии, реорганизации библиотек системы 1974–1999 гг. [папка архивных материалов] / Архив методического отдела МУ «БИС».

В это время в детской библиотеке № 2

В августе 1972 г. приступили формированию фонда новой детской библиотеки. Начинала эту работу библиотекарь Августа Григорьевна Поспелова, позднее она работала зав. библиотекой горкома партии, затем — в центральной городской библиотеке, заведующей библиотекой школы № 9. Располагалась вновь открытая библиотека на первом этаже двухэтажного жилого дома по улице Таежной, 4а; занимала двухкомнатную квартиру площадью всего 27 кв. м. Оборудование нового книжного дома состояло из двух письменных столов, трех шкафов и четырех стеллажей, а из технических средств в наличии были: пишущая машинка, фильмоскоп и проигрыватель.

Из окружной библиотеки г. Ханты-Мансийска поступило три с половиной тысячи книг, с которых и начался фонд детской библиотеки № 2. Остальную часть фонда приобретали в книжных магазинах страны, куда были разосланы многочисленные заявки. И к 15 декабря 1972 г., когда библиотека была готова распахнуть свои двери для юных читателей, в ее фонде насчитывалось уже четыре тысячи четыреста сорок четыре книги, почти половина из которых (2000 экз.) предназначалась дошкольникам и младшим школьникам.

Первые работники библиотеки: Лидия Михайловна Иванова — заведующая, и Татьяна Михайловна Головина — библиотекарь.

Самые первые читатели детской библиотеки № 2 — Ира Лебедева и Саша Синицын. К 1 апреля 1973 года в библиотеке было уже 805 читателей.

1973 год

В городе и вокруг

На экраны страны вышел многосерийный телефильм «Семнадцать мгновений весны», став любимым фильмом миллионов зрителей. Бригада Степана Повха на скважине № 335 добыла миллион тонн нефти. Закончилось строительство крупнейшего в мире нефтепровода Самотлор—Тюмень—Альметьевск. В Нижневартовске идет активное строительство: сооружено 39 пятиэтажных домов, а это 1488 квартир, начато строительство первого девятиэтажного дома. Открылась городская библиотека № 2 (будущая центральная библиотека). За год в молодом городе родилось 1197 детей — будущих читателей!

В это время в детской библиотеке № 2

В библиотеке произошли первые кадровые изменения: заведующей стала Светлана Николаевна Курочкина, а библиотекарем — Жанна Алек-

сандровна Затлукал. Жанна Александровна — педагог по профессии и по призванию тоже. Она чудесно проводила мероприятия и так интересно могла рассказать о любой книге, что после проведенных ею обзоров книжки буквально расхватывались читателями!

На комплектование фонда выделено 1400 рублей. Библиотека обратилась в республиканские библиотеки с просьбой выслать научно-познавательную литературу. Откликнулась Государственная Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, выслав 400 экземпляров книг. Помогали в комплектовании фонда окружная и областная детские библиотеки. В общей сложности за 1973 год поступило около шести тысяч книг.

В плане работы библиотеки на 1973 год звучало следующее:

1. Привлечь как можно большее число учащихся и дошкольников к систематическому чтению в библиотеках. Для этого установить связь со школами микрорайона и детскими садами.

2. Руководить чтением детей. Помочь им в освоении школьных программ.

3. Воспитывать в детях коммунистическую убежденность, желание знать о делах взрослых. Посредством бесед и обзоров, наглядной пропаганды дать первые сведения об экономике, пятилетних планах, технической революции.

4. Привить любовь к природе, к краю.

5. Особое внимание уделить комплектованию фонда.

В то время школы города были перегружены. В одноэтажном деревянном здании школы № 3 дети учились в две, а в двухэтажном кирпичном здании школы № 5 — в три смены. В типовых школах № 2, 4 также занятия шли в две смены. Помощь школьникам в освоении школьных программ всегда была для библиотеки одной из главных задач. Постоянная книжная выставка «За страницами ваших учебников», картотека «В помощь школьным программам» пользовались популярностью у юных читателей. В сентябре—октябре месяце обязательно библиотекари проводили массовые мероприятия в помощь школьной программе в близлежащих школах № 2, 3, 5: «В помощь истории», «В помощь биологии», «В помощь литературе». Для информирования старшеклассников активно использовались возможности телевидения и газеты. «...мы стараемся заинтересовать ребят книгами, которые помогут освоить предметы школьных (трудных школьных) программ. Результаты очень отрядны. После того как Ж.А. Затлукал сделала обзор книг по истории для седьмых классов, мы только и слышим: «Люблю книги по истории». Обзор был проведен в сентябре. Но до сих пор не утихает, а возрастает интерес ребят к книгам по истории. Они

группами записываются в библиотеку... В помощь школе проводится сейчас смотр «Без книги нет знаний». Этот смотр призван соединить «две великие державы» — учение и чтение. Созданы библиотечные посты в каждом пионерском отряде, выпущены «уголки читателя». ...У нас в библиотеке оформлен стенд «Связным пионерских отрядов» (для библиотечных постов в пионерских отрядах). На стенде — списки новых книг, картотека в помощь школьным предметам, планы чтения... На стенде есть кармашек «О славных делах своего отряда расскажи другим». Ребята опускают в него заметки, где рассказывают, какие интересные дела проводятся в их отряде. ...Лида Зуева — связная из школы № 5 — поделилась со сверстниками тем, как они обсудили книгу А.П. Гайдара «Школа»... Библиотеки города организуют занятия со связными, где дают им навыки по культуре чтения...»². Для того чтобы привлечь в библиотеку как можно больше детей, библиотекари обратили внимание и на родителей: выступали по местному телевидению с обзором книг для младших школьников и их родителей, на общем родительском собрании школы № 5, проходившем в клубе «Юбилейный», с докладом «Роль родителей в детском чтении», провели анкетирование среди родителей. Все это принесло ощутимый результат: к концу 1973 года читателей в библиотеке было уже 1361 человек.

1974 год

В городе и вокруг

Центральный Комитет КПСС принял постановление «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе», в котором было поставлена задача централизации государственных массовых библиотек³. В Ленинграде состоялся дебют никому еще неизвестной группы «Аквариум». Нижневартовское управление буровых работ № 1 досрочно выполнило пятилетний план, с чем буровиков поздравил генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев, 20 рабочих и служащих УБР-1 награждены орденами и медалями СССР. На Самотлоре добывается 100 тысяч тонн нефти в сутки. Вступил в строй газоперерабатывающий завод № 1. В городе на улице Пионерской уложен первый асфальт. Открылся городской народный краеведческий музей, больничный комплекс, средняя школа № 7, детская библиотека № 3 и городская библиотека № 3.

² Курочкина, С. Без книги нет знаний // Ленинское знамя. 1973. 4 дек. С. 4.

³ Руководящие материалы по библиотечному делу. М.: Книжная палата, 1988. С. 25.

В это время в детской библиотеке № 2

«Всегда бывает многолюдно в детской городской библиотеке № 2. Недавно здесь проходила Неделя юного антифашиста, был оформлен специальный стенд «Там, где идет борьба». Многие нижевартовские школьники с интересом читали такие книжки, как «Вера Хоружая» Новикова, «Гаврош» Гюго, «По следам поэта-героя» Мустафина и другие.

Сейчас библиотека готовится к читательской конференции по книгам А.П. Гайдара. Активное участие примут в ней учащиеся средней школы № 5», — сообщает газета «Ленинское знамя»⁴. Со дня открытия в детской библиотеке № 2 сложился замечательный читательский актив. Ребята участвовали в библиотечных мероприятиях, проводили обзоры в своих классах, ремонтировали книги, писали напоминания задолженникам. Были и такие творческие личности, которые писали стихи. Например, ученица четвертого класса Юлия Сергунина написала стихотворение «Нефть Самотлора» и отправила его в журнал «Пионер». Стихотворение Юли было опубликовано в самом популярном детском журнале. В архиве библиотеки более тридцати лет бережно хранится вырезка с первыми Юлиными стихами.

В практику библиотеки вошли библиотечные уроки. Самые первые библиотечные уроки проходили в школе № 2 (зав. школьной библиотекой Н.И. Саламатова). Позднее, по решению исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся⁵, библиотечные уроки стали включаться в школьное расписание всех школ.

Нижевартовск тех лет состоял в значительной степени из многочисленных жилых поселков, люди жили в вагончиках и балках на территории предприятий и автобаз. Многих детей в школы привозили из таких жилых поселков. Поэтому очень неспросто было порой добиться, чтобы дети вовремя возвращали книги. За каждым работником библиотеки были закреплены определенные улицы, и библиотекарь следил за своевременным возвратом книг читателей, проживающих на этих улицах. Практиковались регулярные подворные обходы задолженников.

⁴ Книжкин дом // Ленинское знамя. 1974. 12 февр. С. 3.

⁵ О ходе выполнения Постановления ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе»: Решение исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся № 27 от 04.02.1976 : архивная копия // Решения об открытии, реорганизации библиотек системы 1974–1999 гг. [нака архивных материалов] / Архив методического отдела МУ «БИС».

Забываясь об эффективном использовании фонда, библиотекарь на своем рабочем месте всегда имел план выдачи на день и стопочку книг, которые он подбирал из разных отделов фонда, чтобы порекомендовать читателю. Была неплохо поставлена индивидуальная и групповая информационная работа. На часто спрашиваемые книги велась предварительная запись. Хорошо выручал межбиблиотечный абонемент: старые отчеты сообщают, что в 1974 г. из других библиотек было взято 20 экз., а выдано — 30. Недостаток фонда старались компенсировать статьями из газет и журналов. Так появились папки газетно-журнальных статей, которые до сих пор активно используются в работе библиотеки. Тогда же начали создавать краеведческие картотеки. То, что печаталось в прессе о Самоглоре, томенской нефти, о городе, описывалось самым подробным образом. Так постепенно сформировался богатейший справочный аппарат, гордость детской библиотеки № 2, который и сейчас является незаменимым помощником при поиске ответов на запросы читателей всего города.

«...за большую кропотливую работу с детьми, приобщение их к книге грамотами отдела культуры и горкома ВЛКСМ награждены детские библиотекари: К.Н. Балина, Н.С. Прозорова, С.Н. Курочкина, В.В. Потешкина»⁶, — писала городская газета.

1975 год

В городе и вокруг

Последний год X пятилетки. Советский космический корабль «Союз-19» встретился на орбите с американским космическим кораблем «Аполлон». Физику Андрею Дмитриевичу Сахарову присуждена Нобелевская премия мира. Нефтяники Самоглора 3 октября отрапортовали о добыче двухсотмиллионной тонны нефти. В полотно железной дороги Нижневартовск—Сургут уложены первые 4000 кубометров грунта. Построен первый в городе десятиэтажный дом. Стартовал первый фестиваль «Самоглорские ночи». Открыт городской парк культуры и отдыха. Создано производственно-объединение «Сибнефтегазпереработка», которое впоследствии окажет неоценимую помощь детской библиотеке № 2. Открылись средние школы № 8 и 9. Передовица газеты «Ленинское знамя», говоря о проблемах сельских библиотек, призывает библиотекарей как можно быстрее завершить централизацию⁷.

⁶ Соколова, Н. Без книги нет знаний // Ленинское знамя. 1974. 2 апр. С. 3.

⁷ Сельская библиотека: передовая статья // Ленинское знамя. 1975. 4 нояб. С. 1.

Т.А. Азеева

Слабослышащие и глухие дети в детской библиотеке Опыт работы детской библиотеки

№ 2 «Журавушка» г. Нижневартовска

Проблемами слабослышащих детей и детей, полностью лишенных слуха, занимаются многие учреждения: органы соцзащиты, службы семьи, специализированные школы, психологические службы. Но в одиночку они не могут разрешить всех проблем, которые постепенно накапливаются. Детям, полностью или частично лишенным слуха, трудно адаптироваться в обычной жизни, они нуждаются в помощи не только врачей и родителей, но и всего общества в целом.

Особую роль в развитии слабослышащих и глухих детей играет чтение. Именно оно активно способствует социализации детей: о многом в окружающем мире слабослышащий и глухой ребенок может узнать исключительно из книг. Поэтому так велика роль детской библиотеки в обслуживании этой категории юных читателей. Разумеется, в специализированных школах существуют библиотеки, которые учитывают специфику своих пользователей, располагая соответствующими фондами. Однако именно общедоступная библиотека способна разрушить барьеры, отделяющие детей с нарушениями слуха от обычных сверстников, преодолеть социальную изоляцию, способствовать адаптации детей в обычной среде. Для них важно сознавать, что они могут общаться со слышащими детьми на равных, важно преодолеть желание самоизоляции, убедиться в собственном творческом потенциале, полнее узнать окружающий мир. Однако часто ли дети с нарушениями слуха обращаются в обычную библиотеку? Что реально может сделать для них публичная библиотека?

В Нижневартовске довольно долгое время читатели с нарушениями слуха находились вне поля зрения муниципальных библиотек. До того момента, когда в 1996 году в зоне обслуживания детской библиотеки № 2 (заведующая заслуженный работник культуры РФ Н.И. Деева) открылась специальная общеобразовательная школа № 37 для глухих и слабослышащих детей, ныне носящая название «Специальная коррекционная

общеобразовательная школа 1, 2 вида». И вот уже в течение десяти лет детская библиотека № 2 ведет систематическую целенаправленную работу с детьми, имеющими нарушения слуха, по их социокультурной адаптации. А в 2001 году библиотека включилась в проект «Сервисная служба «Милосердие», который объединяет библиотеки МУ «Библиотечно-информационная система» г. Нижневартовска, осуществляющие библиотечное обслуживание взрослых и детей с ограничениями в жизнедеятельности.

Непросто было библиотекарям освоить способы общения с новыми читателями. Приходилось вникать в проблемы, выходящие за рамки привычных профессиональных возможностей. Мешали незнание азов сурдопедагогики, необходимость преодолеть психологический барьер. Необходимо было приобрести специальные знания общей теории работы с данной категорией детей, практические методики ее применения в работе с книгой. Однако огромное желание подарить детям радость общения с книгой и сверстниками помогло библиотекарям преодолеть трудности.

За десять лет работы в этом направлении были разработаны собственные методики адаптации детей с нарушениями слуха, сформирован значительный фонд материалов по проблемам слабослышащих и глухих детей, создана соответствующая материально-техническая база, включая компьютеры. Все это, а также специфическое комплектование фондов, систематическая, профессиональная учеба сотрудников, участие в семинарах по проблемам реабилитации детей с ограниченными возможностями, позволили создать систему обслуживания слабослышащих и глухих детей в детской библиотеке.

Знакомство детей с библиотекой происходит по определенной программе, начиная с первого года обучения в специализированной школе. Впервые, как правило, они приходят в библиотеку с преподавателем, пребывание в библиотеке длится не очень долго, таким образом, чтобы дети не почувствовали утомления и перенасыщения информацией от первой встречи с незнакомой средой. Постепенно время пребывания в библиотеке увеличивается, меняется характер мероприятий — они понемногу усложняются, увеличивается количество информации, сообщаемой ребятам. И, что самое главное, к концу учебного года дети привыкают приходить в библиотеку самостоятельно, без помощи педагога, умеют общаться с библиотекарями и сверстниками без сурдопереводчика.

Сотрудники детской библиотеки № 2 с самого начала ставили перед собой задачу создать оптимальные условия для мягкой социальной адаптации неслышащих детей в среде их слышащих сверстников, способство-

вать развитию личности каждого ребенка с нарушениями слуха. Особое внимание уделялось разработке индивидуального подхода к ребенку, учитывая его психофизические особенности, состояние здоровья, уровень восприятия информации. В этом помогла специальная система отметок на формулярах о состоянии слуха и речи, разработанная библиотекарями детской библиотеки.

При использовании групповых форм работы наряду с психологическими особенностями читателей библиотекарями обязательно учитывается доступность материала, адекватность предлагаемой информации, речевые и возрастные особенности группы.

Мероприятия первого года посещения библиотеки носят преимущественно развлекательный характер и включают в себя элементы игры. Программы составляются таким образом, чтобы дети, готовясь к предстоящей встрече с библиотекой, выполнили определенные задания: прочитали или сделали рисунок по заданной теме. Как показывает практика, игра, как одна из форм работы с этой категорией читателей, — очень результативна для расширения речевой практики и понимания значений слов. Играя, дети лучше запоминают, строят фразы, сочетают слова в группы. Каждый ребенок становится участником мероприятия.

Наиболее эффективной и опробованной на практике десятки раз признана такая форма работы, как «Часы общения». Тематика «Часов» различна. К примеру, для проведения и закрепления только одной темы «Библиотека», дающей ребятам представление о простом, казалось бы, понятии, требуется провести до десяти занятий: ознакомительная экскурсия, процедура записи в библиотеку, настольная дидактическая игра с использованием табличек со словами, предложениями, значениями, объяснениями, иллюстрированных картинок по теме. Дидактические настольные игры составляются по принципу подбора узконаправленных тем: таких как «Предметы библиотечного интерьера», «Библиотечная мебель», «Профессия — библиотекарь» и т.д. Использование сюжетных иллюстраций позволяет детям «читать» картинки для понимания того, о чем идет беседа. Особенно действенна эта форма в работе с дошкольниками и учащимися начальных классов, в силу их ограниченного слухового восприятия.

Очень важно использовать в ходе мероприятия письменные заготовки в виде речевых табличек, состоящих из отдельных слов, предложений, коротких текстов. Это учит детей самостоятельно давать ответы на вопросы библиотекаря, пользуясь информацией с табличек, необходи-

мых для продолжения разговора. В свою очередь вопросы со стороны библиотекаря должны быть лаконичными, четко произносимыми.

Обсуждение прочитанного — еще одна форма работы, часто применяемая в детской библиотеке № 2. В основе успеха при использовании этой формы работы лежит активное использование речевого материала и сюжетных картинок. Не секрет, что восприятие содержания текста слабослышащими и глухими детьми затруднено из-за их слабого словарного запаса. Картинки усиливают образное видение целого, дают возможность ребенку понять взаимосвязь смысловых частей, наглядно представить структуру обсуждаемого рассказа, и главное — способствуют активизации и обогащению словаря неслышащего читателя, вызывают у него потребность использовать слова из активного словарного запаса и включать новые, ранее неизвестные, но необходимые в данном контексте. Благодаря картинкам дети быстрее определяют действующих лиц произведения, место действия, взаимоотношения героев, быстрее и правильнее отвечают на вопросы по содержанию текста.

Процесс подготовки для любого занятия должен осуществляться по единому принципу: выбор книги (сказки, рассказа), составление адаптированного текста, выборка ключевых слов, оформление сопроводительных речевых табличек, подбор иллюстраций.

Мероприятия для детей, полностью или частично лишенных слуха, непременно должны быть максимально зрелищными. Например, таким, как театрализованное представление «Герои детских книг у нас в гостях», прошедшее в рамках Недели детской и юношеской книги. Очень важно, что в подготовке праздника принимали участие слышащие ребята — активные читатели библиотеки. Они исполняли роли героев детских книг Незнайки, Буратино, Айболита и других персонажей. Такое творческое общение создаст благоприятные условия для вхождения слабослышащих и глухих детей в среду своих сверстников. С другой стороны, слышащие ребята учатся преодолевать психологические барьеры в общении с «особыми» детьми.

Удачным в плане зрелищности и наглядности можно назвать литературный час «Басни И. Крылова». Библиотекари специально разработали адаптированный кроссворд, который в увеличенном формате был размещен на стенде. С каким удовольствием и азартом вписывали ребята буквы и слова в ячейки!

С целью формирования навыков культуры поведения в общественных местах подготовлен цикл занятий в «Школе вежливости». Здесь

очень важно подготовить речевой и раздаточный материал с сюжетными картинками, содержащими положительные и отрицательные примеры.

Проведение мероприятий, в которых участвуют слышащие дети и дети с ограничениями в жизнедеятельности, требует серьезной подготовительной работы. Очень важно психологически правильно настроить обычных детей к общению с детьми с нарушенным слухом. Не менее важно подобрать интересные для детей виды совместной деятельности таким образом, чтобы все дети могли принять в нем посильное участие, продумать методику проведения. Слабослышащих детей необходимо заранее подготовить к восприятию материала, с которым они столкнутся в ходе мероприятия: содержанием инсценировок, которые им предстоит увидеть, заданиями викторины, правилами дидактических и сюжетно-ролевых игр. Благодаря такой подготовке у слабослышащих и глухих детей появляется возможность «на равных» общаться со сверстниками. При проведении крупных мероприятий с большим количеством разнообразной информации необходимо прибегать к помощи сопровождающих сурдопедагогов.

Поиск новых форм продолжается. Сотрудники библиотеки планируют создать «Пальчиковый театр», в котором в качестве актеров могли бы выступать ребята с нарушениями слуха. Однако детская библиотека № 2 не только досуговый и развивающий центр для слабослышащих и глухих детей, но также и информационный образовательный центр.

Учитывая направление работы, ведется целенаправленное комплектование фонда литературой, особенно полезной для детей с речевым и слуховым недоразвитием: яркими в оформлении и необычными по формату книгами-ширмами, книгами-раздвижками, комиксами со множеством ярких, выразительных иллюстраций, которые помогают расширять кругозор об окружающем мире, закрепляют навыки словесной речи.

Успешная деятельность библиотеки по социальной адаптации неслышащих детей зависит в первую очередь от личных и профессиональных качеств персонала, психологической готовности и умения общаться с этой категорией читателей. Заведующая детской библиотеки № 2 Нина Ивановна Дсева и библиотекарь Зоя Николаевна Петрова за десять лет общения со слабослышащими и глухими детьми не только освоили язык жестов, но и научились чувствовать детей, улавливать их эмоциональное состояние.

На базе библиотеки в сентябре 2004 года проводилось занятие регионального семинара «Библиотека без границ: организация работы по информационной и психологической адаптации лиц с ограничениями в жизнедеятельности», одна из секций которого была посвящена пробле-

мам слабослышащих и глухих детей. Представленная на семинаре собственная методика работы со слабослышащими детьми вызвала большой интерес и поддержку среди коллег-библиотекарей.

Для дальнейшего повышения эффективности работы библиотеки со слабослышащими и глухими детьми сотрудники библиотеки провели анкетирование среди педагогического состава специализированной школы. Анализ анкет показал, что специалисты школы высоко оценивают работу, которую осуществляет детская библиотека № 2 по интеграции детей с проблемами слуха в общество слышащих людей. Возможность активного использования детьми познавательных-развлекательных ресурсов библиотеки способствует расширению их кругозора.

В 2005 г. библиотеку посетили 86 детей с нарушениями слуха, им было выдано 908 книг. При этом 26 ребятшек выбирают книги для домашнего чтения без помощи библиотекаря. За год таким самостоятельным читателям была выдана на дом 331 книга.

Но гораздо важнее сухой статистики и социологических данных теплые слова, оставленные специалистами школы в «Книге отзывов» в адрес сотрудников библиотеки. «Добрые, ласковые, проникшиеся пониманием к детям. Организуемые библиотекарями мероприятия отвечают всем требованиям методики работы со слабослышащими детьми. С большой радостью наши дети воспринимают известие о посещении библиотеки».

Подводя итоги, можно с уверенностью сказать, что роль детской библиотеки в организации досуга и комфортного обслуживания слабослышащих детей и детей, полностью лишенных слуха, достаточно велика. Именно детская библиотека может и должна помочь обществу принять и понять этих детей и стать важнейшим звеном в социальной интеграции. То, что проблема эта по-прежнему актуальна, подтверждают цифры: количество слабослышащих и глухих детей в Нижневартовске растет. Если в 1996 году в школе обучалось около 70 детей с нарушениями слуха, то сегодня эта цифра достигла почти ста человек. Открыты специальные группы для дошкольников, которые посещают 30 детей.

Сегодня кажется, что самое трудное уже позади. Многие идеи претворились в дела. Дела, в свою очередь, во многом преобразили жизнь слабослышащих детей. Дела имеют сторонников, которые готовы их продолжать, а идеи — последователей, которые готовы их развивать. Однако нельзя не заметить, что с позиций достигнутого за эти десять лет мы сегодня еще яснее, чем раньше, представляем, за какую сложнейшую проблему мы взялись и насколько мы еще далеки от ее решения.

Авторы

Агеева Татьяна Анатольевна, главный библиотekarь научно-методического отдела Нижневартовской МУ «БИС»

Алексеева Любовь Васильевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартовского государственного гуманитарного университета (НГГУ)

Анкушева Ксения Александровна, старший научный сотрудник Тюменского областного краеведческого музея им. И.Я. Слобцова

Бабушкина Светлана Леонидовна, кандидат исторических наук, документовед Нижневартовского профессионального колледжа

Баракова Ольга Витальевна, доктор педагогических наук, профессор НГГУ

Величко Наталья Ивановна, ст. научный сотрудник этнографического музея «Торум Маа» (г. Хангы-Мансийск)

Даутбеков Амирсит Бекмурзаевич, преподаватель-организатор ОБЖ МОСШ № 13 (г. Нижневартовск)

Деева Нина Ивановна, заведующая детской библиотекой № 2 МУ «БИС» (г. Нижневартовск)

Захарова Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, доцент НГГУ

Иванов Вячеслав Борисович, кандидат педагогических наук, доцент НГГУ

Ищенко Оксана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент филиала Уральской академии государственной службы (г. Лангепас)

Ковалева Людмила Евгеньевна, заместитель директора Нижневартовской МУ «БИС»

Ковальчук Ярослав Петрович, преподаватель Тюменского государственного нефтегазового университета

Колобова Берта Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент факультета естественных и технических наук НГГУ

Коркин Сергей Евгеньевич, кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры ГибЖ НГГУ

Коркина Елена Александровна, ст. преподаватель естественных и точных наук НГТУ

Кошкарева Альбина Михайловна, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка НГТУ

Кружников Валерий Михайлович, профессор, доктор исторических наук ТюмГУ

Курышев Игорь Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Ишимского государственного педагогического института

Лугченко Евгений Аркадьевич, студент 4 курса ФЕиТН НГТУ

Мазин Владимир Алексеевич, кандидат культурологии, доцент НГТУ, член Союза писателей России

Мандрика Юрий Лукич, кандидат филологических наук, зав. РИЦ, доцент кафедры библиотечных технологий ТГИИК. Заслуженный работник культуры РФ

Митрофанов Виктор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Западно-Сибирского института финансов и права

Митрофанова Дарья, ученица МОСШ № 42 (г. Нижневартовск)

Мошкин Виктор Викторович, аспирант кафедры истории России НГТУ

Панарин Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент ТюмГУ

Полищук Сергей Тимофеевич, преподаватель Южно-Уральского государственного университета

Прус Анна Игоревна, аспирантка кафедры экологии НГТУ

Рянский Феликс Николаевич, доктор географических наук, профессор, зав. кафедрой ГиБЖ НГТУ

Средовских Борне Анатольевич, старший преподаватель кафедры ГиБЖ НГТУ

Скульмовская Любовь Григорьевна, доктор соц. наук, доцент, заведующая кафедрой культурологии НГТУ

Смирнов Николай Павлович, член Союза писателей России

Сокова Зоя Николаевна, профессор, доктор исторических наук ТюмГУ

Солодкин Яков Григорьевич, профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России НГТУ

Сорокина Светлана Николаевна, аспирантка кафедры русского языка НГТУ

Стеколыщикова Надежда Александровна, студентка IV курса отделения истории гуманитарного факультета НГТУ

Телегина Лариса Леопидовна, учитель русского языка и литературы МОСШ № 8 (г. Нижневартовск)

Цысь Валерий Валентинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России НГТУ

Шаймарданова Людмила Анатольевна, заведующая Центральной детской библиотекой Нижневартовской МУ «БИС»

Яковлева Анастасия Михайловна, доцент кафедры романо-германской филологии, кандидат исторических наук НГТУ

Оглавление

Историография

<i>А.М. Яковлев</i> , <i>А.А. Дмитриев</i> и <i>С.А. Адриапов</i> : полемика о «сибирском вопросе»	4
<i>В.В. Митрофанов</i> . О связях <i>С.В. Бахрушина</i> с исследователями истории Сибири	11
<i>Н.И. Величко</i> , <i>З.П. Соколова</i> как угровед	27

История

<i>А.Б. Даутбеков</i> . Сибирское ханство	38
<i>Я.Г. Солодкин</i> . Казань—Астрахань—Сибирь («Ермаково взятие» «Кучумова царства» в восприятии русских книжников XVI—XVII вв.)	50
<i>Е.А. Лутченко</i> , <i>Б.А. Колобова</i> . Из истории географических открытий севера Западной Сибири	57
<i>К.А. Анкушева</i> . Развитие торговли в городах Зауралья (вторая половина XIX — начало XX в.)	63
<i>О.В. Ищенко</i> . Из истории становления среднего специального и профессионального образования в Западной Сибири в XIX — начале XX в.	74
<i>Н.В. Захарова</i> . Об организации переселений крестьян в Сибирь в годы Столыпинской аграрной реформы	83
<i>И.В. Курьшев</i> . Образ врага на страницах повстанческой газеты «Голос Народной армии»	90
<i>Л.В. Алексеева</i> . Экономическое положение Обдорского края в первые годы после революции (1917—1921 гг.)	96
<i>В.В. Цысь</i> . Русская православная церковь на севере Западной Сибири в годы нэпа	115
<i>В.М. Кружинов</i> , <i>Э.Н. Сокова</i> . Население и городская среда Тюмени в конце 1920-х гг.	131
<i>Ю.Л. Мандрика</i> . Провинциальная частная печать: гелезис, стратегия озвещения	140

<i>В.В. Мошкин.</i> О численности спецпереселенцев в Остяко-Вогульском округе (по материалам ГАПОТО)	160
<i>Л.В. Алексеева, С.Л. Бабушкина.</i> Проблема обеспечения рабочими кадрами на первоначальном этапе освоения Западно-Сибирской нефтеносной провинции (1960-е гг.)	169
<i>С.М. Панарин.</i> Формирование материально-технической базы геологоразведочных предприятий Западной Сибири в 1960-е — середине 1970-х годов	184
<i>Б.А. Колобова.</i> Летопись юннатского движения города Нижневартовска	197
<i>Л.Л. Телегина.</i> Дни славянской письменности и культуры в столице округа	225

Документы по истории края

<i>В.В. Цысь, Н.А. Стеколыщикова.</i> Из истории организации монастырей в Сургутском уезде в начале XX в.	230
<i>Л.В. Алексеева.</i> О политическом положении в Ямальском районе (1934 г.)	232

Этнография. Социология

<i>В.А. Мазин.</i> Фольклорно-этнографическая практика как форма инкультурации (программные требования)	242
<i>А.И. Шрус.</i> Исторические аспекты правовых отношений в традиционном хозяйстве коренных малочисленных народов ХМАО	255
<i>Л.Г. Скульмовская.</i> О соотношении понятий «региональное развитие» и «региональная политика»	262

Природа. Экология

<i>Ф.Н. Рянский, Б.А. Середовских.</i> Пути коэволюции общества и природы в Среднеобском регионе и его урало-сибирских окрестностях: естественные предпосылки и общественные последствия	270
<i>В.Б. Иванов, Я.П. Ковальчук, С.Т. Полищук.</i> Многолетнее загрязнение почв, водной и воздушной сред ХМАО—Югры продуктами нефтегазодобычи и поиск мер противодействия ему	287

<i>С.Е. Коржан, Е.А. Коржани.</i> Аномальные климатические проявления на локальном уровне в пределах территории Среднего Приобья	319
--	-----

Языкознание. Топонимика

<i>О.В. Баракова.</i> Таможенные книги: лингвистикоисторический аспект	324
<i>А.М. Кошкарева.</i> Диалектологический очерк Обь-Иртышского междуречья	333
<i>С.Н. Сорокина.</i> К вопросу о формировании гидронимов Югры	355
<i>Д. Митрофанова.</i> Особенности диалектной и заимствованной лексики в хаптыйском языке	360

Литературное краеведение

<i>Н.П. Смирнов.</i> Анемия. Страницы из новой документальной книги	368
---	-----

Библиотечное дело

<i>Л.А. Шаймарданова.</i> Дневник молодого специалиста: (Нижевартовская библиотечная система в начале 80-х годов)	376
<i>Н.И. Деева, Л.Е. Ковалева.</i> Ровесница города: из истории детской библиотеки № 2	382
<i>Т.А. Агеева.</i> Слабослышащие и глухие дети в детской библиотеке: Опыт работы детской библиотеки № 2 «Журавушка» г. Нижневартовска	388

Авторы	394
--------------	-----

Западная Сибирь: история и современность

Краеведческие записки

Вып. VIII

Составитель Е.К. Компанец

Корректоры: М. Кремлева и Н. Тунова

Подписано в печать 20.12.2006 г.

Формат 60x84/16. Гарнитура «ArialCyr».

Печать офсетная. Бумага офсетная №1.

Усл.-печ. л. 23, 33. Тираж 1000. Заказ №1785.

ООО «Издательство Юрия Мандрики»

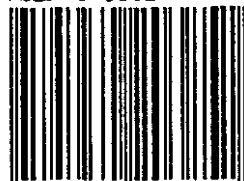
Лицензия ИД №06344 от 28.11.01 г.

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 10-2.

Тел. (345-2) 25-12-84.

e-mail: mandrika@tmm.ru

ISBN 5-93020-385-7

9 785930 203851

Отпечатано на ОАО ПК «Зауралье»
640227, г. Курган, ул. К. Маркса, 106